

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

В.А.Куманёв, И.С.Куликова

ПРОТИВОСТОЯНИЕ: КРУПСКАЯ-СТАЛИН

МОСКВА "НАУКА" 1994

ББК 63.3(2)7
К90

Рецензенты:

доктор исторических наук И.Я. КУЦЕНКО
доктор философских наук В.Б. МИРОНОВ

Куманёв В.А., Куликова И.С.

К90 **Противостояние: Крупская – Сталин. – М.: 1994. – 253 с.**
ISBN 5-02-009556-7

В мировой историографии подобной работы нет. Тема книги долгое время оставалась в СССР под запретом. Каковы были взаимоотношения двух важных фигур на политической арене? Сопrotивлялась ли Н.К. Крупская утверждению авторитарного сталинского режима? Что предпринимал "хозяин Кремля", чтобы ограничить действия вдовы Ленина? На эти и другие вопросы пытаются ответить авторы, приглашая читателей поразмышлять о прошлом....

К 0503020000-305
042(02)-94 По сети АК

ББК 63.3(2)7

ISBN 5-02-009556-7

© Куманёв В.А., Куликова И.С., 1994
© Российская Академия наук, 1994

Единственное дело историка – рассказать все так, как оно было... Тот, кто собирается писать историю, должен служить только одной истине, а на все остальное не обращать внимания.

Лукиан

ВВЕДЕНИЕ

Сейчас, на пороге нового тысячелетия, мы гораздо пристальнее всматриваемся в свою историю, в историю каждой суверенной страны, в историю человечества со всеми ее героическими и трагическими страницами. И все лучшее должны взять с собой в настоящее и будущее, от всего худшего отказаться, очиститься от скверны. Поистине все без исключения главные нынешние события так или иначе связаны с историей. Ее невозможно переделать на чей-то вкус, она состоялась. Некогда русский историк Т.Н. Грановский заметил, что "история по своему содержанию должна более других принимать в себя современные идеи. Мы не можем смотреть на прошлое иначе, как с точки зрения настоящего. В судьбе отцов мы ищем преимущественно объяснение собственной".

Понятно, что достижения, успехи вызывают совсем иные эмоции, чем переживания по поводу ошибок, просчетов, гибельных или роковых решений. Болезненную правду тоже надо знать, необходимо помнить о чести исследователя, ибо не может быть правдивого анализа, в том числе горьких событий, без наличия честности у историка. Время, переживаемое нами, на многое открыло глаза, исследователи получили доступ "к закрытой литературе" и документам, некогда хранимым за "семью печатями", в строжайшей тайне. Это позволяет лишний раз убедиться в бесконечности исторического познания, в неполноте наших представлений о прошлом. Особенно это относится к истории нашего Отечества в XX в., к ее послеоктябрьскому развитию в первую очередь. Речь идет главным образом о политической истории, подвергавшейся на протяжении многих десятилетий вульгарно-идеологическому воздействию. Сегодня появилось много желающих из числа непрофессиональных историков переписать ее полностью на свой лад. Между тем единственная цель историка во все времена состояла в глубоком осмыслении и переосмыслении минувшего на основе более полных и достоверных источников, новых подходов и ракурсов изучения, более современных методов исследования, неудержимо стремясь при этом только к одному – к истине...

Основное внимание в нашей книге сосредоточено на взаимоотношениях Н.К. Крупской и И.В. Сталина – запретная до недавних пор зона для исторического освещения. Их общение, особенно в конце 30-х годов, было не таким уж частым, а встречи – не столь продолжитель-

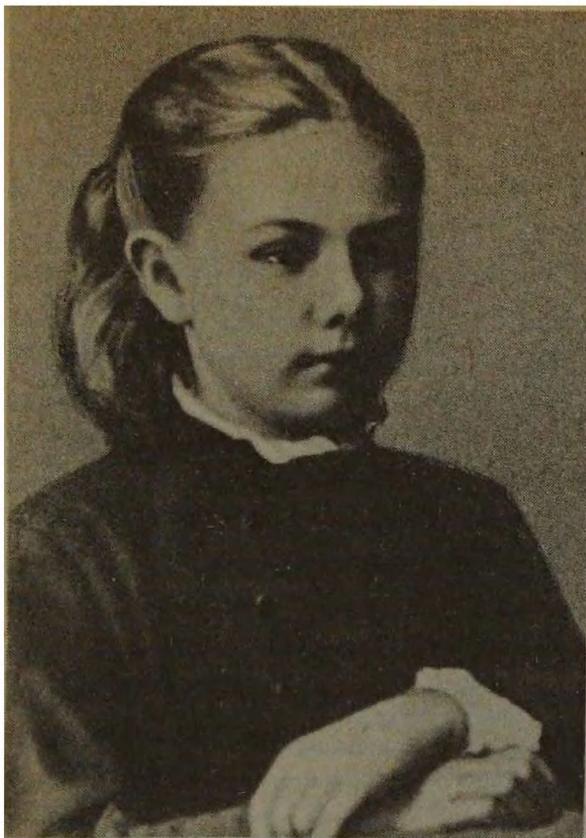
ными, но фигура "вождя и учителя", незримо присутствуя за кадром, постоянно определяла события, свидетельницей и участницей которых являлась Надежда Константиновна. В рассматриваемые годы, по мере ужесточения режима единовластия в СССР, из политической истории страны изымалось немало неугодных диктатору фактов и вносилось множество корректив, интерпретаций, грубо искажающих истину. Из биографии Крупской тоже была удалена масса правдивых страниц и вписан туда большой набор фальшивых строк. В основном это касалось ее взаимоотношений и общения со Сталиным, а также с такими "нежелательными знакомыми", как Л. Троцкий, Н. Бухарин, Л. Каменев, Г. Зиновьев, А. Рыков, О. Пятницкий, М. Рютин, М. Орахелашвили и многие другие политические и государственные деятели той поры.

Если говорить о Сталине, то и для него Крупская не была случайной личностью, от которой можно легко отмахнуться, – жена, близкий друг, сподвижница Ленина, старый партиец. Она о многом знала, много тайла в себе, пользовалась высоким авторитетом среди участников революционного движения, ученых, была очень популярна в народе. Словом, занимала особое положение...

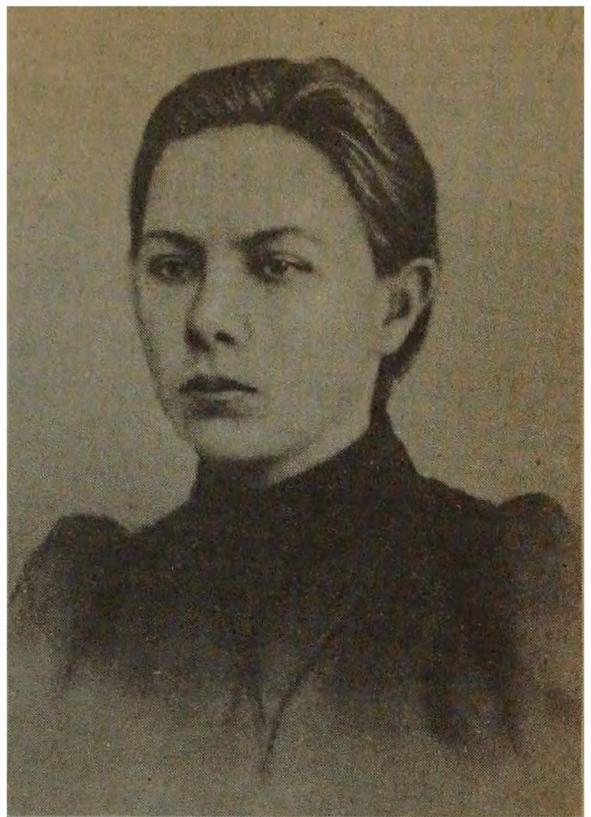
Мы встретимся с Крупской уже в зрелом возрасте, когда она стала "первой дамой", или, как сказано в одной публикации, "первой леди" Советского государства. Крупская – *дама, леди?* Нет. Не подходит к ней это. Ибо никогда она не была леди-дамой. Не поддаваясь конъюнктуре, политическим пристрастиям, авторы монографии стремились познакомить читателя с малоизвестными вехами и деталями ее жизненного пути, имеющими отношение и к Сталину. При этом, не навязывая своих взглядов, мы искренне хотели бы дать возможность всем, кто возьмет в руки нашу книгу, самостоятельно поразмышлять над прочитанным, по-новому оценить события и факты рассматриваемого периода в биографии основных действующих лиц исследования, прежде всего взгляды вдовы Ленина (на фоне сложных перипетий политической борьбы в 20–30-е годы) на проходившие перемены в стране, где активно утверждался тоталитаризм, ее отношение к генсеку и авторитарному режиму, массовым репрессиям и многое другое, сравнительно мало известное в литературе. Выявленные в ходе исследования материалы и документальные источники содержат дополнительные штрихи и к портрету "хозяина Кремля".

В процессе раскрытия темы, по существу совершенно не освещенной в отечественной научной литературе, главное место отводилось архивным документам, которые хранятся в Российском Центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ)¹, где в первую очередь первостепенную значимость представляют материалы фондов Н.К. Крупской, И.В. Сталина, М.И. Калинина, М.И. Ульяновой, М.С. Ольминского, Ем. Ярославского, Г.М. Кржижановского, В.В. Куйбышева, Г.И. Петровского, Л.З. Мехлиса, А.А. Жданова, Общества

¹ Бывший Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ).

Надя Крупская в 1877 г.

**Надежда Крупская – учительница
(90-е годы XIX в.)**

старых большевиков, Секретариата ЦК и др.; в Центральном Государственном архиве Российской Федерации, Центральном архиве Минобразования РФ, Центральном архиве КГБ, Архиве Российской Академии наук и других хранилищах. Редкие издания, затрагивающие проблему, выявлены в Славянской библиотеке при Университете города Хельсинки, Школе восточноевропейских и славянских исследований при Лондонском университете и др.

Монографические исследования и очерки о жизни и деятельности Сталина и сталинщине в контексте рассматриваемой темы издавались преимущественно за рубежом – всякие попытки в СССР хотя бы приблизиться к раскрытию реального положения, как известно, жестоко пресекались тоталитарным режимом, отбивая малейшую охоту выяснять истину. Одна из первых книг, вышедших за границей о Сталине, – очерк С. Дмитриевского "Сталин", изданный в Стокгольме и Берлине в 1931 г. Широкую известность получили крупные публикации о генсеке и его постоянном сопернике – Л. Троцком Исаака Дойчера. Затем появляются монографии и сборники статей, документов и мемуаров, вышедшие из-под пера Н. Валентинова, бывшего члена секретариата Сталина Б. Бажанова, Л. Троцкого (свое исследование "Сталин" он не успел завершить – вышли только две книги)², Б. Николаевского,

² Основным составителем и редактором вышедших в свет за последние годы произведений Л.Д. Троцкого в США является Ю.Г. Фельштинский. Под его редакцией опубликована также серия документальных материалов по истории политической жизни в СССР в 20–30-е годы.

Дж. Кеннана, А. Нуова, Ж. Гумберт-Дроза, Л. Фишера, Е. Карра, Р. Конквиста и др. В 70–80-е годы сталиниану дополнили (в том числе на русском языке) исследования Р. Такера, книги бывших работников НКВД А. Орлова и В. Кривицкого, историков Р.А. Медведева, А. Улама, Р. МакНила, С. Коэна, Р. Хинглей, Дж. Левиса и Ф. Уайтхеда, Л. Белادي и Т. Крауса, М. Бритовчека, А. Буллока, Д.А. Волкогонова, В.А. Куманева, А.И. Ваксберга, сборники статей "Вождь. Хозяин. Диктатор", "Осмыслить культ Сталина", "Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки", "Возвращенные имена", "Переписка на исторические темы. Диалог ведет читатель", воспоминания С.И. Аллилуевой, сборник документов "Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива", а также большая серия газетно-журнальных публикаций, проливающих свет на некоторые "темные пятна" в истории взаимоотношений Крупской и Сталина и политической истории 20–30-х годов в СССР³.

О Н.К. Крупской за последние годы публикаций вышло значительно меньше, чем о Сталине. В основном это воспоминания о ней и биографические сборники⁴. Основные источники для раскрытия интересующей нас проблемы – архивные документы, публикации в журнале "Известия ЦК КПСС" (выпуск журнала с осени 1991 г. прекращен) и других периодических изданиях, а также в ряде монографий, где помещены отдельные фактические данные. Значительный интерес представляют, помимо опубликованных мемуаров о ней, воспоминания (в устных беседах с ее сподвижниками и родными) О.Д. Ульяновой, А.С. Курской, А.Г. Кравченко, В.С. Дридзо, Е.Б. Зомбе, Д.Ю. Элькиной, В.А. Ульяновской, М.А. Смушковой, Д.И. Эрдэ, Н.М. Парфеновой, Л.С. Фрид и др.

³ См.: *Медведев Р.А.* К суду истории: Генезис и последствия сталинизма. Нью-Йорк, 1974; *Hingley R.* Stalin: Man and Legend. L., 1974; *Britovšek M.* Carizem. Revolucija. Stalinizem. Ljubljana, 1980. Кн. 2; *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. Нью-Йорк; Иерусалим; Париж, 1983; *McNeal R.* Stalin: Man and Ruler. L., 1988; Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988; Осмыслить культ Сталина. М., 1989; Возвращенные имена: В 2 кн. М., 1989; Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель. М., 1989; *Ulam A.* Stalin: The Man and His Era. L., 1989; *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия: Политический портрет Сталина: В 2 кн. М., 1989; *Троцкий Л.* Сталин: В 2 т. М., 1990; *Аллилуева С.* Двадцать писем к другу. М., 1990; Вождь. Хозяин. Диктатор. М., 1990; *Lewis J., Whithead Ph.* Stalin: A Time for Judgement. L., 1990; *Bullock A.* Hitler and Stalin: Parallel Lives. L., 1991; *Валентинов Н.В.* Наследники Ленина. М., 1991; *Кривицкий В.* Я был агентом Сталина, М., 1991; *Куманев В.А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991; *Такер Р.* Сталин: Путь к власти, 1879–1929: История и личность. М., 1991; Иосиф Сталин в объятиях семьи: Из личного архива. М.: 1993; *Ваксберг А.* Нераскрытые тайны. М., 1993; и др.

⁴ См.: Воспоминания о Надежде Константиновне Крупской / Под ред. А.М. Арсеньева. В.С. Дридзо, А.Г. Кравченко, М., 1966; *Дридзо В.* Надежда Константиновна. Новосибирск, 1969; Педагогические взгляды и деятельность Н.К. Крупской. М., 1969; Надежда Константиновна Крупская: Биография. М., 1978 (изд. 2-е, перераб., 1988); О Надежде Крупской: Воспоминания, очерки, статьи современников. М., 1988; *Куманев В.А.* Страницы, вырванные из биографии... // Нар. образование. 1989. № 10–11; *Куликова И.С., Куманев В.А.* "Умела вести борьбу" // Правда. 1990. 5 янв.

**Н.К. Крупская – председатель Главполитпросвета
(1920 г.)**

Особый интерес в контексте темы имеют письма Н.К. Крупской И. Сталину и его немногие записки ей (они публикуются в основном впервые). Предпринятый анализ истории ее болезни позволяет, как нам кажется, раскрыть загадку ее неожиданной смерти.

В условиях воцарения в стране административно-приказной системы творческая деятельность и государственная работа Н.К. Крупской были крайне осложнены. Требовались немалое мужество и твердость, чтобы не согнуться, продолжать отстаивать свои убеждения, трудиться на ниве просвещения и науки, осуществлять жизненные цели и политические устремления. Вместе с тем тягостная обстановка с параллельно шедшим процессом наигранного бодрчества не могли не влиять на некоторые ее действия, высказывания. Гнетущую атмосферу апофеоза культа личности недооценивать недопустимо. Особенно если учесть, что основная масса населения словно попала под мощный гипноз бурного преклонения перед "мудрым учителем и вождем" Реальную действительность со всеми ее противоречиями граждане все больше переставали замечать (или заставляли себя не задумываться о ней), а обстановку наивно-романтического ликования к тому же ловко подогривала разветвленная официальная пропаганда. Сталин жестоко обманывал тех, кто безраздельно верил ему.

Вместе с тем имели место поразительные прозрения представителей научной и художественной интеллигенции, военных и политических деятелей. И хотя таких случаев было относительно немного, главное,

что они были. Н. Крупская и М. Булгаков, М. Рютин и академик И. Павлов, Н. Бухарин и Б. Пильняк, Г. Каминский и А. Ахматова, О. Пятницкий и М. Бабанова, Л. Серебряков и М. Шолохов, П. Васильев и Вс. Мейерхольд, В. Вернадский и А. Платонов, О. Мандельштам и Ф. Раскольников... Сколько светлых имен! К ним, людям совести, чести и морали, быстрее других распознававшим грозную беду и во многом поплатившимся в разной мере за это, нельзя отнести крылатое выражение Вольтера: "Видеть несправедливость и молчать – значит самому участвовать в ней" Они не молчали.

Наше повествование о многолетнем противостоянии двух людей: один олицетворял тоталитаризм и жестокость, другая – справедливость и попранное достоинство...

КОНФЛИКТ ЛЕНИНА СО СТАЛИНЫМ И КРУПСКАЯ

I

Тяжело переживала Надежда Константиновна болезнь Ленина. Владимир Ильич уходил из жизни мучительно и долго...

Первые признаки неизлечимого недуга мужа Крупская отметила весной 1922 г.: утомляемость, бессонница, он не мог работать с той же интенсивностью, что и раньше.

XI съезд РКП(б), проходивший с 27 марта по 2 апреля 1922 г., был последним, в котором принимал участие Ленин. После съезда он участвовал также в созыве Пленума, открывшегося 3 апреля. В целях повышения авторитета Секретариата ЦК и упорядочения его деятельности на Пленуме решено было учредить новый партийный пост – Генерального секретаря, на который был назначен И.В. Сталин (предложение внес Л.Б. Каменев). Соглашаясь с кандидатурой Сталина на должность генсека, В.И. Ленин исходил прежде всего из таких его качеств, как требовательность, оперативность, организаторские способности, хотя недобрые предчувствия в отношении Иосифа Джугашвили-Сталина, по всей вероятности, у него возникали. Недаром в тесном кругу во время работы X партсъезда Владимир Ильич будто бы бросил Зиновьеву, ратовавшему за Сталина: "Сей повар будет готовить только острые блюда"¹. Да и во время назначения Сталина Генеральным секретарем В.И. Ленин, кроме того, счел нужным внести дополнение, суть которого состояла в том, чтобы у генсека был строго очерченный круг обязанностей – только сугубо партийные дела².

Таким образом, к уже имевшимся должностям – члена Политбюро и Оргбюро (на апрельском Пленуме он вновь был избран в их составы), наркома по делам национальностей и наркома РКИ к Сталину прибавилась новая – Генеральный секретарь ЦК РКП(б)³.

Пост генсека виделся многим как сугубо аппаратный и в целом казался недостаточно весомым. Однако он представлял Сталину неограниченные возможности для укрепления власти – в его руках оказались функции смещения и назначения кадров партийного и административно-управленческого аппарата среднего и высшего звена, к нему стекалась информация обо всех мало-мальски значительных событиях в

¹ См.: *Trotsky L. The Real Situation in Russia.* N.Y., 1928. P. 7.

² В частности, Сталину поручалось освободиться поскорее от поста наркома рабоче-крестьянской инспекции (в течение месяца). См.: РЦХИНДИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 78. Л. 7.

³ Хотя Сталин не вошел в число представителей от РКП в Исполком Коминтерна, и здесь его позиции не были слабыми: по решению Пленума в Исполком были выдвинуты его союзники Зиновьев и Бухарин (наряду с К. Радеком), а главный соперник – Троцкий, как и Ленин, был избран в ИККИ лишь кандидатом (см.: Там же. Л. 3).

стране. Вскоре Генеральный секретарь стал широко использовать еще один важный рычаг – подбор делегатов на партийные съезды и конференции. Масштабы и степень влияния в руках целеустремленного и хитрого политика в таких условиях становились поистине безбрежными...

После операции в апреле 1922 г. по удалению пули – результат покушения правой эсерки Ф. Каплан – через месяц у Ленина случились два кратковременных обморока, что привело к временной потере речи и нарушению двигательных функций. Надвигавшаяся опасная болезнь, перспектива полного паралича крайне встревожили его. В беседе с близкими он заметил, что это – "первый звонок" Врачи успокаивали пациента, Крупскую и других близких, заверяли, что это простое переутомление мозга и рекомендовали длительный отдых, резкое ограничение политической и деловой информации, не говоря уже о творческой деятельности.

А между тем здоровье Ильича нуждалось в серьезном лечении. Как раз в апреле врачи пришли к выводу о необходимости продолжительного отдыха и желательно в горной местности. Согласившись с ними, 9 апреля Ленин написал письмо на Кавказ Г.К. Орджоникидзе, в котором сообщил о том, что ему надо поселиться отдельно, поскольку этого требует образ жизни больного. И добавил, что он не выносит разговора даже втроем. Вот недавно были у него Каменев и Сталин. И после встречи – сразу ухудшение (остается только гадать, о чем шел разговор, если он сразу же вызвал ухудшение самочувствия главы Советского правительства!).

Узнав от Л.Б. Красина и М.И. Ульяновой о намечавшейся поездке В.И. Ленина на отдых и лечение на Кавказ, Камо (С.А. Тер-Петросян) написал Владимиру Ильичу письмо, в котором просил взять его с собой для охраны и "всякой помощи на месте" Ленин согласился и в письме Серго Орджоникидзе спросил также его мнение. Одновременно он сообщил, что ему хотелось бы знать высоту (над уровнем моря), где расположен намеченный дом для отдыха, "ибо сердце у Н.К. (Надежды Константиновны. – *Авт.*) плохо и большой высоты не вынесет"⁴.

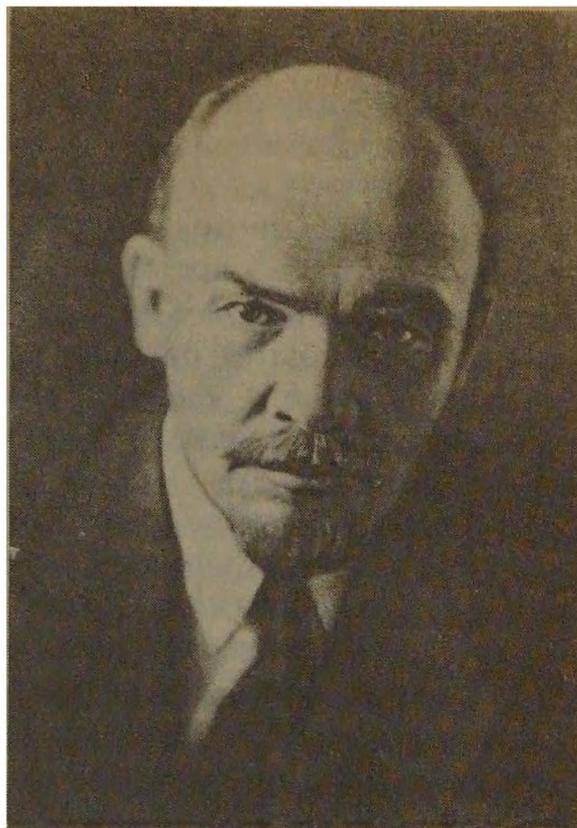
Однако обстоятельства сложились так, что намечавшуюся поездку на Кавказ пришлось отложить. Одна из причин этого, как считают многие биографы вождя (и близкие подтверждали), – растущие колебания относительно целесообразности отлучки на столь далекое расстояние (недоверия к "окраинам" у него в этом отношении было чрезвычайно много, о чем Ленин признался в письме Орджоникидзе 7 апреля). Не последнюю роль, думается, могли сыграть в отмене поездки сомнения относительно фигуры Генерального, который после Пленума стал действовать очень круто по части прибирания рычагов власти к своим рукам.

Пока, видимо, это были предчувствия, еще не переросшие в тревогу. И все же решено было остаться в Москве или рядом.

Посетившему его 11 июня 1922 г. Сталину Ленин иронически заме-

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 230–231.

тил: "Мне нельзя читать газеты, мне нельзя говорить о политике, я старательно обхожу каждый клочок бумаги, валяющийся на столе, боясь, как бы он не оказался газетой, как бы не вышло из этого нарушения дисциплины" Эти слова взяты из заметок И. Сталина, написанных по просьбе газеты "Правда" и озаглавленных "Тов. Ленин на отдыхе" Болезнь Ленина скрывалась, и заметки Генерального секретаря ЦК были, пожалуй, первым публичным упоминанием о том, что у вождя не все благополучно со здоровьем. Сообщение Сталина написано в таком бодряческом тоне – мол, нет повода для беспокойства. "Я хохочу, – продолжает он далее, – и превозношу до небес дисциплинированность тов. Ленина. Тут же смеемся над врачами, которые не могут понять, что профессиональным политикам, получившим свидание, нельзя не говорить о политике"⁵.

В.И. Ленин

В это время действительно Ленину стало лучше, он заметно поправлялся. 18 июля этот факт отмечен в письме к тому же Сталину: "Поздравьте меня: получил разрешение *на газеты!* С сегодня на старые, с воскресенья *на новые!*"⁶

Улучшается здоровье, а с ним укрепляется надежда на полное возвращение работоспособности. С жадностью набрасывается Ильич на дела, выступает, пишет, принимает решения. Скорее-скорее-скорее, чтобы сделать как можно больше!

Однако улучшение было недолгим. На самочувствие, видимо, повлияли события, связанные с демаршами Сталина, пытавшегося провести идею "автономизации" республик – объединение их через вступление в РСФСР, а также ряд других факторов, огорчивших больного. 26 сентября в письме Л. Каменеву В.И. Ленин особо останавливается на чрезвычайно важном вопросе, который сильно волновал его – об образовании СССР. Об этом накануне он беседовал с Сокольниковым, в день отправки письма – со Сталиным (беседа длилась около трех часов), а затем планировал встретиться с представителем Грузии Мдивани. "По-моему, вопрос архиважный, – подчеркивал Ленин. – Сталин немного имеет устремление торопиться. Надо Вам (Вы когда-то

⁵ Сталин И. Соч. Т. 5. С. 135.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 273.

имели намерение заняться этим и даже немного занимались) подумать хорошенько; Зиновьеву тоже"⁷

"Подумать хорошенько" и Каменев и Зиновьев едва ли собирались – оба считали Сталина вполне покладистым и имели свое мнение: всячески укреплять с ним контакты и всемерно использовать его в личных интересах, в том числе как противовес Л. Троцкому, который никак не устраивал их в роли преемника Ленина. Явно увлекшись политической интригой, они были все же мало заинтересованы в контактах с Лениным, который бы не одобрил их поведение. Их устраивало то, что у Владимира Ильича чаще всего бывал Сталин, дававший им информацию о своих поездках в Горки (многие визиты туда были по инициативе последнего)⁸.

Естественно, в ходе этих встреч с генсеком В.И. Ленин не только получал свежую информацию, высказывал свои соображения, но и постепенно стал убеждаться в том, что открываются новые черты этой весьма скрытой личности, которые укрепили сомнения в правильности сделанного выбора на апрельском Пленуме ЦК. Как-то, по воспоминаниям работника Совнаркома Якова Шатуновского, Владимир Ильич признался, что у него как политического деятеля есть весьма большой недостаток. "Я плохо разбираюсь в людях, я их не понимаю, – заметил В.И. Ленин. – Но я этот недостаток за собой знаю⁹ и стараюсь советоваться со старыми товарищами, с Надеждой Константиновной и с Марией Ильиничной"

Помолчав, Ленин добавил: "Этот же недостаток есть у Сталина, но только он этого своего недостатка не видит и ни с кем не советуется"¹⁰.

Данный разговор состоялся осенью 1922 г., когда у ряда деятелей партии и окружения Ильича наступило прозрение относительно истинного лица Генерального секретаря. И больше всех у Ленина. Болезненно враждебная реакция Сталина на критику по одним только национально-государственным проблемам не могла не настораживать. Так, в ответ на письмо Каменеву (оно было разослано членам Политбюро) уже на другой день, 27 сентября 1922 г., Сталин направил партийным

⁷ Там же. Т. 45. С. 211.

⁸ Сталин навещал Ленина в Горках 30 мая, 11 и 30 июля, 5, 9, 15, 19, 23 и 30 августа, 12, 19 и 26 сентября 1922 г.

⁹ Видимо, в первую очередь Ленин имел в виду "дело Романа Малиновского" – депутата IV Государственной думы и члена ЦК партии большевиков, который оказался провокатором царской охранки, передавшим в руки жандармерии много членов РСДРП(б). Подозрения против Малиновского были у ряда большевиков, но Ленин не верил этим мнениям и продолжал ему доверять. Предупреждал Ленина об истинном лице Р. Малиновского Н.И. Бухарин, но Ленин назвал это "клеветой", пригрозив Бухарину исключением из партии (это предупреждение было даже изложено Лениным, как рассказывал Бухарин, письменно). На вопрос, заданный Бухарину позднее Б.И. Николаевским (в 1936 г. во время их встречи в Париже), «как мог Ленин закрывать глаза на бесспорные факты, Бухарин, пожав плечами, сослался на "одержимость" Ленина, которого фракционная борьба делала слепым» (*Фельштинский Ю.Г. Разговоры с Бухариным*. М., 1993. С. 61. Приложение 5).

¹⁰ *Шатуновская Л.* Жизнь в Кремле. Нью-Йорк, 1982. С. 36–37.

лидерам свое послание, в котором расценил позицию В.И. Ленина как "национальный либерализм"¹¹.

В течение осени малейшее улучшение самочувствия В.И. Ленин использует для работы. Таких улучшений становится все меньше и меньше. 16 декабря последовал новый удар. "Вот и Владимир Ильич переработался, – писала в те дни Н.К. Крупская, – прямо надо сказать – надорвался на работе и много хворает"¹².

Положение было настолько серьезным, что становится предметом специального обсуждения на Пленуме ЦК РКП(б) 18 декабря. Тень смерти как бы коснулась присутствовавших на нем, и, хотя все ближайшие соратники Ленина говорили о его могучем здоровье и еще более – могучем интеллекте, все понимали, что с инсультом шутки плохи. После информации о ходе лечения и режиме больного принимается решение возложить на Сталина персональную ответственность за соблюдение режима, установленного врачами, изолировать Владимира Ильича как в отношении личных, так и деловых контактов.

Со всей очевидностью во весь рост вставала проблема власти – кто поведет страну по избранному пути, кто, хотя бы на время, заменит Ленина? Такого человека не было. Это понимали все. Но имелось Политбюро. В то время в состав этого высшего органа РКП(б) входили: В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, А.И. Рыков, И.В. Сталин, М.П. Томский, Л.Д. Троцкий; кандидатами в члены Политбюро являлись Н.И. Бухарин, М.И. Калинин, В.М. Молотов. Наиболее сильными и авторитетными личностями здесь были (не считая Ленина) Троцкий и Сталин. Борьба между ними за лидерство в значительной степени определяла политический фон того времени.

В этом противодействии Сталин медленно, но уверенно теснил своего главного соперника; к этому примешивалась и его давняя личная неприязнь к Троцкому.

Возложение на Сталина внешне почетной, но весьма непростой миссии по охране здоровья Ленина определялось как его положением в партии, так и личными качествами – Сталин пользовался среди окружающих репутацией человека, лишенного сентиментальности. К тому же он сумел создать о себе представление, как о работнике, для которого партийный долг превыше всего.

Были ли у Сталина какие-то личные мотивы с удовлетворением отнестись к поручению Политбюро по контролю за лечением Ленина? Думаем, что имелись. Через него отныне должна была идти вся информация к Ленину, он мог теперь контролировать и наблюдать за всеми ленинскими контактами, не допуская нежелательных. В особенности это касалось фигуры Троцкого. Исключительные полномочия, предоставленные Сталину, позволяли постепенно прибирать к рукам все рычаги власти, методично оттесняя остальных лидеров партии и государства.

Что же касалось Ленина, то искренняя забота о нем товарищей

¹¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 558.

¹² Крупская Н.К. Пед. соч. М., 1978. Т. 2. С. 220.

становилась для него настоящей трагедией. Мыслитель и политик, привыкший к бурному круговороту событий, напряженному ритму жизни, он сильно переживал свою оторванность от внешнего мира, от активного участия в делах страны. Сохраняя в целом ясность мысли, твердость духа, он мучился от сознания, что оставляет дело, являвшееся смыслом его жизни, в очень неподходящий момент. Осуществляемый курс на нэп требовал тщательной проработки и конкретизации. Ленин размышляет над необходимостью ряда перемен в политическом строе, меняется его точка зрения на социализм. Раздумья В.И. Ленина выливаются в серию статей, заметок и писем, вошедших в историю как "Политическое завещание".

Незаменимым помощником, связью с внешним миром становилась для него Надежда Константиновна Крупская. Ей он мог доверить самые сокровенные замыслы, она была для него самым надежным источником информации. С ее помощью, как и врачей, отвоевывались часы и минуты у неуклонно прогрессирующей болезни. И если бы не поддержка жены, вряд ли увидели бы свет последние произведения больного вождя. Понимая мужа с полуслова, она с привычной тщательностью выполняла все его поручения, доставала требуемые справочники, книги, статистические материалы, газеты. Некоторые документы диктовались непосредственно Надежде Константиновне. Именно ей продиктовал Владимир Ильич 21 декабря 1922 г. с разрешения профессора О. Ферстера письмо Л.Д. Троцкому по вопросу о монополии внешней торговли (с пометкой Крупской – дать ответ по телефону)¹³.

Именно с этим письмом связан серьезный инцидент Н.К. Крупской со Сталиным. Инцидент, имевший далеко идущие последствия, со всей резкостью высветивший особенности характеров и нравственные качества наших главных действующих лиц, отразивший жестокую борьбу, которая разгорелась между основными претендентами на власть.

Предыстория данного конфликта такова.

Болезнь свалила Ленина, когда не были завершены многие из беспокоивших его дел, и, несомненно, чуть ли не главными являлись национальные отношения, проблема монополии внешней торговли и ряд неотложных вопросов совершенствования управления и политической жизни. Невзирая на всевозможные запреты врачей, он следил за тем, какие принимаются решения по этим вопросам, как проходят обсуждения. Критическая ситуация сложилась с утверждением положения о монополии внешней торговли. Вопреки воле В.И. Ленина на октябрьском Пленуме ЦК (1922 г.) принимается постановление, в сущности направленное на значительное ослабление монополии государства. Ленин, считая это решение в корне неправильным, настойчиво борется за его отмену, активно вербуя сторонников. Поддержал Владимира Ильича Л. Троцкий, сумевший доказать на декабрьском (1922 г.) Пленуме ошибочность предыдущей резолюции и добившийся ее отмены.

¹³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 327, 672; Изв. ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 191.

Ленин и Крупская в Горках (1922 г.)

Узнав об этом от Крупской, В.И. Ленин передал через нее письмо Троцкому, выразив удовлетворение полученным известием и предлагая Троцкому сделать доклад на XII партсъезде, а также огласить вопрос об этом на комфракции проходившего тогда X Всероссийского съезда Советов. Троцкий заколебался – болезнь вождя лишала абсолютной силы его, Ленина, распоряжений. И Лев Давидович... обращается за советом к Каменеву, хотя близость того с генсеком не была секретом. Каменев тотчас же информирует Кобу. Тот – в ярости.

Описывая этот эпизод в жизни Сталина, эмигрант-историк С. Дмитриевский в одноименной книге ("Сталин") также отмечает возбужденность в действиях генсека (правда, в отличие от Валентинова автор не скрывает симпатий к герою своего повествования): "Сталин меж тем все крепче захватывал вожжи власти... Он действовал зачастую самовластно, искренне полагая, что Ленин, ценивший инициативу в людях своего окружения, это только одобрит" (?!). Действия генсека Дмитриевский прежде всего объясняет как вынужденную реакцию на козни

Троцкого и его сторонников, которые-де использовали в интригах прежде всего Крупскую. (А Крупская являлась, как заметил Троцкий, вспоминая дни болезни Ленина, "главным источником информации. Сталин стал ее преследовать, притом в самой грубой форме"¹⁴.) И вот, продолжает С. Дмитриевский, Крупская звонит Сталину, «требуя информации и разъяснений, "все для Ильича" Сталин, грубый по природе, возмущенный этой мелкой и придирчивой опекой, относя всецело на счет самой Крупской, бывал подчас с ней исключительно резок, оставляя ее запросы без ответа. Крупская тотчас бежала с жалобой к Ленину»¹⁵.

Под впечатлением целой серии фактов (включая и назойливые стремления изолировать больного от каких бы то ни было контактов с внешним миром, бесцеремонность по отношению к Крупской и др.) Владимир Ильич тогда в одной из бесед с Надеждой Константиновной (декабрь 1922 г.) так отозвался о Сталине: "У него нет самой элементарной человеческой честности"¹⁶. (Этот отзыв Крупская передала Троцкому в 1926 г.)

Генсек категорически отвергает необходимость выступления Троцкого на съездах – зачем лишний раз высовываться человеку, популярность которого и без того велика, а выступление, надо думать, повысило бы еще: ведь практически речь идет о прямом поручении В.И. Ленина. В условиях же развернувшегося его, Сталина, противоборства с Троцким такого допустить никак нельзя!

Особый гнев Сталина вызвал сам факт общения с Лениным "через голову Политбюро", а следовательно, без санкции "главного контролера за ходом лечения" В записке Л. Каменеву в тот день, 22 декабря, нарочито игнорируя факт разрешения диктовки профессором О. Ферстером¹⁷, Сталин рекомендует Каменеву сделать заявление в докладе "как мог Старик организовать переписку с Троцким при абсолютном запрещении Ферстера"¹⁸.

Узнав о том, что Н.К. Крупская принимала непосредственное участие в написании под диктовку Ленина письма к Троцкому и контактах с последним по данному вопросу, генсек пришел в ярость и обрушился на нее по телефону с грубой бранью и угрозами – Сталин угрожал Крупской Контрольной комиссией за нарушение врачебного предписания.

Тон разговора был настолько оскорбительным и бесцеремонным, что Надежда Константиновна не выдержала. На следующий день, 23 де-

¹⁴ Троцкий Л. Дневники и письма / Под ред. Ю. Фельштинского. "Эрмитаж", 1986. С. 77.

¹⁵ Дмитриевский С. Сталин. Берлин, 1931. С. 282.

¹⁶ Троцкий Л. Указ. соч. С. 77.

¹⁷ Профессор О. Ферстер – немецкий врач-невропатолог. С марта 1922 г. консультировал врачей, лечивших Ленина. Профессор заметил, что, если бы Ленина заставляли все время пребывать в бездеятельности, он лишился бы последней большой радости, а жесткие ограничения только усугубляют болезнь. "Работа для Владимира Ильича была бы жизнью, – отметил он, – бездеятельность означала смерть" (Сов. культура, 1989, 21 янв.).

¹⁸ Изв. ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 192.

кабря, она обращается к Каменеву с письмом, содержание которого многие годы утаивалось:

"Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т.к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию, как более близким товарищам В.И., и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая и нервы напряжены у меня до крайности"¹⁹.

Таким образом, Н.К. Крупская, "зная лучше всякого врача", о чем можно и о чем нельзя говорить с тяжело больным мужем, и, зная, что информация о случившемся просто погубит его²⁰, естественно, не сообщила В.И. Ленину о сталинской выходке.

Попытку приписать Крупской сообщение Ленину о конфликте со Сталиным, к сожалению, сделала М.И. Ульянова в своих бумагах, обнаруженных после ее кончины. Мария Ильинична утверждала, что Надежда Константиновна это сделала "через несколько дней" В официальном своем заявлении (мы еще остановимся на этом подробнее) в Президиум Объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 26 июля 1926 г. она выдвигает версию – "Ильич случайно узнал об этом", т.е. не уточняла, от кого именно. В этих же бумагах, подготовленных, судя по всему, по настоянию Сталина, отмечалось, что Генеральный звонил Надежде Константиновне. О чем он с ней говорил? М.И. Ульянова пишет об этом как-то туманно: "Очевидно, старался сгладить неприятное впечатление, произведенное на Н.К. его выговором и угрозой" И далее: "Но об этом же крике Сталина по телефону она рассказала Каменеву и Зиновьеву, упомянув, очевидно, и о кавказских делах"²¹.

Как видим, все известно ей приблизительно, хотя куда легче было для полной ясности спросить Крупскую или даже самого Сталина: как же все было на самом деле?

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 674–675; РЦХИДНИ. Ф. 12, Оп. 2. Д. 250 (автограф Н.К. Крупской).

²⁰ К тому же в ночь на 22 декабря 1922 г. у В.И. Ленина наступил паралич левой руки и правой ноги.

²¹ См.: РЦХИДНИ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 398. Л. 1–8; Изв. ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198. Указанные материалы М.И. Ульяновой десятилетиями оставались в спецхране ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС.

Самое поразительное, пожалуй, в том, что М.И. Ульянова пытается усиленно обелить того, кто грубо оскорбил жену ее брата. "В уходе за В.И. Лениным, – полагал Л. Троцкий, – она соперничала с Н.К. Крупской. После его смерти она выступила на свет, вернее сказать, ее заставили выступить"²². Надо признать, что иногда в эти годы отношение Марии Ильиничны к Надежде Константиновне не отличалось достаточной корректностью (в отличие от Крупской по отношению к ней).

Ленин знал Сталина как "истинного революционера, как близкого товарища", – утверждала в упомянутых бумагах М. Ульянова. Однако это плохо вяжется с ее же свидетельством об одном разговоре с Владимиром Ильичем как раз в это время. Послушаем:

«Раз утром Сталин вызвал меня в кабинет В.И. Он имел очень расстроенный и огорченный вид: "Я сегодня всю ночь не спал, – сказал он мне. – За кого же Ильич меня считает, как он ко мне относится! Как к изменнику какому-то. Я же его всей душой люблю. Скажите ему это как-нибудь" Мне стало жаль Сталина. Мне казалось, что он так искренне огорчен.

Ильич позвал меня зачем-то, и я сказала ему между прочим, что товарищи ему кланяются. "А", – возразил В.И. "И Сталин просил передать тебе горячий привет, просил сказать, что он так любит тебя" Ильич усмехнулся и промолчал. "Что же", – спросила я, – передать ему и от тебя привет?" – "Передай", – ответил Ильич довольно холодно. "Но, Володя, – продолжала я, – он все же умный, Сталин".

"Совсем он не умный", – ответил Ильич решительно и поморщившись»²³.

Шаги относительно "больничной изоляции Ленина", которые упорно предпринимал Сталин, вполне соответствовали его убеждению, что дни вождя сочтены и надо готовиться к будущему...

По мнению эмигранта-экономиста и историка Н.В. Валентинова, «Сталин решил, что все-таки "Ленину капут", окончательно поправиться он не сможет, и в зависимости от этого установил свое отношение к Ленину. Отсюда полное объяснение его грубого обращения с Крупской и его выжидание смерти Ленина, чтобы еще больше усилить свою позицию Генерального секретаря партии»²⁴.

Почему именно Л.Б. Каменеву в том инциденте была отведена Крупской роль третейского судьи?

Одна из главных причин, несомненно, в том, что Лев Борисович был действительно человеком наиболее близким Ленину и Крупской. Их связывали годы эмиграции, духовная близость – именно ему Владимир Ильич передал свой архив, ему было фактически завещено хранить ру-

²² Троцкий Л. Указ. соч. С. 76.

²³ См.: РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1, Д. 398. Л. 8; Изв. ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 199.

²⁴ Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М., 1991. С. 208. Валентинов эмигрировал на Запад в 1930 г.

копистное теоретическое наследие Ленина. Каменев отличался интеллигентностью, выдержкой, рассудительностью. Однако что мог сделать Л.Б. Каменев, втянутый в изнурительную борьбу с Троцким и связанный коллективным решением? Да и Сталин к тому времени уже вовлек его в свою орбиту.

К "более близким товарищам В.И." Надежда Константиновна примерно в той же степени относилась и Григория Евсеевича Зиновьева, а кроме того, она знала, что у Каменева от Зиновьева секретов нет.

Посоветовавшись между собой и проконсультировавшись с врачами, Сталин, Каменев и Бухарин 24 декабря приняли решение:

"1. Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5–10 минут, но это не должно носить характер переписки и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются.

2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений"²⁵.

Таким образом, если Бухарин и Каменев действительно преследовали этим цель уберечь Ленина от контактов и информации, которые могут его взволновать, то встревоженный Сталин желал одного – изолировать вождя от мира, хотя прекрасно понимал, что и его былым визитам и общением с Владимиром Ильичем тоже может прийти конец.

На некоторое время инцидент был забыт. Видимо, Каменев и Зиновьев сочли благоразумным в сложившейся ситуации не давать ему хода – в здоровье Ленина происходит общее ухудшение. А когда он почувствовал себя несколько лучше, ему пришлось натолкнуться на глухое противодействие – целую блокаду со стороны соратников, умело организованную генсеком. Между тем Ильич торопится сделать неотложные распоряжения, чтобы обеспечить политическую и экономическую стабильность общества. Мысль же о том, что не столько врачи дают указания партийным лидерам, сколько небольшая их часть диктует волю врачам, угнетала. Он нервничает. Это не могли не замечать его близкие. Так что создаваемый новый лечебный режим не только не задержал ход болезни, которая развивалась по своим законам, но, скорее всего, лишь усугубил ее течение²⁶.

Ленину не было известно в деталях о полномочиях Сталина в данном деле, но из отрывочных бесед с дежурными секретарями, из разговоров с Н.К. Крупской, М.И. Ульяновой и, разумеется, самим Сталиным, из своих личных наблюдений он понял, что главная фигура в цепком надзоре за ним – генсек. В данном случае Ильич проник раньше всех в

²⁵ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 710.

²⁶ Много лет спустя (в 1958 г.) бывший председатель Малого Совнаркома А.Г. Гойхбарг в беседе с Куманевым вспоминал, как протестовал по поводу вмешательства партийных лидеров в лечение Ленина нарком здравоохранения Н.А. Семашко. Но это не возымело влияния на Сталина...

тайные помыслы последнего, утвердившись в мнении о его властолюбии и тщеславии. Поэтому его отношение к Сталину становилось все холоднее...

В.И. Ленина заботила не только проблема путей строительства новой жизни, но в неменьшей степени и то, *кто* станет во главе этого созидания, кто заменит его – уходящего общепризнанного лидера. Коллективным руководителем может стать ЦК, но при условии, если верхушка его – Политбюро – сможет преодолеть политическую амбициозность, личное соперничество среди ряда авторитетных деятелей. Как уравновесить в главном звене власти враждующие группировки и блокировать авторитарные тенденции, которые непрерывно разъедали некогда работающий Центральный Комитет? Предвидя дальнейшее ухудшение своего состояния, Ленин сознавал, что это лишит его возможности работать. «Он торопился составить политическое завещание, – писала М.И. Ульянова. – О нем Владимир Ильич думал, очевидно, еще раньше, когда 30 ноября просил свою секретаршу отложить для него "Политическое завещание" Энгельса»²⁷.

По рекомендации врачей В.И. Ленин принимает решение не выступать с докладом на очередном съезде, о чем вечером 16 декабря Н.К. Крупская сообщила по телефону Л.А. Фотиевой и просила проинформировать Сталина от имени больного. На вопрос Фотиевой о самочувствии Ленина Надежда Константиновна ответила: "...средне, по внешности ничего, а там сказать трудно"²⁸.

Ленин приходит в те дни к мысли о необходимости увеличить число членов ЦК за счет "здорового ядра рабочего класса", намечает меры по борьбе с бюрократизмом, предупреждает, что, несмотря на предпринимаемые шаги, определяющую роль в работе коллективного органа играют личные качества его лидеров. Он трезво оценивает расстановку сил в Политбюро, а 24 декабря в "Письме к съезду" скажет: "Я имею в виду устойчивость, как гарантию от раскола на ближайшее время, и намерен разобрать здесь ряд соображений чисто личного свойства.

Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек"²⁹.

Далее Ленин дает характеристику соперничающим лидерам. О Сталине напишет, прямо скажем, провидческие слова: "Тов. Сталин, сделавшись генсеком (просим обратить внимание – "сделавшись", а не "будучи избранным". – *Авт.*), сосредоточил в своих руках необъятную

²⁷ На обложке экземпляра В.И. Ленина есть его надпись: "Сохранить на полке. 30.XI 1922. Ленин" (Правда. 1927. 21 янв.).

²⁸ Изв. ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198.

²⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 344–345.

власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью"³⁰.

Но этим не заканчивается ленинский анализ – он чувствует, что должен поставить все точки над "i", предупредить, указать на опасность, таящуюся в личных качествах рвущегося исподволь к власти Иосифа Джугашвили. Несомненно, Ленин сосредоточивает на нем особое внимание. Через десять дней он делает добавление к своему письму от 24 декабря 1922 г., из которого ясно, что все сомнения Владимира Ильича рассеялись: "Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение"³¹.

Продиктовав "Письмо к съезду" и дополнения, Ленин предупредил стенографистку М.Володичеву (она была помощником секретаря СНК и СТО), к сожалению, не сразу, т.е. не 23 декабря, а на другой день после начала диктовок, что все сказанное им абсолютно секретно³². А поскольку распоряжения в первый день, что делать с продиктованным только что "Письмом к съезду" от Ленина не последовало, Володичева решает позвонить (чтобы посоветоваться) Л.А. Фотиевой; спрашивает, кому надо показать материал.

"Ну что ж, – следует ответ, – покажите Сталину".

В квартире Сталина Мария Акимовна Володичева застала Сталина, Н.И. Бухарина, Г.К. Орджоникидзе, Н.С. Аллилуеву. Сталин взял письмо и удалился с гостями в другую комнату. Затем он вернулся. Он был мрачен. Отозвал стенографистку в сторону, расспросил о здоровье Владимира Ильича. Потом возвратил письмо и сказал:

– Сожгите его.

Как дисциплинированный член партии и исполнительный работник, Володичева подчинилась приказу Генерального секретаря: сожгла ту копию письма, которую показывала генсеку. Однако нетронутыми остались четыре другие копии, которые находились в сейфе!

«Впоследствии я часто вспоминала об этом эпизоде, – говорила исследователю Г.Волкову Мария Акимовна, с которым она неоднократно встречалась в начале 60-х годов. – И поняла, что напрасно пока-

³⁰ Там же. С. 345.

³¹ Там же. С. 346. "Письмо к съезду" и дополнения к нему были продиктованы Лениным секретарям Л. Фотиевой и М. Володичевой.

³² В записи М. Володичевой от 24 декабря 1922 г. можно прочесть: "Потребовал все, что он диктует, хранить в особом месте под особой ответственностью и считать категорически секретным". См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 474.

зывала письмо Сталину. Так или иначе, но он был теперь предупрежден о "Завещании" Ленина, сумел, очевидно, принять контрмеры. Надежда Сергеевна Аллилуева рассказала мне как-то, что Сталин опасался, как бы я не довела до сведения делегатов XII съезда партии о содержании "Письма к съезду"»³³.

Среди этих контрмер, безусловно, было вышеназванное решение "тройки" (Сталин, Каменев, Бухарин), которая уже на следующий день поспешила ужесточить "партийный контроль" по изоляции Ленина под видом заботы о правильности его лечения.

Когда 24 декабря М.А. Володичева прибыла к Ленину, она уже не обнаружила отрешенной сосредоточенности у больного. Он смотрел пытливо и дружелюбно.

– Совсем забыл Вас вчера предупредить, товарищ Володичева. То, что я уже продиктовал Вам, и то, что продиктую сегодня, – абсолютно секретно. Абсолютно секретно, – повторил он, – вплоть до членов Центрального Комитета.

У Марии Акимовны, как рассказывала она много лет спустя Г. Волкову, от растерянности даже карандаш из рук выпал, и она чуть было не начала откровенничать о том, что письмо уже известно Сталину, "но вовремя вспомнила строжайший наказ Надежды Константиновны: не давать Ильичу ни малейшего повода к волнению".

– Вы хотите что-то сказать?

– Нет, нет, Владимир Ильич³⁴.

Ленин продолжил диктовку. «Правдивая беспощадность его оценок резала слух. Володичева представила Троцкого, потом генсека – "хмурого, резкого. Он не располагал к себе людей, его сторонились и побаивались, ожидая в любую минуту окрика или разноса".

– "Где и как Вы перепечатываете стенограммы? – спросил Ленин. – Вам для этого нужно абсолютное уединение. Советую печатать в моем кабинете. Черновики тут же уничтожайте. Печатайте в 5 экземплярах. Один – для меня – подшивайте в особую папку, один – в секретариат (строго секретно!) и три – для Надежды Константиновны. Эти экземпляры запаковывайте в конверты с сургучной печатью и делайте на них такую надпись: вскрыть может лишь В.И. Ленин, а после его смерти...

Он спокойно, но с нажимом повторил:

"...а после его смерти Надежда Константиновна»³⁵.

Часть историков склоняются к тому, что Сталину удалось через Л. Фотиеву (!) узнать о содержании всех ленинских материалов, продиктованных им до 29 декабря³⁶. Узнали об этом также ряд других

³³ Волков Г. Стенографистка Ильича // Сов. культура. 1989. 21 янв.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Л. Фотиевой Ленин продиктовал последнюю часть "Письма к съезду" (и вряд ли не предупредил о секретности) 26 декабря, а 4 января 1923 г. – добавление ко второй части от 24 декабря. Возможно, об этом добавлении Сталин лишь догадывался (Изв. ЦК КПСС, 1990. № 1. С. 157), но в августе 1923 г. он уже был проинформирован (Там же. 1991. № 4. С. 203–206).

членов Политбюро ЦК. 29 декабря 1922 г. в написанном на имя Каме- нева объяснении Фотиева оправдывала промашку тем, что М. Володи- чева не предупредила ее о строгой засекреченности записей. По заме- чанию историка В.П. Наумова, "достаточно обратиться к записям в дневнике дежурных секретарей Ленина... чтобы поставить под сомне- ние эти объяснения Фотиевой ... члены Политбюро и часть членов ЦК были осведомлены о тех строго секретных личных оценках, данных Лениным некоторым деятелям партии. Трудно себе представить, что они никак не реагировали на эти характеристики. О грубейшем нару- шении воли Ленина ему не сообщили, сознавая, какую это вызовет реакцию, и учитывая состояние его здоровья. И Владимир Ильич был твердо убежден, что его завещание сохранится до съезда партии в строжайшей тайне"³⁷.

Обращаясь к предстоящему съезду, Ленин предлагал не обсуждать вопрос, быть или не быть в дальнейшем Сталину на высоком партий- ном посту Генерального секретаря ЦК РКП(б). Колебаний на этот счет у Владимира Ильича уже не было – он предлагает "*обдумать способ* (подчеркнуто нами. – *Авт.*) перемещения Сталина с этого поста". Он считал, как писала М.И. Ульянова, что требуется "какое-нибудь сдер- живающее начало некоторым его (Сталина) замашкам и особенностям, в силу которых... Сталин должен быть убран с поста генсека"³⁸. Интере- ресуясь мнением Сталина во время встреч в течение 1922 г., после за- нятия последним должности Генерального, Ленин остро почувствовал, какую ошибку сделал Пленум ЦК в апреле, которая вскоре пагубно скажется буквально во всем. Он отмечает страсть Сталина к админист- рированию, торопливость, озлобленность. А "озлобление вообще, – подчеркивает Владимир Ильич, – играет в политике обычно самую ху- дую роль"³⁹. Бросалась в глаза вождю и нетерпимость Сталина к тем, кто когда-либо вступал с ним в конфликт – здесь он оказывался просто беспощадным: люди, не подчинившиеся ему, жестоко расплачивались за это. (Особенно после кончины Ленина...)

Полностью осуществить политическую изоляцию вождя генсеку так и не удалось – и это благодаря в основном Надежде Константиновне. Из записей в дневниках дежурных секретарей легко ощутить ту роль, которую она сыграла в поддержании правильного больничного режима и в то же время в преодолении жесткого попечительства, установле- нного генсеком. Она делала все возможное, чтобы оградить мужа от тревог. Поэтому рассуждения и намеки некоторых авторов, особенно в 70–80-е годы, что Крупская *тотчас же* или *вскоре* рассказала больному Ленину об оскорблении, нанесенном ей Сталиным (22 декабря 1922 г.), не больше, чем домыслы, не подкрепленные ничем предположения, ибо ни одного доказательства этому нет. Ни одного документа!

Доводы в пользу того, будто Ленин, узнав об инциденте, *сразу же*

³⁷ Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988. С. 247–248.

³⁸ Изв. ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 199.

³⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 357.

решил написать "Письмо к съезду" (и поэтому-де дал Сталину негативную характеристику), весьма зыбкие: для высказанных им оценок личных качеств генсека было, повторяем, немало и других оснований (по "грузинскому делу", монополии внешней торговли, по национально-государственному строительству и пр.). Не прошли бесследно и наблюдения во время личных бесед. Профессор Р. Такер, полагая, что Ленину стало известно о конфликте "от Крупской вскоре", мотивирует это свое предположение (вслед за Луи Фишером⁴⁰) тем, что "в момент инцидента скрыть свое глубокое огорчение происшедшим было несравненно труднее, чем в начале марта"⁴¹. Однако это не аргумент. Никто больше Надежды Константиновны не оберегал Ленина от малейших волнений и никто глубже жены не понимал, что значило бы для него известие о случившемся конфликте – резкое ухудшение состояния или даже немедленная смерть.

Совсем неправдоподобным выглядит и то, что два с половиной месяца Ленин носил в себе известие об оскорблении жены и вдруг в начале марта в гневе потребовал от Сталина немедленных извинений, да еще в письменном виде. Абсурд.

Еще в декабре 1922 г. Ленина крайне взволновала информация по так называемому "грузинскому конфликту", в котором особенно наглядно проявилась шовинистическая, высокомерная позиция генсека. 24 января 1923 г., вызвав к себе Л. Фотиеву, Владимир Ильич дает ей поручение запросить у Дзержинского или Сталина материалы комиссии по грузинскому делу и признается ей: «Накануне моей болезни Дзержинский говорил мне о работе комиссии и об "инциденте", и это на меня очень тяжело повлияло». Через пять дней Фотиевой позвонил Сталин и заявил, что без Политбюро дать материалы не может. Одновременно спросил, не говорит ли Фотиева чего-нибудь лишнего Ленину, "откуда он в курсе текущих дел?"

Однако Ленин продолжал настаивать, и, когда Политбюро согласилось с его требованием о направлении запрашиваемых материалов, Сталин капризно бросил, что он слагает с себя полномочия по соблюдению больничного режима Лениным. От Ильича не ускользали многие детали, и, возможно, он догадывался о некоторой утечке информации. Недаром Л. Фотиева отметила в дневнике дежурных секретарей: «24 января Владимир Ильич сказал: "Прежде всего по нашему "конспиративному" делу: я знаю, что Вы меня обманываете". На мои уверения в противном он сказал: "Я имею об этом свое мнение"»⁴².

Прекрасно понимая, что "грузинский инцидент" находится под неусыпным надзором Генерального секретаря ЦК, Ленин настойчиво спрашивает через несколько дней, был ли данный вопрос на Политбюро? А когда Л. Фотиева ответила, что не имеет права об этом говорить,

⁴⁰ Fisher L. The Life of Lenin. N.Y., 1964. P. 647.

⁴¹ Такер Р. Сталин: Путь к власти. М., 1991. С. 268.

⁴² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 477 ("Дневник дежурных секретарей В.И. Ленина" 21 ноября 1922 г. – 6 марта 1923 г.).

Владимир Ильич тотчас же задал вопрос:

«Вам запрещено говорить именно и специально об этом?»

"Нет, вообще я не имею права говорить о текущих делах". "Значит, это текущее дело?"» – сразу же взволнованно отпарировал он.

Секретарь еще раз повторила, что не имеет права говорить. Тогда Ленин твердо напомнил:

"Я знаю об этом деле еще от Дзержинского, до моей болезни..."⁴³

Одним словом, Ильич имел достаточно и другой информации, которая послужила основанием для ряда срочных предложений и высказанных личностных характеристик. В числе информации были и весьма огорчительные для него сведения по так называемому "грузинскому конфликту"⁴⁴. К этому добавим, что в последнем документе, продиктованном Владимиром Ильичем 6 марта 1923 г., он вновь подчеркнул, что "возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского..."⁴⁵.

Продиктованные Лениным новые произведения, помимо прочего, были основаны на реальных событиях в политической и национальной жизни. Так, в результате беседы 12 декабря 1922 г. с председателем Комиссии по грузинскому конфликту Ф.Э. Дзержинским (Ленин остался недоволен выводами комиссии) Владимир Ильич решил подготовить две статьи: 14 декабря он предполагал продиктовать письмо по национальному вопросу – об образовании СССР⁴⁶, но не смог осуществить свое желание, а 30 и 31 декабря продиктовал записки «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», в которых возложил политическую ответственность за "грузинский инцидент" в первую очередь на Сталина, имея в виду допущенные им серьезные ошибки великодержавного характера и отсутствие беспристрастия в расследовании дела.

Откровенно нацеленным против насаждавших сталинских методов было резкое осуждение Лениным бюрократизма, "администраторского увлечения", "торопливости и размахистости" (статьи "Как нам реорганизовать Рабкрин"⁴⁷, "О придании законодательных функций Госплану", "Лучше меньше, да лучше" и др.).

Таким образом, новые ленинские письма и заметки как бы готовили почву для смещения Сталина путем развертывания политической критики в адрес генсека, за которой организационные меры выглядели

⁴³ См.: Там же. С. 479.

⁴⁴ Речь идет о конфликте между Заккрайкомом и группой членов ЦК КП(б) Грузии, соответственно возглавлявшимися Г. Орджоникидзе и П. Мдивани. Сторонники Мдивани настаивали на вхождении Грузии в СССР непосредственно, а не через ЗСФСР, допускали непарламентские выражения. Ленин осудил их "брань против Орджоникидзе". Но и Орджоникидзе не проявил выдержки: он ударил оскорбленного его члена группы – сторонника Мдивани, усугубив "дело".

⁴⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 330.

⁴⁶ В.И. Ленин даже определил в конце декабря тему будущей статьи – "О национальном вопросе и об интернационализме (в связи с последним конфликтом в грузинской партии)". См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 596.

⁴⁷ Незадолго до этого наркомат Рабоче-крестьянской инспекции возглавлял И.В. Сталин.

бы в глазах общественности страны как естественный шаг. Это обстоятельство неплохо просчитал Сталин, всячески противясь публикации новых произведений Ленина. Так, близкий в то время к Сталину тогдашний редактор "Правды" Н.И. Бухарин не решался санкционировать публикацию статьи "Лучше меньше, да лучше". Пришлось Н.К. Крупской обратиться за помощью к Троцкому, по требованию которого (его поддержал Каменев) Политбюро пришлось согласиться на ее печатание – статья появилась в "Правде" 4 марта 1923 г.

В это время Владимир Ильич узнает об оскорбительной выходке, которую Сталин позволил в отношении Н.К. Крупской еще 23 декабря. Скорее всего, его информировали об этом Зиновьев или Каменев, а возможно, и оба, поскольку именно им по столь личному (*в определенном смысле*) вопросу направляет Ленин копию своего письма, адресованного Сталину⁴⁸. В данном контексте выглядят весьма голословными, ничем не подкрепленными версии, что о минувшем инциденте ему, серьезно больному вождю, стало известно от Крупской⁴⁹. Мы уже останавливались на несостоятельности суждений, приписывающих Крупской рассказ об инциденте со Сталиным *сразу же* после оскорбления или "через несколько дней". Остаемся уверенными и на этот раз – Крупская ничего не сказала Ленину об этом и в начале марта! Да и здоровье мужа в то время продолжало заметно ухудшаться. Несерьезными представляются также предположения, что она могла "просто проговориться".

Одним словом, чем больше и глубже мы вчитываемся в содержание письма Ленина Сталину (продиктовано 5 марта 1923 г.), тем больше укрепляемся в своем мнении.

Вот его текст:

"ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Строго секретно
Лично

Копия тт. Каменеву и Зиновьеву

Уважаемый т. Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня

⁴⁸ К тому же В.И. Ленину стало, очевидно, от них известно, что с официальным письмом (адресовано Каменеву) в декабре *только к ним* обратилась Надежда Константиновна.

⁴⁹ "Н.К. Крупская, – говорится в примечаниях к 54-му тому Полного собрания сочинений В.И. Ленина, – рассказала об этом факте В.И. Ленину, судя по всему (?!), в начале марта 1923 года" (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 675). Впоследствии *предположение* автора Примечаний стали выдавать за официальное мнение, т.е. превратили в "бесспорную истину".

сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением *Ленин*

5-го марта 23 года⁵⁰

Поскольку Крупская направила приведенное нами ранее ее письмо Л.Б. Каменеву 23 декабря 1922 г. (Сталин обругал ее по телефону 22 декабря), можно предположить, что, спохватившись, генсек что-то формально мог сказать в конце того же разговора – "забыть о его резкостях, продиктованных заботой о дорогом Ильиче"⁵¹. Поэтому Крупская, как пишет Ленин, "выразила согласие забыть сказанное". Однако она (и Ленин) в этих формальных словах Сталина не обнаружила извинения. Поэтому буквально на следующий день Надежда Константиновна и обратилась к Каменеву (и Зиновьеву) с просьбой оградить ее от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз, квалифицируя содеянное генсеком как "глупую склоку".

Когда В.И. Ленин диктовал свое "Письмо к съезду" и статьи, он действительно не знал об оскорбительном демарше генсека по отношению к Крупской. И вот, узнав о выходке Сталина, он сознает, что оказался прав – подтверждаются его худшие предположения. Возмущению Ленина, легко себе представить, не было границ – здесь и уязвленное самолюбие вождя, с которым не считается чувствующий себя уже властелином тщеславный Иосиф, и бессилие тяжело больного человека, и забота об измученной жене – все слилось в емкой гневной записке, продиктованной в адрес обидчика. Который даже *не счел нужным извиниться как подобает*, тотчас же, еще в декабре.

Письмо было продиктовано М. Володичевой. По ее словам, Ленин рассматривал сталинскую выходку как личное оскорбление, а сама записка звучала как ультиматум. Мария Акимовна заметила, что Владимир Ильич чувствовал в тот день себя гораздо хуже и с трудом сохранял спокойствие во время диктовки. На следующий день, 6 марта, перечитав письмо, Ленин попросил Володичеву передать его лично из рук в руки и принести ответ. Когда в соседней комнате она расшифровала и перепечатала запись, к ней подошла озабоченная Мария Ильинична.

– Владимиру Ильичу стало плохо. Что он вам такое диктовал? – Взяла письмо у растерявшейся Володичевой. Прочла его и подошедшая Надежда Константиновна.

– Товарищ Володичева, – сказала она, – письмо это вы Сталину не относите⁵².

Следовательно, сама идея (а не только текст) не были согласованы с

⁵⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329–330.

⁵¹ См.: MakNill R. Bride of the Revolution: Krupskaya and Lenin. Ann Arbor, 1972.

⁵² Волков Г. Указ. соч.

Крупской. Да и в самом письме она выступает словно за экраном. Отсюда и ее просьба к Володичевой – Надежде Константиновне никак не хотелось быть причиной обострения отношений между председателем СНК и невыдержанным генсеком. По воспоминаниям М.И. Ульяновой, Владимир Ильич просил отправить письмо Сталину, "не говоря о нем Надежде Константиновне" (!), а копию в запечатанном конверте передать Марии Ильиничне (а не жене!), что тоже говорит в пользу непричастности Крупской к информированию Ленина о случившемся в декабре малоприятном случае.

Увидев расстроенного Ленина, Крупская "попросила Володичеву не посылать письма, – сообщает далее М.И. Ульянова. – Она, мол, сама поговорит со Сталиным и *попросит его извинения*" (выделено нами. – *Авт.*)⁵³. Снова – доказательство того, что Сталин не приносил официальных, как положено, извинений Надежде Константиновне.

Привыкшая к четкому распорядку и строгому исполнению поручений М. Володичева всю ночь провела в терзаниях, почти без сна.

А утром пришла к Надежде Константиновне и стала убеждать ее, что письмо следует передать Сталину без промедления, ибо Владимир Ильич будет ждать ответа, а отсутствие такового не пойдет на пользу самочувствию больного.

Только этот аргумент подействовал, и Крупская позволила отнести письмо адресату. Резкое послание В.И. Ленина зарвавшемуся генсеку отнюдь не было проявлением импульсивности больного человека – оно писалось с холодным рассудком и целиком отражало мнение Владимира Ильича об этой личности. Примечательно, что Ленин, продиктовав письмо, откладывает его и лишь на следующий день, прочитав написанное, просит незамедлительно передать Сталину и срочно получить ответ.

Много лет спустя М. Володичева подробно рассказала обо всем случившемся тогда писателю Александру Беку. Очень выразительной представляется сцена, когда Сталину было вручено послание Ленина:

«Сталин прочел письмо стоя, лицо его оставалось спокойным. Отчеканивая каждое слово, он сказал:

"Это говорит не Ленин, это говорит его болезнь. Я – не медик. Я – политик. Я – Сталин"».

Скорее всего, Генеральный был уже извещен о состоянии Ленина – резком ухудшении здоровья, словно уловил подсознательно, что вождю будет еще хуже⁵⁴. Не отсюда ли такой вызывающий тон в присутствии помощника секретаря Председателя Совнаркома? Ведь будущий влас-

⁵³Изв. ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 199. Кстати, это утверждение М. Ульяновой опровергается ее собственными словами, сказанными ранее в этом же документе, что "через несколько дней", т.е. в конце декабря – начале января, они (Крупская и генсек) уже помирились. "Сталин действительно звонил ей", чтобы извиниться (Там же. С. 198). И так, "помирились" и вновь, спустя два месяца, опять извиняться? Дважды?

⁵⁴Нередко врачи, стремясь взбодрить В.И. Ленина, давали более радужное заключение о состоянии его здоровья. Со Сталиным они были в отношении больного куда искреннее.

телин даже не сдерживал своего раздражения и высокомерия. "Марии Акимовне, – писал историк Г. Волков, – было уже знакомо это обыкновение Сталина ссылаться на болезненное состояние Владимира Ильича в тех случаях, когда Ленин высказывал неприятные или неприемлемые для него вещи". Тут же Сталин продиктовал короткий ответ Владимиру Ильичу (это случилось 7 марта 1923 г.):

«Ленину от Сталина.

Только лично.

Т. Ленин!

Неделя пять назад я имел беседу с т. Н. Константиновной, которую я считаю не только Вашей женой, но и моим старым партийным товарищем, и сказал ей (по телефону) приблизительно следующее: "Врачи запретили давать Ильичу политинформацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем Вы, Надежда Константиновна, оказываетесь, нарушаете этот режим; нельзя играть жизнью Ильича" и пр.

Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое или непозволительное, предпринятое "против" Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстрее Вашего выздоровления, я не преследовал. Более того, я считал своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился. Мои объяснения с Н. Кон. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут да и не могло быть.

Впрочем, если Вы считаете для сохранения "отношений" я должен "взять назад" сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя "вина" и чего, собственно, от меня хотят.

И. Сталин»⁵⁵

Общий пренебрежительный тон ответа генсека, вставшего в позу обиженного, не может не поражать. Сталин даже не счел уместным употребить, адресуясь к Ленину, вежливое обращение "уважаемый" (в отличие от Владимира Ильича, который это сделал дважды). Да и само письмо генсека напрямую еще не означало, что приносятся извинения – выражалась лишь некая готовность это сделать и то с оговорками (он-де может взять назад сказанные выше слова, "отказываясь, однако, понять, в чем тут дело", где его "вина" и чего, собственно, от него хотят (!)). Нисколько не смущаясь, автор ответного послания слукавил, опустив и свои угрозы Крупской Контрольной комиссией и имевшую место брань. В тексте Сталина отсутствует и фраза, которую при встрече записала М. Володичева (она осталась в ее личном дневнике): "Если бы моя жена, член партии, поступила неправильно и Вы должны были бы ее наказать (!), то я не счел бы себя вправе вмешиваться. Но

⁵⁵ Изв. ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 193 (РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26004. Л. 3).

поскольку Вы настаиваете, я готов извиниться перед Надеждой Константиновной". (Опять только "готов".) Видимо, Сталин не счел нужным включать этот монолог в письмо – и так всю процедуру он рассматривал унижительной для своей персоны.

Наверняка такой ответ не мог бы удовлетворить и успокоить В.И. Ленина. К тому же ему в то время стало значительно хуже, и он вряд ли знал о содержании ответа. Выяснилось, что Сталин долгие годы держал у себя в столе письмо В.И. Ленина и свой ответ. Документы хранились в официальном конверте Управления делами Совнаркома, на котором было помечено: "Письмо В.И. от 5/III–23 г. (2 экз.) и ответ т. Ст[алина], не прочитанный В.И. Лен[иным]. Единственные экземпляры"⁵⁶.

Не подтверждала факт, что письмо Сталина было получено Лениным, и М. Володичева. Она вспомнила только, что в один из тех мартовских дней Мария Ильинична, разговаривая по телефону со Сталиным, была в очень раздражительном состоянии. Если верить Володичевой, М.И. Ульянова бросила ему фразу:

– Я обращаюсь к московским рабочим, чтобы они научили вас, как обходиться с больным Лениным!⁵⁷

О содержании письма Ленина и ответа Сталина 7 марта стало известно Л.Б. Каменеву, который "для ориентировки" тотчас же информировал Г.Е. Зиновьева, направив ему записку. В ней он, в частности, сообщал, что Владимир Ильич, весьма взволнованный, "послал Сталину (копия мне и тебе) персональное письмо, которое ты, наверное, уже имеешь. Сталин ответил весьма сдержанным и кислым извинением, которое вряд ли удовлетворит Старика" (партийный псевдоним Ленина. – *Авт.*). Намекая о судьбе Сталина, Каменев высказал убеждение также о том, что Ленин хочет "*определенных организационных выводов сверху*"⁵⁸.

10 марта 1923 г. состояние В.И. Ленина серьезно ухудшилось. На это, несомненно, повлияло то, что он узнал о конфликте Сталина с Крупской, а также новые обстоятельства в "грузинском деле".

Через год в письме в ЦКК, разбиравшей дело о так называемой фракции грузинских националистов, Надежда Константиновна, невзирая на то, что данное "дело" находится под жестким контролем генсека, напишет: "Дорогие друзья, вы знаете, как близко принимал к сердцу Владимир Ильич грузинские дела... Я никогда не забуду ужасных дней начала марта прошлого года, когда Владимир Ильич, уходя из жизни, теряя сознание, только об этом деле и говорил..."⁵⁹

Осуждая сталинские приемы политической нетерпимости в отноше-

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ См.: Волков Г. Указ. соч.

⁵⁸ Изв. ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 151. Каменев информировал также Сталина о последнем продиктованном Лениным письме по "грузинскому конфликту", а тот сообщил Орджоникидзе, что Ильич "солидаризируется с уклонистами, ругает Серго, Дзержинского и меня [Сталина]".

⁵⁹ ЦХСД. Ф. 613. Оп. 3. Д. 30. Л. 164 об.

**И.В. Сталин – Генеральный секретарь ЦК РКП(б)
(1922 г.)**

нии инакомыслящих, насаждения склок внутри многонациональных парторганизаций, Крупская выразит протест против силовых методов разрешения разногласий. В упомянутом письме по поводу "грузинских националистов" она просит отнестись к этому вопросу со всей возможной объективностью и беспристрастностью. "А первый шаг, который ЦКК делает, – пишет Надежда Константиновна, – она заранее предре- шает (т.е. в угоду Сталину. – *Авт.*), что уклонисты–преступники, ведя следствие за ними, а не ведет следствие над нашими, занимавшимися рукоприкладством и всяким зашательством. Мы говорим о братском союзе с другими народностями, а поступаем как русские колонизаторы (это я про Серго говорю). И вместо того чтобы разбирать дело о Серго и др., мы Серго выбираем в ЦКК, а уклонистов выметываем, судим и пр. К ним надо подходить совершенно иначе. Выговоры по отношению к ним сделают их только национальными героями и создадут трещину между РСФСР и Грузией". И далее: "Не думаю, чтобы они были правы во всем, но разве можно по отношению к старым товарищам применять такие оскорбительные приемы выслеживания, допросов и пр. Становиться на такую почву – значит трактовать их заранее как врагов".

Нелицеприятными были и заключительные фразы письма: "Нельзя создавать такую атмосферу выслеживания, какая создана противниками уклонистов. Это значит компрометировать партию. Это худший вид взаимного недоверия, это увековечивание склоки. Важно не растоптать уклонистов, важно создать в Грузии здоровую атмосферу, а выбранный Комиссией путь сделает эту атмосферу еще более тяжелой"⁶⁰.

Это был открытый вызов Сталину и сколачиваемой им группировке.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что политическая воля Ленина, высказанная им в "Завещании", его негативное отношение к некоторым действиям и чертам характера генсека, резкое и неожиданное столкновение Сталина с Крупской, как и многое другое, долгое время в СССР тщательно замалчивались, а всякие попытки отдельных смельчаков-историков прояснить ряд сюжетов решительно пресекались.

Что касается Надежды Константиновны, то, верная данному слову "забыть сказанное" и не тратить силы и время на "глупую склоку", она никогда не возвращалась к этому эпизоду – нет ничего об этом ни в ее воспоминаниях, ни в письмах, ни в беседах. Вряд ли делилась она этим и с такими близкими ей людьми, как Д.И. Ульянов, ее секретарь В.С. Дридзо, А.М. Калмыкова, А.С. Курская, А.И. Радченко, А.В. Луначарский, Кржижановские, Мещеряковы, А.Г. Кравченко.

В воспоминаниях Марии Ильиничны инцидент со Сталиным представлен как дело исключительно случайное, только чисто личного свойства столкновение, никак не отразившееся на отношениях Владимира Ильича и Сталина. Описывая конфликт, она допускает ряд неточностей, психологически неправдоподобных ситуаций. Так, М.И. Ульянова, пишет, что после телефонного сталинского звонка Надежда Константиновна "была совершенно не похожа сама на себя, рыдала, каталась по полу и пр."⁶¹. Не вяжется все это с обликом Крупской. Вообще многих деталей, как уже отмечалось, не знает Мария Ильинична по данному случаю и, увы, немало домысливает. А что-то где-то от кого-то просто слышала, не больше...

В 1989 г. в журнале "Коммунист" было опубликовано письмо в редакцию под названием "О Крупской". Заметку написала секретарь Надежды Константиновны в течение более 20 лет (1919–1939) Вера Соломоновна Дридзо. "Сейчас, когда в некоторых публикациях, – писала она, – все чаще стали упоминаться имя Надежды Константиновны Крупской и отношение к ней Сталина, я хочу рассказать о том, что мне доподлинно известно... Она о многом мне рассказывала, многое видела и я сама"⁶².

⁶⁰ Там же. Л. 166.

⁶¹ См.: Изв. ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198. "Ульянова ревновала Ленина к Крупской, – писал Л. Троцкий, – и доставляла немало горьких часов... Ни одна из двух женщин не могла быть, разумеется, истолковательницей воли Ленина. Но каждая до известной степени стремилась ею стать. Крупская политически была гораздо больше связана с Лениным, чем его сестра Мария" (Троцкий Л. Сталин. М., 1990. Т. 2. С. 254–255).

⁶² Дридзо В. О Крупской: Письмо в редакцию // Коммунист. 1989. № 5. С. 105.

Автор письма в редакцию пытается дать объяснение, почему лишь только через два с лишним месяца после грубого разговора Иосифа Сталина с Крупской Ленин продиктовал письмо Сталину, потребовав, чтобы он извинился перед ней: "Возможно, только одна я знаю, как это было в действительности, так как Надежда Константиновна часто (?) рассказывала мне об этом. Было это в самом начале марта 1923 года. Надежда Константиновна и Владимир Ильич о чем-то беседовали. Зазвонил телефон. Надежда Константиновна пошла к телефону (телефон в квартире Ленина всегда стоял в коридоре). Когда она вернулась, Владимир Ильич спросил:

– Кто звонил?

– Это Сталин, мы с ним помирились.

– То есть как?

И пришлось Надежде Константиновне рассказать все, что произошло в декабре 1922 г., когда Сталин ей позвонил, очень грубо с ней разговаривал, грозил Контрольной комиссией" Крупская, как утверждает Дридзо, просила Ленина не придавать этому значения, так как все уладилось и она забыла об этом. И вот, несмотря на уговоры, 5 марта Владимир Ильич диктует письмо Сталину с требованием, чтобы тот извинился. "Сталину пришлось извиниться, но он этого не забыл и не простил Надежде Константиновне, и это повлияло на его отношение к ней. Он никогда не принимал ее, не разговаривал с ней. Кроме еще одного раза", – заключает Дридзо, описывая обстоятельства, связанные с последним письмом Ленина Сталину.

При всем уважении к человеку, близкому к Надежде Константиновне многие годы, нельзя не отметить наличие ряда противоречий и неточностей. К тому же письмо рождает невольные вопросы. Например, Вера Соломоновна так и не могла объяснить, почему она только в 1989 г. решилась дать столь важное свидетельство. Ведь упомянутого рассказа нет во всех воспоминаниях В.С. Дридзо, которые издавались после 1956 г.⁶³ Если в ответном письме Ленину 7 марта Сталин называет инцидент "пустым недоразумением", зачем же он вдруг спустя два с лишним месяца звонит Крупской, предлагая помириться? И почему потребовались новые извинения со стороны Сталина, коли он и Надежда Константиновна, как утверждается несколькими строками выше, *только что помирились?*

Да и фраза "Сталину пришлось извиниться" (после письма Ленина) не соответствует действительности: "извинения" генсека, изложенные им в ответном письме Ленину, до Крупской *так и не дошли*⁶⁴. И вообще довольно сомнительно, что Крупская "часто", рассказывала

⁶³ См.: Дридзо В. Надежда Константиновна. Новосибирск, 1969; см. также принадлежащие перу В.С. Дридзо разделы в сб. "О Надежде Константиновне" (М., 1988. С. 274–286), биографии "Надежда Константиновна Крупская" (М., 1988. С. 131–260) и др.

⁶⁴ Ошибается Дридзо В.С. и в том, что после конфликта Сталин "никогда не принимал Крупскую, не разговаривал с ней. Кроме одного раза". Таких встреч и бесед было несколько.

своему секретарю о конфликте со Сталиным. Наши попытки прояснить в личных беседах (в том числе по телефону) с В.С. Дридзо спорные моменты и недомолвки положительных результатов так и не дали: вопросы остались без ответа...

Американский историк Роберт Такер не без основания полагает, что Ленину понадобилось письменное объяснение (извинение) от Сталина потому, что глава правительства готовил на предстоявший партийный съезд материалы против генсека, имея в виду сместить его с "высокого большевистского поста". И чтобы, несмотря на возможные попытки некоторых кругов оправдать Сталина, сделать обвинения неопровержимыми, Ленин, юрист по образованию, хотел этот факт задокументировать. Доклад комиссии по результатам разбирательства в Грузии, считает Такер, должно быть, предоставил председателю Совета Народных Комиссаров достаточное для этой цели количество материала, которые он, однако, решил пополнить сообщением (несомненно, на закрытом заседании) о грубой выходке Сталина по отношению к Крупской. "В данном случае документация имела бы вид собственноручного признания Сталиным своей вины"⁶⁵. Все это хорошо чувствовал генсек. Не потому ли ответное письмо Сталина так и осталось у него в письменном столе? План Ленина наверняка бы удался, если бы здоровье позволило ему изложить лично суть дела перед судом партийного форума.

Однако 10 марта состояние Владимира Ильича резко ухудшилось и, таким образом, пришло политическое спасение Иосифа Виссарионовича. Будучи по-прежнему неплохо информированным о самочувствии Ленина, Сталин спешит предпринять "защитные контрдействия". Прежде всего в ход пускается уже испробованный прием – посылка информации на места с прозрачной рекомендацией учитывать, что последние статьи и указания диктовались Лениным, когда он находился на больничном режиме. Еще 27 января Политбюро и Оргбюро направили специальное письмо в губкомы⁶⁶, из которого вытекало, что статья "Как нам реорганизовать Рабкрин"⁶⁷ по сути извлечена из дневника тяжелобольного председателя Совнаркома, которому после настойчивых его просьб разрешили-де писать "в силу невыносимости умственной бездеятельности". Эту бестактность подписали Сталин, Андреев, Троцкий, Томский, Бухарин, Рыков, Молотов и Куйбышев...

И на этот раз генсек не медлил: 11 марта Сталин разослал шифром телеграмму в губкомы, обкомы и национальные ЦК, ставя в известность партийное руководство о наступившем серьезном ухудшении в состоянии Владимира Ильича: "Т. Ленин почти утратил способность речи при сохранении ясного и отчетливого сознания. Врачи признают положение тяжелым, не отказываясь, однако, от надежды на улуч-

⁶⁵ Такер Р. Указ. соч. С. 252.

⁶⁶ См.: Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. М., 1989. Кн. 1, ч. 1. С. 147.

⁶⁷ В статье, в частности, предлагалось усилить роль ЦКК в противодействии любым проявлениям демократических начал, в том числе со стороны генсека в обеспечении осведомленности и четкости. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 387.

шение. Ввиду глубокой серьезности положения с сегодняшнего дня начинается публикация врачебных бюллетеней.

В тревожные для партии и революции дни ЦК твердо рассчитывает на величайшую выдержку и сплоченность всех руководящих организаций партии. Более чем когда-либо губкомы должны быть в курсе настроений массы, чтобы не допустить никакого замешательства"⁶⁸.

Этой телеграммой Сталин давал понять местным органам, *кто* у руля в дни тяжелой болезни вождя, надежд на выздоровление которого фактически все меньше и меньше.

Отношения Крупской и Сталина внешне сохранялись, но их контакты становились крайне редкими и носили характер сугубо деловой, официальный, где-то удерживаясь в принятых рамках партийного товарищества. «Все секретные бумаги Ленин доверил жене, – писал Л. Троцкий, – с которой политически был связан несравненно более тесно, чем с сестрой. Крупская одна была (из родственников. – *Авт.*) в курсе планов Ленина относительно Сталина. В ее руках "завещание Ленина"... К голосу Крупской прислушивались, ее боялись (сторонники генсека. – *Авт.*). Ульянова сразу оказалась отодвинутой на задний план, и из-за оппозиции к Крупской оказалась в лагере Сталина... В лице Крупской Сталин мстил за завещание...»⁶⁹

Приближался срок созыва XII съезда РКП(б). Для Сталина новый приступ болезни Ленина оказался действительно "спасательным кругом", однако предупредительные меры по недопущению огласки всех ленинских предложений он принимал при каждом удобном случае. Ему, например, удалось протащить на Пленуме ЦК 31 марта 1923 г. постановление по грузинскому инциденту (докладывал Л.Б. Каменев), в определенной мере дезавуирующее ленинские оценки. Недостаточно выясненным остается и ныне вопрос, по чьей инициативе 16 апреля 1923 г. Л. Фотиева неожиданно обратилась к Сталину с письмом, к которому приложила статью Ленина «К вопросу о национальностях или об "автономизации"». Только в 1990 г. текст письма был опубликован.

«Т. Сталину.

Прилагаемая статья т. Ленина была написана им 31/XII–22 г. Владимир Ильич предлагал ее опубликовать, так как на мой вопрос, заданный ему незадолго до его последнего заболевания, не считает ли он нужным опубликовать эту статью, он сказал: "Да, я думаю ее опубликовать, но несколько позже"

Владимира Ильича сильно волновал национальный вопрос, и он готовился выступить по нему на партсъезде, а в этой статье его точка зрения по данному вопросу выражена очень ярко.

На основании вышеизложенного я считаю партийным долгом довести до Вашего сведения эту статью, хотя и не имею формального распоряжения Владимира Ильича.

⁶⁸ См.: РЦХИДНИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 287. Л. 6.

⁶⁹ Троцкий Л. Сталин. Т. 2. С. 255.

Ранее сделать этого не могла, т.к. сначала не было еще вполне очевидно, что Владимир Ильич не сможет сам выявить свою волю в этом отношении до съезда, а последние 2 1/2 недели я была больна и сегодня первый день на работе.

Просьба вернуть статью, т.к. посылается тот единственный экземпляр, который имеется в архиве Владимира Ильича.

Л. Фотиева»⁷⁰.

Как нам думается, вряд ли решение о посылке письма со статьей Ленина было инспирировано генсеком. Огласка этого документа на съезде никак не входила в его планы. Наверняка он знал, что текст статьи известен Троцкому (с ним его познакомили по распоряжению Ленина), что содержание статьи трудно скрыть. И все же он успел подготовиться – совсем иначе выглядела бы ситуация, если бы статья была передана в ходе работы съезда. Правда, для абсолютной точности укажем, что в письме Л. Фотиевой имеется отметка: "*Не послано*, т.к. т. Сталин сказал, что он в это не вмешивается". Однако это не меняло существа дела – Фотиева ознакомила Сталина с текстом статьи в тот день предварительно по телефону...

Затем Л. Фотиевой предпринимается попытка осуществить передачу статьи Л.Б. Каменеву как председательствующему в Политбюро, но тот, понимая, против кого направлена рукопись, отправляет записку Фотиевой... в Секретариат. Больше всего Льва Борисовича не устраивало то, что статья «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» должна была защищаться по просьбе Владимира Ильича на съезде Л.Д. Троцким, "в виду их солидарности в данном вопросе"⁷¹.

Со своей стороны Троцкий в обращении "Всем членам ЦК РКП(б)" от 16 апреля, а также 17 апреля объяснил, что члены Политбюро не были ознакомлены ранее им со статьей, т.к. Ленин тогда "категорически высказался против этого". Кроме того, Троцкий полагал, что "соответственные указания имеются у Надежды Константиновны, Марии Ильиничны или у секретарей т. Ленина". Запрашивать кого бы то ни было об этом он "не считал уместным по причинам, которые не требуют пояснения". Далее Троцкий заявил, что брать на себя единолично ответственность за решение огласить текст статьи он до открытия съезда (записки Фотиевой 16 апреля) не мог и поэтому передал вопрос на разрешение ЦК. В том же духе написано им письмо и в адрес Сталина 18 апреля, который накануне признал в личной беседе с Троцким, что тот не совершил никаких неправильных шагов в вопросе о статье Ленина. Однако генсек в заявлениях членам ЦК 16 апреля обвинил Льва Давидовича в том, что он "нашел возможным держать под спудом более чем месяц, не доводя *его* (так в тексте. – Авт.) до сведения Политбюро или Пленума ЦК вплоть до кануна открытия XII

⁷⁰ Изв. ЦК КПСС. № 9. С. 155–156.

⁷¹ Там же. С. 158; 160–161.

партсъезда"⁷². (Устным своим "разъяснением", как часто бывало, Иосиф Виссарионович не придавал значения).

Вполне возможно, прежде чем сообщать Сталину о передаче статьи В.И. Ленина в ЦК, Фотиева посоветовалась с Крупской и Ульяновой. Не исключено также, что инициатива исходила от последних. Они вновь недооценили проворство, обортливость генсека – безусловно, эффект передачи статьи *непосредственно делегатам* (в ходе работы съезда) был бы совсем иным. Особенно – оглашение. Собственно, промашка (или "ошибка" Фотиевой) привела к тому, что 18 апреля под давлением генсека и его команды Президиум XII съезда РКП(б) принял такое решение:

«Слушали:

1. О записках т. Ленина по национальному вопросу, в частности по грузинскому вопросу.

Постановили:

1. а) Огласить эти записки т. Ленина, а также весь материал, относящийся к ним, на заседании "Сеньорен-конвента"⁷³.

б) После этого члены Президиума оглашают вновь этот материал на делегациях съезда.

в) Вместе с этим сообщить "Сеньорен-конвенту" и делегациям решение Пленума ЦК по грузинскому вопросу.

г) Упомянутой записки и материалов на секции по национальному вопросу не оглашать.

Слушали:

2. Вопрос о доведении до сведения членов ЦК РКП(б) содержания записки т. Ленина по национальному вопросу накануне XII съезда РКП, т.е. 16/IV.

Постановили:

2. Президиум XII съезда РКП констатирует, что записка т. Ленина по национальному вопросу стала известной ЦК только накануне съезда, совершенно независимо от воли кого-либо из членов ЦК, а лишь в связи с отданными т. Лениным распоряжениями и с ходом его болезни.

В связи с этим Президиум будет считать распространение каких-либо слухов о задержке оглашений этой записки со стороны кого бы то ни было из членов ЦК клеветой»⁷⁴.

Итак, президиум съезда, к выборам которого генсек приложил немало усилий, принимает решение не оглашать записок Ленина по национальному вопросу (в том числе по "грузинскому делу") на самом съезде. Обошли даже секцию по национальному вопросу. И снова – намек на "ход болезни т. Ленина". Коба потирал руки...

⁷² Там же. С. 159; РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 34. Л. 19.

⁷³ Совещание представителей делегаций.

⁷⁴ Двенадцатый съезд РКП(б) 17–25 апреля 1923 года: Стеногр. отчет. М., 1968. С. 821.

Ленинское "Письмо к съезду" вообще не было оглашено на XII съезде, ибо Крупская, его хранительница, согласно воле Ильича могла вскрыть конверт с "Письмом" и передать его в ЦК и делегатам только после смерти Ленина.

Публицист Е. Яковлев считал неслучайным факт передачи накануне открытия съезда Л. Фотиевой статьи «К вопросу о национальностях или "автономизации"». Он находит во всей процедуре и в самом тексте немало загадочного, ибо в нем есть явные противоречия. "...Описка или фальсификация? – спрашивает Яковлев. – Почему именно за день до открытия съезда Фотиева совершила официальную передачу документов? Копия ленинского письма была у Троцкого. Предполагают, что Крупская в пику Сталину познакомила с документом грузинских коммунистов. Нависла угроза: заметки по национальному вопросу, подготовленные Лениным, неминуемо всплывут на съезде. Не Сталиным ли предпринят решительный контрход? Л. Фотиева передает документ, президиум рассматривает это письмо и решает огласить его по делегациям, не вынося на общее обсуждение. А когда, выступая на съезде, П. Мдивани начинает ссылаться на ленинский документ, его обрывает Л. Каменев: цитирование запрещено!

Задумайтесь – на съезде партии, при жизни Ленина, не разрешают ссылаться на высказанные им положения! Это была для Сталина удачная находка ("маневр-интрига" по определению Е. Яковлева), которая получит вскоре свое продолжение: ленинскую статью *читают по делегациям* с немедленным дезавуирующим его комментарием. На следующем – XIII съезде уже, как бы на бис, проделают то же самое с "Письмом к съезду"... Именно XII съезд стал тихим, для кого-то неприметным, но Рубиконом сталинизма"⁷⁵.

Выступление Сталина на съезде с организационным отчетом и докладом по национальным вопросам не могло не способствовать известному расширению его популярности в партийной массе. Правда, на Пленуме, предшествовавшем форуму, тезисы генсека к докладу "Национальные моменты в партийном и государственном строительстве" были подвергнуты нелюбезной критике и для доработки Сталину были в помощь выделены Раковский и Рудзутак, что в душе Генеральный секретарь рассматривал как выпад против его авторитета – ведь по национальным проблемам он считал себя величиной.

В ходе заседаний так и не получилось серьезного разговора по национальному вопросу, особенно связанному с "грузинским инцидентом" и союзно-республиканским устройством. Попытки начать обстоятельное обсуждение ситуации в сфере национальной и международной тогда предприняли ряд делегатов (Косиор, Красин, Махарадзе, Мдивани и др.). Так, В. Косиор открыто заявил, что основной вопрос "заключается в том, что руководящая группа Центрального Комитета... проводит групповую политику, политику, которая сплошь и ря-

⁷⁵ См.: Яковлев Е. Последний инцидент: Конспект драмы Владимира Ильича // Моск. новости. 1989. 22 янв.

дом не совпадает с интересами партии". Подобные выступления были встречены в штыки лидерами партии, и прежде всего теми, кто блокировался со Сталиным или составлял его "верное окружение" (Каменев, Зиновьев, Молотов, Орджоникидзе, Ворошилов и др.). Например, Абель Енукидзе принялся убеждать собравшихся в том, что ставшая широко известной ленинская позиция по "грузинскому делу", его поддержка "уклонистов" (сталинское их определение) – результат-де плохой информированности серьезно больного человека. Сам Сталин на съезде, почувствовав, что чаша весов клонится в его сторону, развязанно отметил: "Да будет мне разрешено сказать несколько слов по этому надоевшему всем вопросу". Всего же на форуме генсек выступил 8 раз!

Как вспоминал позднее Л. Троцкий, «в комитете старейшин 12-го съезда Сталин говорил уже о завещании Ленина как о документе больного человека, находящегося под влиянием "баб"»⁷⁶ (имея в виду Крупскую и М. Ульянову).

Следовательно, на этом съезде Сталин, как принято говорить, отделался самым легким испугом. В итоге он многое учел в своем последующем продвижении к неограниченной власти, скрупулезно рассматривая отныне все политические перипетии сквозь призму своих узкокорыстных, карьеристских, честолюбивых интересов. Болезнь Ленина, оказавшаяся роковой, явилась спасительным фактором для генсека, а шансы Троцкого стать во главе партии и страны непрерывно уменьшались. И в первую очередь благодаря как ловким хитросплетениям Сталина, так и самоуверенным шагом самого Троцкого. Кобу как мастера интриги и коварства явно недооценили и Троцкий, и Каменев, и Зиновьев, и Бухарин, да и многие другие деятели. На их глазах эта "талантливая посредственность", "схоластик и недоучка" овладевал одной позицией за другой, постепенно и целеустремленно. "Сталин успел зайти слишком далеко, чтобы отступить. Страшась того наступления, которое готовил против него Ленин, Сталин решил пойти напролом"⁷⁷ – с этими словами трудно не согласиться. Однако Троцкий их написал, когда "поезд уже ушел". Своими бесконечными выпадами, дискуссиями, полемическими статьями он невольно поднимал вес руководителя Секретариата ЦК. Одним словом, Троцкий, сам того, конечно, не желая, способствовал укреплению позиций Сталина. Да и общественное мнение было на стороне Генерального, основная масса членов партии считала, что Троцкий ведет губительное противоборство с ВКП(б), ее ленинским курсом. В борьбе с ним, надо признать, генсек проявил незаурядные способности хитрого и коварного политика, сумев использовать сполна в своих интересах и Зиновьева, и Каменева, и Бухарина.

Догадывались ли последние о той роли, которую им определил Коба в своих властолюбивых замыслах? Изучая переписку между этими

⁷⁶ Троцкий Л. Сталин. Т. 2. С. 253.

⁷⁷ Там же.

лидерами ВКП(б) только на протяжении одного 1923 г., убеждаешься в том, что, акцентируя свои действия прежде всего против Троцкого, они все же не могли не замечать и чрезмерного тщеславия Сталина, его растущих непомерных амбиций. 30 июля в письме Каменеву из Кисловодска Бухарин осуждает самоуправство генсека (отмечая и попустительство Каменева) по перекройке редколлегии "Правды". В тот же день Зиновьев в более резких выражениях критикует в письме тому же Каменеву его робость по поводу администрирования Генерального секретаря. "Мы совершенно всерьез глубоко возмущены... – признавался автор письма. – И ты позволяешь Сталину прямо издеваться" – происходят новые назначения, смещения с постов без принятого опроса, учета мнений, путем волевых распоряжений генсека. Может, сам того не подозревая, Зиновьев оказался ближе всего к истине, заявив о "единодержавии Сталина".

"На деле нет никакой тройки (Сталин–Зиновьев–Каменев), – заключал он, – а есть диктатура Сталина. Ильич был тысячу раз прав"⁷⁸.

В ответных письмах Сталин отрицает факты, называя их небылицами, считает высказанные замечания подготовкой разрыва, раскола. Тогда как он "тянет лямку", изнывая, да еще оказывается "виноватым". "С жиру беситесь вы, друзья мои"⁷⁹, – завершает он письмо Бухарину и Зиновьеву 3 августа 1923 г. Особенно активно отводит генсек обвинения его в единоличных решениях.

В письме от 11 августа Сталину Г.Е. Зиновьев и Н.И. Бухарин отмечают, что разговаривать с ним об изменении стиля работы было трудно из-за его раздражительности. Касаясь "Письма к съезду" Ленина, они неосмотрительно пооткровенничали: "Да, существует письмо В.И., в котором он советует (XII съезду) не выбирать Вас секретарем. Мы (Бух[арин]), Камен[ев] и я) решили пока Вам о нем не говорить. По понятной причине: Вы и так воспринимали разногласия с В.И. слишком субъективно, и мы не хотели Вас нервировать"⁸⁰. Едва ли на Сталина подействовали увещевания авторов письма типа: "разве так можно?", "Вы поневоле (сами того не желая) ставили нас десятки раз перед совершившимися фактами", "о разрыве зря говорить" и т.п. и т.д. – все это на генсека никак не воздействовало, ибо порядочность и искренность он считал химерами.

Что поражает в переписке рассматриваемого года – о болезни Ленина Сталин ни разу не сказал ни слова, не поинтересовался, не высказал каких-либо суждений о лечении! Между тем в письмах Бухарина, Зиновьева, Орджоникидзе постоянно высказывались мнения на этот счет. «От Ферстера очень оптимистичное письмо, – сообщал Сталину Г. Зиновьев. – Большое улучшение... Пишет твердо: "гарантирую" etc. Ура!» "Заезжаешь ли хоть изредка в Горки?" – спрашивает Каменева озабоченный Зиновьев. "Был у Надежды Константиновны.

⁷⁸ Изв. ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 196–198.

⁷⁹ Там же. С. 202.

⁸⁰ Там же. С. 205.

Старику немного лучше, но в общем, по словам Ферстера, по-старому" – это из письма Г.К. Орджоникидзе К.Е. Ворошилову 3 августа 1923 г.⁸¹

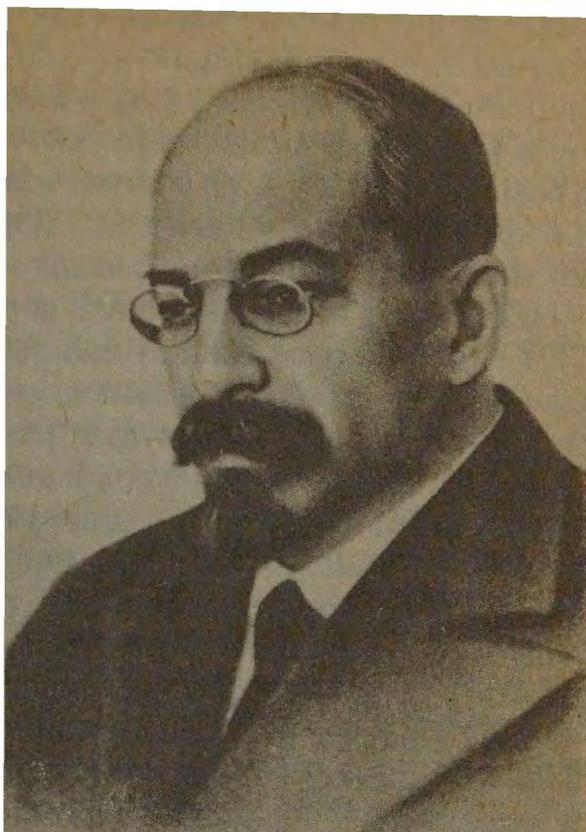
Разумеется, признаки улучшения здоровья Владимира Ильича не могли радовать генсека. Недаром начиная с конца 1922 и по январь 1924 г. (когда Ленин был жив), Сталин не только не посетил его, но даже ни разу не позвонил – ни ему, ни Н.К. Крупской, чтобы справиться о самочувствии больного вождя! Уже в первом бюллетене, опубликованном 12 марта, довольно тревожно сообщалось о резком ухудшении здоровья Владимира Ильича. Всего в печати было помещено 35 официальных сообщений, и большинство из них содержали стандартные формулировки: "без изменения/улучшения состояния".

А затем, когда дело пошло на некоторую поправку, публикация бюллетеней прекратилась.

Для Н.К. Крупской это были тяжелые дни, когда неизвестность просто пугала. Дни, полные тревоги и забот. Надежда на выздоровление периодически сменялась отчаянием, затем вновь наступало призрачное улучшение. Недели за неделями были наполнены уходом за больным, лекарствами, беседами с врачами, занятиями письмом, речью, которая восстанавливалась сравнительно медленно. В целом же Надежда Константиновна держится бодро. По-другому она и не могла – надо хотя бы этим влиять на мужа. "Вопрос об уходе за В.И., – пишет она А.И. Радченко, – решаю не я одна. Уход этот очень тяжел. Главное – ничем нельзя помочь. Сейчас дело более-менее налажено. Ну, как в дальнейшем будет, сказать трудно"⁸².

Постоянно интересовались ходом лечения Владимира Ильича сослуживцы Крупской – работники Наркомпроса РСФСР и нарком А.В. Луначарский. Их отношение к Надежде Константиновне в те дни было особенно внимательным. Ее поддерживали как только могли...

Хотя временами здоровье Ленина (в мае-июне) шло на поправку, в его настроении происходит заметный перелом: он сознательно ограничивает круг своего общения, продолжая следить за тем, что про-

Нарком просвещения РСФСР
А.В. Луначарский

⁸¹ Там же. С. 199, 200, 201.

⁸² РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 781. Л. 32–32 об.

исходит в стране, но часто – как бы со стороны. Всю силу воли мобилизует Владимир Ильич на то, чтобы научиться вновь говорить и писать. Врачи сулили успех – ведь Ленин сохранил полное понимание чужой речи, понимание читаемого про себя. Гарантией восстановления, кроме медицинской помощи и воли пациента, служили его выдержка и систематичность в занятиях. Первоначально они продолжались 15–20 минут, затем даже до 2 часов. Лучше всего эти занятия получались с Надеждой Константиновной, давая ему уверенность в выздоровлении. Понемножку он начинает выписывать книги, знакомится с газетами. Зачитывала наиболее важные места Крупская. Ее тревога за будущее не притуплилась. "В будущее глядеть жутко, я никаким докторам не верю, – вырвалось однажды в ее письме дочерям Инессы Арманд, – и что будет дальше, не знаю, но пока что ожили немного и о будущем думать не хочется, прячешь как страус голову под крыло, чтобы не видеть. Я теперь целые дни с Володей..."⁸³

Новое обострение в июле резко меняет отношение Ленина к своей болезни, к врачам. Со всей трагической очевидностью понимает он необратимость заболевания, предчувствуя близость конца, а значит, зачем столько усилий, хлопот, беспокойств окружающих? Об этом переломе Н.К. Крупская вспоминала, что 1 августа утром Владимир Ильич дал понять – дело иметь с врачами бесполезно, так как все равно вылечить они не в состоянии – ходить не может, руки не действуют, речи нет⁸⁴. Переломить сопротивление Ленина было почти невозможно. Психологически истоки его бунта тонко подметил Л.Д. Троцкий: "Свою беспомощность и прежде всего отсутствие речи при полной ясности сознания Ленин не мог не ощущать как невыносимое унижение. Он уже не терпел врачей, их покровительственного тона, их банальных шуточек, их фальшивых обнадеживаний"⁸⁵.

II

Бытует мнение, что ничто так не говорит о человеке, о его прожитой жизни, его характере как то, как он умирает. Так вот Ленин умирал прежде всего как политик. Несмотря на его желание уйти в мир сиюминутных событий, удержаться в рамках чисто физического существования, судьба страны по-прежнему волновала, заботила, как никогда. Он подошел к мысли о необходимости серьезных перемен в политике, экономике, культуре и понял, что путь к социалистическому обществу тернист и извилист. Кто поднимет знамя, выпадающее из рук уходящего лидера, кто поведет Советскую Россию дальше?

Личности, на которую можно было положиться во всех отношениях,

⁸³ Изв. ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 180.

⁸⁴ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1960. Т. 2. С. 356.

⁸⁵ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 1991. С. 248.

как утверждало абсолютное большинство общественности в то время, не было. Конечно, оставалось детище вождя – созданная им партия, но в ней, особенно в ее верхних эшелонах, воцарялся дух склоки, личного и часто мелкого противоборства, непримиримости, неумения слушать друг друга. Все чаще в полемику проникала грубость, дискуссии сопровождались наклеиванием оскорбительных ярлыков, поиски истины подменялись "оргдрязгами". Апрельский и октябрьский пленумы и губернские партконференции, прошедшие в 1923 г., не принесли удовлетворения, больше настораживали, хотя об их итогах и ходе работы от него, как могли, скрывали близкие. Против проникавшего в государственный аппарат и партийную среду бюрократизма, нарушения демократических принципов и утверждения тоталитаристских начал, исповедуемых генсеком и его окружением, не раз выступали Преображенский, Осинский, Красин, Крупская, Рязанов и особенно Троцкий.

Как показали дальнейшие события, критический анализ положения в партии, предпринятый Троцким в 1923 г., по многим параметрам был совершенно обоснованным. Однако к высказанным предупреждениям этого популярного в годы революции политического деятеля не прислушались. Более того, Троцкий потерпел сокрушительное поражение. В решении Объединенного Пленума ЦК и ЦКК РКП(б), который состоялся 25–27 октября 1923 г., он обвинялся в "натравливании одной части партии против другой". Группировка же Сталина выглядела как защитница "единства партийных рядов и ленинского учения".

Сколько-нибудь заметного неприязненного отношения Ленина к Троцкому, как это пыталось представить окружение генсека, не наблюдалось в рассматриваемое время. Более того, несмотря на имевшие место известные расхождения по ряду вопросов, именно к нему обращается Владимир Ильич с предложениями взять на себя защиту проблемы монополии внешней торговли, "грузинского дела" «Я просил бы Вас очень, – обращался 5 марта 1923 г. Ленин к Троцкому, – взять на себя защиту грузинского дела в ЦК партии. Дело сейчас находится под "преследованием" Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив»⁸⁶. В случае согласия взять на себя его защиту он бы "мог быть спокойным".

Тяжелая болезнь отступала медленно... Когда появились проблески надежды, Н.К. Крупская спешит поделиться этим с дочерью И.Ф. Арманд Инной: "У нас поправка продолжается, хотя все это идет чертовски медленно. У Володи выдержка громадная, старается скрыть от всех, как ему тяжело"⁸⁷.

Не отрывалась Надежда Константиновна в тот сложный период ее жизни от государственных, партийных и творческих дел. К примеру, она активно участвует в работе Объединенного Пленума ЦК и ЦКК

⁸⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329.

⁸⁷ Правда. 1989, 24 февр.

РКП(б). Среди вопросов, обсужденных на его заседаниях, была и информация о здоровье Ленина. Особую полемику вызвало сообщение о внутривнутрипартийном положении в связи с письмами Троцкого. В накалившейся обстановке участники дискуссии порою выходили за грани дозволенного, допускали нетактичные выражения, безответственные выпады, например, такие, как обвинение Троцкого в болезни Ленина и др.⁸⁸

Подобная атмосфера была во многом результатом насаждения генсеком конфронтационного духа, атмосферы недоброжелательства и неприятия инакомыслия.

Крупская с тревогой наблюдала за набирающим силу столь негативным явлением. В откровенном письме Г.Е. Зиновьеву вскоре после Пленума Надежда Константиновна возложила вину прежде всего на Сталина. Зиновьева и Каменева, которые фактически образовали триумvirат в правящем ядре партии и под видом выполнения решений X съезда о запрещении фракций и группировок повели курс на зажим товарищеской критики, взяли "недопустимый тон". "Нельзя создавать атмосферу такой склоки и личных счетов". Больше всего Владимира Ильича, подчеркнула она, "заботил не Троцкий, а национальный вопрос и нравы, водворившиеся в наших верхах. Вы знаете, что В.И. видел опасность раскола не только в личных свойства Троцкого, но и в личных свойствах Сталина и других"⁸⁹.

Л. Троцкий серьезно критиковал на Пленуме бюрократизацию партийного аппарата, которую он видел прежде всего в усилении власти Секретариата ЦК во главе со Сталиным. Под давлением генсека и его сторонников в Политбюро решено было не обнародовать суть начавшегося раскола в верхнем эшелоне партии и не разглашать поэтому писем Троцкого, "Заявления 46-ти", в котором также были вскрыты грубые изъяны в государственном и партийном строительстве, а также резолюцию, принятую по этим документам. Крупская выступала против обеих сторон, но постановлению Пленума подчинилась.

Незадолго до Пленума В.И. Ленин настолько себя почувствовал лучше, что решил, несмотря на протесты Н.К. Крупской, приехать из Горок в Москву. Это было 19 октября. Он посетил Сельскохозяйственную выставку и своей кабинет в Кремле, где, по свидетельствам М.И. Ульяновой, а также Н.К. Крупской, обнаружил пропажу некоторых документов. Как считал Н.В. Валентинов, "эти документы были выкрадены Сталиным или кем-то по его поручению"⁹⁰. Много лет спустя, 14 июля 1956 г., в письме меньшевику Б.И. Николаевскому Валентинов, ссылаясь на известного либерала В.А. Левицкого – пред-

⁸⁸ У сторонников Троцкого, конечно, было больше оснований считать Кобу одним из "стимуляторов" болезни вождя.

⁸⁹ Изв. ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 201–202. Если верить Л. Троцкому, то весной 1923 г. В.И. Ленин предостерегал его такими словами: "Сталин заключит гнилой компромисс, а потом обманет" (*Троцкий Л. Сталин. Т. 2. С. 270*).

⁹⁰ Валентинов Н.В. Наследники Ленина. С. 209.

седателя губернского исполкома в Февральскую революцию, полагал, что Сталин выкрал из квартиры Ленина (она в то время была пустой – все жильцы были в Горках) какой-то документ. Он спрашивал Николаевского (Б.И. Николаевский был родственником А.И. Рыкова): "Как Вы думаете, что это за документ? Он написан до третьего удара Ленина. Значит, можно предположить, время его написания лежит между началом января и началом марта 1923 г. О чем Ленин мог в это время писать и что было столь плохо для Сталина, что он пошел на кражу? Характерно, что Мария Ильинична утверждала, что кража – дело рук Сталина, а Крупская, страшась Сталина, стремилась эту историю замять". Ленин был крайне расстроен⁹¹.

Ответить на этот вопрос Николаевский, как и Валентинов, так и не смог. Он остается открытым и по сей день...

Уже на заре своего восхождения на гребень власти Сталин проявил выдающиеся черты непревзойденного актера и лицемера. Так что высказываемое зачастую мнение, что он пользовался тогда лишь силовыми грубыми методами попросту не соответствует истине. Генсек умел и очаровывать, и прикидываться скромным партийным тружеником, особенно на фоне амбициозных демаршей Троцкого. Даже некоторые помощники больного Ленина постепенно попали под сталинский гипноз (в дальнейшем он сумеет одурманить целый народ). В числе их дежурный секретарь Ленина М.И. Гляссер⁹². Красноречиво об этом свидетельствует ее письмо, направленное 11 января 1923 г. Н.И. Бухарину. Трудно сказать, какие факторы превалировали, когда Гляссер задумала написать это письмо – неприязнь к Троцкому, если не сказать больше, растерянность в связи с предчувствием летального исхода ленинского заболевания, женская слабость перед усилением реальной власти генсека или просто страх перед ним? А, быть может, все вместе? Так или иначе, но Гляссер совершила недопустимый проступок, рассказав соратнику Сталина о "лаборатории" подготовки заметок Ленина по национальному вопросу, особенно о технологии создания статьи «К вопросу о национальностях или об "автономизации"». Ведь как признавалась в этом письме сама Гляссер, Владимир Ильич взял слово с членов образованной им комиссии по проверке материалов по "грузинскому делу" (Горбунов, Фотиева, Гляссер) "держат все в строжайшей тайне до окончания работы и ничего не говорить о его статье".

А далее дежурный секретарь М. Гляссер дает пояснение к этому наказу: "Именно потому, что он был болен и страшно подозрителен..." Иными словами – объяснение в сталинском духе. Помните: "Это говорит не Ленин, это говорит его болезнь".

Автор письма Бухарину корила себя за то, что информировала Ленина о позиции Троцкого, а также Зиновьева по национальному воп-

⁹¹ Там же. С. 221–224.

⁹² М.И. Гляссер (1890–1928) с 1917 по 1924 г. работала в секретариате СНК и СТО; в 1922–1924 гг. дежурный секретарь Ленина.

росу. Корила себя еще за то, что в результате этого и, как она подчеркивала, "благодаря болезни" В.И. Ленин "был не прав по отношению к т. Сталину". При этом дежурный секретарь напоминает, что Владимир Ильич своего запрещения говорить об этом кому бы то ни было не снял, но что она "молчать больше в состоянии..." Однако что же больше всего огорчило помощницу Ленина, с которой часто советовалась и о которой так много заботилась Надежда Константиновна Крупская да и сам Владимир Ильич? Отчего 11 января Гляссер было так "невыносимо тяжело"?

Послушаем дальше: "Особенно тяжело потому, что за два с половиной года работы в Политбюро я, близко видя работу Политбюро, не только научилась глубоко ценить и уважать всех вас, в частности т. Сталина (мне стыдно смотреть на него теперь), но и понимать разницу между линией Вл. Ил-ча и Троцкого"⁹³.

Да, Иосиф Виссарионович уже научился обвораживать, набрасывая на себя в необходимых случаях тогу бескорыстия, правдолюбия и даже благородства. В его сети попали не только люди доверчивые, верившие в истину его слов и показных жестов, но и весьма зрелые революционеры, подлинные интеллектуалы. С явным запозданием, но раньше других, разглядели настоящую суть генсека (наряду с В.И. Лениным и Троцким) пока немногие. И среди них – Надежда Константиновна Крупская.

По настоянию Ленина она продолжала знакомить мужа со всеми событиями, зачитывает выдержки из новейшей политической литературы, внимательно просматривает газеты. Однажды Ленин просил перечсть ему место из книжки Троцкого, где дается характеристика марксизма и ленинизма. "Мне казалось, – отмечала Крупская, – что ко многому он стал подходить как-то по-другому, точно он смотрит издали и подводит какие-то итоги, прочтет, перечитает еще раз и задумается..." Обеспокоила Крупскую реакция Ленина на материалы партконференции, закончившейся 18 января 1924 г. Известия о развернувшихся там баталиях, улавливаемая атмосфера конфронтации приводили Владимира Ильича в состояние заметного возбуждения. Надежда Константиновна вынуждена была познакомить его с резолюциями, стараясь опускать сведения о вспыхнувших разногласиях при их обсуждении. "Суббота и воскресенье, – вспоминала она, – ушли у нас на чтение резолюций. Слушал Владимир Ильич очень внимательно, задавая иногда вопросы. Чувствовалось, что содержание материалов очень его огорчило. Наблюдавшие его в эти последние часы отметили, что он перестал смеяться, шутить, погрузился в какие-то думы"⁹⁴.

20 января Крупская познакомила мужа с материалами Пленума и XIII партконференции, а 21-го в 17 часов 30 минут наступило резкое ухудшение и через час В.И. Ленина не стало.

Интуиция подсказала Надежде Константиновне приближение роко-

⁹³ Изв. ЦК КПСС, 1990, № 9. С. 162–163.

⁹⁴ Минувшее. М., 1989. Кн. 2. С. 170.

Похороны В.И. Ленина на Красной площади 27 января 1924 г.

вого конца. "Вообще, начиная так с четверга, – писала она в своих скорбных заметках, – стало чувствоваться, что-то надвигается: вид стал у Владимира Ильича ужасно усталый и измученный. Он часто закрывал глаза, как-то побледнел, а главное, у него как-то изменилось выражение лица, стал какой-то другой взгляд, точно слепой. Но на вопрос, не болит ли что, он отвечал отрицательно... В понедельник пришел конец"⁹⁵.

Через час Мария Ильинична позвонила в Политбюро и сообщила о кончине Ленина. До Горок члены Политбюро добирались на автосанях. Вот они входят в комнату, где лежал скончавшийся вождь. Впереди всех – Сталин. "Он идет грузно, тяжело, решительно, держа правую руку за бортом своей полувоенной куртки. Лицо его бледно, сурово, сосредоточенно". В.Д. Бонч-Бруевич, которому принадлежат эти слова, так запечатлел картину прощания:

«Порывисто, страстно вдруг подошел Сталин к изголовью. "Прощай, прощай, Владимир Ильич... Прощай!" И он, бледный, схватил обеими руками голову В.И., приподнял, нагнул, почти прижал к своей груди, к своему сердцу, и крепко, крепко поцеловал его в щеки и в лоб... Махнул рукой и отошел резко, словно отрубил прошлое от настоящего»⁹⁶.

Не правда ли впечатляющая картина? Чего здесь, в этой сцене, больше – игры на публику, назидательно-экзальтированного спектакля для товарищей по партии или демонстрации горя? Во всяком случае

⁹⁵ Изв. ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 174–175.

⁹⁶ Красная новь. 1925. № 1. С. 189–190.

лично для генсека смерть Ленина пришла в довольно благоприятный момент. Позиции Сталина серьезно укрепились – Троцкий, соперник номер один, потерпел на прошедшей конференции поражение.

Похороны Ленина были поистине всенародными, как всенародным было и горе, которое испытали тогда миллионы трудящихся. Сам ритуал похорон вождя, разработанный Комиссией ЦИК СССР под председательством Ф.Э. Дзержинского⁹⁷, был не только проявлением массовой тяги к мероприятиям такого рода, но и данью искреннего, огромного уважения к мыслителю и признанному вождю, под руководством которого страна была вырвана из опустошительной изнурительной войны, крестьяне получили землю, было провозглашено равенство народов России, обеспечена юридическая свобода женщин; из руин поднимался новый мир, объявивший поход против безработицы, беспризорности и массовой неграмотности, межнациональной розни и нищеты, открывший всему трудовому люду двери к знаниям и культуре. Провозглашенная В.И. Лениным новая экономическая политика предоставляла широкие возможности для делового предпринимательства, хозяйственного прогресса и благосостояния населения.

Откроем "Британскую Энциклопедию" Там можно найти такие строки:

"Если большевистская революция является – как некоторые называют ее – самым значительным политическим событием двадцатого столетия, тогда Ленин должен рассматриваться, считая это благом или злом, как самый значительный политический лидер нашего века. Не только в Советском Союзе, но и многие некоммунистические ученые считают его одновременно величайшим революционным лидером и революционным государственным деятелем истории, а также величайшим революционным мыслителем после Маркса".

...Нескончаемым потоком люди шли проститься с основателем Советского государства и признанным вождем масс. С человеком, впервые в истории начавшим реализацию вековой, а в определенном смысле и утопической мечты о создании общества всеобщего равенства и социальной гармонии. И не его вина, что эта будоражившая умы идея (и, к слову сказать, пришедшая в Россию с Запада) была до неузнаваемости извращена, искорежена его преемниками, прежде всего и в основном Иосифом Сталиным, лицемерно называвшим себя при каждом случае "верным учеником Ленина", а на деле яростно внедрявшим в жизнь бутафорно-лозунговую полуказарменного типа модель общества, которую при этом он продолжал именовать социализмом.

Под предлогом необходимости сплоченности и железной дисциплины "в столь тревожные дни" Сталин уже 30 января проводит через Комиссию по похоронам⁹⁸ обсуждение вопроса «О запрещении т. Дзержин-

⁹⁷ В Комиссию входили также А. Енукидзе, К. Ворошилов, Н. Муралов, В. Молотов, В. Аванесов, В. Бонч-Бруевич, Л. Красин, М. Лашевич.

⁹⁸ Присутствовали также А. Беленький, К. Цинцивадзе и Р. Петерсон.

ским распространения издания "Завещание Ленина"». Выносится постановление: "Запрещение подтвердить"⁹⁹. Крупскую, хранительницу "Завещания", уведомили после заседания...

Видимо, решения могло и не быть в присутствии Л. Троцкого, но он находился на юге. Сталин же дал ему заведомо лживую телеграмму, что похороны состоятся 26-го (а не 27-го) января, сорвав тем самым его своевременное возвращение. «Шифрованная телеграмма о смерти Ленина, – вспоминал Л. Троцкий, – застала нас с женой на вокзале в Тифлисе. Я сейчас же послал в Кремль по прямому проводу шифрованную записку:

"Считаю нужным вернуться в Москву. Когда похороны?"

Ответ прибыл из Москвы примерно через час:

"Похороны состоятся в субботу, не успеете прибыть вовремя. Политбюро считает, что Вам, по состоянию здоровья, необходимо ехать в Сухум.

Сталин"

Требовать отложения похорон ради меня одного я считал невозможным»¹⁰⁰.

Особенно фальшивой выглядела трогательная ссылка на состояние здоровья, да еще прикрываясь Политбюро.

На II Всесоюзном съезде Советов (26 января) были приняты решения об увековечении памяти Владимира Ильича Ленина.

Траурное заседание проходило в Большом театре. Долгие годы в советской литературе дело изображалось так, что на заседании со своей "клятвой" выступил один Сталин. Между тем первым выступил Калинин, затем Крупская, Зиновьев и четвертым Сталин. Кроме того, речи произнесли Бухарин, Клара Цеткин, Томский, Нариманов, Шабдурасулов, Краюшкин, Сергеев, Зверева, Каменев, Ольденбург, Ворошилов, Рыков, Смородин. Широким потоком поступали письма и телеграммы с просьбами не предавать тело Ленина земле, а поручить ученым сохранить его облик на долгие годы для будущих поколений.

Взвесив все факторы, Н.К. Крупская согласилась с ними. "Надежда Константиновна, – вспоминал В.Д. Бонч-Бруевич, – с которой я интимно беседовал по этому вопросу, была против мумификации Владимира Ильича. Но идея сохранения облика Владимира Ильича столь охватила всех, что была крайне необходимой, крайне нужной для миллионов пролетариата, и всем стало казаться, что всякие личные соображения надо оставить и присоединиться к общему желанию"¹⁰¹.

Особо подчеркнем, что Крупская никогда не жалела о принятом решении, она вместе с делегатами II Всесоюзного съезда голосовала за принятие постановления о сохранении тела Ленина и голосовала за постановление о строительстве Мавзолея. Так что пущенные в наши

⁹⁹ РЦХИДНИ. Ф. 16. Оп. 2. Д. 48. Л. 41; Изв. ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 200.

¹⁰⁰ См.: Троцкий Л. Портреты. Benson; Vermont, 1984. С. 57–58.

¹⁰¹ См.: Абрамов А. Факты против умыслов // Сел. жизнь. 1991. 13, 17, 19 апр.

дни версии о якобы имевшим место "завещании Ленина" похоронить его на Волковском кладбище в Петрограде (один из авторов услышал эту легенду... в детстве!) – вымысел, а точнее, политическая сплетня.

На следующий день похорон В.И. Ленина Надежда Константиновна, оставшись одна, сядет за письменный стол, возьмет ручку и бумагу и напишет Инне Арманд такое письмо: "Милая, родная моя Инночка, схоронили мы Владимира Ильича вчера. Хворал он недолго в последний раз. Еще в воскресенье мы с ним занимались, читала ему о партконференции и о съезде Советов. Доктора совсем не ожидали смерти и еще не верили, когда началась уже агония. Говорят, он был в бессознательном состоянии, но теперь я твердо знаю, что доктора ничего не понимают. Вскрытие обнаружило колоссальный склероз. Могло быть много хуже, могли быть новые параличи... Каждый новый припадок заставлял холодеть. Сейчас гроб еще не заделали, и можно будет поглядеть на Ильича еще. Лицо у него спокойное, спокойное. Стоял он в Доме Союзов, было там все очень хорошо и торжественно и необычно...

Все товарищи очень внимательны и ласковы к нам. Жили мы все эти дни в Доме Союзов, это было очень удобно. Снимки в гробу хорошие, я пошлю их тебе"¹⁰².

Примечательно, что усыпальницу В.И. Ленина Н.К. Крупская посещала многократно, нередко вместе с М.И. Ульяновой. Последний раз в Мавзолее она была за несколько месяцев до своей кончины в 1938 г. Профессор Б.И. Збарский, сопровождавший ее, вспоминал: «Она взглянула на Владимира Ильича и сказала: "Борис Ильич, посмотрите, он все такой же, а я старею"» (Збарский был одним из бальзаминаторов). Ей было тогда около семидесяти.

Племянница В.И. Ленина, Ольга Дмитриевна Ульянова с полной убежденностью заявляет, что появившиеся разговоры о каком-то предсмертном желании Ильича не соответствуют действительности. "Все свои детские и юношеские годы, – свидетельствует она, – я провела вместе с членами семьи Ульяновых – моим отцом Дмитрием Ильичем, с Марией Ильиничной, Анной Ильиничной и Надеждой Константиновной в Кремле и в Горках... Никогда никто из них не говорил о том, что существовало какое-то ленинское завещание по поводу захоронения"¹⁰³. И бесполезно делать многозначительные намеки на то, что где-то в закрытых сейфах покоится сей "документ", как это сделала, к примеру, газета "Московские новости", снабдившая фальшивку-заметку заголов-

¹⁰² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 339.

¹⁰³ См.: Сел. жизнь. 1991. 19 апр. Явно фальшивой выглядит забота отдельных лиц сегодня похоронить Ильича "по христианскому обычаю", хотя хорошо известно, что Ленин был убежденным атеистом. Поскольку личных его распоряжений по данному поводу не было, а есть решение съезда, отразившего волю масс, и согласие родных, зачем понадобились предложения о "перезахоронении"? И почему в таком случае не ставится подобный вопрос в отношении ряда усопших священнослужителей и царских особ, покоящихся в саркофагах и не преданных земле?

ком "Волю покойного надо выполнить". Осталось-де лишь отыскать ту бумагу. Однако этого "завещания" просто нет в природе, оно никогда не существовало...

Как показала дальнейшая история, Сталин довольно обстоятельно использовал Мавзолей и связанные с ним ритуалы для раздувания собственного культа личности. Ведь возвращенная им мощная пропаганда сравнительно скоро объявила Иосифа Виссарионовича "Лениным сегодня". А потом пришло время, когда собственноручно ("без ложной скромности") Сталин вписал это открытие в верстку своей биографии.

* * *

Долгие годы опасно было рассуждать на тему, просил ли Ленин яд у Сталина? Да кроме того сама мысль, что Ленин попросил яд казалась кощунственной: как может такой человек, почти земной бог (каким его сделала сталинщина) и вдруг проявлять такую непростительную слабость!? Ведь это фактически покушение на самоубийство! И фигура Сталина...

Однако слухи и легенды продолжали жить, усилившись в последние десятилетия. Первым, кто открыто поведал об этом миру, был Л.Д. Троцкий. Часто сообщения Троцкого о фактах сталинских злодеяний воспринимались на Западе как желание лишней раз показать всю низость и отвратительность Сталина, который не останавливался ни перед чем для достижения своих властолюбивых целей. А поскольку Троцкий не во всех случаях был абсолютно точен, высказываемые им факты нередко оценивались с сомнением. Достаточно было Льву Давидовичу как-то опереться на непроверенные данные или сместить некоторые временные рамки, как доверие к отдельным сообщаемым им важным эпизодам из истории политической жизни СССР в 20-е годы стало падать.

Так и в данном случае. Ведь Троцкий стал настаивать на версии, что Сталин отравил Ленина, только в конце 30-х годов. "Процесс Ягоды и других, – разъяснял он, – заставил меня снова посмотреть эту главу в истории Кремля. Наиболее из всех приближенное к Сталину лицо оказалось профессиональным отравителем, причем к услугам его по этой части стояли главные врачи кремлевской больницы, те самые, которые лечили членов правительства, начиная с Ленина... Может быть, именно Ленин своей просьбой натолкнул Сталина на мысль, что при соответствующих условиях яд может быть очень действенным средством для устранения препятствий"¹⁰⁴. Смерть Ленина, считал Троцкий, "могла произойти и нормальным путем, но могла быть и ускорена. Факт таков, что она наступила внезапно, после периода медленного улучшения".

Троцкий теряется в догадках: почему Сталин сообщил членам Политбюро об этой ужасной просьбе Ленина к Сталину – дать ему яд?

¹⁰⁴ Троцкий Л. Сталин. Т. 2. С. 255.

Сталин, по его убеждению, прекрасно знал, что на Политбюро это не встретит никакой поддержки. Но тогда, кроме "легального пути", останется доставка яда другим путем: среди, например, охраны больного Ильича были и люди Сталина и "никто никогда не узнал бы, кто именно оказал больному эту услугу. Сталин мог сослаться всегда на то, что ввиду его отказа по решению Политбюро Ленин нашел, очевидно, какой-то иной источник. Зато на случай открытия дела, вскрытия тела и обнаружения отравы преимущества предупреждения были поистине неоценимы: все члены Политбюро ЦК РКП(б) хорошо знали, что Ленин хотел достать яд. Сталин вполне легально предупредил об этом Политбюро. С этой стороны Сталин обеспечивал себя, таким образом, полностью".

Остается самый главный вопрос: было ли тело Ленина подвергнуто обследованию? – спрашивал далее в ходе рассуждений автор книги о генсеке и его главный соперник. И отвечает: "Вряд ли кто-либо потребовал этого. Во всяком случае не Сталин, который вместе с Зиновьевым и Каменевым был хозяином положения – руководил всем, что касалось смерти, вскрытия, извещения населения, затем похорон"¹⁰⁵.

Откровенная фальсификация исторических событий, по замечанию Р. Такера, "противоречила характеру Троцкого. Кроме того, нет ничего невероятного в том, что Ленин, опасаясь длительного периода паралича, который мог предшествовать смерти, попросил яду, и именно у Сталина, уполномоченного партией следить за соблюдением больным предписанного врачами режима". Кроме того, отмечал историк, ничем не подтверждается гипотеза Троцкого о том, что Сталин, возможно, "на свой страх и риск взялся исполнить просьбу Ленина"¹⁰⁶.

Под сомнение это известие Троцкого (по поводу просьбы Ленина о яде) попало и потому, что сам факт сообщения Сталина на Политбюро, по словам Троцкого, произошел в *конце февраля 1923 г.*: в присутствии Зиновьева и Каменева (и самого Льва Давидовича) генсек заявил, что его, Сталина, *внезапно* вызвал Ленин и просил яду. На замечание Троцкого, что доктор Ф. Гетье (домашний врач Ленина и Троцкого) не отказался от надежды на выздоровление Владимира Ильича, Сталин ответил: "Я высказал ему все это ... Но он не желает слушать никаких доводов. Старик мучается и хочет иметь яд под рукой. Он использует его только в том случае, если убедится, что положение безнадежно". Троцкий добавил, что голосования не проводилось, все отвергли просьбу "с ходу", и если он может ошибиться в некоторых деталях эпизода, то не в том, что он имел место¹⁰⁷.

Льву Троцкому поверили немногие и, возможно, потому, что нетрудно было установить факт: *после встречи в декабре 1922 г. Сталин ни разу у Ленина не был и не разговаривал с ним.* Недоверие подкрепля-

¹⁰⁵ Там же. С. 256–257.

¹⁰⁶ Такер Р. Указ. соч. С. 253.

¹⁰⁷ Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence. N.Y., 1967. P. 357.

лось и тем (на это обратил внимание Л. Фишер)¹⁰⁸, что известие об эпизоде Троцкий обнародовал только в конце 1939 г., написав статью под названием "Отравил ли Сталин Ленина?". Правда, Р. Такер, резонно поддерживая мнение коллеги, вместе с тем справедливо замечает, что он не относит к необъяснимым феноменам тот факт, что Л. Троцкий не упоминал данный эпизод и свои подозрения столь длительное время, ибо "он мог так поступить, беспокоясь о судьбе близких людей, все еще оставшихся в России". И еще: "Существенным представляется и то обстоятельство, что Троцкий планировал включить этот эпизод в биографию Сталина" (а к ней он приступил в основном с 30-х годов)¹⁰⁹.

Рассматриваемый вопрос, можно сказать, прояснился только недавно в связи с публикацией воспоминаний и других документов М.И. Ульяновой. Для точности укажем, что в 1926 г. в письме Марии Ильиничны в президиум Объединенного Пленума ЦК и ЦКК РКП(б) она сообщала о том, что весной 1922 г. во время первого удара и в декабре 1922 г. того же года во время второго удара Ленин "вызывал Сталина к себе и обращался к нему с самыми интимными поручениями, поручениями такого рода, что с ними можно обратиться к человеку, которому особенно доверяешь..."¹¹⁰. Из приведенной выдержки участникам Пленума трудно было понять, о чем идет речь. И кроме того, каких-либо сведений о *вызове* Лениным Сталина во время второго приступа обнаружено не было. Промолчали об этом и Сталин, и Крупская, присутствовавшие на Пленуме...

М.И. Ульянова сделала заявление в письме и о том, что Сталин принес извинения Крупской за нанесенную им обиду¹¹¹. Правда, когда Мария Ильинична утверждала это, она уже стала вносить свой вклад в мифологизацию Сталина, т.е. перешла на позиции данного пиетета перед ним.

Только в 1989 г. был обнародован документ, проливающий, как нам думается, свет на многолетнюю загадку о яде¹¹². Кроме того, прояснила вопрос и публикация в 1991 г. воспоминаний М.И. Ульяновой. "О Владимире Ильиче" в журнале "Известия ЦК КПСС".

Документ, о котором идет речь, был обнаружен среди личных бумаг М.И. Ульяновой после ее кончины (точная дата записи не установлена). "Не знаю точно когда, – писала Мария Ильинична, – но как-то в этот период (т.е. в начале 20-х годов. – *Авт.*) В.И. сказал Сталину, что он, вероятно, кончит параличом, и взял со Сталина слово, что в этом случае тот поможет ему достать и даст ему цианистого калия. Сталин обещал". Почему Ленин обратился именно к Сталину с такой

¹⁰⁸ Fischer L. The Life of Lenin. N.Y., 1964. P. 677–678.

¹⁰⁹ Такер Р. Указ. соч. С. 268.

¹¹⁰ Изв. ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 196.

¹¹¹ В 1989 г. был воспроизведен факсимильный вариант письма. Он был написан ... рукой Бухарина (!), что красноречиво показывает "лабораторию", степень искренности и "авторства" М.И. Ульяновой. Во всем заявлении не хаватает главного – свидетельства самой Крупской!

¹¹² Изв. ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 194.

просьбой? Ответ Ульяновой был таков: "Потому что он знал его за человека твердого, стального, чуждого всякой сентиментальности. Больше ему не к кому было обратиться с такого рода просьбой"¹¹³.

Насчет "чуждого всякой сентиментальности" – эту черту генсека Мария Ильинична подметила точно. Дальнейшее описание происходящего не обошлось без преувеличений: "С той же просьбой обратился В.И. к Сталину в мае 1922 г. (видимо, 30 мая. – *Авт.*) после первого удара. В.И. решил тогда, что все кончено для него, и потребовал, чтобы к нему вызвали на самый короткий срок Сталина. Это просьба была настолько настойчива, что ему не решились отказать. Сталин пробыл у В.И. действительно минут 5, не больше. И когда вышел от Ильича, рассказал мне и Бухарину, что В.И. просил его доставить ему яд, так как, мол, время исполнить данное раньше обещание пришло. Сталин обещал. Они поцеловались с В.И. и Сталин вышел. Но потом, обсудив совместно, мы решили, что надо ободрить В.И., и Сталин вернулся снова к В.И. Он сказал ему, что, переговорив с врачами, он убедился, что не все еще потеряно, и время исполнить просьбу не пришло. В.И. заметно повеселел и согласился, хотя и сказал Сталину: "Лукавите?" "Когда же Вы видели, чтобы я лукавил", – ответил ему Сталин. Они расстались и не виделись до тех пор, пока В.И. не стал поправляться, и ему не были разрешены свидания с товарищами»¹¹⁴.

Более пространно излагается этот эпизод Марией Ильиничной в ее воспоминаниях "О Владимире Ильиче (Последние годы жизни)". Из воспоминаний вытекает, что ряд существенных деталей приводится... со слов Сталина, за достоверность которых трудно ручаться. Например, *что* говорил ему во время встречи Ленин и даже то, что они поцеловались перед уходом Кобы.

«30 мая, – писала М.И. Ульянова, – Владимир Ильич потребовал, чтобы к нему вызвали Сталина. Уговоры Кожевникова отказать от этого свидания, так как это может повредить ему, не возымели никакого действия. Владимир Ильич указывал, что Сталин нужен ему для совсем короткого разговора, стал волноваться, и пришлось выполнить его желание.

Позвонили Сталину, и через некоторое время он приехал вместе с Бухариным. Сталин прошел в комнату Владимира Ильича, плотно прикрыв за собой по просьбе Ильича дверь. Бухарин остался с нами¹¹⁵ и как-то таинственно заявил: "Я догадываюсь, зачем Владимир Ильич хочет видеть Сталина". Но о догадке своей он нам на этот раз не рассказал. Через несколько минут дверь в комнату Владимира Ильича открылась, и Сталин, который мне показался несколько расстроенным, вышел. Простившись с нами, оба они (Бухарин и Сталин) направились мимо

¹¹³ Там же. С. 197.

¹¹⁴ Там же. С. 198.

¹¹⁵ По-видимому, речь идет также о Крупской Н.К.

большого дома через домик санатория¹¹⁶ во двор к автомобилю. Я пошла проводить их. Они о чем-то разговаривали друг с другом вполголоса, но во дворе Сталин обернулся ко мне и сказал: "Ей (он имел в виду меня) можно сказать, а Наде (Надежде Константиновне) не надо". И Сталин передал мне, что Владимир Ильич вызывал его для того, чтобы напомнить ему обещание, данное ранее, помочь ему вовремя уйти со сцены, если у него будет паралич.

"Теперь момент, о котором я Вам раньше говорил, – сказал Владимир Ильич, – наступил, у меня паралич, и мне нужна Ваша помощь". Владимир Ильич просил Сталина привезти ему яду. Сталин обещал, поцеловался с Владимиром Ильичем и вышел из его комнаты. Но тут, во время нашего разговора, Сталина взяло сомнение: не понял ли Владимир Ильич его согласие таким образом, что действительно момент покончить счеты с жизнью наступил и надежды на выздоровление больше нет?»

Далее Мария Ильинична приводит такое признание генсека: "Я обещал (!), чтобы его успокоить, но, если он в самом деле истолкует мои слова в том смысле, что надежды больше нет? И выйдет как бы подтверждение его безнадежности?"¹¹⁷ Обсудив это, мы решили, что Сталину надо еще раз зайти к Владимиру Ильичу, – продолжала М.И. Ульянова, – и сказать, что он переговорил с врачами и последние заверили его, что положение Владимира Ильича совсем не так безнадежно, болезнь его не неизлечима и что надо с исполнением просьбы Владимира Ильича подождать. Так и было сделано".

Таким образом, фактически Сталин соглашался на соучастие в самоубийстве Ленина. А лицемерные его словесные пассажи дела не меняли. Не делает чести и Марии Ильиничне ее позиция – бестрастная и странная. Вторично тогда, по ее словам, Сталин пробыл у Ленина еще меньше, чем в первый раз, а выйдя, сказал ей и Бухарину, что больной "согласился подождать". Успокоило его и то, что Сталин обещал помочь с ядом, если "надежды действительно не будет".

Из воспоминаний М.И. Ульяновой можно заключить, что особенно настойчиво Ленин потребовал яд 22 декабря 1922 г. Она приводит его разговор в тот день с Л. Фотиевой. «...Владимир Ильич вызвал меня в 6 часов вечера, – записала секретарь, – и продиктовал следующее: "Не забыть принять все меры достать и доставить... в случае, если паралич перейдет на речь, цианистый калий как меру гуманности и как подражание Лафаргам..."»¹¹⁸

О том, что Сталин информировал Политбюро о личной просьбе к

¹¹⁶ М.И. Ульянова имеет в виду санаторий "Горки" МК РКП(б).

¹¹⁷ Врач А.М. Кожевников в тот день записал о том визите и теме разговора: "Приезжал Сталин. Беседа о suicidium" (самоубийстве – лат.) (Изв. ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 198).

¹¹⁸ «Ленин прибавил при этом: "Эта записка вне дневника. Вы понимаете? Понимаете? И я надеюсь, что Вы это исполните"... Велел хранить в абсолютной тайне» (Там же. № 6. С. 191).

нему Ленина – дать цианистый калий ввиду роковой болезни, – сохранилось письмо генсека, адресованное высшему руководству партии. Именно этот документ продемонстрировал по телевидению 21 апреля 1994 г. Д.А. Волкогон, сопроводив передачу пространными комментариями, которые большей частью почти не имели отношения к обнаруженному письму¹¹⁹.

Из записки выяснилось, что Надежда Константиновна не просто знала об ужасной просьбе мужа, но и сама имела возможность выполнить данное требование Владимира Ильича, но не решилась на это. Разумеется, укорять ее за "малодушие" кощунственно, ведь речь шла фактически об убийстве или содействии самоубийству бесконечно любимого ей человека...

Решительно высказалось против исполнения указанной воли Ленина все ближайшее его окружение – на документе сохранились пометки лидеров партии (Каменева, Зиновьева, Бухарина и др.), которые саму эту просьбу, естественно, сочли жестокой и страшной. Вместе с тем такого настроения не чувствовалось в сталинском письме: холодные, рубленые фразы, беспристрастная констатация ситуации...

Следует заметить, что мысль о добровольном уходе из жизни возникла у Ленина не вдруг. В 1911 г. социал-демократы Европы были потрясены известием о самоубийстве супругов Лафарг – Поля и его жены Лауры, дочери К. Маркса, которые, находя, что в старости человек становится бесполезным для революционной борьбы, покончили с собой (отравились газом). В.И. Ленин от имени российских социал-демократов выступал на похоронах Лафаргов, а в беседе с Надеждой Константиновной так прокомментировал их смерть: "Если не можешь больше для партии работать, надо уметь посмотреть правде в глаза и умереть как Лафарги"¹²⁰. Революционный фанатизм, верность избранному делу до конца читаются в этой фразе. Эпизод с ядом в своих воспоминаниях и записках Надежда Константиновна Крупская обходит молчанием. Вполне допустимо, что все это ей было больно вспоминать. А Мария Ильинична (не забудем, что написаны ею эти строки были в период острой схватки с Троцким и его сторонниками) словно любителю, описывая доверительную сцену и "безупречную дружбу двух великих людей"...

¹¹⁹ Выступление Волкогона под интригующем заголовком "Яд для вождя" было приурочено к 124-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина. Несмотря на весьма конкретный сюжет рассказа, генерал сумел в краткой передаче выразить свою неприязнь к Ленину, в очередной раз перечеркивая то, о чем сам с пафосом писал совсем недавно. Телезрителям доказывалось, что Ленин – такой же жестокий человек и преступник, как Сталин (оба они "продукты одной системы"), что он не умел руководить страной, зачастую пользуясь записочками, что он издавна прибегал к услугам врачей-психиатров, а в октябре 1917 г. сумел стать догадливее всех, подняв с земли обретенную "гениальным революционером" Керенским власть и прервав благодатный путь России после Февраля, и пр. Тягостное впечатление оставила и сопровождавшая телепередачу демонстрация нарочито подобранных любительских фотоснимков 1923 г. с показом тяжелобольного человека.

¹²⁰ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 148.

Больше к мысли о добровольном уходе из жизни после декабрьского приступа, судя по всему, Ленин не возвращался, однако не может быть, чтобы где-то в глубине души у него не появилось чувство недоверия к тому, кто оказался свидетелем его минутной слабости. Представьте себе на мгновение, что вы оказались в аналогичной абсурдистской ситуации и ваш близкий друг, пусть после уговоров, соглашается дать вам яд. Затем черная полоса проходит, вам становится лучше, возвращается осознание жизни во всем многообразии ее красоты и прелестях бытия. Однако прошлое не забывается и нет-нет да и всплывает мысль – что это за друг, который (потребовалось 5 минут!) так легко согласился фактически на убийство, и чего еще можно ожидать от такого человека? Этика бойцов революции и беспощадна, и сурова – но все же...

Обратите внимание и на такую деталь: Ленин заметно повеселел, когда получил (пусть даже фальшивый) отказ в исполнении просьбы. Возможно, и этот эпизод вспоминался, когда, взвесив все обстоятельства, Владимир Ильич обращался с "Письмом к съезду".

* * *

Со смертью Ленина Горки опустели...

Некоторое время Н.К. Крупская живет там, затем переезжает в Москву и уже почти не появляется в доме среди до боли знакомых подмосковных деревьев, тропинок и аллей. Доме, полном печали и страданий. Горе, обрушившееся одиночество Крупская переживает мужественно, отвлекаясь работой по разбору ленинских бумаг, продумывает будущие разделы воспоминаний, прилагает все силы к тому, что хотел осуществить Владимир Ильич. С этим призывом обращается она ко всем трудящимся в незабываемые январские скорбные дни: "В истории были случаи, что учения великих революционеров искажались после их смерти. Из них делали безвредные иконы, предоставляя их имени почет, притупляли революционное острие их учения"¹²¹. Предупреждала и не раз, чтобы не делали из Ильича икону, не уходили во внешнее почитание его личности. "Не устраивайте ему памятников, – призывала она, – дворцов его имени, пышных торжеств в его память и т.д. – всему этому он придавал при жизни так мало значения, так тяготился всем этим"¹²².

День за днем, месяц за месяцем восстанавливала она в памяти события последнего периода в жизни Ленина. Уже 3 февраля заканчивает воспоминания "Последние полгода жизни Владимира Ильича" "...Мне хочется, мне нужно быть одной, – признается она Алисе Радченко, – иначе нервы не выдерживают". И в другом письме ей же: "Теперь сердце понемногу приходит в норму"¹²³.

¹²¹ Правда. 1924. 30 янв.

¹²² Там же.

¹²³ РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 718. Л. 47, 49. Из письма к Н.В. Воровской: "...не успела я приехать в Москву, как меня взяли в переплет со всех сторон, и я даже опомниться не успела, как у меня получился 14-часовой рабочий день" (Там же. Д. 725. Л. 163).

Сохранились пять копий ее первых воспоминаний о Ленине на последнем отрезке его жизненного пути. На одной копии ее пометка: "Совершенно секретно. Не для печати. Н.К.", на второй – "Пока не для печати" Два экземпляра она передает Н. Бухарину и Л. Каменеву, один оставляет себе. Уже тогда она начинает понимать, что ни в чем не следует доверять Сталину, да и не был он по-человечески близок ни ей, ни Ленину – и свои доверительные заметки ему не посылает.

И вот засекреченные воспоминания о последних полгода жизни Ильича так и пролежали десятилетия в архиве. Только недавно они увидели свет...

Надежда Константиновна неукоснительно стремилась выполнить завещание В.И. Ленина, довести до сведения партийной массы, широкой общественности его последние произведения и статьи. Наибольшие трудности возникают с преданием гласности "Письма к съезду" Значение ленинского "Письма к съезду" объяснялось как своеобразными условиями формирования партии, ориентированной еще с дореволюционных времен во многом на личность вождя, так и фигурой Сталина, в деятельности которого, чертах характера Владимир Ильич Ленин разглядел опасность раскола и перерождения самой организации. Ленин, надо полагать, осознавал и то, что Сталин своими необузданными действиями способен дискредитировать и саму идею социализма, разрушить демократические принципы внутрипартийной жизни.

Н.К. Крупская не без основания очень беспокоилась за судьбу статей, писем, записок, составивших "Завещание" Ленина. Нельзя при этом не заметить, что справедливой представляется точка зрения, согласно которой "Завещание" не смогло в силу сосредоточения власти у Сталина сыграть роль в крутом изменении положения в партии и стране, на что рассчитывал тяжелобольной вождь.

В соответствии с волей В.И. Ленина "Письмо к съезду", включая добавление от 4 января 1923 г., Надежда Константиновна передала в Центральный Комитет партии 18 мая 1924 г., т.е. за пять дней до открытия очередного XIII съезда РКП(б). Сохранился специальный протокол, фиксировавший передачу конвертов с ленинскими документами ("Завещанием"), где рукой Крупской было написано:

"Мною переданы записи, которые Владимир Ильич диктовал во время болезни с 23 декабря по 23 января, – 13 отдельных записей¹²⁴. В это число не входит еще запись по национальному вопросу (в данную минуту находящаяся у Марии Ильиничны).

Некоторые из этих записей уже опубликованы (о Рабкрине, о Суханове). Среди неопубликованных записей имеются записи от

¹²⁴ Совершенно беспочвенным и несуразным выглядит заявление одного "исследователя" на Международной конференции "Россия в XX веке" (1993 г.), будто «Крупская подделала некоторые положения в "Завещании"». В печати появилась также информация о том, что, вполне возможно, Сталин или кто-то из его приближенных внесли некоторые коррективы в "Завещание", а может, утаили ряд положений. Такая версия, конечно, требует тщательной проверки. См.: *Буранов Ю.* Как завещал Ленин? // Новое время. 1992. № 17. С. 62–63.

24–25 декабря 1922 года и от 4 января 1923 года, которые включают в себе личные характеристики некоторых членов Центрального Комитета. Владимир Ильич выражал твердое желание, чтобы эта его запись после его смерти была доведена до сведения очередного партийного съезда"¹²⁵.

По всей вероятности, материал, переданный Н.К. Крупской, сначала попал к генсеку. Ссылаясь на мнение очевидцев, Троцкий сообщил, что пакет был вскрыт Сталиным и присутствии его помощника Льва Мехлиса и работника аппарата ЦК Сергея Сырцова. После прочтения документов генсек якобы разразился бранью в адрес Ленина¹²⁶. Трудно ручаться за достоверность этого факта, но мы знаем теперь, что Иосиф Виссарионович позволял себе и не такое...

21 мая предсъездовский Пленум ЦК заслушал сообщение Каменева от имени комиссии. Эмигрировавший впоследствии за границу один из технических секретарей заседания (он был сотрудником Секретариата ЦК) Б. Бажанов так описывал реакцию зала: "Мучительная неловкость парализовала собрание. Сталин, сидевший в президиуме, чувствовал себя приниженным и жалким. Несмотря на самообладание и деланное спокойствие, по лицу Сталина было видно, что решалась его судьба"¹²⁷.

Для сильного волнения у генсека были основания: в тот период, несмотря на наличие таких верных соратников, как Молотов, Орджоникидзе, Ворошилов, Киров, Микоян, а также тесно примыкавших тогда к нему Бухарина, Зиновьева и Каменева, Иосиф Сталин еще не контролировал в тот момент Центральный Комитет, хотя неуклонно шел к заветной цели. В этом смысле можно согласиться с утверждением ряда историков Запада (Р. Такер, И. Дойчер, Л. Фишер, Р. МакНил и др.)¹²⁸, что невыполнение Пленумом воли Ленина не показатель силы и влияния тогда Сталина как Генерального секретаря, а результат его ловких политических маневров среди руководящей группы. И Каменев, и Зиновьев все еще смотрели на Кобу как на младшего партнера в соперничестве с Троцким и оценивали генсека как человека с ограниченными политическими способностями. Боязнь прихода к власти Троцкого толкала в лагерь Сталина и таких революционеров, как Калинин, Дзержинский, Рыков, Куйбышев, Рудзутак, Петровский и др.

Поэтому настойчивые призывы Зиновьева и Каменева оставить Иосифа Джугашвили на посту генсека возымели действие. Словно начисто забыв то, как сам оценивал генсека всего меньше года назад, Г. Зиновьев заявил на Пленуме: "Товарищи, последнюю волю, каждое слово Ильича мы, безусловно, должны считать законом... В одном

¹²⁵ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 594.

¹²⁶ Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence. P. 37.

¹²⁷ Bajonow B. Stalin: Der rote Diktator. В., S. a. S. 32.

¹²⁸ См., к примеру: Humbert-Droz Jules. De Lenin á Stalin: Dix ans au service de l'Internationale Communiste, 1921–1931. N.Y., 1971. P. 199.

вопросе, однако, мы с радостью можем сказать, что опасение Ильича не подтвердилось. Я имею в виду вопрос, касающийся Генерального секретаря. Вы все были свидетелями нашей совместной работы в последние месяцы"¹²⁹.

Никогда мы не узнаем, вспоминал ли он перед казнью в 1936 г. эти слова, произнесенные "с радостью".

По предложению Зиновьева и Каменева прения прекратились путем поднятия рук. Однако это не успокоило генсека – ведь оставалось решить, как быть с оглаской "Письма к съезду". Каменев поспешил заявить о нецелесообразности сообщать содержание документа делегатам. Но против этого решительно выступила Н.К. Крупская, присутствовавшая на заседании. Ее активно поддержали Григорий Сокольников и Клавдия Николаева.

Вновь заработала машина голосования – 30 голосами против 10 приняли постановление ознакомить с "Письмом" в конфиденциальном порядке... по делегациям основных парторганизаций, а на самом съезде не оглашать, и тексты не обсуждать. "Историческое" решение явно крючкотворно: "Перенести оглашение зачитанных документов, согласно воле Владимира Ильича, на съезд, произведя оглашение по делегациям и установив, что документы эти воспроизведению не подлежат, и оглашение по делегациям производится членами комиссии по приему бумаг Ильича"¹³⁰.

Такое же решение принял и президиум XIII съезда, где "люди Сталина" имели большинство. За ним, таким образом, сохранялся пост (с "отеческим напутствием", что он учтет критику Ленина в свой адрес). Разумеется, Сталин заверил ничего не подозревавших участников заседания, что он устранил недочеты в своей работе. Бурные обсуждения документов, вошедших в "Завещание", в ряде делегаций (например, от Украины) не были услышаны всем съездом¹³¹. Постарался председатель комиссии по приемке бумаг Ленина Л.Б. Каменев (член комиссии Зиновьев тоже активно "гасил пыл" недовольных недемократической процедурой), убеждавший на встречах по делегациям "учитывать изменившиеся условия, натиск троцкистов", а также то, что письма и статьи, продиктованы Ильичем во время его болезни и "уже имеют историю", часть даже устарела...

Уровень партийной демократии в то время еще оставался высоким. И потребовался хитроумный способ, удачно испробованный на XII съезде, – знакомство с содержанием "Письма к съезду" по делегациям. Как известно, скрыть от партийной массы содержание ленинского "Завещания" удалось на долгие годы. Тем более ЦК не решился его опубликовать. Однако документ передавался из уст в уста. Когда Н.К. Крупская огласила документы, составившие "Политическое заве-

¹²⁹ *Vajanow B.* Op. cit. S. 32–33.

¹³⁰ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 594.

¹³¹ Об этом вспоминал позднее делегат от УССР Терехов Р. См.: *Правда.* 1963. 26 мая.

щание" Ленина, по свидетельству Григория Сокольниковца, генсек бесцеремонно изрек: "Не мог умереть как честный вождь"¹³².

Не ошибемся, если подчеркнем, что Сталин навсегда запомнил твердую позицию Крупской в крайне тревожные для него дни. Зато он вскоре забудет превеликую услугу, которую ему оказали его будущие жертвы – Зиновьев и Каменев, открывшие путь к его единовластию, подтолкнувшие Кобу на партийный трон. Своего палача...

А зловещие планы уже созревали в ту пору в сознании торжествующего Генерального секретаря. Именно в 1924 г. на даче на вопрос, что каждый больше всего любит в жизни, Орджоникидзе шутливо сказал: "Сон" (Никто не удивился, зная как он переутомлен чрезмерной работой.) "Победа в борьбе за идею", – подхватил кто-то. – "Женщина"...

Все изощрались, как могли.

"Самое лучшее, – объявил Сталин, когда смех утих, – имея врага, долго, тщательно придумывать месть, выждать, отомстить, прийти домой и выпить вина"¹³³.

Эти откровения разогретого вином Кобы часто вспоминал участник теплой встречи Л.Б. Каменев. Известны были они и Троцкому¹³⁴.

Всех их ожидала сталинская месть...

И никто из них не мог подумать, что в решающие для судьбы Сталина дни XIII съезда РКП(б) он предпримет лихорадочные усилия по преодолению угрожавшей ему опасности смещения, учтет в своих комбинациях малейшие детали, чтобы победить. Так случилось и на Пленуме вновь избранного ЦК, когда Иосиф Джугашвили не без театрального мастерства предложил свою отставку. Но, идя на подобный, только внешне рискованный жест, он уже прекрасно знал, что ее не примут. Так и случилось. Необходимо учитывать, что после написания "Письма к съезду" прошло почти полтора года, которые были насыщены борьбой против Троцкого. Выступая против него, Сталин одновременно (и больше всего) защищал себя, и смену генсека некоторые делегаты расценили бы как признание правоты Троцкого. Иначе говоря, лозунг единства понимался слишком упрощенно. Эту особенность уловил Сталин, и поэтому его заявление об отставке на первом послесъездовском Пленуме было не чем иным, как ловким камуфляжем; он явно сыграл на этих неглубоких чувствах: "Я думаю, что до последнего времени были условия, ставящие партию в необходимость иметь меня на этом посту как человека более или менее крутого, представлявшего известное противодействие против оппозиции. Сейчас оппозиция не только разбита, но и исключена из партии. А между тем у нас указание Ленина, которое, по-моему, нужно провести в жизнь. Поэтому прошу Пленум освободить меня с поста Генерального секретаря. Уверяю вас, товарищи, что партия от этого только выиграет".

¹³² См.: *Серебрякова Г.* Они делали честь идее, которой служили // Известия. 1989. 31 янв.

¹³³ Этот факт был рассказан Григорием Сокольниковым своей жене (будущей писательнице) Галине Серебряковой.

¹³⁴ *Троцкий Л.* Сталин. Т. 2. С. 250.

Иосиф Виссарионович был абсолютно прав (хотя и открыто лукавил) в последней фразе. Все остальное — замаскированная демагогия, коверканье ленинских оценок и лицемерие.

Итак, отставку отклонили, а Зиновьев и Каменев "уговорили" "чудесного грузина" забрать свое заявление, упорно рассматривая Сталина по-прежнему как удобный противовес Троцкому. Как-то в порыве откровения в узком кругу Зиновьев изрек: "Сталин — хороший исполнитель, но им нужно и можно управлять. У самого Сталина этих особенностей к самоуправлению нет". Коба делал вид, что Григорий попал в самую точку. Он даже сделал все от него зависящее, чтобы Зиновьеву доверили выступление на съезде в качестве докладчика по политическому вопросу.

Одним словом, сами того не ведая, Каменев и Зиновьев рыли себе могилу...

Становилось все более очевидным, что воля В.И. Ленина была выполнена только отчасти, лишь формально. Чувство неудовлетворенности и тревоги осталось. Не только Н.К. Крупская, но и ряд дальновидных политических деятелей (Красин, Сокольников, Осинский, Скрыпник, Пятаков, Раковский и др.) видели, что все на съезде и пленумах было сработано келейно, недемократично. Для манипулирования ленинскими документами, вошедшими в "Завещание", открывалась широкая возможность.

Как показали последующие события, опасения Надежды Константиновны, которую злопамятный генсек, безусловно, внес в реестр своих непримиримых противников, не были напрасными: последние статьи и письма Владимира Ильича Ленина вскоре окажутся в эпицентре идейной и политической борьбы, развернувшейся между претендентами на власть.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

(Крупская – Троцкий – Сталин)

В "великую сталинскую эпоху" признание не только в знакомстве, но и мимолетном общении с Л.Д. Троцким грозило самой жестокой карой, ибо среди "врагов народа", "агентов иностранных разведок", "неразоружившихся двурушников", "идейных перерожденцев", "диверсантов и вредителей" врагом номер один являлся Троцкий. Этой "чести" один из лидеров Октябрьской революции удостоился прежде всего потому, что он стал личным врагом самого товарища Сталина. Простое упоминание о нем в какой-нибудь публикации, устном разговоре – о его роли в Петроградском вооруженном восстании, в гражданской войне, деятельности в Советском правительстве – было крайне опасно. В послеоктябрьский период в течение многих десятилетий это имя тщательно вычищалось из истории страны, подвергалось массивному охаиванию и постоянно предавалось анафеме.

О своем былом знакомстве и тесных контактах с Троцким, разумеется, не вспоминали не только более старшие по возрасту соратники "хозяина Кремля", но и сам Иосиф Виссарионович, написавший (надо же такому случиться!) еще в годовщину свержения Временного правительства потрясающий панегирик своему будущему заклятому противнику. "Вся работа по практической организации восстания, – писал 6 ноября 1918 г. в заметке "Октябрьский переворот" нарком И. Джугашвили, – проходила под непосредственным руководством председателя Совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом Троцкому"¹. (Любопытная деталь: эта статья Сталина издавалась в неизменном виде вплоть до 1932 г., т.е. когда Троцкий по приказу Генерального был уже выдворен из СССР! Хотя ее, разумеется, перестали цитировать. Боялись...)

В ответ на этот льстивый жест Троцкий тогда не стал отвечать Кобе примерно тем же. А когда он оказался в насильственной эмиграции, потерпев поражение в схватке со своим вечным соперником, в его книге появились такие убийственные строки, оценивавшие место Сталина в большевистском перевороте: "Многие, в том числе Сталин, просто отсиживалась от событий, чтобы предъявить свою мудрость на другой день... В самые ответственные месяцы теоретической и практической подготовки к перевороту Сталин политически просто не существовал"².

¹ Сталин И. Октябрьский переворот // Об Октябрьской революции. М., 1932. С. 20. Впервые напечатано в "Правде" 6 ноября 1918 г.

² Троцкий Л. Моя жизнь: Опыт автобиографии. М., 1990. Т. 2. С. 34–35, 52.

Естественно, что с конца 20-х годов во всех публикациях, включая воспоминания, стали исчезать эпизоды, связанные с Троцким, а тем более что-либо позитивное о нем. Очищалось официальной цензурой от порочного знакомства и жизнеописание Надежды Константиновны Крупской. Словно не было даже знакомства ее и Ленина с Львом Давидовичем. А ведь широко было известно, что их связывали многие годы совместной деятельности в российском и международном освободительном движении, острые дискуссии в печати, на собраниях по актуальным социальным проблемам, активная борьба за утверждение власти Советов и т.д.

Отношения Троцкого и Ленина были неровными, периоды согласия сменялись жестким противостоянием, но Владимир Ильич сумел оценить в нем преданность делу революции, разносторонний интеллект, организационный талант. Недаром среди претендентов на первое место после Ленина в партии и государстве называлась кандидатура Троцкого. Однако мы знаем и о критической оценке В.И. Лениным некоторых черт (например, в "Завещании") этого деятеля.

"У нас бывали с Лениным острые столкновения, – отмечал позже Л.Д. Троцкий, – ибо в тех случаях, когда я расходился с ним по серьезному вопросу, я вел борьбу до конца. Такие случаи, естественно, врезывались в память всех, и о них много говорили и писали впоследствии эпигоны. Но стократно более многочисленны те случаи, когда мы с Лениным понимали друг друга с полуслова, причем наша солидарность обеспечивала прохождение вопроса на Политбюро без трений. Эту солидарность Ленин очень ценил"³. Надо отдать должное Троцкому – он искренне и глубоко уважал Ленина и всегда отмечал его могучий интеллект. С особой теплотой в дневниках и мемуарах вспоминал он о встречах с В.И. Лениным и Н.К. Крупской в домашней обстановке, во время его приезда в Горки и другие эпизоды...⁴

Характеристика Лениным Сталина и Троцкого в "Письме к съезду", конечно, навсегда врезалась в память Н.К. Крупской и не могла не дозвучать над ее отношением к председателю Реввоенсовета и члену Политбюро ЦК (да и после того, как он потерял эти государственные и партийные регалии). И все же, когда Ленина не стало и соперничество Сталина и Троцкого приняло особые формы, симпатии Надежды Константиновны не раз склонялись на сторону последнего.

Известно, что политический фон с уходом Ленина от активного участия в управлении партией и страной, а особенно после его кончины, определялся бескомпромиссной жестокой борьбой между наиболее реальными претендентами на лидерство – Сталиным и Троцким (и их сторонниками). Серьезные проблемы поиска путей строительства новой жизни, организации масс, развития нэпа сопровождались личными пристрастиями, подспудной борьбой за власть, что проявилось еще в

³ Троцкий Л. Дневники и письма. "Эрмитаж", 1986. С. 103.

⁴ Там же. С. 102 и др. Кстати, в Октябрьские дни Ленин и Крупская жили в Смольном практически в одной квартире с Троцкими.

Л.Д. Троцкий

первой дискуссии, прошедшей без Ленина, осенью 1923 г. Как отмечалось выше, отражая серьезные экономические трудности, наметившиеся противоречия в партийных организациях между "верхами" и "низами", дискуссия приняла довольно бурный характер, отличалась взрывом эмоций, накалом страстей.

Начало полемике положил Л. Троцкий, направивший письма в ЦК РКП(б), поддержанные 46 известными членами партии. Острые, публицистические яркие письма Троцкого в основном точно фиксировали наметившиеся тенденции бюрократизации партийной жизни, внедрявшегося чиновничье-аппаратного стиля руководства, увлечения так называемым "назначенством" вместо демократических выборов. "Главный недостаток работы Политбюро в том, по-моему, – писал Л. Троцкий, – что Политбюро слишком мало занимается чисто партийными вопросами"⁵.

Все это, по мысли Троцкого, и стало причиной переживаемых трудностей. В завуалированной форме его упреки в насаждавшейся "секретарской психологии", в свертывании демократии были направлены против Генерального секретаря ЦК Сталина. "Режим, установившийся внутри партии, – говорилось в заявлении Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б), – совершенно нетерпим, он убивает самостоятельность партии, подменяя партию подобранным чиновничьим аппаратом..."⁶

Внимательно следила за ходом разворачивавшейся дискуссии Н.К. Крупская, особенно в связи с требованиями Троцкого предоста-

⁵ Communist Opposition in the USSR. Benson; Vermont, 1988. Vol. 1 (1923–1926). P. 25.

⁶ Ibid. P. 84.

вить полную свободу фракциям и группировкам – в этом она видела "покушение на подрыв единства партийных рядов". Без веры в необходимость сплоченности, незыблемости воли большинства трудно вообще представить политический и нравственный облик вдовы Ленина, его ближайшего соратника и помощника, понять логику ее поступков, побудительные мотивы действий.

Вместе с тем Крупская последовательно отстаивала и свободу дискуссий, приветствовала соперничество различных точек зрения. Она считала недопустимым применять к идейным противникам организационные меры, подавлять демократический процесс откровенного обсуждения теоретических вопросов. Считая идейные споры закономерностью развития партийного организма, Надежда Константиновна выступала наряду с этим против создания фракций, ведущих, по ее убеждению, к расколу, таящих опасность формирования подрывных организаций. Свобода обсуждений до принятия решений и единство в исполнении *принятых* решений – вот ее кредо.

Дискуссия, развязанная Троцким, не укрепила его позиций: его вождистские амбиции, "меньшевистское прошлое", преувеличение элементов перерождения (сверху до низу) вызывали недоверие, обиду и неприятие большинства. Безосновательной и надуманной казалась критика увиденных им и его сподвижниками ряда пагубных для страны тенденций. А тут Г.Е. Зиновьев, в то время сторонник Сталина, пригвоздил оппозицию, определив ее как "рецидив мелкобуржуазного, меньшевистствующего ревизионизма".

Приняв активное участие в работе октябрьского (1923 г.) Пленума, Надежда Константиновна подробно рассказывала Ленину о выступлениях участников, местами сглаживая имевшие место резкие столкновения, стараясь оберегать Ильича от лишних волнений. В целом поддерживая решения, направленные против Троцкого и его сторонников, с глубокой горечью воспринимала она нетерпимость, нелояльность, проявленные в ходе дискуссии. С критикой троцкистского выступления ее услышали участники II партийной конференции Бауманского района столицы. Ее речь воспринималась в то время как голос Ленина, и естественно, что данное обстоятельство в поражении оппозиции сыграло определенную роль.

Негативно оценивая ряд положений оппозиционеров, Крупская вместе с тем предупреждала против вредности "дискуссионного припадка", который вносит немалую путаницу вместо выяснения насущных задач. Она отмечала также чисто личностные моменты, присущие обсуждению. Дискуссия в партии не склока, не форма выяснения личных отношений, не битва политических амбиций⁷. Надежде Константиновне тяжело было видеть, что мотивы личной неприязни мешают объективной оценке действий противоположных сторон. Об этом же свидетельствуют ее размышления в письме, адресованном Г.Е. Зиновьеву 31 октября 1923 г. по следам только что прошедшего Пленума. Она

⁷ См.: Изв. ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 176, 177.

пытается примирить враждующие стороны, сохранить (в партийном руководстве в первую очередь) мир и единство, сберечь опытные кадры, о чем так беспокоился и Ленин. Надежда Константиновна замечает, причисляя себя на данном этапе к сторонникам Зиновьева–Сталина–Каменева, что в склоке повинна и эта группа, не захотевшая сгладить напряжение. «Совершенно недопустимо также, – подчеркивала она, – то злоупотребление именем Ильича, которое имело место на Пленуме. Воображаю, как он был бы возмущен, если бы знал, как злоупотребляют его именем. Хорошо, что меня не было, когда Петровский сказал, что Троцкий виноват в болезни Ильича, я бы крикнула: "Это ложь..." И потому, что вы это знаете, ссылки на Ильича были недопустимы, неискренни. Их нельзя было допускать. Они были лицемерны»⁸.

Крупская отмечает, что не согласна с Троцким в его нападках на партию, но это не повод, чтобы уничтожить его и сделать невозможной его дальнейшую работу. "А теперь главное, – пишет она. – Момент слишком серьезен, чтобы устраивать раскол и делать для Троцкого психологически невозможной работу. Надо пробовать с ним по-товарищески столкнуться. Формально сейчас весь одиум за раскол свален на Троцкого, но именно свален, а по существу дела: надо учитывать Троцкого как партийную силу и суметь создать такую ситуацию, где бы эта сила была для партии максимально использована"⁹.

Однако Троцкий не собирался складывать оружие и сдаваться без боя. Еще раз он апеллирует к партийной общественности, предсказывая неизбежность перерождения партии, если она не сможет победить зарождающиеся повсюду элементы аппаратно-чиновничьего стиля в работе, тенденции бюрократизации внутрипартийной жизни. Эти его мысли прозвучали в статье "Новый курс", которую опубликовала "Правда" 7 ноября 1923 г. Предлагавшаяся им модель партии, основанная на всемерном развитии демократии, свободе обсуждения и критики принимаемых решений, противоречила строго централизованной, набравшей силу авторитарно-бюрократической послушной центру модели, которую постепенно и настойчиво внедрял генсек и поддерживавшие его деятели. Мысль Троцкого о том, что "партийное общественное мнение неизбежно вырабатывается в противоречиях и разногласиях и что локализовать этот процесс только в аппарате, преподавая затем партии готовые плоды в виде лозунгов, приказов и пр., – значит идейно и политически обессиливать партию"¹⁰, звучала, прямо скажем, провидчески, но не была услышана партийными массами, а верхушка партаппарата увидела в заявлении Троцкого подкоп под ее верховенство и привилегии, дружно зашумев о нарушении им принципов единства, обвиняя в стремлении к личной власти.

Массированную атаку на лидера оппозиции возглавили Сталин,

⁸ Там же. № 2. С. 202.

⁹ Там же.

¹⁰ Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 180.

Зиновьев и Каменев, выступившие с ответными статьями в печати наряду с их сторонниками. В "Правде" публикуется серия заметок и статей, которые носили характер не столько деловой критики, сколько откровенной травли. В практику политической жизни, в сферу внутрипартийных отношений начинают властно внедряться методы силового подавления инакомыслящих, шельмования неугодных. Возможно, именно эти мотивы антидемократичности вызвали особое волнение больного Ленина. Известно письмо, написанное Н.К. Крупской и М.И. Ульяновой в Центральный Комитет 21 декабря 1923 г.: "Уважаемые товарищи! Ввиду того, что дискуссия в газете волнует В.И., что может ухудшить его состояние, а не давать ему газет нельзя, – просим о переносе дискуссионных статей в Дискуссионный листок... P.S. Конечно, если ЦК считает это удобным с общеполитической точки зрения"¹¹.

Данный этап борьбы завершился для Троцкого на XIII съезде РКП(б), когда В.И. Ленина уже не было в живых. Льву Давидовичу, вернувшемуся из Сухума после продолжительной болезни, стало ясно, что его попытка опрокинуть Политбюро и утвердиться у власти закончилась полной неудачей. Считаясь с обстановкой, он принимает решение выступить с покаянием. Возражая против некоторых решений и формулировок XIII партконференции, обвинивших его в мелкобуржуазном уклоне, он вместе с тем отметил, что "у партии не может быть таких решений, хотя бы и неправильных и несправедливых, которые могли бы поколебать на йоту нашу беззаветную преданность партии, готовность каждого из нас на своих плечах нести дисциплину партии при всяких условиях..." Партия, по его словам, "в последнем счете всегда права, потому что партия – единственный исторический инструмент, данный пролетариату для разрешения его основных исторических задач"¹².

Но этого покаяния, фактического признания своего поражения, большинству показалось мало – от Троцкого требовали безоговорочного признания правильности всех пунктов решения XIII партконференции и полного самоосуждения. Начинает формироваться стереотип расправы с инакомыслием, с так называемыми оппозиционерами – вспоминаются все прошлые и мнимые ошибки и прогрешения против официального курса, выкапываются личные характеристики и заблуждения в поведении. Истерически зазвучали требования полного отречения ("разоружения") от своих взглядов и убеждений, коли большинство признавало их порочными.

На этом фоне впечатляюще прозвучал на съезде диалог Крупская–Сталин.

В своем выступлении Н.К. Крупская призвала не дублировать дискуссию, не терять времени, а сосредоточить внимание на серьезных политических вопросах, поставленных жизнью. Поддерживая самокри-

¹¹ Изв. ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 204.

¹² Тринадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1963. С. 189.

тическую направленность речи Троцкого, она возразила тем ораторам, которые требовали от оппозиции огульного охаивания всех своих действий. Сиюминутным отречением от своих взглядов закладывали стереотип приспособленца, конформиста, человека, легко меняющего свои суждения. «Неправильно заставлять оппозицию, – заявила Надежда Константиновна, – "Скажи с трибуны, что ты не прав". Психологически невозможно сразу же отказаться от своих взглядов, достаточно заявления оппозиции о желании совместно работать»¹³.

Доброжелательность, политика компромиссов, взаимопонимание и взаимоуважение – не те ориентиры, которым следовал генсек. Его выступления на XIII партсъезде со всей очевидностью подтвердили это. "Тов. Крупская, – начал он свое выступление, – говорит здесь против дублировки прений по разногласиям. Я решительно против дублировки и именно поэтому в отчете совсем не коснулся разногласий. Но раз товарищи – члены оппозиции коснулись этого и сделали вызов – молчать невысказанно, молчать преступно"¹⁴. И дальше следует размахивание критической дубинкой над головами Троцкого, Преображенского и прочих отступников...

Приведенная нами выше фраза из речи Сталина – образец иезуитской казуистики Генерального секретаря. Действительно, в своем докладе по организационному вопросу Сталин Троцкого ни разу не упомянул, но весь его текст был четко политически сориентирован и направлен на обоснование линии сталинского крыла (большинства) ЦК и дискредитацию политики Троцкого и его сторонников. К тому же Крупская обратилась с призывом прекратить дискуссию как раз после агрессивных заявлений с той и другой стороны. А Сталин своим выступлением дал сигнал к очередному раунду политического избиения оппонентов.

Как показал дальнейший ход событий, самоуничижительная речь Троцкого, его дифирамбы в адрес никогда не ошибающейся партии были всего лишь тактическим приемом; новый виток в его единоборстве со Сталиным связан с так называемой "литературной дискуссией", развернувшейся в конце 1924 г. вокруг предисловия Троцкого "Уроки Октября" к его книге "1917 год".

В концентрированном виде книга "1917 год" содержала концепцию подготовки и проведения Октябрьской революции, оценку главных действующих лиц и их вклада в это событие. Тщеславие Троцкого, его политический эгоцентризм, желание дать отповедь всем соперникам наложили отпечаток на всю его работу. Подчеркивая свою роль как организатора и по существу главного героя Октября, он весьма критически, если не сказать больше, изобразил ряд видных фигур в переломе, а некоторых деятелей большевизма постарался принизить. Кроме того, ряд активных лиц он упомянул вскользь, а некоторых видных деятелей даже не назвал.

¹³ Там же. С. 225.

¹⁴ Там же. С. 229.

Думается, для политического лидера, рвущегося к власти, эта публикация стала очередной тактической ошибкой. Оппоненты Льва Давидовича тут же воспользовались статьей "Уроки Октября", чтобы ниспровергнуть ее автора, употребив для этих целей большой арсенал всевозможных средств – от справедливых замечаний до огульного охаивания и откровенных натяжек. За короткий срок "историко-литературная дискуссия" превратилась в широкомасштабную акцию по дискредитации Троцкого и его единомышленников. Шквал статей, выступлений на собраниях, публичные дискуссии обрушились на голову Троцкого. Особенно изощрялись партийные средства массовой информации и пропагандистская машина по развертыванию идеологической обработки масс, формируя образ *непримиримого врага революции, отпетого ревизиониста, мелкобуржуазного идеолога и маловеера, фальсификатора и отступника*. Отныне главным антиподом правоверной партийной политики объявлялся троцкизм.

За всей этой кампанией угадывалась рука становившегося все опытнее дирижера – Сталина, умело расчищавшего себе путь к единоличной власти. Он задал общий тон дискуссии, выступив с речью на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС 19 ноября 1924 г. под многозначительным емким названием "Троцкизм или ленинизм?", которая была опубликована в "Правде" 26 ноября. С критикой статьи Л. Троцкого на страницах этой же газеты выступили в ноябре–декабре 1924 г. Н. Бухарин, Г. Зиновьев, Л. Каменев¹⁵, Н. Крупская, О. Куусинен, В. Молотов и другие партийные деятели.

Сталин предстает в данном случае в роли благородного защитника Ленина и ленинизма, Каменева и Зиновьева, называя последних (заметьте это!) *ленинцами, большевиками*. Что же касается Троцкого, то задача партии, подчеркивал он, **"похоронить троцкизм, как идейное течение"** и никаких – боже избави – репрессий! "Говорят о репрессиях против оппозиции и о возможности раскола. Это пустяки, товарищи, – убаюкивал генсек. – Наша партия крепка и могуча. Она не допустит никаких расколов. Что касается репрессий, то я решительно против них"¹⁶. Почти в то же время Сталиным рассылаются директивы на места о том, что "боевым вопросом являются теперь не отдельные отклонения отдельных членов партии, а троцкизм" (из циркуляра, подписанного генсеком 29 ноября, в ЦК КП(б) Украины).

Несмотря на полное неприятие этого шабаша и воинственных плясок, развернувшихся вокруг работы Троцкого, не удалось остаться в стороне и Надежде Константиновне Крупской. Однако ее статья, появившаяся 16 декабря, "К вопросу об уроках Октября" (в отличие от многих) – это голос разума, серьезной, спокойной критики. Подчеркивая, что в своей книге (статье в особенности) Троцкий свел партию к руководящему штабу, к руководящему персоналу, она отмечает: "Та

¹⁵ В сталинском разносном духе 26 ноября 1924 г. в "Правде" была помещена статья Л. Каменева "Ленинизм или троцкизм?"

¹⁶ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 357.

партия, в которой верхушка была бы оторвана от организации, никогда не могла бы победить... Роли партии в целом, роли партийной спайки по всей линии как раз и не понимает Троцкий..."¹⁷

Вместе с тем Крупская отдает должное роли Троцкого в победе революции и гражданской войне: "Тов. Троцкий в решающие годы революции отдал все силы на борьбу за Советскую власть. Он мужественно стоял на трудном, ответственном посту. Он проявил колоссальную энергию, громадный натиск для того, чтобы обеспечить победу дела революции. Партия этого не забывает"¹⁸.

(Обратим внимание на святую веру Н.К. Крупской в высшую справедливость партии большевиков...)

В той же статье Надежда Константиновна взяла под защиту одного из летописцев Октябрьской революции, американского журналиста Джона Рида, который в речи Сталина на комфракции ВЦСПС квалифицировался им как попавшийся на удочку сплетен, как сочинитель "арабских сказок", ибо "был далек от нашей партии"¹⁹. "Некоторые думают, что не надо давать больше молодежи Джона Рида, – писала Крупская, намекая на высказывания генсека. – Там есть неточности, легенды. Это верно. По Риду нельзя изучать историю партии. Почему же эту книжку так усиленно рекомендовал Владимир Ильич? Да потому, что у Джона Рида не в этом центр тяжести. У Джона Рида прекрасно, художественно отображены психология, настроение солдатских и рабочих масс, делавших Октябрьскую революцию, беспомощность буржуазии и ее прислужников. Прочитав Джона Рида, молодой коммунист быстрее и глубже поймет дух революции, чем если он прочтет десятки резолюций и протоколов"²⁰.

А ведь именно "подлинными протоколами" как бы размахивал Сталин в речи "Троцкизм или ленинизм?", сиюсь противопоставить их "нелепым слухам", которым-де был подвержен автор "10 дней, которые потрясли мир". Любопытно отметить, что эта книга в Советской России вышла в издательстве "Красная новь" в 1923 г. (с предисловием В.И. Ленина, а также Н.К. Крупской)²¹. Но, получив за короткий срок широчайшую читательскую аудиторию, она вызвала раздражение самолюбивого генсека – ведь в ней тот лишь мельком упомянут. И без промедления Сталин приступил к ее фактической дискредитации (в 30-е годы она угодила в спецхран). Неприятности начались и у издательства "Красная новь" – стараниями генсека дело шло уже в

¹⁷ Крупская Н.К. Избр. произведения. М., 1988. С. 142.

¹⁸ Там же. С. 143.

¹⁹ В 1991 г. было опубликовано письмо двух работников пекарни № 1 Московского союза потребителей обществ от 10 декабря 1924 г. в адрес И.В. Сталина, в котором выражалось недоумение в связи с такой оценкой генсеком книги, получившей похвалу Ленина (он написал предисловие) и Крупской. Ответа Сталина не обнаружено (Изв. ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 170–171).

²⁰ Крупская Н.К. Избр. произведения. С. 142.

²¹ В США книга "10 дней, которые потрясли мир" с предисловием Ленина вышла в свет в 1919 г.

1924 г. к его расформированию. В письме одному из руководителей издательского дела в республике, В.Н. Максимовскому, встревоженная Надежда Константиновна сообщала: "Дала телеграмму и написала Сталину. Вряд ли только что выйдет"²².

На бесчисленные выпады в газетах, по радио и в устных выступлениях на собраниях Л.Д. Троцкий не отвечал. Правда, о готовности возразить оппонентам говорила его статья "Наши разногласия", подготовленная в ноябре 1924 г. Однако опубликовать он ее не стал²³. Когда однажды к нему пришла делегация рабочих Московского тормозного завода, он им объяснил, что не хочет новой дискуссии и, если бы он знал, что его книгу так шумно раскритикуют, никогда бы ее не выпустил. Он также посетовал, что с ним сторонники Сталина не пытались объясниться, чтобы найти общий язык. "Может быть, мы бы сговорились", – заметил Троцкий. Немного позднее, 15 января 1925 г., он заявил, что на критику не отвечал из-за нежелания превращать дискуссию "в двухстороннюю из односторонней" и тем самым придать ей еще более острый характер²⁴.

Решив похоронить систему взглядов Троцкого по первому разряду, генсек развернул активную подготовку к Пленуму (он состоялся в январе). Тем более что Троцкого не было в Москве – он находился на лечении в Сухуме. Извещенный о повестке дня Пленума, Троцкий пишет письмо в адрес членов ЦК, категорически отрицая тот факт, что он якобы преследовал цели ревизии ленинизма, умаления роли Ленина. "Приписываемое мне убеждение, – писал он, – будто не я пришел к большевизму, а большевизм – ко мне, представляется мне просто чудовищным" Отвергая обвинения по поводу предисловия "Уроки Октября", его автор указал, что на с. 62 он прямо говорил, что «большевизм подготовился к своей роли в революции непримиримой борьбой не только с народничеством и меньшевизмом, но и с "примиренчеством"», т.е. с тем течением, к которому он, Троцкий, принадлежал. «Мне никогда за последние восемь лет не приходило и в голову, – сокрушался он, – рассматривать какой-либо вопрос под углом зрения так называемого "троцкизма", который я считал и считаю политически давно ликвидированным». Решительно не согласился Троцкий с тем, что он-де стремился посягать на "особое положение" в партии и противопоставить какую-либо "платформу" работе ЦК. А в заключение отметил, что "после последней дискуссии интересы дела требуют" скорейшего освобождения его от обязанностей председателя Революционного Военного Совета²⁵.

²² РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 727. Л. 181.

²³ В рукописи, хранящейся в Гарвардском университете, рукой Троцкого помечено: "Единственный экземпляр. Не было напечатано" (Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР. М., 1990. Т. 1. С. 111).

²⁴ Из записки Н. Угланова И. Сталину (Изв. ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 176, 160).

²⁵ Там же. С. 184–185. Через четыре дня в письме в Политбюро Троцкий выразил готовность сосредоточиться на литературно-теоретической работе под контролем Секретариата ЦК (Там же. С. 186).

Однако вопрос о снятии Троцкого с поста Предреввоенсовета стараниями в первую очередь генсека был уже предрешен. Это хорошо видно из его переписки с Зиновьевым, Томским, Квириным еще в начале января 1925 г. (она опубликована впервые в 1991 г.). В шифротелеграмме секретарю ЦК КП(б) Украины Э.И. Квиригу Сталин, не стесняясь в выражениях, дал волю своим чувствам: "...его надо снять с Ревсовета", пока большинство считает, что "целесообразнее не выставлять Троцкого из Политбюро, а делать предупреждение", а в случае повторения с его стороны актов, идущих вразрез с волей ЦК, "немедля выставить из Политбюро и отстранить от работы в ЦК". Привел в шифротелеграмме генсек и мнение меньшинства: "Надо немедленно вышибать (!) его из Политбюро с оставлением в ЦК". И конечно, лукавил Генеральный секретарь (это был чисто тактический ход), когда добавил в конце: "Лично я придерживаюсь мнения большинства"²⁶.

Сталин просто выжидал момент, когда можно расправиться сполна²⁷.

На партийном ареопаге, состоявшемся 17–20 января 1925 г., Троцкий не присутствовал (лечился на Кавказе), было рекомендовано снятие его с должности председателя Реввоенсовета. Пленум оценил троцкизм как фальсификацию ленинского учения, коммунизма в духе приближения к "европейским образцам псевдомарксизма". Объявлялась полная несовместимость троцкизма с большевизмом. В принятых решениях прозрачно намекалось, что Троцкий вновь поднимает вопрос о коренном изменении "партверхушки" (сталинский термин), а это признавалось "совершенно недопустимым".

Жесткие административные меры в отношении смутьяна на этом не закончились. 26 января Президиум ЦИК СССР принял постановление об освобождении Л.Д. Троцкого от обязанностей не только председателя Реввоенсовета, но и наркома по военным и морским делам. Особенно рьяно требовали сместить Троцкого с поста члена Политбюро ЦК Г.Е. Зиновьев и члены Пленума ЦК Компартии Украины²⁸. Умелый дирижер кампании, скрывая истинные свои мысли, пока снисходительно сдерживал "горячие головы", т.е. продолжал внешне играть в объективность и сохранять "демократический подход". И это на фоне неутихавшей массивной идеологической проработки "демона революции"!

Отдадим должное Крупской: она в целом не поддавалась безоглядному разносу "отступника и мелкобуржуазного уклониста", стремилась сохранить Троцкого в руководящем штабе партии и государства. Не последнюю роль в этой ее позиции играло желание противодействовать Сталину, блокировать его качества, о которых еще совсем недавно предупреждал Ленин. Ведь сбывались в полной мере слова Ильича о

²⁶ Там же. С. 183.

²⁷ К тому же Сталин не мог не учитывать еще сохранявшуюся в то время широкую популярность Троцкого в студенческой, рабочей среде и в армии.

²⁸ Генеральный секретарь ЦК КП(б)У Э. Квириг – сторонник умеренных мер даже – вынужден был подать в отставку. Его перевели в ВСНХ.

том, что отношения между Троцким и Сталиным составляют бóльшую часть раскола, грозившего Центральному Комитету и всей партии. Крупская не могла не замечать, что уже на этом этапе борьбы за лидерство в партии Сталин показал себя ловким политиком, хладнокровным, жестоким, умеющим управлять ситуацией, использовать любые промахи противника в своих интересах.

Так случилось с известным письмом, написанным 29 января 1924 г. – в "горькие зимние часы" Надеждой Константиновной Л.Д. Троцкому в Сухум, где он находился на лечении.

"Дорогой Лев Давыдович, – писала она, собравшись с силами. – Я пишу, чтобы рассказать Вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая Вашу книгу, Владимир Ильич остановился на том месте, где Вы даете характеристику Маркса и Ленина, и просил меня перечесть ему это место, слушал очень внимательно, потом еще раз просматривал сам.

И еще вот что хочу сказать: то отношение, которое сложилось у В.И. к Вам тогда, когда Вы приехали к нам в Лондон из Сибири, не изменилось у него до самой смерти.

Я желаю Вам, Лев Давыдович, сил и здоровья и крепко обнимаю"²⁹.

"Крупская написала в Сухум очень горячее письмо", – свидетельствовал Л. Троцкий³⁰. Могла ли тогда предположить Надежда Константиновна, что ее личное, сугубо доверительное послание вскоре прогредит на всю Европу и станет предметом политических спекуляций, приобретет характер козырной карты в беспощадной борьбе за власть! И Троцкий в данном случае оказался не на высоте...

Связано все это было со скандалом, разыгравшимся по поводу книги Макса Истмена "После смерти Ленина". Несколько слов об авторе. Макс Истмен – фигура довольно любопытная: американский историк и политолог, журналист, член Американской рабочей партии, сторонник Л. Троцкого. У себя на родине шумная известность пришла к нему после громкой любовной истории – бросив его, любовница Истмена ушла к Чарли Чаплину. Однако и там она оставалась недолго. Ее попытки вернуться к Истмену окончились трагически – он ее не принял. И тогда женщина наложила на себя руки. А Истмен уезжает в Россию...

Ярый приверженец Октябрьской революции, Истмен изучает русский язык и женится на сестре Н. Крыленко – первого Главкома Республики Советов, будущего наркома юстиции РСФСР и СССР, прокурора РСФСР (в 1938 г. он станет жертвой сталинских репрессий). В России Макс Истмен готовил к изданию на английском языке сочинения В.И. Ленина, задумал также и частично написал биографию Льва Троцкого.

По своим политическим взглядам Истмен был сравнительно близок к

²⁹ Communist Opposition in USSR. Vol. 1 (1923–1926). P. 89. Копия этого письма, проверенная лично Л.Д. Троцким, хранится в архиве М. Истмена в Индианском университете (США).

³⁰ См.: Слово. 1989. № 11. С. 46. *Троцкий Л.* Портреты. Denson; Vermont, 1984. С. 59.

герою этой биографии – их частенько видели вместе на конгрессах Коминтерна, в кулуарах, например, XIII съезда РКП(б). О чем они беседовали тогда – тайна, но вот уже через год после смерти Ленина на Западе выходит книга Истмена, содержащая многие сведения из столь тщательно скрываемого "Завещания" Ильича, живописующая жестокую борьбу за лидерство в партии, за власть в стране. Макс Истмен впервые во всеуслышание поведал об узурпации власти в Политбюро "тройкой" (Сталин, Зиновьев, Каменев) и оттеснении ими (при поддержке Бухарина и других деятелей) героя и популярнейшего руководителя восставших масс Л. Троцкого, о намеренном сокрытии от членов партии ленинского "Письма к съезду".

Книга окрашена явной симпатией к Троцкому. Он изображался жертвой своих товарищей по Политбюро – "безответственной кучки узурпаторов и обманщиков". Больше всех досталось Сталину. На фоне представленного ярко и блестяще Троцкого он выглядел мелким интриганом, ограниченной посредственностью. Из книги следовало, что единственным достойным и наиболее подходящим преемником Ленина должен был стать Лев Троцкий. В подтверждение этой версии Истмен приводил факты близости Ленина и Троцкого, обильно цитировал записки и письма Владимира Ильича последнему. Привел автор книги "После смерти Ленина" упомянутое выше письмо Крупской к Троцкому.

Публикация Истмена стала на Западе настоящей сенсацией. Разрушался имидж Российской компартии, в то время уверенно занимавшей позиции руководителя и авангарда международного коммунистического движения, как партии, единой, сплоченной, ведомой достойным преемником Ленина – монолитным Политбюро. Сталин лично принимал необходимые шаги по приукрашиванию ситуации в высшей партийной иерархии. «Никаких разногласий в Политбюро, кроме вопроса о мерах обуздания (!) т. Троцкого, не было и нет, я, по крайней мере, их не вижу. Охотников фабриковать слухи в Москве много, – телеграфировал он в Гомельский и Тульский губкомы 7 апреля 1925 г., – многие из этих "фабрикантов" стараются строить свою карьеру на распространении слухов...»³¹ Генсек уверял, что и в вопросах "коминтерновского характера" как в Политбюро, так и в делегации РКП никаких разногласий "не было и не предвидется".

А между тем апрельский Пленум (1925 г.) под грифом "секретно" рассылает вскоре "Закрытое письмо" местным партийным организациям, в котором давалось разъяснение "насчет слухов" о якобы имевшихся разногласиях в партии. "Никаких существенных разногласий не обнаружилось и не предвидется", – бодро утверждалось в документе. Правда, одновременно пришлось признать, что "вскоре после январского Пленума произошли некоторые организационные трения, которые при других обстоятельствах прошли бы сравнительно незамеченными, но которые в связи с указанным эпизодическим расхождением

³¹ Изв. ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 192.

по вопросу о поведении тов. Троцкого приобрели более значительную роль"³².

Однако шум вокруг наличия в партийном штабе разобщенности не утихал. Западная пресса подлива масла в огонь, дискредитируя "передовой образ" А тут еще книга Макса Истмена!.. В Центральный Комитет РКП(б) посыпались запросы, требования разъяснить опубликованные факты. Так как причастность Троцкого к сочинению Истмена была очевидна, имелись и обращения лично к нему.

9 мая "Правда" помещает телеграмму редактора английского "Рабочего вестника" следующего содержания:

"Москва. Кремль. Тов. Троцкому. Книга Истмена широко цитируется буржуазной прессой. Вы изображаетесь как жертва интриги. Внушается мысль, что вы благоприятно относитесь к буржуазной демократии и к свободе торговли" Член Британской компартии Инкман прислал Троцкому рецензию на нашумевшую книгу, снабдив ее запиской, в которой обращал внимание деятеля революции на то, "как враги Коминтерна используют вашу позицию по отношению к РКП".

Что в этих посланиях шло от искреннего желания разобраться в сенсации, а что инспирировано Политбюро, сказать довольно трудно. Во всяком случае вся эта история с книгой оказалась как нельзя более кстати: в той неистовой кампании, развернутой против Троцкого, "всякое лыко было в строку"

Как только сочинение Макса Истмена вышло в свет, перевод книги тут же лег на стол Сталина и других членов "семерки" (группа из шести членов Политбюро – И. Сталин, А. Рыков, М. Томский, Г. Зиновьев, Л. Каменев, Н. Бухарин – и председателя Центральной Контрольной Комиссии В. Куйбышева), сформированной генсеком для борьбы против Троцкого³³. Ею под руководством Сталина была разработана по сути целая программа действий по публичному посрамлению Троцкого...

Открытое письмо в "Правду" британских коммунистов поставило мятежного деятеля перед необходимостью высказаться. В первой своей телеграмме Троцкий заявил, что книга ему не известна, но на всякий случай подтверждал свою политическую лояльность, отвергая обвинения о приверженности к "буржуазной демократии и свободе торговли".

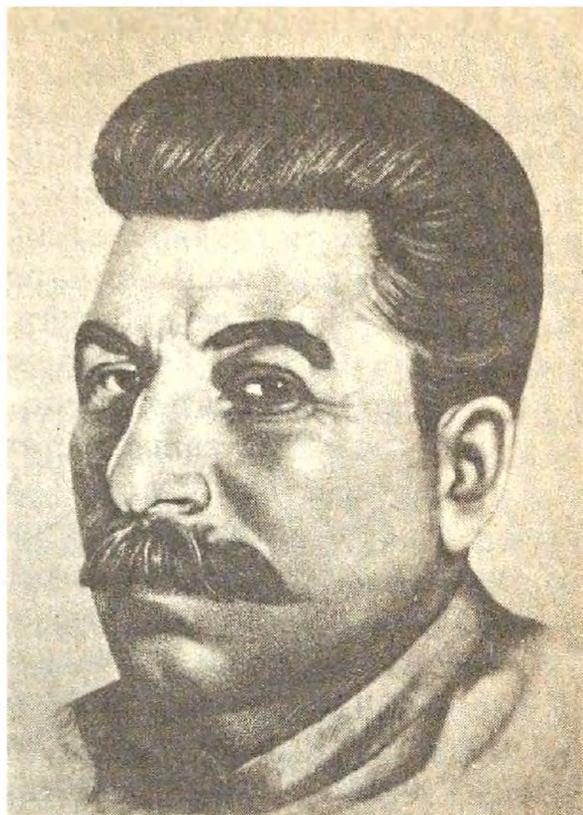
Поскольку Политбюро ЦК продолжало требовать от Троцкого объяснений, 21 мая он направляет письмо (правда, довольно уклончивое) на имя Сталина с освещением своих отношений с Истменом. "Через меня, – утверждал Лев Давидович, – Истмен не мог получить никаких партийных документов, т.к. сам имел к ним доступ". При этом Троцкий не дал объяснений, как попало к Истмену письмо Н.К. Крупской.

Записка Л.Д. Троцкого, вполне естественно, не удовлетворила Ста-

³² Там же. С. 193–195.

³³ "Семерка" фактически около двух лет (1924–1925) осуществляла руководство партией, хотя и являлась внеуставным объединением. Она предварительно обсуждала порядок дня и решения Политбюро.

лина, и 18 июня Троцкого вызывают на суд Политбюро. В основу обсуждения легло сталинское предписание, составленное в свойственной ему манере – лаконично, сухо, в духе обвинительного заключения. Троцкому инкриминировались клевета на старую партийную гвардию, разглашение секретных документов, тенденциозная оценка руководства страны, политическая нечистоплотность и стремление расколоть ЦК. Записка-обвинение содержала всего 8 пунктов.

И. Сталин
(рис. Н.В. Филиппова, журнал "Огонек".
1925. № 21)

Троцкий чувствовал себя очень неуютно, суетливо давал объяснения, многословил. Члены Политбюро были едины в оценке его "нетоварищеского поведения"; оправдания их не удовлетворили. Троцкого обязали подготовить статью, чтобы объяснить свое отношение к М. Истмену, дать официальную, фактически продиктованную генсеком и Политбюро версию по затронутым острым вопросам, в первую очередь относительно последних произведений и записок В.И. Ленина. Пикантность ситуации состояла в том, что открыто можно было говорить о таких ленинских работах, как "Лучше меньше, да лучше", "Как нам реорганизовать Рабкрин", которые были напечатаны, и только какими-то малопонятными намеками касаться "Письма к съезду", так и не опубликованного в Советской России. Условились на том, что подготовленная Троцким статья должна быть просмотрена "семеркой" и только после ее одобрения опубликована.

12 июля генсек отправился на отдых в Сочи. Но и там он продолжает размышлять относительно доработки проекта статьи Троцкого (к тому времени Лев Давидович уже подготовил первый ее вариант, который, судя по всему, Сталина не устроил). Из письма ему В. Молотова он узнает, что член Президиума ИККИ Д.З. Мануильский передал газете "Юманите" первоначальный проект статьи Троцкого «По поводу книги Истмена "После смерти Ленина"» для опубликования. Сталин в ответ разразился гневным посланием. «Если это верно, то это безобразное, – кипел он. – Если это верно, то тогда мы имеем дело не с "ошибкой", как пишешь ты мне, а с *политикой* некоторых лиц, не заинтересованных почему-то в опубликовании статьи Троцкого в ее *окончательной* (т.е. санкционированной генсеком. – Авт.) редакции». Называя действия Мануильского "пакостным шагом", Сталин сообщает, что по

просьбе Мануильского ему были выданы документы, когда еще не было окончательной редакции статьи Троцкого. (На "семерке" решили напечатать записку Сталина о книге Истмена после публикации отредактированного разъяснения Троцкого, напомнил он³⁴.)

Сталин выразил несогласие с "семеркой" насчет опубликования в советской печати только статьи Троцкого в его окончательной редакции. Обязательно надлежит, по его мнению, напечатать и статью Крупской, а также ряд документов, включая и записку генсека о книге Истмена, но после опубликования статьи Троцкого. Почему? Будущий хозяин Кремля рассчитал точно: "чтобы показать, что Троцкий лишь под давлением РКП написал статью (иначе Троцкий может оказаться спасителем престижа партии)". А поскольку статьи Троцкого и Крупской уже были посланы в Англию, генсек трижды запрашивал Москву и с явным недовольством констатировал, что "все нет ответа".

Не успокоившись на этом, вскоре Сталин направляет записку и "семерке", в которой вновь отмечает: "В свое время в 7-ке было решено опубликовать в русской печати статью Троцкого и письмо Крупской об Истмене после того, как они будут напечатаны в зарубежной печати. Так как они уже, должно быть, появились там, а у нас еще не напечатаны почему-то, я считаю нелишним напомнить об этом"³⁵. То же самое он повторяет в письме Молотову от 9 августа. Относительно статьи Крупской он добавляет: "Печатание статьи Крупской было решено 7-кой, просмотр поручен мне, Бухарину, Рыкову, Зиновьеву. Я вместе с Бухариным и Рыковым *просмотрели* ее и одобрили" Он напомнил также о решении ни в коем случае не открывать дискуссию по этому поводу. Всякое широкое обсуждение могло выплеснуть наружу немало нежелательных фактов. К тому же как раз в то время наблюдается заметное охлаждение в отношениях между генсеком, с одной стороны, и Каменевым с Зиновьевым – с другой. О книге Истмена и кампании вокруг нее последние, в частности, имели *свое* суждение; оно отличалось от сталинского (уже перед отъездом Генерального секретаря на отдых). Так, Каменев заявил, что Сталин добивается прежде всего публикации своей записки об Истмене. В письме В. Молотову 18 августа генсек посчитал такое утверждение *нечестным*. "На свой аршин мерит он других, – отпарировал Сталин и фарисейски заключил: Каменев и Зиновьев хотят создать предпосылки, делающие необходимым вывод Тр.[оцкого] из ЦК, но это им не удастся, ибо нет у них к этому данных. Своим ответом на книгу Истмена Тр.[оцкий] предопределил свою судьбу, т.е. спас себя"³⁶.

Как видим, на данном этапе Иосифа Виссарионовича гораздо больше устраивало самобичевание Троцкого, чем кровопускание, чего настойчиво добивались его (Сталина) бывшие сподвижники по "триумvirату". Отсюда "трогательная забота" Кобы о своем заклятом сопернике,

³⁴ Изв. ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 188.

³⁵ Там же. С. 189.

³⁶ Там же. С. 191.

который, как показалось генсеку, явно растерялся, не очень-то умело оправдывался и покорно давал на просмотр "семерке" варианты своей статьи. Ее, как и статью Н.К. Крупской, готовили к публикации в одном из сентябрьских номеров журнала "Большевик". Некоторые устные объяснения Троцкого, отдельные слова покаянного письма в адрес Генерального секретаря не могли не понравиться. Он помнил те фразы: "Ближайшие товарищи по партийной работе, успевшие ознакомиться с книжкой, высказались в том смысле, что ввиду заключающихся в книжке ссылок на беседы со мною мое молчание может оказать косвенную поддержку книжке, направленной против нашей партии". И вот, внимательно ознакомившись с публикацией Истмена, пишет далее Троцкий, он пришел к заключению, что "Истмен делает такие выводы, которые полностью и целиком направлены против нашей партии и способны, если брать их на веру, дискредитировать партию и Советскую власть". В конце письма он усиливает свои обобщения: "Ни один честный рабочий не поверит картине, даваемой Истменом... Книжка его может сослужить службу только злейшим врагам коммунизма и революции, являясь, таким образом, по объективному своему смыслу контрреволюционным оружием"³⁷.

В статье «По поводу книги Истмена "После смерти Ленина"», окончательный вариант которой Троцкий опубликовал в журнале "Большевик" (№ 16 за 1925 г.) по требованию Политбюро ЦК, Лев Давидович опровергал утверждение американского журналиста о том, что ЦК РКП(б) скрыл от партии "Завещание" В.И. Ленина. Отрекся Троцкий и от дружбы с М. Истменом. «Буржуазная и особенно меньшевистская пресса всячески выдвигает "близость" его ко мне как автора моей биографии, его "дружбу" со мной, – писал он, – явно пытаюсь таким косвенным путем придать его выводам вес, какого они не имеют и иметь не могут сами по себе»³⁸. Как в русской поговорке: "И я – не я, и лошадь не моя..."

В том же номере журнала "Большевик", где Троцкий объяснялся с широкой публикой и партийной массой в причастности к сочинению Макса Истмена, в редакционном предисловии к саморазоблачению Троцкого появилась и фамилия Крупской. Книга американского публициста в этом предисловии характеризовалась как "букет гнуснейших сплетен и клеветнических поклепов на ленинскую коммунистическую партию, которые Истмен старается прикрыть именем тов. Троцкого и отчасти тов. Крупской".

Как и замышлял Сталин, в этом же номере журнала было помещено одновременно и письмо в редакцию "Санди уоркер" Н.К. Крупской. От нее прежде всего требовалось дать объяснения, почему и какое она имела право написать тогда, 29 января 1924 г., письмо Л.Д. Троцкому. "Перед лицом доверия, которое выявил своей партии и ее ЦК в трудную минуту рабочий класс (имеется в виду "ленинский призыв в пар-

³⁷ Большевик. 1925. № 16. С. 67, 70.

³⁸ Там же. С. 69.

тию" – *Авт.*), старые большевики вдвойне почувствовали всю ответственность, ложащуюся на них после смерти Ленина, – писала она. – Все почувствовали себя как-то еще более сплоченными, готовыми до конца довести его дело. Под влиянием такого настроения я и написала тогда личное письмо Троцкому, которого в это время не было в Москве"³⁹.

Жестокие политические игры. Сантименты здесь не уместны – вот тебе и друг, единомышленник! Так подставить! Можно себе представить злорадство Сталина: для кого у нее нашлись добрые слова, у жены Ленина? Для человека, как негодуют повсюду, предавшего интересы партии и государства, выдавшего по сути секретные документы! И кому – какому-то бойкому журналисту, охотнику за сенсациями, объявленному в одной газете "шарлатаном революции"...

Надежда Константиновна на этом грустном для нее примере вокруг книги Истмена могла еще раз убедиться в правоте Владимира Ильича – очень неоднозначно относился он к Троцкому. А в "Письме к съезду" недаром отмечал его самоуверенность, вспоминал о его меньшевизме. Конечно, не забыла она и оценку, данную ему в письме Ленина к Инессе Арманд в феврале 1917 г.: "Вот так Троцкий!! Всегда равен себе = виляет, жульничает, позирует как левый, *помогает* правым, пока можно..."⁴⁰

* * *

Не раз и не два в жестоких внутрипартийных баталиях, потрясавших страну и во второй половине 20-х годов, вспомнят противники Троцкого "дело Истмена". Вспомнят и роль Крупской.

Много лет спустя Наталья Седова-Троцкая в письме в редакцию "Социалистического вестника" 18 мая 1959 г. дает понять, что, информируя Истмена о завещании Ленина, Троцкий стремился привлечь внимание мировой революционной общественности к ненормальной обстановке, сложившейся в верхушке РКП(б), к дальновидным требованиям Ленина переместить Сталина с должности Генерального секретаря ЦК, напомнить и тщательно скрываемые факты симпатии Ленина к Троцкому. А отречение Троцкого от Истмена было вынужденным, под давлением сталинского Политбюро (в виде "семерки"). «После выхода этой книги в свет, – писала Н. Седова-Троцкая, – Троцкий заявил в "Большевике", что Ленин не оставлял никакого завещания. Конечно, сообщая о завещании Истмену, Л.Д. действовал вопреки интересам Сталина и его группы, т.е. вразрез с официальным курсом партии. Он добился, однако, того, что Завещание стало известно в Америке и Европе. Тогда высшие партийные органы потребовали от Л.Д. опровержения. Положение создалось очень тяжелое, но Л.Д. не мог уклониться»⁴¹.

³⁹ Там же. С. 67, 72.

⁴⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 390.

⁴¹ Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М., 1991. С. 212.

И ни слова о Н.К. Крупской, которой своими действиями именно Троцкий не в последнюю очередь "создал очень тяжелое положение" в этом эпизоде с книгой...

Троцкий добился определенных целей – "Завещание Ленина" получило широкую известность на Западе. Однако политического капитала это вождю оппозиции не прибавило. Непревзойденный властолюбец и мастер интриги Сталин умело воспользовался "делом Истмена", чтобы еще ближе продвинуться к заветной цели – укрепить свое положение на партийном Олимпе, отодвинуть в сторону самого опасного соперника. Попутно, как бы исподволь, он ловко пустил стрелу и в стоявшую на его пути ближайшую сподвижницу Ленина, авторитет которой в партии был чрезвычайно высок...

1925 ГОД:
**УТРАЧЕННЫЕ ПОЗИЦИИ –
ЗАВОЕВАННЫЕ РУБЕЖИ**

Результатом борьбы с Троцким явилось то, что в известной мере он фактически оказался на самом краю обочины политической жизни. Без него принимаются многие кардинальные решения, вырабатываются конкретные меры социально-экономического развития. Корректировка курса, проводимая в начале 1925 г., шла вопреки его теоретическим представлениям и прогнозам.

Большинством Политбюро ЦК принимаются постановления, циркуляры, направленные на дальнейшее углубление нэпа, стимулирование сельскохозяйственного производства. Провозглашалась политика экономических уступок крестьянству, снимались ограничения с применения наемного труда, разрешалось выделение на хутора и отруба, заметно облегчалась аренда земли.

Цель всех этих мер – оживление аграрного сектора экономики, развязывание частнохозяйственной инициативы, укрепление позиций середняка, т.е. зажиточного крестьянина.

Аграрный вопрос испокон веков был самым болезненным на Руси. Не одна политическая судьба сломалась при попытке решения вечных проблем – как лучше организовать хозяйство, как создать гармонию между городом и селом, чтобы деревня не страдала и город был накормлен. В те годы наиболее острыми считались проблемы классовых взаимоотношений. Во весь рост стоял вопрос: кто является прочной опорой пролетариата в городе, на кого можно рассчитывать при проведении "социалистических преобразований" и кто выступит против, в ком таится скрытая угроза строительству новой жизни? Такую угрозу видели, в частности, в мелкобуржуазных слоях населения, и вопросом вопросов оставалось: кого отнести к этим слоям? Левые ортодоксы утверждали, что гибель революции исходит от кулаков и середняков. При этом критерии для определения категорий *кулак*, *середняк* были весьма неопределенными. Предметом спора являлись также способы обуздания "эксплуататорских тенденций" тех и других, защиты батраков и бедноты. Неясность качественных оценок, преувеличение опасности, исходившей от мелкобуржуазных слоев города и деревни, и стали предметом спора между правым и левым течениями в партии.

Новый курс ЦК левым течением под руководством Каменева и Зиновьева был встречен настороженно и даже враждебно. В нем увидели "прокулацкий уклон", "сдачу позиций социализма", предъявлялись и претензии в экономической необоснованности предлагаемых мер.

Основным теоретиком разрабатываемой политики стал Н.И. Буха-

рин, активно поддерживаемый Сталиным. Примерно с весны 1925 г. их отношения укрепляются и складывается своеобразный дуумвират. В то время в стране насчитывалось 45% бедняцких хозяйств, 51 – середняцких и 4% – кулацких. О количестве кулаков шли непрерывные споры. Бухарин видел потенциальную опасность, исходившую от кулачества, но постоянно подчеркивал разницу между кулаком и зажиточным "крепким хозяином". В создавшихся условиях важное значение имела позиция середняка – за кем он пойдет: за Советской властью или попадет под влияние кулака. А нэп уже давал плоды¹...

Недавние союзники Сталина и Бухарина Зиновьев и Каменев выступили в Политбюро с критикой. Начинаясь новая полоса теоретических разногласий, отягощенная неприятием сталинских методов организационной работы и антидемократических приемов в решении партийных споров. Еще в январе 1925 г. Л.Б. Каменев предложил назначить Сталина на пост председателя Реввоенсовета в связи с освобождением Троцкого с этой должности, надеясь, что Коба "клюнет на приманку" и уйдет из Секретариата. Однако Сталин лучше других давно распознал, какие огромные возможности сулит ему пост Генерального секретаря, и не поддавался на уловку. Потерпели неудачу и попытки бывших союзников генсека поставить Секретариат под прямой контроль Политбюро².

Близкие друзья, единомышленники – Каменев, Зиновьев, Крупская – часто встречались в тот период, обсуждая детали предлагаемого плана, основные направления которого должен был рассмотреть предстоящий XIV партсъезд, и находили там массу изъянов, сомнительных с точки зрения "чистоты марксистско-ленинской теории". По многим вопросам их позиции совпадали. Правда, впоследствии Каменев и Зиновьев скажут, что Крупская не была согласна с их платформой, что их объединяли главным образом проблемы организационной деятельности Политбюро и Секретариата. И, думается, это было не только желание уберечь вдову Ленина от излишних нападков и мстительности генсека, но и в значительной степени отражало истинное положение дел. Среди вопросов "высокой теории" ее интересовали главным образом вопросы интерпретации ленинского наследия, соотношения классовых сил в деревне, перспективы развития аграрного сектора. По этим вопросам Надежда Константиновна вступила в открытую полемику с Бухариным, а фактически со Сталиным.

С обоснованием предлагаемых руководством страны мер, размышляя в данной связи о судьбах нэпа, 17 апреля перед активом Московской партийной организации выступил Н.И. Бухарин, речь которого

¹ По ряду показателей в 1925 г. удалось превзойти довоенный уровень в развитии сельского хозяйства. Промышленное производство превысило три четверти довоенного, валовой же объем сельхозпродукции был превзойден на 122%. А ведь на Западе считали, что такое может произойти лет через 15–20!

² Так, Г. Зиновьев предлагал наряду со Сталиным назначить секретарями ЦК Троцкого, а возможно, Каменева, Бухарина или самого себя. Тщательно все взвесив, генсек стал приглашать на заседания Оргбюро этих лиц, дезавуировав фактически идею Зиновьева.

поместил журнал "Большевик". Для обоснования своих взглядов Бухарин широко использовал последние работы В.И. Ленина, в частности статью "О кооперации". Обращение к Ленину – прием обычный в ту пору, однако именно Бухарин, пожалуй, больше, чем кто-либо, чутко уловил новые тенденции в переосмыслении Владимиром Ильичем "всей точки зрения на социализм".

Изучение ленинских работ, постижение их политической логики позволяют Бухарину уточнить перспективы нэпа, пути и методы развития деревни, содержание смычки промышленности и сельского хозяйства. Подробно оратор остановился на ленинских идеях кооперации. Один из решающих рычагов коренного преобразования деревни виделся ему во всемерном росте простейших видов кооперации, что приведет в конечном счете к производственным объединениям, к налаживанию правильной и прочной смычки между рабочими и крестьянством. Эту идею он выразил такими словами: "Наш пролетарский пароход, т.е. наша тяжелая промышленность, будет тащить за собой сперва кооперацию, а кооперация будет являться более тяжелой баржей, чем этот пароход, будет тащить за собой на миллионах нитей огромнейшую тяжелую баржу всего крестьянства". Классовая борьба в этих условиях будет продолжаться, но она будет бескровной, без применения оружия. "Бороться против частника надо производством лучших и более дешевых товаров, а не закрытием его лавочки"³. Подчеркивая, что кооперативное движение в России имеет давние традиции, Бухарин фиксировал внимание на ленинской мысли о социализме как строе цивилизованных кооператоров.

В упомянутом апрельском выступлении Бухарин употребил свое известное выражение "обогащайтесь", выражение, ставшее на этот раз криминальным (изрядно заезженным оппонентами) в устах его хулителей и рьяных борцов с так называемым правым уклоном – вот, мол, до каких низостей дошел "любимец партии": сдает позиции социализма и вместо призыва к созданию коллективных хозяйств зовет к "развитию капитализма в деревне". Как же полностью звучала та злополучная цитата из доклада Бухарина? Хочется привести ее целиком, чтобы воочию увидеть, из-за чего ему "шили дело". "В общем и целом, – заметил Николай Иванович Бухарин, – всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство. Только идиоты могут говорить, что у нас всегда должна быть беднота; мы должны теперь вести такую политику, в результате которой у нас беднота исчезла бы"⁴.

Спрашивается, что же тут криминального в приведенной фразе? Да и марксистская доктрина предполагала, что социализм – это общество отнюдь не всеобщей бедности и нищеты, а, напротив, всеобщего процветания и благоденствия. Однако в условиях, когда идеи незавершенности революции, "неизбежности обострения классовой борьбы" и

³ См.: Большевик. 1925. № 8. С. 14.

⁴ Бухарин Н.И. Избр. произведения. М., 1986. С. 136.

"острого противостояния" доминировали в сознании и политике, этот призыв нетрудно было расценить при желании и как защиту кулака, "мелкобуржуазных слоев", как направленный против деревенской бедноты, т.е. "истинного союзника городского пролетариата"

Обрушиваясь на остатки военно-коммунистической психологии, выражавшейся, в частности, в администрировании и принуждении, Бухарин призывал к усилению экономических рычагов, к хозяйственной политике, направленной на учет интересов не только бедноты, но и середняка. Смещение акцентов можно заметить и в определении классовой борьбы, ее характера в новых условиях. Бухарин размышлял: "Можно ли и нужно ли сейчас проповедовать обострение классовой борьбы в деревне? Нет, у нас сейчас другое положение. Мы должны действовать сейчас хозяйственными путями, чтобы путем хозяйственных мероприятий, в первую очередь через кооперацию, двигать вперед основную массу крестьянства"⁵.

Литературная манера Н.И. Бухарина, свободный, раскованный слог предоставляли возможность "доброжелателям" придаться к тем или иным его формулировкам, поставить под сомнение "чистоту его марксистско-ленинских воззрений". Между тем, вчитываясь в смысл выступления Бухарина на московском партактиве, а также последующих дискуссионных материалов, видно, что предлагаемая им модель эволюционного преобразования социально-экономических отношений опиралась на ленинские размышления последнего периода жизни вождя, а также на научные изыскания крупнейшего теоретика кооперативного движения А.В. Чаянова (он погибнет в годы кровавой сталинской чистки) и его сподвижников⁶. Эти мысли Бухарин активно развивал на XIV конференции РКП(б) и на XXIII Ленинградской губернской конференции, настойчиво повторяя, что партия становится "партией гражданского мира", а государство – органом налаживания всестороннего сотрудничества между различными классами и слоями, установления в стране строгой революционной законности.

В тот же год выходят книга Бухарина "К вопросу о троцкизме" и сборник статей "Некоторые вопросы экономической политики", в которых талантливый теоретик призывал честно и объективно извлекать уроки из истории, не бояться признавать свои ошибки, искать их корни, проверять еще и еще раз свою линию. "Наша партия *никогда не была* и – надеемся – *не будет* федерацией договаривающихся между собой групп, группочек, фракций и течений"⁷.

Наиболее рьяным защитником линии Бухарина, его союзником, как это ни странно, оказался именно Сталин, хотя многое из того, что предлагал Николай Иванович, противоречило образу мыслей и всей

⁵ Там же. С. 144.

⁶ См.: Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. М., 1919. "Теперь по размаху своей работы, – писал он в 1919 г., – русская кооперация первая в мире. Десятки тысяч кооперативов выросли во всех уголках нашего Отечества..." (Чаянов А.В. Краткий курс кооперации. М., 1919. С. 77).

⁷ Бухарин Н.И. К вопросу о троцкизме. М.; Л., 1925. С. 11.

натуре Генерального. Любопытно в этой связи свидетельство самого Бухарина. Он вспоминал, что в начале 1925 г. у него состоялся долгий разговор со Сталиным на экономические темы. Суть его свелась к высказыванию генсеком своих сомнений по поводу нэпа. Сталин все время напирал на то, что долгая ставка на нэп "задушит социалистические элементы и возродит капитализм". Генеральный секретарь не понимал сути действия экономических законов и больше полагался на "пролетарский напор", "директивы партии", "выработанную линию", "ограничение потенциальных эксплуататоров" и пр. Разговор был серьезным, и Бухарин видел, что Сталин во многом не разбирается и не доверяет нэпу.

Одной из причин поддержки Бухарина генсеком стало то, что последний нуждался в союзниках в начавшемся противоборстве с Каменевым и Зиновьевым. Нельзя также сбрасывать со счетов и то, что инстинктом политика Сталин чувствовал необходимость продолжения *пока* курса, разработанного Лениным, популярного в тот момент, доказавшего свою эффективность плодотворными переменами в народном хозяйстве. Альтернатива силовой политики еще созревала. В высказываниях Бухарина было немало противоречащих тому, что исповедовал Сталин. Однако тот ему был, повторяем, полезен в достижении единовластия. А пока пусть "теоретизирует". Придет и его очередь. Биограф Н.И. Бухарина американский историк Стивен Коэн заметил: "Каждая оппозиция сочетала свою критику партийной политики с атакой на действия партийного аппарата... Частично причина трагедии старых большевиков кроется здесь: семь лет они боролись друг с другом по принципиальным вопросам, в то время как интриган постепенно приобретал власть, чтобы уничтожить их всех"⁸. В вышедшем в 1925 г. сборнике "За ленинизм", направленном против троцкизма, они еще в одном строю – свои статьи поместили здесь Н.К. Крупская, Н.И. Бухарин, Л.Б. Каменев, А.И. Рыков, Г.Е. Зиновьев, И.И. Скворцов-Степанов, А.С. Бубнов и др. Вскоре пути некоторых из них разойдутся...

Апрельский доклад Н.И. Бухарина и последующие его выступления по узловым теоретическим проблемам вызывали некоторое волнение в лагере противников "новой тактической линии", усмотревших в этом существенную корректировку "истинно революционного курса". Решительно выступив против теории "победы социализма в одной стране", они же обратили внимание на "недооценку кулацкой опасности", прозвучавшую в речах и публикациях Бухарина за последнее время. К ним примкнула и Надежда Константиновна.

Попытка Бухарина развить в новых условиях некоторые принципиального характера положения в ленинском теоретическом наследии была непонята Крупской. Свое несогласие с основными идеями, выдвинутыми Бухариным прежде всего в упомянутом докладе, она выска-

⁸ Коэн С. Бухарин и большевистская революция: Политическая биография, 1888–1938. Нью-Йорк, 1973. С. 134, 165.

зала в статье "Было ли у Ильича два стратегических плана, один в 1921 году, другой в 1923 году?". К этой статье примыкает также ее публикация "О классах и классовой борьбе". Позиция исторической правды, объективный анализ этих статей Н.К. Крупской позволяют сделать вывод, что Надежда Константиновна не уловила смысл содержания доклада Бухарина, обоснованность его рассуждений. Ее методы доказательств в целом уступали в данном случае смелому бухаринскому анализу нэпа. Бухарин заглядывал далеко вперед, тогда как в аргументации Крупской чувствовалось влияние привычных представлений, определенное воздействие военно-коммунистической идеологии. Так, в нэпе она видела некий зигзаг, отклонение от "прямолинейного движения к социализму", а политика Бухарина, его рекомендации вызвали у нее опасения, что тот "перегнет палку в сторону капитализма".

Будущее деревни виделось Крупской на путях развития кооперации. И только. "Кооперация, – писала она, – зародыш коллективистских форм хозяйствования, это росток хозяйственной формы будущего. Выход для многомиллионного крестьянства не в обогащении немногих, выход в кооперации". Понятие *обогащение*, столь широко используемое Бухариным как стимул развития производительных сил, для Надежды Константиновны имело однозначный смысл и непосредственно связывалось с эксплуатацией. "Обогатиться могут лишь немногие, обогащение включает в себя понятие эксплуатации", – категорически утверждала она.

Вызвала неприятие Крупской и постановка Николаем Бухариным вопроса о классовой борьбе в деревне, о чем говорилось выше. Выступая защитницей интересов бедноты, Крупская фиксирует внимание на углублении дифференциации деревни и неизбежности жесткого классового противостояния, вытекавшей-де из бухаринской теории расширения нэпа, в которой она и ее сторонники усмотрели "прокулацкий уклон", "возрождение буржуазных форм жизни". Классовая борьба будет обостряться в деревне, а Бухарин этого не видит, упрямо твердила она.

Свою статью "Было ли у Ильича два стратегических плана..." Н.К. Крупская направила Сталину и Бухарину с просьбой опубликовать ее в рамках дискуссии к предстоящему XIV съезду РКП(б).

Мысли, изложенные Н.К. Крупской, вызвали мгновенную реакцию Н.И. Бухарина – он пишет ответ оппоненту "Еще раз к вопросу о нашей политике в деревне". Со всем сарказмом обрушивается он на Крупскую (хотя ни разу при этом не называет ее имени), показывая, что она слабо разобралась в существе ленинской статьи "О кооперации", являвшейся, по его словам, "по существу одной из самых блестящих и смелых работ т. Ленина". Критикуя тезис Надежды Константиновны о том, что "трудом праведным не наживешь палат каменных", ее позицию в защиту крестьянской бедноты, Бухарин отмечает догматический подход к положению о невозможности и недопустимости обогащения бедноты.

Совершенно нелепым счел Н.И. Бухарин упрек своего оппонента в его "недооценке фактора классовой борьбы".

Сразу отметим, что для современного читателя все эти споры вокруг проблем классовой борьбы, ее обострения (или смягчения) звучат схоластически, а отдельные термины вообще выглядят "вчерашним днем". На деле же в той реальной обстановке закладывалась основа будущего развития общества – либо к гражданскому миру, к сотрудничеству классов, либо к гражданской войне, к физическому истреблению целого слоя – крепкого мужика, к вырубке интеллигенции. Как раз вопрос о классовой борьбе станет краеугольным камнем будущих разногласий Бухарина и Сталина.

А пока они шли вместе, и Бухарин был очень нужен в непримиримой борьбе с инакомыслящими. Генсек в душе не разделял многих положений своего сподвижника, но куда важнее было использовать знания, ораторское искусство, железную логику и популярность в партийной среде Бухарина для противодействия всем, кто хоть на йоту "отклонялся от верного курса". Та же Крупская...

Тщательное изучение целого комплекса факторов позволило Бухарину сделать вывод об ослаблении классовой борьбы по "мере укрепления позиций социализма". Временами, писал он, возможно, эта борьба будет обостряться, но он был убежден, что она отнюдь не должна сознательно, волевым путем превращаться в некий курс на повторную экспроприацию сельскохозяйственной верхушки, на "вторую революцию в деревне". Он концентрирует мысль на переносе центра тяжести на хозяйственные мероприятия, на мирные формы решения противоречий на селе.

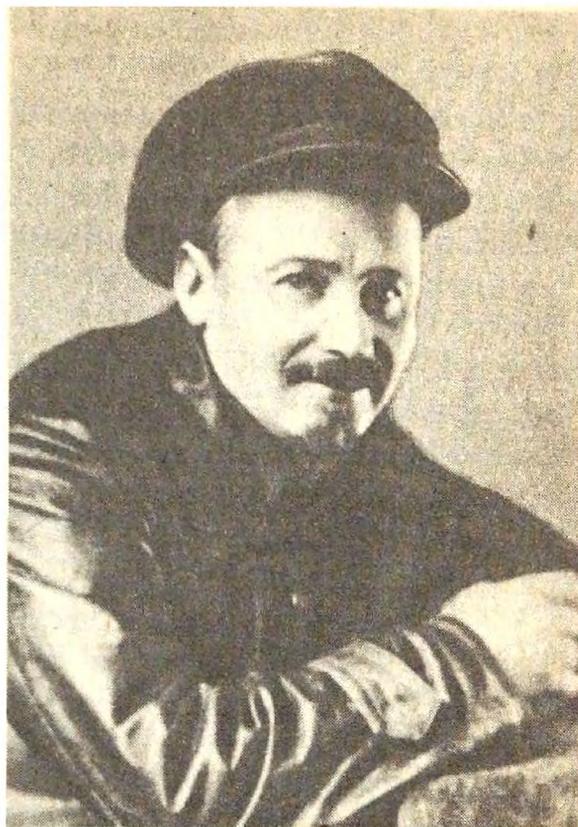
Тем не менее важно отметить, что, упрекая Бухарина в "недооценке фактора классовой борьбы в условиях нового тактического курса", Крупская вовсе не призывала к витку репрессий по отношению к кулаку, к разгулу принудительных мер. Нет, она просто считала необходимым как можно надежнее экономически, политически и массово-просветительски обеспечить интересы бедноты, оградить батраков и малоимущих от эксплуататорских тенденций укрепляющегося кулака. Однако в полемическом задоре внимание заострялось на расхождениях, а совпадения точек зрения фактически опускались, словно не замечались.

Нельзя не обратить внимания и на то, что Крупская не видела первое время больших различий в самой бедняцкой среде. А между тем как раз в то время тогдашний нарком земледелия А. Смирнов писал в газете "Правда": "Наша деревня и к кулаку и к лодырю-бедняку относится одинаково. Мы должны еще раз твердо сказать, что бедняк, который беден потому, что лодырничает или пьет, – это не тот бедняк, с которым рука об руку хотят идти коммунистическая партия и Советская власть"⁹.

Попутно заметим, что Сталин, конечно, думал иначе: через не-

⁹ Правда. 1925. 2 апр.

сколько лет, в период насильственной коллективизации, расправляясь с середняком ему активно помогал и "лодырь-бедняк", который отлично вписался в схемы генсека.

Н.И. Бухарин

Обе статьи Крупской были написаны в разгар нового витка внутрипартийной борьбы, когда всеильный триумvirат (Сталин–Каменев–Зиновьев) распался и страх перед возрастающей властью генсека прочно овладел его бывшими единомышленниками. В сентябре 1925 г. Зиновьев и Каменев вместе с Крупской и Сокольниковым выдвинули оппозиционную "платформу четырех"¹⁰. Четверка требовала открытой дискуссии, широкого обсуждения возникших разногласий. Вопрос об открытой дискуссии, в том числе и о публикациях статей Крупской и Бухарина, рассматривался в Центральном Комитете, где большинством голосов было принято решение: «Не печатать ни одной дискуссионной статьи, не открывать дискуссии и предложить тов. Бухарину заявить в печати об ошибочности лозунга "обогащайтесь"»¹¹.

В самом запрете развертывания широкой открытой полемики не было ничего особенного – методы подавления несогласных с большинством прошли уже апробации. Однако новым было то, что среди противников сталинской линии (т.е. "линии большинства") была вдова Ленина. Сразу записать ее в оппозицию и объявить оппозиционеркой было не так-то просто.

Сталин не мог не помнить, как пагубно отразилось на Троцком то, что в определенный момент Н.К. Крупская выступила против последнего. А здесь ситуация складывалась наоборот – Крупская против большинства Политбюро, против Бухарина, а значит, и против Сталина. И кто знает, как может все обернуться – за спиной Надежды Константиновны незримо витал образ Ленина. Поэтому запрет на публикацию материалов был важным тактическим ходом, в серьезной мере предопределившим победу генсека и его сторонников на предстоящем съезде. Тем более что, поставив рогатки на пути гласного выражения оппозицией своих взглядов, Политбюро использует весь

¹⁰ Л. Троцкий остался в стороне от этой антисталинской платформы.

¹¹ Четырнадцатый съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1926. С. 503. Статьи не опубликованы до сих пор.

свой агитационно-пропагандистский аппарат, чтобы начать мощную кампанию против отступников в лице "новой оппозиции".

Обстановка накануне XIV съезда ВКП(б) была чрезвычайно накаленной – Зиновьев и Каменев в Политбюро ЦК открыто высказали свое несогласие с "корректировкой политического курса", оспаривали положение о возможности построения социализма в одной стране. Так недавние союзники оказались по разные стороны баррикад; "семерка", некогда спаянная единой фракционной дисциплиной и общими целями (особенно в противодействии Троцкому), окончательно распалась...

В некоторых источниках утверждается, что незадолго до открытия партсъезда на квартире старого большевика Г.И. Петровского в присутствии ряда видных партийных руководителей обсуждался план замены Сталина на посту Генерального секретаря Феликсом Дзержинским. Против этого шага будто бы выступил Г.К. Орджоникидзе на том основании, что подобный акт будет истолкован как уступка Троцкому, который еще не отказался от претензий на полную власть в партии и стране. Поэтому от данной идеи пришлось отказаться¹². Другие участники совещания, возможно, хорошо понимали, что устранить честолюбивого партийного босса с занятых позиций теперь не так-то просто – дело может дойти до раскола и даже до более пагубных последствий. Определенную силу стал представлять даже сталинский корпус помощников, спаянный с бюрократическим аппаратом¹³. Благодаря системе рекомендаций, применявшихся Секретариатом, Сталину за сравнительно короткий срок удалось насадить на местах немало лиц (в губкомах, городских и уездных комитетах), подававших надежды быть полезными генсеку. Примерно та же картина наблюдалась при выборах делегатов на партконференции и съезд, который собрался в декабре 1925 г.

В самый канун его работы состоялась XIV Московская губернская партконференция. Выступая 12 декабря в прениях по докладу А.И. Рыкова, Надежда Константиновна Крупская вновь напомнила делегатам о своих теоретических расхождениях с Бухариным. "Говорят – я вчера, к сожалению, не была здесь во время речи тов. Бухарина, – сказала она, – говорят, что он развивал план Владимира Ильича. В этом вопросе мы с тов. Бухариным не совсем согласны". Было при этом дано и разъяснение ее позиции относительно единства партийных рядов: "Мы все твердо хотим единства партии, мы хотим здоровой атмосферы и потому мы должны действовать так, как советовал Владимир Ильич. Когда возникает какое-нибудь разногласие, надо с громадной добросовестностью посмотреть, точно установить, кто что говорит, выяснить до конца вопрос и до конца разобраться".

Едва ли следует сомневаться, что эти слова не очень-то понравились сталинскому окружению, но еще больше насторожила генсека другая

¹² См.: *Такер Р.* Сталин: Путь к власти, 1879–1929: История и личность. М., 1991. С. 271; *Медведев Р.* К суду истории: Генезис и последствия. Нью-Йорк, 1974. С. 119.

¹³ См.: *Александров (Михельсон А.С.).* Кто управляет Россией?: Большевицкий партийно-правительственный аппарат и "сталинизм". Берлин, 1933. С. 97–101.

ее фраза: "Та или иная ошибка у того или иного члена ЦК может быть выправлена. На то и коллектив, на то и орган, выбираемый и проверяемый партией, чтобы идти по правильному пути. Поэтому, я думаю, что надо совсем в другом тоне вести те прения, которые ведутся: какая организация лучше – питерская или московская. Разве целесообразно ошибку того или другого ляпнувшего что-нибудь товарища приписывать всей организации? Ведь вы знаете, что в разгаре дискуссии все бывает"¹⁴.

В приведенных замечаниях Надежды Константиновны, конечно, трудно усмотреть что-либо оппозиционное. Она точно уловила тот "дискуссионный припадок", который навязывали весьма ловко генсек и его команда: недоброжелательный тон с приклеиванием ярлыков оскорбительного содержания, откровенные грубости, неприятие инакомыслия. Недаром основной докладчик на конференции А.И. Рыков в заключительном слове подчеркнул: "Объясните мне, что будет обозначать внутрипартийная демократия, если члены партии не смогут спорить друг с другом, не смогут обсуждать вопросов? Ведь если люди обсуждают что-либо, то они высказывают такие мысли, которые не совпадают целиком". В противном случае члены партии "будут бояться и самостоятельно мыслить"¹⁵. Высказывание довольно дальновидное. Но, поддержав в этом суждения Крупской, председатель дальше не пошел – на XIV съезде он принял сторону главы Секретариата ЦК...

Сталин прекрасно понимал, что Крупская не ограничится выступлением на Московской губернской партконференции, и пытался повлиять прежде всего на тех, кто наверняка поддержит ее. Перед открытием съезда генсек встретился с Сокольниковым и упрашивал его не поддерживать Крупскую, а также Клавдию Николаевну (его проинформировали, что она будет выступать в том же духе), не говорить о завещании Ленина и необходимости избрать другого Генерального секретаря. Но Григорий Сокольников не согласился.

– Пожалеешь, Григорий, – предупредил Сталин и позднее ночью по вертушке снова позвонил ему, просил поддержать и не касаться в речи завещания¹⁶. И снова ничего не добился...

XIV партсъезд протекал бурно, его стенограмма читается местами как захватывающий остросюжетный роман: динамика действий, накал страстей, пылкие схватки в полемике.

Впервые открыто на форуме против Сталина выступили его бывшие единомышленники, члены Политбюро, поддержанные весьма уважаемыми в народе людьми, в том числе ближайшим другом и помощницей Ленина – Н.К. Крупской. За Зиновьевым шла мощная ленинградская организация, Каменев занимал должность заместителя председателя Совнаркома СССР и председателя СТО. Люди не случайные, в рево-

¹⁴ Правда. 1925. 13 дек.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Серебрякова Г.* Они делали честь идее, которой служили // Известия. 1989. 31 янв. В то время Сокольников, видимо, встретился с Каменевым, и тем самым участь его была предрешена.

люционном движении – авторитеты. Про Зиновьева А. Луначарский как-то заметил, что он, "несомненно, один из мужей Совета нашего ЦК, я скажу прямо, один из тех 4–5 человек, которые представляют по преимуществу политический мозг партии"¹⁷.

Оппозиция выступила сравнительно сплоченно, потребовав, чтобы ей предоставили слово для содоклада (с ним выступил Г. Зиновьев).

Предчувствия, высказанные на Московской партконференции, не обманули Надежду Константиновну: развернувшиеся на съезде прения мало походили на товарищеский спор. Уже доклад Зиновьева сопровождали шум, оскорбительные выкрики с мест, хлопки, фыркание.

Без внимания слушала аудитория довольно аргументированное выступление Л.Б. Каменева с критикой хозяйственной политики, линии Бухарина. И снова резкие, колючие реплики. Делегаты словно соревнуются, кто больше кольнет. «Я говорил товарищу Сталину, – сообщает съезду Каменев, – если лозунг "обогащайтесь" мог гулять в течение полугодия по нашей партии, то кто в этом виноват? Виноват т. Сталин. Я спрашивал его, ты согласен с этим лозунгом?

– Нет, не согласен.

– Почему же ты мешаешь партии ясно и точно отвергнуть этот лозунг?

Теперь я вижу, товарищи, что т. Сталин целиком попал в плен этой неправильной политической линии, творцом и подлинным представителем которой является т. Бухарин».

В данном случае Л. Каменев, как в дальнейшем показали события, оказался далек от истины, утверждая, что Иосиф Сталин "целиком попал в плен" бухаринской политической линии. У генсека была *своя линия*, и он просто выжидал, лавировал, а пока искусно использовал Бухарина в своих корыстных хитросплетениях.

Более впечатляющей была та часть речи Каменева, где он касался организационных вопросов, осуждая зажим демократии, нездоровую обстановку, сложившуюся в партии. Без обиняков предупредил он об опасности, исходившей от личности его недавнего партнера. "Сталин не может выполнить роль объединителя большевистского штаба... – заявил он. – Мы против теории единоличия, мы против того, чтобы создавать вождя"¹⁸.

Не прислушались к этим пророческим словам самоуверенные участники съезда. Не задумались над последствиями пребывания у власти этой замкнутой и часто угрюмой личности. Увы, история развивалась по своим законам – предупреждение Л. Каменева, а также Г. Сокольникова, который обратился с предложением сместить Сталина с поста Генерального секретаря, не были услышаны делегатами. Напротив, на этих ораторов обрушились град оскорблений, свист, улюлюканье...

Сказать, что Зиновьев и Каменев прозрели только весной 1925 г.,

¹⁷ Луначарский А. К. Радек, Л. Троцкий. Силуэты: Политические портреты. М., 1991. С. 297.

¹⁸ Четырнадцатый съезд ВКП(б). С. 275.

обнаружив тягу к безграничной власти у Кобы, значит не считаться с известными фактами. А они свидетельствуют об ином. Еще в августе 1923 г. в узком кругу тогда еще единомышленников обсуждался на так называемом "пещерном" совещании¹⁹ вопрос об ограничении власти Сталина (в Оргбюро и Секретариате), который уже тогда не считался с мнением ряда членов Политбюро, игнорировал методы коллективного решения вопросов, связанных с расстановкой кадров (в том числе и в советских учреждениях). Однако в то лето дальше планов и возмущенных обсуждений дело не продвинулось, сломить сопротивление Сталина не удалось, и все закончилось миром. Вспоминал ли об этом Л. Каменев, покидая

Л.Б. Каменев

трибуну съезда под неодобрительный гул большинства делегатов, – ведь тогда, в августе 1923 г., он в том деле поддержал позицию Сталина против Зиновьева и Бухарина?

Трижды поднималась на трибуну Надежда Константиновна Крупская. Особенно взвешенной и провидческой была ее речь, посвященная обстановке, сложившейся в партии. Сталин не упоминался при этом ни разу, но было ясно, что пафос выступления направлен прежде всего против него, повинного больше всего в бюрократизации аппарата, узурпации власти преданной ему верхушкой, в нарушении демократических традиций и установлении авторитарно-приказных методов руководства. Прислушайтесь к мнению меньшинства, оно не всегда бывает неправо, взывала Крупская к аудитории. Призывая не спешить, принимать решения, она подчеркнула, что "большинство не должно упиваться тем, что оно большинство, а беспристрастно искать верное решение... Нам надо сообща искать правильную линию. Громадное значение съезда в том и состоит, что этим съезд дает выражение коллективной мысли" Призывы к терпимости, лояльности она подкрепила историческими аналогиями. Крупская напомнила ситуацию, сложившуюся на IV (Объединительном) съезде РСДРП в Стокгольме (1906 г.), когда в результате объединения двух фракций – меньшевиков и большевиков – пос-

¹⁹Совещание было созвано по инициативе Зиновьева и Бухарина в одной из пещер близ Кисловодска, где отдыхала группа членов ЦК РКП(б). Обсуждались вопросы упразднения Оргбюро и реорганизации Секретариата с целью ограничения его власти. Сталин, поддержанный Каменевым (был в Москве), а также Ворошиловым, воспротивился переменам.

ледние оказались в меньшинстве, что не помешало им впоследствии одержать победу над меньшевиками.

Это напоминание вызвало страшное раздражение генсека и его приближенных. Послышалась реплика из зала: "Лев Давидович, у вас новые соратники!" Узаконение существования фракций, инакомыслия – это уж слишком!

Одним словом, опасения Сталина сбывались – Крупская открыто дает ему бой. Как член Центральной Контрольной Комиссии она критикует далее деятельность Оргбюро и Секретариата, обвиняя их в том, что они не прислушиваются к воле рядовой массы, слишком увлекаются репрессивными мерами. Она повторяет то, что уже сказала на заседании ЦК – о наличии "слишком большой власти, которая имеется у Секретариата"²⁰. Легко угадывается, что она имела в виду Сталина, начавшего бесконтрольно распоряжаться судьбами людей, перемещать их с места на место или лишать работы (часто без всяких оснований). "Если мы будем писать резолюции о внутрипартийной демократии, – говорила она, – и в то же время создадим такие условия для каждого члена партии, что за открыто высказанное мнение он может быть перемещен на другую должность, то все наши благие пожелания о внутрипартийной демократии останутся на бумаге". Она предупреждает: недопустимо, чтобы идейная борьба переросла в организационную, как это было недавно, на предыдущей дискуссии.

Гарантией против повторения подобных явлений, разумным ограничением бесконтрольности Секретариата и Оргбюро (читай: личной диктатуры) должна стать, заявляет Надежда Константиновна, независимая, сильная Центральная Контрольная Комиссия. На вопрос с места: "Независимость от чего?" – Крупская твердо ответила: "Независимость от того, чтобы какой-нибудь отдельный член партии мог повлиять на ее мнение"²¹.

В идейных баталиях и в преддверии съезда и во время его работы каждая из противоборствующих сторон, доказывая свою правоту, почти всегда ссылалась на высказывания Ленина. Цитаты из его произведений, целые куски его выступлений обильно сдабривали те или иные концепции. В своем выступлении на съезде Надежда Константиновна решительно осуждает подобный примитивно-вульгаризаторский подход. Приведя известные слова Ленина о том, что в истории были случаи, когда учение великих революционеров искажалось после их смерти, а из них самих делали безвредные иконы²², она добавила: "Я думаю, что эта горькая цитата заставляет нас не покрывать те или другие чаши

²⁰РЦХИДНИ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 74. Л. 28. Возражая Крупской, Председатель ЦКК В.В. Куйбышев заявил тогда на заседании "с полной ответственностью": "...теперешнее руководство партии, теперешнее основное ядро ЦК, теперешнее Политбюро является наибольшим гарантом осуществления действительно коллективного руководства" (Там же. Л. 29). История показала, кто оказался прав...

²¹ Четырнадцатый съезд ВКП(б). С. 573.

²² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 5.

взгляды кличкой ленинизм, а надо по существу дела рассматривать тот или иной вопрос"²³.

В съездовских речах Крупской был затронут и широкий спектр социально-экономических проблем. Критикуя доклад ближайшего сталинского сподвижника В. Молотова "о том, как мы растем", как все "гладко и хорошо" в стране, Н.К. Крупская нелицеприятно отметила, что "трезвая мысль диктовала бы нам несколько другой доклад, который говорит о тех трудностях, что перед нами лежат" И, не обращая внимания на нервное волнение в зале, она заключает: "Нужен был доклад, который поставил бы перед съездом вопрос о том, как эти трудности преодолеть" Без ссылок на авторитеты она попыталась спокойно разобраться в различных точках зрения, вынесенных на обсуждение делегатов, повторив высказанную ею ранее критику экономических взглядов Бухарина. При всей нечеткости определения некоторых понятий (например, нэпа²⁴) оратор высказала немало конструктивных предложений. По ее мнению, большинство Центрального Комитета явно преувеличивают успехи в народном хозяйстве. В определенной мере это следствие отсутствия трезвого анализа положения в деревне, переоценки возможностей государства в регулировании рынка.

Как показывала практика, трудности, на которых фиксировала внимание Крупская, а также непоследовательность и необеспеченность в проведении намеченных Бухариным мер стали причиной срыва политики углубления нэпа и привели к хлебозаготовительным коллизиям спустя два года.

Речь вдовы Ленина явно была направлена в поддержку "новой оппозиции" и против сталинского крыла, в которое входил и Бухарин. Ей мешали говорить, и она вынуждена была обратиться к председательствующему со словами: "Дайте спокойно говорить, все время перебивают"²⁵. (Еще одна примечательная деталь: после окончания ее выступлений не было обычных аплодисментов – зал брал пример с реакции генсека и его соратников, восседавших в президиуме...)

На что рассчитывала Надежда Константиновна, откровенно выражая свои мысли в более чем тысячной аудитории? Аудитории, преимущественно состоявшей из делегатов с невысоким общественно-политическим кругозором и весьма посредственным культурным уровнем, которые вряд ли способны были воспринимать оттенки политических мнений, нюансы теоретических и практических разногласий, прозвучавших с съездовской трибуны. Да ладно бы это был еще деловой обмен мнениями, а то ведь назойливо стал внедряться стиль озлобленной

²³ Четырнадцатый съезд ВКП(б). С. 166.

²⁴ По мысли Н.К. Крупской, нэп "является в сущности капитализмом, допускаемым на известных условиях, капитализмом, который держит на цепи пролетарское государство". «...Правильного нащупывания линии в докладе тов. Молотова не было, а было то же увлечение, иллюзии, как и у тов. Бухарина: он видит "желаемое ожидаемое как бы в настоящем"», – считала она (Правда. 1925. 24 дек.).

²⁵ Вспоминая много лет спустя об обстановке на XIV съезде, Крупская заметила, что ее фактически стащили с трибуны (свидетельство А.Г. Кравченко).

пикировки, невозможности спокойного вдумчивого обсуждения. Да и сам подбор делегатов осуществлялся опытной рукой интригана – ставка делалась на послушное большинство. Один из тогдашних помощников Сталина, Б. Бажанов, свидетельствовал: "Выборы делегатов на съезд, происшедшие в начале декабря на краевых и губернских партийных конференциях, предрешили и состав съезда, и поражение Зиновьева. Не имея возможности контролировать весь местный партийный аппарат (чем могли заниматься только Сталин и Молотов, сидя в ЦК), Зиновьев и Каменев рассчитывали на поддержку трех основных и ведущих организаций – двух столичных, московской и ленинградской – и самой важной из провинциальных – украинской. Посланный секретарем ЦК КПУ Каганович сделал все нужное, чтобы украинская организация была для Зиновьева и Каменева потеряна..."²⁶

Не был услышан съездом и призыв Н.К. Крупской к терпеливому товарищескому диалогу, чтобы "в мелкой организационной склоке не потонули вопросы чрезвычайно принципиальной важности".

Выступления лидеров "новой оппозиции" Каменева и Зиновьева, а также Крупской и Сокольников подверглись массивной атаке. Бухарина под защиту взял лично Сталин. Общеизвестна его фраза: "Крови Бухарина требуете? Не дадим вам его крови, так и знайте!" – декламация эта в известной мере относилась и к Н.К. Крупской. Надо отметить, что она меньше всего рассчитывала на подобный криминальный оборот политических разногласий. Кровожадность была не в ее натуре. Да и Сталин явно поторопился – кровь еще будет, в том числе и самого Бухарина, которого сейчас так трогательно брали под защиту. Но фраза симптоматична – она как-то органически вытекает из всей природы или, иначе говоря, менталитета Иосифа Виссарионовича. Пройдет немного времени, и кровожадность станет нормой по отношению ко всем его как мнимым, так и реальным противникам и конкурентам.

Сталинское окружение на съезде организовало беспримерное шельмование Крупской. Оно шло в основном по двум направлениям. Во-первых, доказывалась несостоятельность ее теоретических посылок. Тут уже генсек не преминул отметить, что сам Ленин говорил, что нэп – всерьез и надолго. С пристрастием были отмечены и другие неточности, но все это шло в русле критики взглядов "новой оппозиции".

Во-вторых, – и это самое существенное – было сделано все, чтобы попытаться "отлучить" Крупскую от... Ленина, поставить ее на место, показать, что она не может претендовать на особое право в распоряжении ленинским наследием. Прицел был точен – Сталин и его единомышленники не забыли, что именно ей доверил Ленин свое завещание, именно она руководила передачей его архива.

Первым после Крупской на съезде выступил "всеукраинский староста" Г.И. Петровский. Он принялся критиковать Надежду Констан-

²⁶ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина // Знание. 1989. № 9. С. 73.

тиновну, однако постоянно передергивал ее мысли. Истина, по его словам, – это "когда говорит большинство". Под аплодисменты распаленного зала он иронически бросил: "Надежда Константиновна – единственный борец за интересы бедноты, а ЦК будто бы против"²⁷.

Особенно изощрялся в оскорблениях Крупской Клим Ворошилов. "Тот, кто вредит в политике, – гремел он, – тот, кто думает, что он монопольно держит в руках своих ленинизм, тот ошибается. Ленинизм заключается не в отдельных лицах, осененных благодатью свыше..." Новоиспеченный председатель Реввоенсовета позволил себе и такую фамильярность: "И тут, товарищи, совершенно напрасно клясться в том, что мы уважаем и любим Надежду Константиновну. Да, любим, уважаем, но не за прекрасные глаза, а за политику, за работу"²⁸.

Держа нос по ветру, тот же Ворошилов вместе с тем не преминул произнести заготовленную заранее тираду, отлично уловив, кого имела в виду Крупская, осуждая грубое администрирование и неприятие иного мнения. Послушаем: "Товарищ Сталин является – я это утверждаю – главным членом Политбюро, однако никогда не претендующим на первенство, в разрешении вопросов он принимает наиболее активное участие, и его предложения чаще проходят, чем чьи-либо другие"²⁹.

Постарался внести свой вклад в развернувшееся шельмование Надежды Константиновны и Емельян Ярославский, заявивший, что оппозиционеры на районных конференциях выставили дальнобойное орудие вроде Зиновьева с содокладом и Крупской. "...Правда, это уже не такое дальнобойное, а довольно слабое орудие"³⁰, – сострил кивая на Крупскую, сей "воинствующий безбожник", а в недалеком будущем угодливый сталинский пропагандист. Лидерами раскольников он объявил Каменева, Зиновьева и Крупскую, которым противостояли Сталин, Молотов, Рыков, Калинин, Томский и Бухарин (т.е. возглавляли "правильный курс").

Прямо скажем, не к месту поддержала проработку Надежды Константиновны, видимо, демонстрируя свою "большевистскую принципиальность", М.И. Ульянова. "Товарищи, – обратилась она к делегатам, – я взяла слово не потому, что я сестра Ленина и претендую поэтому на лучшее понимание и толкование ленинизма, чем все другие члены партии. Я думаю, что такой монополии на лучшее понимание и толкование ленинизма родственниками не существует и не должно существовать". Вредным она назвала, намекая на речь Крупской, пример с IV Объединительным съездом РСДРП в Стокгольме: несмот-

²⁷ Став впоследствии жертвой грубого сталинского произвола, Петровский старался не вспоминать свои выпады против Крупской на этом съезде, что видно и из его мемуаров, написанных после 1956 г.

²⁸ Правда. 1925. 29 дек. Некий В. Быстрианский по поручению генсека пошел еще дальше, заявив: «Даже если т. Крупская хотела сказать *совсем* "не то", объективно смысл ее выступлений ведет к подрыву партийного единства и к попранию ленинских заветов» (Там же).

²⁹ Там же.

³⁰ Четырнадцатый съезд ВКП(б). С. 202.

ря на меньшинство, правда оставалась за большевистской фракцией. Мария Ильинична по существу подсказала, может того не желая, по каким направлениям смысл речи Н.К. Крупской легко передернуть.

В части полемики с Крупской не на высоте, думается, оказался и Н.И. Бухарин. В заключительном слове он сбился на фальшивые трели. «Мы не можем допустить, – сказал оратор, – такой "философии демократизма" со стороны Надежды Константиновны, которая говорит: истина это есть соответствие действительности, каждый прочитает, каждый вникнет, каждый за себя отвечает. А партия где? Как в загадочной картинке – пропала? Нет, извините! Партия не пропала»³¹.

Подвел итог этой мелкой травли, продолжавшейся несколько дней, Генеральный секретарь. В заключительной речи, коснувшись известных событий, связанных с публикацией статей Крупской и Бухарина и высказываний Каменева и Зиновьева, расценивших этот акт как зажим демократии, Сталин прокомментировал это следующим образом: "Теперь Каменев и Зиновьев думают кое-кого запугать запрещением, по-либеральному возмущаясь, что мы запретили печатание статьи т. Н. Крупской. А почему бы не запретить к печатанию статью тов. Крупской, если этого требуют от нас интересы единства партии? А чем, собственно, отличается тов. Крупская от всякого другого ответственного товарища? Не думаете ли вы, что интересы отдельных товарищей должны быть поставлены выше интересов партии и ее единства? Разве товарищам из оппозиции не известно, что для нас, для большевиков, формальный демократизм – пустышка, а реальные интересы партии – все"³².

Более часа рассуждал генсек в заключительном слове, подвергая обструкции и разносу Зиновьева, Каменева и их сторонников. Без тени смущения он прибегал даже к цитированию... собственных изречений, расточал оскорбительные клички и эпитеты по адресу своих оппонентов, лицемерно объясняя непозволительные выражения прямою своего характера (!). Зная, что перевес на его стороне, он даже позволил буркнуть, что "готов очистить место (генсека. – *Авт.*) без шума", и выступил против отсечения отдельных членов руководства от ЦК (очередная показуха по части бескорыстия и заботы об общепартийных интересах). "Мы за единство, мы против отсечения, – лицедействовал докладчик. – Политика отсечения противна нам. Партия хочет единства, и она добьется его вместе с Каменевым и Зиновьевым, если они этого захотят, без них – если они этого не захотят"³³. А затем пустился в не менее ханжеские словословия о значении коллегиальной работы и коллегиального руководства, которые так и не подкрепил в дальнейшем реальными делами.

³¹ Там же. С. 856.

³² Там же. С. 504.

³³ *Сталин И.В.* Соч. Т. 7. С. 390. Генсек обвинил Зиновьева и Каменева в приверженности методам отсечения и пускания крови, фарисейски заявив, что это опасно и заразительно: "...сегодня одного отсекли, завтра другого, послезавтра третьего, – кто же у нас останется в партии?" (Там же. С. 380).

В развязной форме обрушился Сталин на понимание Крупской нэпа, квалифицировав ее мнение как "сущую чепуху". "Нельзя выступать здесь с защитой Ленина против Бухарина с этакой чепухой", – с наигранной горячностью заявил он. А затем театрально "откровенно признался": "Да, товарищи, я человек прямой и грубый, это верно, я этого не отрицаю" (т.е. внешне не отрицал мнения Ленина о нем, но истолковывал его по-своему).

Эта часть выступления генсека показательна тем, что здесь прослеживается не только отношение к Крупской, но и некие элементы концепции будущего диктатора. Человек, даже уважаемый, ничто, демократия – пустышка, независимое суждение – чепуха. А превыше всего – "реальные интересы партии и ее единство".

Невольно возникал вопрос, кто же определяет эти "реальные интересы"? Если всем сомневающимся активно начали затыкать рты, публично оскорблять, а затем и смещать с работы. Никто не мог ответить и на вопрос, как обеспечить единство в такой разной по социальному составу многомиллионной в дальнейшем партии, где бóльшая часть в рассматриваемые годы едва умела читать и писать.

В ответ на выпады Крупская с достоинством ответила: "Меня тут обвиняют в том, что я выступала по каким-то личным мотивам, в том, что я вела агитацию против ЦК, призывала к неподчинению постановлениям съезда. Позвольте, товарищи, не отвечать на эти обвинения. Я не малый ребенок... и нисколько не сомневаюсь в том, что в процессе борьбы будут употребляться всякие приемы и обвинения в том, что я действую по личным мотивам. Поэтому, товарищи, тут не к лицу жаловаться, и я, со своей стороны, никаких претензий к товарищам, пускающим такие методы борьбы, не имею"³⁴.

Более умеренно по сравнению с теми, кто входил в круг активно поддерживавших генсека, выступил председатель Совнаркома А.И. Рыков. Хотя он и осудил главных представителей "новой оппозиции", назвав их поименно – Каменев, Зиновьев, Сокольников, Лашевич и Крупская, – в его речи чувствовалась тенденция к смягчению ситуации. Единства между *ними* нет, заверил он съезд. "Они сходились в том, что систему руководства нужно изменить в пользу усиления их влияния, но единства политической линии между ними не было, – повторил Рыков, – нет и, на мой взгляд, не может быть". Стремясь, по-видимому, как-то вывести Крупскую из-под предстоявшего неизбежного преследования, Алексей Иванович полушутливо заявил не расположенной к шуткам аудитории: «Надежда Константиновна поддерживает тт. Каменева и Зиновьева с точки зрения сочувствия "бедным и угнетенным"». И уж совсем неожиданно Рыков вдруг произнес: "Никогда и ни перед кем, ни перед Сталиным, ни перед Каменевым, ни перед кем-либо другим, партия на коленях не стояла и не станет"³⁵.

Зал взорвался аплодисментами. Сталин сидел неподвижно...

³⁴ Четырнадцатый съезд ВКП(б). С. 422.

³⁵ Там же. С. 406.

Все шло к тому, что высшая партийная мудрость неуклонно концентрировалась в личности одного человека – дальнозоркого и непогрешимого. Понимать и толковать ленинское наследие позволительно только ему. И никому больше. Оппозиция не смогла поколебать доверие к нему у большинства делегатов. Впервые на этом съезде прозвучали здравицы в честь "товарища Сталина". А для демонстрации "рабочей поддержки признанному рулевому" был разыгран (не имевший прецедента в прошлом) спектакль – в зал вошла депутация представителей Глуховской мануфактуры, которая преподнесла президиуму... портрет Сталина. Случай по тем временам небывалый. "Наши рабочие, – с пафосом произнес активист предприятия, – учитывают вашу работу и тот выбор президиума, который должен быть революционным штабом под руководством ЦК партии, имея во главе Генерального секретаря товарища Сталина, ученика Владимира Ильича Ленина"³⁶.

Как и большинство делегатов, Н.К. Крупская невольно наблюдала за главным организатором этого фарса. На лице генсека отмечались смущение и изумление, словно разыгранная сцена для него явилась полной неожиданностью. Все это в душе Надежды Константиновны оставило тягостное чувство. И горько было видеть, как умилялись спектаклю Бухарин, Калинин, Томский, Орджоникидзе, Куйбышев...

А тут еще подброшенная делегатам ее коллегами по ЦКК ВКП(б) Матвеем Шкирятовым и Сергеем Гусевым идея доносов и доносительства. Идея гнусная, но, к великому удивлению, не получившая всеобщего отпора. А сам Сталин по поводу развернувшихся дебатов относительно доносов и доносительства многозначительно промолчал, не одернул тех, кто цинично призывал партийцев доносить, как, например С. Гусев, который во всеуслышание изрек: "...у нас есть ЦК, но, я думаю, что каждый член партии должен доносить".

Не выдержала Клавдия Николаева, с негодованием воскликнувшая: "Доносы на партийных товарищей, доносы на тех, кто будет обмениваться по-товарищески мнением с тем или иным товарищем, – это будет только разлагать нашу партию". Возмутился делегат М. Бакаев: "Я не могу равнодушно отнестись к тем нездоровым нравам, которые пытаются укоренить в нашей партии. Я имею в виду доносительство... Партия должна дать по рукам тем товарищам, которые пытаются культивировать такие нравы". Не услышала основная масса участников съезда и мало кому известного делегата Курунова, с тревогой подчеркнувшего, что в партии не должно быть доносчиков, "говорить здесь о доносах – абсолютно недопустимая вещь".

Обсуждением столь неожиданного и весьма неприглядного сюжета, судя по всему, генсек остался доволен: его "обкатка" особого гнева большинства не встретила, а для планировавшегося им будущего "ордена меченосцев" сей метод будет очень полезен. Надо только потерпеть, всему свое время...

³⁶ Там же. С. 867.

Захваченные в сталинскую орбиту, крупные деятели партии немало потрудились, внося солидную лепту в утверждение цезаристских начал. Камни в фундамент сталинского единовластия усердно вложил, в частности, секретарь ЦКК В.В. Куйбышев. "Тов. Крупская, – заявил он, – говорила относительно большой власти, которая имеется у Секретариата, она говорила о необходимости обсуждения тех вопросов, которые волнуют партию. Все это выглядит, так сказать, невинно, в тоне, в котором говорит Надежда Константиновна. Но знают же все товарищи, члены партии, что... существующее руководство партией является одним из лучших в истории нашей партии". Оратор быстро перешел "к делу", провозгласив: "Я от имени ЦКК заявляю о том, что это руководство и этот Генеральный секретарь нашей партии являются тем, что нужно для партии, чтобы идти от победы к победе".

По поводу движения генсека "от победы к победе" – в этом, как показали последующие годы, соратник Кобы не ошибся. Все же остальное – элементарная близорукость, бравада с примесью демагогии, которая станет мощным оружием диктаторского режима.

Оскорбительный тон в адрес Н.К. Крупской, царивший на XIV партсъезде, разумеется, рикошетом отражался на памяти Ленина, и это было для нее нестерпимо больно. Чувства ее временами не могли не быть противоречивыми: ведь приходилось в итоге считаться с большинством. Ее душа протестовала. Хотя мы не располагаем сколько-нибудь достоверными сведениями о размышлениях Надежды Константиновны в связи с результатами победоносного для формировавшейся сталинщины съезда, ясно одно – она немало извлекла для себя нравственных и политических уроков.

XIV съезд ВКП(б) осудил так называемую "новую оппозицию", выступившую, как отмечалось в резолюции, "как обособленная группа, противопоставляющая себя Центральному Комитету нашей партии", подрывающая ее единство. Непосредственно к Крупской, как нетрудно понять, относились такие слова: "Съезд одобряет политику ЦК, которая была направлена на то, чтобы не допустить открытой дискуссии с некоторыми руководителями ленинградской организации и их отдельными единомышленниками из состава ЦК, стараться изжить разногласия в порядке внутреннем и обеспечить коллективное руководство партии"³⁷.

Партийная дисциплина, не изжитая вера в высшую мудрость политического ареопага, в неизбежность избранного пути диктовали соответствующие нормы поведения. К чести Надежды Константиновны, она не оставила усилий, чтобы как-то примирить враждующие стороны на принципах творчества, общих конечных целей, сохранить в руководстве былой дух товарищества, по мере возможности добиться налаживания механизма выработки коллективных решений. С большой, однако, степенью вероятности можно предположить, что на душе у нее становилось тяжело и беспокойно при воспоминании о том, как унижали

³⁷ КПСС в резолюциях... М., 1954. Ч. II. С. 201.

ее на съезде, мешали говорить, как нарушались элементарные правила демократического обсуждения, товарищества, взаимопонимания. "Я вообще против фракционности и далеко не во всем согласна с оппозицией, – вырвалось у нее в письме к Алисе Радченко, – но вопросы ставятся в такой форме... что поневоле, хотя бы в виде протеста, приходится голосовать с меньшинством"³⁸.

* * *

1925 год закончился. Его никак нельзя назвать спокойным, умеренным, в чем-то похожим на минувшие. Насыщенный до предела событиями, сотрясавшими страну, отличавшийся большим накалом политических страстей и противоборства, он принес немало разочарований и усилил тревогу в среде истинных революционеров, которых олицетворяла Н.К. Крупская, но одновременно стал важным этапом в восхождении Иосифа Сталина к неограниченной власти, временем достижения им новых рубежей.

³⁸ РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 781. Л. 72.

"ВСЕРОССИЙСКИЙ МОРДОБОЙ..."

Вглядимся в теперь далекие 20-е годы, а точнее, во вторую половину того десятилетия. Страна шла к своему первому после революции юбилейному рубежу, а провозглашенные в 1917 г. идеи приобретали зримые формы: укреплялась экономика, нэп привел к оживлению торговли и сельского хозяйства, тысячи рабочих и крестьян вовлекались в орбиту массовой культуры и просвещения.

Примечательны те годы и для партии большевиков: никогда она не знала такого бурного накала внутривнутрипартийных дискуссий, жесткой, бескомпромиссной борьбы. Обсуждение политических и экономических альтернатив сопровождалось непримиримыми личными пристрастиями, склоками и междоусобицей. Картина партийной жизни походила на поле боя: бои местного значения на пленумах, заседаниях Политбюро сменялись генеральными сражениями на конференциях и съездах. Несмотря на отчаянные сопротивления, команда Сталина уверенно теснила противника.

Генсек, неуклонно пробиравшийся к единоличной диктатуре, умело маневрировал, не останавливаясь, если требовала обстановка, и перед сменой подручных и союзников, вступал во временные альянсы, играя на противоречиях и сталкивая людей (во многом доверчивых). И, как всегда, не забывал расточать клятвы верности ленинизму. Весьма искусно "верный ученик" использовал отсутствие единства между отдельными лидерами ВКП(б), явно, к слову сказать, превосходившими его по заслугам перед революцией, авторитету и популярности в массах. К тому же эти деятели были гораздо сильнее подготовлены теоретически, обладали качествами превосходных ораторов, широтой знаний. Им, романтикам революции, фанатично преданным идее, и в голову не могла прийти догадка, какую кровавую оргию замышляет их "товарищ по партии". Конечно, одних насильственных мер было недостаточно – они поразительно сочетались у генсека с обманом, а грубое нарушение внутривнутрипартийной демократии и прав человека, унижение его достоинства находили объяснение... в необходимости "сплачивания рядов" и даже рассматривались сталинской пропагандой как неизбежная справедливая плата за безопасность страны, окруженной "миром капитала". Еще с трибуны XII съезда РКП(б), подогревая "внедрявшиеся недостойные нравы, Сталин, уже поднаторевший в интригах, произнес весьма примечательную фразу: "Говорят о склоках и дрызгах в губкомах. Я должен сказать, что склоки и трения, кроме отрицательных сторон, имеют и хорошие стороны. Основным источником склок и дрызг является стремление губкомов создать вокруг себя спаянное ядро, сплоченное ядро, могущей (так в тексте. – Авт.) руководить как

один"¹. На столь откровенную вульгарную диалектику тогда мало кто обратил внимание.

Превосходно ориентируясь в подобных ситуациях, генсек в первые годы после кончины Ленина в основном ограничил борьбу с инакомыслящими преимущественно борьбой за лидерство в партии. Тогда эти политические баталии не сопровождались массовыми физическими истреблениями оппонентов: для этого у будущего тирана просто еще не хватало сил. "Только после того, как обострение социальных противоречий на основе нэпа позволило бюрократии подняться над обществом, – скажет позднее Л.Д. Троцкий, – Сталин стал подниматься над партией..."²

Нелегко сложились первые годы без Ленина для Надежды Константиновны Крупской. Очень непросто было занять *свою* позицию, разобраться в существе споров и дискуссий. Неизменная вера в силу партийных решений, в волю партийного большинства, боязнь раскола и фракционности довели над ее выбором. Прошедший сразу же после XIV партсъезда Пленум еще раз подтвердил недопустимость дискуссий. В тоне резолюции появляется металл: "Основной предпосылкой всех успехов большевистской партии всегда были стальное единство и железная дисциплина, подлинное единство взглядов на почве ленинизма"³.

Тем не менее то обстоятельство, что Сталин является Генеральным секретарем, еще не создавало ему среди большевиков, особенно среди когорты старых революционеров, репутации нового вождя. К тому же все прекрасно помнили, что Ленин был верховным лидером вовсе не в силу своего поста председателя Совнаркома (в партии он являлся только членом Политбюро), а прежде всего благодаря выдающимся личным качествам политика и теоретика. Поэтому генсек, несмотря на свое болезненно раздутое чувство честолюбия, предпочел на минувшем съезде промолчать по поводу убийственного заявления Г. Сокольникова: "Ленин не был ни председателем Политбюро, ни Генеральным секретарем, и тов. Ленин тем не менее имел у нас в партии решающее политическое слово. И если мы против него спорили, то спорили, трижды подумав. Вот я и говорю, если тов. Сталин хочет завоевать такое доверие, как тов. Ленин, пусть он и завоюет это доверие"⁴. И хотя это было произнесено представителем оппозиции, многие делегаты (даже из свиты Сталина) не могли просто отбросить, проигнорировать с ходу такое суждение.

Сознавая, что одним махом невозможно достичь желаемого, Сталин пока довольствовался открытой поддержкой преобладающего мнения, что руководство на самом высоком уровне должно быть коллективным,

¹ Данная оценка – это как бы ответ генсека на известное письмо Н.К. Крупской Каменеву (декабрь 1922 г.), что она не желает "тратить время на склоку, нервы и так напряжены".

² См.: Аргументы и факты. 1989. № 34. С. 4.

³ Состоявшийся 1 января 1926 г. Пленум избрал Политбюро, Оргбюро и Секретариат ЦК, а также утвердил главного редактора "Правды".

⁴ Четырнадцатый съезд ВКП(б). С. 335.

и одержанной победой над авторитетными партийными деятелями, ставшими его непримиримыми соперниками. Членам так называемой "новой оппозиции" разрешалось отныне отстаивать свои взгляды в рамках высших органов партии – Политбюро, ЦК и ЦКК. Открытая дискуссия в массовой аудитории, апеллирование к партийным организациям исключались.

Внешне смирившись с упомянутым мнением большинства членов партии относительно методов руководства, Сталин вовсе не собирался "ждать у моря погоды" и в частных беседах уже вскоре после XIV партсъезда стал проводить в жизнь и пропагандировать совсем другую линию. В начале 1926 г., по свидетельству одного из ленинградских партийных руководителей, соратника Кирова, Петра Чагина, на встрече в связи с назначением С.М. Кирова Первым секретарем Ленинградского Губкома ВКП(б) зашел разговор о необходимости строгого соблюдения коллективности руководства. Все с этим были согласны, и только Сталин придерживался иного мнения. Молча выслушав сказанное, он встал и, шагая вокруг стола, глухо произнес: "Не следует забывать, что мы живем в России, стране царей. Русским людям нравится, когда во главе государства стоит один человек". Словно спохватившись, затем он добавил: "Конечно, этот человек должен осуществлять волю коллектива". Никто из присутствовавших, вспоминал П. Чагин, не догадался, что именно себя Сталин уже мнил "великим вождем России"⁵.

Не верила сталинским фальшивым заверениям о приверженности демократическим принципам и коллективизму и Н.К. Крупская. Генсек, как свидетельствовали многие современники, всегда неуютно чувствовал себя под ее пристальным взглядом. Племянник Л.М. Кагановича, автор книги "Кремлевский волк", уверяющий читателей, что она написана преимущественно со слов дяди (в описываемое время Л. Каганович был уже в сталинской команде), так описывает сцену одного из партийных заседаний в ЦК: "Крупская сидела на жестком стуле совершенно прямо. На бледном ее лице выделялись умные, пронизывающие глаза, которые реагировали на все, что происходило. Крайне редко она улыбалась, и если это случалось, то только тогда, когда она говорила что-нибудь неприятное для Сталина или его окружения... Что бы кто ни говорил, у нее всегда был наготове ответ, как будто она находилась в классе и перед ней сидели ученики, не желавшие усваивать материал. Лазарь (Каганович. – *Авт.*) наблюдал за Сталиным. Тот напрягался всякий раз, когда Крупская раскрывала рот, но был сдержан в речи".

Однако Сталин уже "подбрасывал веток в огонь. Он понимал, что не может выступить против Ленина и, разумеется, не может сделать это в открытую и так скоро после его смерти. Поэтому стал подкапываться под другого, мешавшего ему больше всех человека – под Крупскую"⁶.

⁵ См.: *Такер Р.* Сталин: Путь к власти... М., 1991. С. 286.

⁶ *Каган С.* Кремлевский волк. М., 1991. С. 135.

Н.К. Крупская чрезвычайно болезненно реагировала на использование имени Ленина во фракционной борьбе, на то, что извращение принципов внутрипартийной демократии часто стало освящаться его именем. Свидетельства, оценки Владимира Ильича в обстановке, когда собиралось в кучу все, что компрометировало противника, считались особенно эффектными. Понимая это, Каменев и Зиновьев предприняли распространение в качестве листовки "Письма к съезду", содержащего характеристику Сталина, и, по понятным причинам, опустив при этом все, что имело отношение к ним.

Тогда в ЦК принимается решение опубликовать ленинскую оценку действий Каменева и Зиновьева в октябре 1917 г. (эта часть "Завещания", как известно, содержала резкие выражения по поводу двух "штрейкбрехеров революции").

Узнав о намерении опубликовать ленинское "Письмо к съезду" (о поведении в октябре 1917 г. Зиновьева и Каменева), Надежда Константиновна усмотрела в этом прием, недостойный духа партийного товарищества, честного и принципиального идейного противоборства.

15 апреля 1926 г. Крупская обращается в Политбюро ЦК ВКП(б) со следующим заявлением:

"На последнем Пленуме было внесено предложение опубликовать письма Владимира Ильича 1917 года о Каменеве и Зиновьеве. Если уж рассылать, то все письма целиком. Иначе рассылка будет носить характер, который возмутил бы В.И. За последнее время мне часто приходилось слышать от старых членов партии крайне тенденциозные извращения завещания В.И. Ленина; происходит это оттого, что завещание было прочитано бегло, или по каким-либо другим причинам, не знаю. Учитывая пережитое партией со времени смерти В.И. Ленина, я думаю, что совершенно необходимо опубликовать завещание"

То ли ее разумный голос учли, то ли последовал хитрый тактический ход генсека ("отложим до лучших времен"), но усеченную публикацию отменили. Документам еще предстояло сыграть свою роль в жестоких внутрипартийных сражениях...

В утверждении сокровенных замыслов Сталина немалую услугу ему оказывали, как уже отмечалось, Молотов, Ворошилов, Калинин, Куйбышев (три первых стали членами Политбюро) и особенно Бухарин, заявивший публично оппозиционерам: "Сколько угодно боритесь, сколько угодно нападайте, но не делайте фракций. Железная дисциплина в нашей партии должна быть сохранена!"⁷ Выступая перед активом Ленинградской парторганизации, Бухарин сосредоточил внимание на критике позиции тех, кто настаивает на свободе фракций и группировок. Приятными для генсека стали его слова: "Если мы допустим существование фракций, то следующим этапом будет не что иное, как легализация других партий". Правда, другая фраза Бухарина никак не соот-

⁷ См.: Горелов И.Е. Николай Бухарин. М., 1988. С. 115.

ветствовала тайным вождениям Сталина, да и исторически оказалась нереализованной – политику партии "подпирают со всех сторон тысячи рук, и на эту коллективную, величайшую силу нашей партии мы будем ставить свою ставку и думаем, что эта ставка будет победоносной"⁸.

Иосиф Виссарионович делал совсем иную "свою ставку" и победил. Но об этом – позже...

Сталинские установки, разумеется, не устраивали Каменева, Зиновьева и их сторонников; они пытаются легализоваться в качестве фракций в высших партийных органах, развертывают работу по привлечению на свою сторону сочувствующих, создают собственные каналы распространения информации, устраивают нелегальные совещания.

Анализируя политическую линию сталинского большинства, оппозиционеры были всерьез обеспокоены тем, что, став полновластным диктатором, Сталин поведет страну "к реставрации капитализма" и вообще "свернет с социалистического пути". Поэтому, выступая за демократические нормы в партийной жизни, они подталкивали и к политике более высоких темпов развития промышленности, к жесткой антикулацкой линии, ориентации на преимущественно коллективные формы сельскохозяйственного производства.

Близость программных установок, ненависть к Генеральному секретарю с неизбежностью вели к сближению "новой оппозиции" с Л. Троцким. К началу апреля были разработаны принципы их союза, выработана единая общая платформа.

Новый блок дал о себе знать на состоявшемся в том месяце Пленуме ЦК ВКП(б) – борьба вступает в новую фазу. Антисталинское объединение применяло еще не забытые средства подпольной агитационно-пропагандистской работы. Не дремала и команда, сгруппировавшаяся вокруг генсека, – она стала широко прибегать к испытанным царизмом методам засылки в ряды оппозиционеров провокаторов и осведомителей. Так что муссированный (понятно, по чьей подсказке) на XIV партсъезде столь неожиданный для многих вопрос о "пользе доноительства" не был случайным явлением.

По доносу ОГПУ было раскрыто нелегальное собрание в подмосковном лесу, на котором выступил один из лидеров оппозиционного крыла, заместитель наркома по военным и морским делам М.М. Лашевич⁹.

Уже на следующий день на стол членов Политбюро лег текст доклада Лашевича, содержащий весьма небезынтересные вещи. «На наших глазах, – говорилось в нем, – с чудовищной быстротой растет партийный бюрократизм сверху донизу. Инициатива партийных низов сведена к нулю. Всякое самостоятельное суждение, высказанное в пределах партийной программы, но не совпадающее с линией руко-

⁸ Бухарин Н.И. Партия и оппозиционный блок. Л., 1926. С. 24–25.

⁹ Встреча состоялась в воскресный день, 6 июня 1926 г. Собралось около 70 коммунистов Краснопресненского района столицы. Президиум ЦКК расценил встречу как "нелегальное собрание". Партийное взыскание первоначально было вынесено семи участникам, в том числе М.М. Лашевичу.

водящего большинства, считается изменой, аксельродовщиной, посягательством на единство партии. Вся внутривнутрипартийная демократия выражается в казенном инструктировании и в таком же информировании партячек. Назначенство в скрытой и открытой формах сверху донизу, подбор "верных людей", верных интересам только данной руководящей группы, грозит подменить мнение партии только мнением "проверенных лиц"... Можно без преувеличения сказать, что руководящее большинство эксплуатирует и возвращает худшие стороны нашей партийной действительности».

М.М. Лашевич акцентировал также внимание на проникавшие все более в партийную среду отношения прислужничества, чиновничества, вождизм, беззащитную ложь. "Молчать, а если хочешь говорить, то только по шпаргалке – вот лозунг, который красной нитью проходит через жизнь партии", – с возмущением констатировал он.

"Делом Лашевича" Сталин и его сподручные воспользовались с большим удовольствием, чтобы нанести удар прежде всего по Зиновьеву как наиболее последовательному и непримиримому стороннику инакомыслия. Недавно опубликованные письма Сталина к Молотову (в том числе подборка писем за лето 1926 г.) дают представление о кухне политических интриг, тщательной подготовке и проработке Генеральным секретарем ЦК готовившихся "острых партийно-репрессивных блюд". В письме из Сочи 15 июня Молотову и Бухарину генсек дает понять, что "дело Лашевича" следует связать с Г. Зиновьевым, а также с Г. Сокольниковым, которые, по его, Сталина, мнению, "вместе с Троцким задумали взорвать партию". Поэтому он, одобряя задуманные меры против М.М. Лашевича, советует: "Хорошо бы насчет Зиновьева тоже подготовить вопрос так или иначе. Лучшим средством считаю – дать Пленуму отчет Политбюро по вопросам особой папки и здесь, при обсуждении в Пленуме, упомянуть обо всех драчках в ПБ, с тем, чтобы Пленум сказал свое слово"¹⁰. Иными словами, Иосиф Виссарионович давал понять своим соратникам, что удар на Пленуме (его готовились открыть в середине июля) должен быть нанесен прежде всего группе Зиновьева.

«Я долго думал над вопросом о "деле Лашевича", – не унимается отдыхающий в Сочи генсек, – колебался, связывал его с вопросом об оппозиционных группах вообще, несколько раз приходил к различным мнениям и, наконец, утвердился"». В письме¹¹ далее следовал перечень назиданий единомышленникам. Вот строки из него:

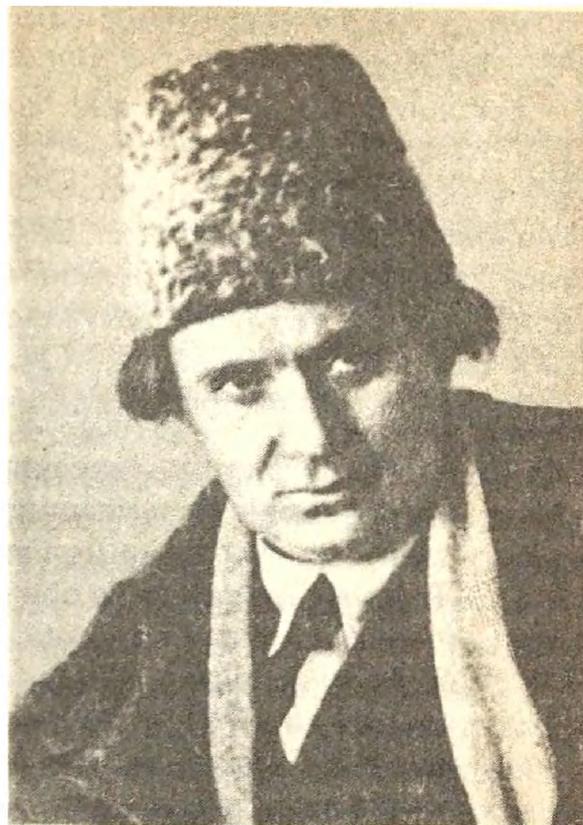
"...3) Группа Зиновьева стала вдохновителем всего раскольничьего в оппозиционных течениях, фактически лидером раскольничьих течений в партии;

...6) Не только Лашевича нужно вывести из ЦК, но и Зиновьева нужно вывести из Политбюро с предупреждением вывода его из ЦК, если не будет прекращена его работа по подготовке раскола".

¹⁰ Изв. ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 123.

¹¹ Это письмо было отправлено из Сочи 25 июня 1926 г.

Просчитывая политический эффект об этих мерах, возбужденный генсек придавал им соответствующую идеологическую аранжировку. "...Зиновьев выводится из Политбюро – растолковывал Сталин, – не из-за разногласий с ЦК, – не менее глубокие разногласия имеются-де с Троцким, однако вопрос о выводе Троцкого из ПБ не стоит, – а из-за его (Зиновьева) политики *раскола*. Я думаю, что так будет лучше, т.к. рабочие это поймут, ибо они ценят единство партии, а для других оппозиционных групп это будет серьезным предостережением" По-хозяйски генсек соглашался ввести в Политбюро вместо Зиновьева Дзержинского или еще Рудзутака и предупредил о нецелесообразности официально объединять в один лагерь Зиновьева и Троцкого. "Лучше бить их по частям", – поучал комбинатор. А затем сделал приписку: "Не знаю, как вы, а я думаю, что делом Лашевича зиновьевцы зарезали себя..."¹²

Г.Е. Зиновьев

Не забыл Сталин, раскладывая пасьянс, и Крупскую: рассуждая о мерах по "разоружению группы Зиновьева и ликвидации зиновьевской линии на наглость в деле подготовки раскола", он напомнил единомышленникам: "...вспомните слова о Стокгольме на съезде!" (т.е. выступление Надежды Константиновны 20 декабря 1925 г. на XIV съезде ВКП(б) в защиту Г.Е. Зиновьева).

Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), открывшийся 14 июля 1926 г., в основном проходил по сценарию, разработанному Сталиным. Он интересен не только как иллюстрация постепенного оформления методики расправы с инакомыслящими и пресечения всякой попытки подрыва "монолитного единства". Любопытен он также тем, что на нем вновь встал вопрос о ленинском завещании, о невыполнении воли Ленина по перемещению Сталина. Сталин вновь оказался в центре внимания и при разборе "дела Лашевича". Троцкий, Зиновьев и Каменев предприняли на Пленуме еще одну судорожную попытку вышибить у Сталина почву из-под ног – тот партийный трон, на который он взбирался. Все еще полагаясь на силу ленинского авторитета, неизбежность воли покойного, представители оппозиции, в частности Г.Е. Зиновьев, упомянули содержание известной записки Ленина Сталину от

¹² Изв. ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 125.

5 марта 1923 г. (по поводу оскорбления генсекком Н.К. Крупской) и "Письма к съезду"

Большинство ЦК дружно сплотилось против смутьянов в защиту Генерального секретаря, который, кстати говоря, принял позу скромного "бессребреника", начисто лишённого честолюбия. Под сталинский гипноз попали тогда многие. За "напрасно обиженного", подвергающегося нападкам "ученика Ленина" вступилась и Мария Ильинична Ульянова, причем этому обстоятельству активно содействовал Н.И. Бухарин. Как отмечалось ранее, М.И. Ульянова направила под его нажимом заявление, которое приложили к стенографическому отчету Пленума:

"Ввиду систематических нападков на тов. Сталина со стороны оппозиционного меньшинства ЦК и непрекращающихся утверждений о чуть ли не полном разрыве со Сталиным со стороны Ленина я считаю себя обязанной сказать несколько слов об отношении Ленина и Сталина, ибо все последнее время жизни В.И. я была с ним. Влад. Ильич чрезвычайно ценил Сталина и притом настолько, что и во время первого удара Владимир Ильич обращался к Сталину с самыми интимными поручениями... Вообще в самые тяжелые моменты болезни Владимир Ильич не вызывал ни одного из членов ЦК и ни с кем не хотел видеться, вызывая лишь Сталина. Таким образом, спекулируя на том, что В.И. относился к Ст. хуже, чем к другим, является прямой противоположностью по отношению к истине"¹³.

Итак, не будучи свидетельницей инцидента во время болезни брата (оскорбление Сталиным Крупской), М.И. Ульянова стала на защиту генсека, сочинив вместе с Бухариным подобострастный панегирик Иосифу Виссарионовичу. А ведь большей частью содержащаяся в письме информация была из вторых рук, сдобренная домыслами и догадками. Вот уж воистину не ведали, что творили! Своими руками возводили Кобу на пьедестал, сочиняя миф, лепили образ "верного ученика великого учителя" Ну ладно уж Мария Ильинична – можно объяснить обычной женской слабостью, но Бухарин-то! Политик, прямой умный человек!

И вновь невольно возникает вопрос: почему же среди этих заявлений нет свидетельства Н.К. Крупской, лучше всех знавшей об отношениях Ленина и Сталина?¹⁴ И почему ей не задали вопросов для уточнения столь важных и деликатных нюансов, особенно касавшихся сталинской выходки в декабре 1922 г. и записки Ленина генсеку по этому поводу в марте 1923 г.? Ведь Н.К. Крупская присутствовала на Пленуме!

Именно потому и нет, что она-то лучше всех знала, понимая суть

¹³ Там же. 1989. № 12. С. 200.

¹⁴ А ведь, по воспоминаниям Л. Троцкого, именно в 1926 г. Н.К. Крупская заявила в кругу друзей: "Если б Володя был жив, он сидел бы сейчас в тюрьме" (*Троцкий Л. Сверх-Борджиа в Кремле // Троцкий Л. Портреты. Benson; Vermont, 1984. С. 56*). Это высказывание приводится в письме Троцкого редактору журнала "Life" 13 октября 1939 г.

происходившего фарса, и не могла кривить душой, подыгрывая лицу, чьи личные качества и политические интриги и амбиции вызывали острое неприятие.

На Объединенном июльском Пленуме Надежда Константиновна выступала в качестве представителя оппозиции. Она была в числе 13 деятелей партии, сделавших Пленуму заявление, содержащее немало убийственных строк в адрес Сталина и его команды.

Надо признать, что знакомство с заявлением дает убедительное объяснение, почему его подписала Н.К. Крупская: в нем содержались аргументированный анализ и убедительные факты, свидетельствовавшие о чудовищно выросшем бюрократизме, об опасности утраты всяких демократических начал в связи с сосредоточением административной власти в руках партийного аппарата, о резком ограничении "права партийца свободно высказывать свои суждения и голосовать по совести, не опасаясь карательных последствий" (особенно со стороны ЦКК, которая сама стала административным органом, помогая бюрократическим структурам и "выполняя для них наиболее карательную часть работы"). "Партийная масса, – говорилось в документе, – слышит только речь партийного начальства по одной и той же шпаргалке". Партийцы запуганы, в верхушке Союза молодежи чрезвычайное развитие получил карьеризм, "выдвинув немало чиновников из молодых да ранних" Утверждение, будто "большинство" не может быть фракцией, явно бессмысленно. Авторы письма напомнили, что в течение двух лет до XIV партсъезда существовала фракционная неуставная "семерка", куда входили шесть членов Политбюро и председатель ЦКК В.В. Куйбышев. "Это фракционная верхушка секретно от партии предрешала каждый вопрос, стоящий в порядке дня Политбюро и ЦК, и самостоятельно разрешала ряд вопросов, совсем не вносившихся в Политбюро... Подобная же фракционная верхушка существует несомненно и после XIV съезда"¹⁵.

Особенно тягостное впечатление производили факты массового отстранения сомневающихся от партийной и советской работы, и в первую очередь эти репрессивные меры коснулись ленинградской организации: сотни лучших работников высланы из города и области. "Грубым самообманом является мысль, – подчеркивалось в заявлении, – будто механически расправившись с так называемой оппозицией, можно будет затем расширить рамки партийной демократии".

Выход виделся (подписавшим документ) только на путях единства, что исключало "сезонные" дискуссии и дискусионные лихорадки, ибо главным являлось, по их мнению, "здоровое коллективное руководство на основе партийной демократии"

Документ подписали М. Бакаев, Г. Лидзин, М. Лашевич, Н. Муралов, А. Петерсон, К. Соловьев, Г. Евдокимов, Г. Пятаков, И. Авдеев, Г. Зиновьев, Н. Крупская, Л. Троцкий и Л. Каменев.

¹⁵ Communist Opposition in the USSR, 1925–1927: Vol. 1–4. Benson; Vermont, 1988. Vol. 2. P. 11–12, 17, 20.

Затем эта же группа вынуждена была сделать Дополнительное заявление в связи с так называемым "делом Лашевича", которое в самый последний момент постановлением ЦКК превращено было в "дело Зиновьева", хотя никаких новых данных для этой трансформации нет во всех представленных на Пленум материалах. "Вопрос этого превращения, – отмечалось в Дополнительном заявлении, – как совершенно ясно для всех, решался не в Президиуме ЦКК, а в той фракционной группе, руководителем которой является тов. Сталин". (Как видим, участники заявления попали в самую точку!) "Мы имеем перед собой новый этап в осуществлении давно намеченного и систематически проводимого плана. Уже вскоре после XIV съезда, – разъясняли подписавшие свою мысль, – в широких сравнительно кадровых кругах шли настойчивые разговоры, источником которых являлся Секретариат ЦК, о необходимости реорганизовать Политбюро в том смысле, чтобы отсечь ряд работников, принимавших участие в руководящей работе при Ленине, и заменить их новыми элементами, которые могли бы составить надлежащую опору для руководящей роли тов. Сталина". И выдвинутое в последний момент предложение (вспомним курортные раздумья отдохавшего генсека) удалить Зиновьева из Политбюро, по мнению группы, продиктовано центральной сталинской когортой "как этап на пути замены старого ленинского руководства партии – новым сталинским".

Поразительно, как точно в документе раскрывается сталинская интрига, задуманная на Черноморском побережье: "План по-прежнему осуществляется по частям. Тов. Троцкий оставляется пока в составе Политбюро, чтобы, во-первых, дать возможность партии думать, будто тов. Зиновьев действительно устраняется в связи с делом Лашевича, и, во-вторых, чтобы слишком крутыми шагами не вызвать у партии чрезмерной тревоги. Не может, однако, не составлять никакого сомнения, что вопрос о тов. Троцком, как и о тов. Каменеве, для сталинского руководства предрешен в смысле отсечения их от руководства и что выполнение этой части плана остается только вопросом организационной техники и подходящих поводов, действительных или мнимых"¹⁶.

Мы не вправе не сказать и о заключительном тезисе этого Дополнительного заявления, ибо он, как нам кажется, отбрасывая недомолвки и ненужную дипломатию, расставляет все точки над *i*: «Вместе с Лениным, который ясно и точно формулировал свою мысль в документе, известном под именем "Завещания", мы на основании опыта последних лет глубочайшим образом убеждены в том, что организационная политика Сталина и его группы грозит партии дальнейшим дроблением основных кадров... Вопрос идет о руководстве партии, о судьбе партии»¹⁷.

Имея большинство в ЦК, Сталин, не собиравшись упускать шанс, переносить реализацию задуманного "на потом". Более того, "Заявление

¹⁶ Ibid. P. 22–24.

¹⁷ Ibid. P. 24.

13-ти" скорее только подкрепило его решение действовать без промедления. В результате Г. Зиновьев выводится Пленумом из Политбюро, а из состава ЦК удаляется М. Лашевич, являвшийся кандидатом. Всех остальных предупредили, что в случае прекращения фракционной деятельности к ним также будут применены организационные меры.

На этом Пленуме Надежда Константиновна выступала в качестве представителя антисталинского крыла¹⁸. Поставив свою подпись под вышеприведенными заявлениями, она вызвала раздражение послушного генсеку большинства. Ядовитые стрелы красноречия сталинских распаленных перепалкой единомышленников больно жалили вдову Ленина. Вновь ей не давали спокойно говорить, прерывая ее речь грубыми и пренебрежительными репликами. Особенно старался Ем. Ярославский, в частности заявив, что она даже по тем вопросам, о которых ничего не может сказать от имени Ленина, "говорит такой вздор, что прямо стыдно слушать". Отчитал Надежду Константиновну за участие в оппозиции и Серго Орджоникидзе. "Для чего это Вам нужно, Надежда Константиновна, для того чтобы пугать всю партию, чтобы партия теряла к Вам уважение... А ведь партия Вас любит не потому, что Вы великий человек, – сострил оратор, – а потому, что Вы близкий человек великого, нашего Ленина".

Припомнили Н.К. Крупской и такой грех, как положительный отзыв на книгу Г.Е. Зиновьева "Ленинизм", и прочие провинности.

Между тем выступление Надежды Константиновны отличалось взвешенностью, спокойствием, без надрывов и истерических нот, вне царившего на Пленуме духа нетерпимости к инакомыслию. Она пыталась привлечь внимание к истинному смыслу "Завещания" Ленина. "Мы не так прочитали завещание, – твердо говорит она, – обратили внимание только на личные характеристики, а там речь идет о лояльности, терпимости, о необходимости не употреблять свою власть для иных целей, кроме партийных". Крупская указывает на угрожающее положение в партии, где воцарился дух нетерпения, озлобленности, протестует, что за критику, за смелые оригинальные взгляды мстят разгромом, отстранением от дел. Исчезает атмосфера товарищества, предупреждает Надежда Константиновна, все меньше открытости, создается обстановка, когда рабочий рабочему "говорит в комнате тише и тише, как бы кто не услышал".

После Крупской уверенным шагом к трибуне направился Сталин. Он не без артистизма зачитал, меняя интонации, ленинские документы. Перед аудиторией предстал искусный демагог и поднаторевший хитрый политик...

Коба вновь одержал победу, противники были повержены, а их убийственные аргументы просто отброшены.

Собиравшиеся на протяжении последующих до очередного съезда месяцев пленумы ЦК, заседания Политбюро били, как правило, в одну

¹⁸ На реплику Я.Э. Рудзутака, что из всей оппозиции честнее всех Крупская, Зиновьев бросает фразу: "Чтобы не верить Крупской – надо иметь медный лоб"

точку – запретить фракционную деятельность, поставить инакомыслящих на колени, заставить их отказаться от пропаганды своих взглядов, противоречивших линии большинства, свести на нет малейшие попытки оформить организацию, а фактически вторую партию.

В этой горячке, в страстных пересыпаемых взаимными обвинениями дебатах Надежда Константиновна Крупская сохраняла удивительное хладнокровие. Для себя она решила *не поддерживать* оппозицию *по всем направлениям* и всеми силами постараться примирить враждующие стороны. Все ее существо дисциплинированной революционерки, находившейся во власти жесткой резолюции X съезда РКП о партийном единстве, протестовало против линии Зиновьева на создание "второй партии", ибо именно к этому вели нелегальные собрания, рассылка агентов, распространение листовок и воззваний.

Н.К. Крупская неизменно стояла за свободу дискуссий, за создание таких условий, при которых можно было бы, не боясь начальственного окрика, высказать собственное наболевшее мнение в пользу демократических принципов взаимодействия партийных низов и верхов, но против оформленных фракций, превращающихся во "враждебную партию". Тогда она еще не понимала противоречий, таящихся в подобном подходе к делу и в исторической обреченности демократии в обстановке зажима и запрета группировок и фракций оппозиционного направления.

Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Пятакову очень хотелось, чтобы популярнейшая в массах вдова Ленина безоговорочно приняла их сторону. Все они знали ее бескомпромиссность, ее отношение к Сталину и постоянно предостерегали ее от самодурства и неожиданных пакостей со стороны мстительного "чудесного грузина". Доказывали, что курс, который проводит сталинское большинство, ведет к отбрасыванию в прошлое.

Однако Крупская оставалась непреклонной – она "не могла не учитывать, что это заметно ускорит раскол", чему из последних сил старался противостоять умирающий Владимир Ильич. Реальность была, кроме того, такова, что Политбюро поддерживало генсека. А чего стоят приветственные крики в его адрес на минувшем съезде! Значит, и рядовая масса ему верит и идет за ним. Пойти против нее? И хотя Троцкий записал в дневнике, что именно в тот период Надежда Константиновна припомнила слова Ленина, сказанные им в одной из бесед, что "у Сталина нет самой элементарной человеческой честности", убедить ее открыто, по всем главным вопросам выступить против Сталина не удалось.

Кто знает, может, она лелеяла надежду, что тот изменится наконец. Ведь он обещал на XIII партсъезде учесть замечания Ильича, всячески подчеркивая, что его личные качества не мешают ему "беззаветно служить претворению в жизнь заветов вождя и учителя". Вполне возможно, что на Крупскую оказывали постоянное давление и доверчивые ее старые друзья, которых сумели разубедить и обработать сталинские эмиссары? Не исключено.

Н.К. Крупская в Наркомпросе РСФСР

В любом случае Крупская не хотела своим активным фрондированием в составе оппозиции склонять чашу весов в ту или другую сторону. Отзвуки ее бесед с близкими товарищами, ее долгих и тяжелых раздумий находим мы ее в переписке с Зиновьевым. Так, в сентябре 1926 г. она ему откровенно признавалась: "Я много думала о нашем вчерашнем разговоре. Сейчас в Ваших оценках вижу излишнее озлобление, все это ведет к нервничанию, к тому, что слишком многое решает стихия... У Ильича во внутрипартийной борьбе величайшая обдуманность и осторожность. Катиться вслепую не могу. Махните на меня рукой".

Позиция Крупской была далеко не безразлична и протivной стороне. С ней назойливо беседовали, убеждали. Возможно, чаще всех – Мария Ильинична, Бухарин. Настойчивость проявлял в этом и Молотов, что видно из одного письма Сталина своему ближайшему подручному. Оттачивая механизм политических комбинаций, в преддверии очередного Пленума (а следовательно, и очередной схватки) "режиссер" все больше нарабатывает опыт расправы с несогласными с его устремлениями и

установками. «Переговоры с Крупской, – поучал он Молотова, – не только неуместны *теперь*, но и политически вредны. Крупская – раскольница (см. ее речь о "Стокгольме" на XIV съезде). Ее и надо бить как раскольницу, если хотим сохранить единство партии. Нельзя строить в одно и то же время две *противоположные* установки, и на борьбу с раскольниками, и на мир с ними. Это не диалектика, а бессмыслица и беспомощность. Не исключено, что завтра Зиновьев выступит с заявлением о "беспринципности" Молотова и Бухарина, о том, что Молотов и Бухарин "предлагали" Зиновьеву (через Крупскую) "блок", а он, Зиновьев, "с негодованием отверг это недопустимое заигрывание" и пр. и пр.»¹⁹

Из этого письма, написанного 16 сентября 1926 г., нетрудно уяснить, что позиция Сталина осталась жесткой, коварной и непримиримой. Его мстительность, упакованная в одежды принципиального борца за единство партии, при малейшей возможности раскрывалась во всей неприглядной красе.

Великим диалектиком жаждал прослыть Генеральный секретарь. А понимал он ее всегда однозначно – не согласен – значит, враг, а раз так, то и бить беспощадно! Особую его ненависть вызывали те, кто высказывал сомнения по части его теоретических способностей, недооценивал его заслуги перед революцией и вообще занимался очернительством по отношению к "верному ученику Ленина" Все отказывавшиеся подтвердить правильность его самооценки, вызывали неприязнь, гнев генсека, желание отомстить, унижить, добиться превосходства над ними.

До середины 20-х годов Сталин старался внешне казаться человеком уравновешенным, прятал свои истинные намерения отомстить обидчикам, но затем он все чаще дает волю своему гневу. Когда осенью 1926 г. на одном из заседаний Политбюро (оно проходило довольно бурно), в котором принимали участие и многие члены ЦК²⁰, Троцкий в ходе перепалки вдруг, указывая на Сталина, воскликнул: "Генеральный секретарь выдвигает свою кандидатуру на должность могильщика революции!" – Сталин "побледнел, вскочил, какое-то время сдерживал свои чувства, а потом стремительно выбежал из зала, хлопнув дверью"²¹. Много лет спустя, уже будучи в изгнании, 5 апреля 1935 г., Л. Троцкий записал в дневнике:

«Н. (его жена Наталья. – *Авт.*) вспомнила, как после заседания Политбюро (это было в 1926 г.) у нас на квартире сидел кое-кто из тогдашних друзей в ожидании результата. Я вернулся с Пятаковым (как член ЦК Пятаков имел право присутствовать на заседаниях Политбюро). Пятаков, очень взволнованный, передавал ход "событий" Я сказал на заседании, что Сталин окончательно поставил свою кандидатуру на роль могильщика партии и революции. Сталин, в виде про-

¹⁹ Изв. ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 133.

²⁰ На этом заседании, по некоторым данным, присутствовала и Н.К. Крупская.

²¹ Trotsky's Diary in Exile, 1935. N.Y., 1963. P. 69.

теста, ушел с заседания. Мне, по предложению растерявшегося Рыкова и Рудзутака, было вынесено "порицание".

Рассказывая об этом, Пятаков повернулся в мою сторону и сказал с силой: "Он вам этого никогда не забудет, ни вам, ни детям, ни внукам вашим" Тогда слова о детях и внуках, – вспоминала Н., – казались далекими, скорее всего просто формой выражения; но вот дошло до детей и даже до внуков...»²²

В автобиографии Л.Д. Троцкий дает некоторые объяснения такому поведению "самодовольной посредственности". Его политические успехи, пояснял он, были следствием тех самых недостатков, которые, казалось, навсегда обрекали его на роль второй или третьей скрипки: узкий политический кругозор, упрямый эмпиризм, отсутствие творческого воображения, незнание иностранных языков и образа жизни в других странах, довольно примитивные теоретические воззрения²³.

Известный биограф Троцкого Исаак Дойчер так воспроизводит рассказ очевидца об этом эпизоде в квартире Л. Троцкого: «Некоторое время спустя Пятаков, член ЦК, присутствовавший на этом заседании, пришел на квартиру к Троцкому. Пятаков был бледен и взволнован. Он налил стакан воды, залпом осушил его и сказал присутствовавшим: "Вы знаете, что мне довелось понюхать пороху, но я ничего не видел подобного! Это просто никуда не годится! Но почему, почему Лев Давыдович сказал это? Сталин никогда не простит ему до третьего и четвертого поколения!" Пятаков был настолько расстроен, что не мог связно рассказать о том, что произошло. Наконец, в столовой появился сам Лев Давыдович. Пятаков бросился к нему: "Но почему, почему Вы сказали это?" Лев Давыдович отмахнулся от этого вопроса. На лице его было написано крайнее утомление, но он был спокоен. На заседании он кричал на Сталина, называя его "могильщиком революции" Мы поняли, что разрыв непоправим»²⁴.

Сталин и прежде, мягко говоря, не симпатизировал Троцкому. Теперь же за этим конфликтом должна была последовать его жестокая месть, и ничто не заставит Кобу отказаться от возмездия...

11 октября 1926 г. оппозиционерам предъявляется меморандум из 8 пунктов, признание которого означало бы полную капитуляцию, безоговорочное подчинение их сталинской команде. Среди условий значилось, в частности, одно адресованное непосредственно Надежде Константиновне. Пунктом седьмым было записано: "Открыто отгородиться от всяких аналогий со Стокгольмским съездом и прекратить все и всякие угрозы партийным расколом...»²⁵ И хотя Крупская для себя уже решила отойти от "новой оппозиции", ее не оставляли в покое.

Да, наступило веселое время! На меморандум Зиновьев и его сторонники отвечают письмом, помещенном в "Правде" 16 октября. лиде-

²² Троцкий Л. Дневники и письма. "Эрмитаж", 1986. С. 97.

²³ Trotsky L. My Life. N.Y., 1930. P. 512–513.

²⁴ Deutscher Isaac. The Prophet Unarmed: Trotsky, 1921–1929. L., 1959. P. 296.

²⁵ КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 358.

ры признавали свои ошибки по части фракционной борьбы и нарушения решений ЦК по поводу дискуссий. Однако взглядов по коренным проблемам (в том числе относительно необходимости ускоренного курса на индустриализацию за счет крестьянства, отказа от нэпа и др.) менять они не собирались, обещая отстаивать их в рамках, дозволенных партийным уставом. К слову сказать, трудно было удержаться в этих рамках, не очень-то приспособленных для выражения независимых от сталинской верхушки.

Пожалуй, больше всего Сталин поднаторел за это время в том, как ловко ставить своих оппонентов, в частности Троцкого и Зиновьева, во все более невыгодные позиции, обвиняя их даже в излишней тревоге за судьбу революции! И Сталин-политик продемонстрировал на этом ответственнейшем повороте его политической карьеры одну из самых сильных своих черт в политике – умение использовать больные места противников. И это признал тогда в определенной мере и сам Троцкий. В одной из бесед в середине 20-х годов с Иваном Смирновым Лев Троцкий предсказал, что Сталину суждено стать диктатором, а когда собеседник возразил ("Да ведь это совсем серый и ничтожный человек"), Троцкий ответил: "Посредственность – да, ничтожество – нет. Историческая диалектика уже подхватила его своим крючком и будет его поднимать вверх. Он нужен им всем: бюрократам, нэпманам, кулакам, выскочкам, пройдохам... Он способен возглавить их, у него есть заслуженная репутация старого революционера. Он даст этим самым прикрытие в глазах страны... Но если все пойдет автоматически дальше, как идет теперь, то Сталин автоматически станет диктатором"²⁶.

Конечно, как показали дальнейшие события, в процессе возвышения Сталина в 20-е годы не было ничего "автоматического" (именно на это обратил внимание Р. Такер), и сомнительно, что в бурную ту пору смог бы добиться единовластия человек лишь ограниченный и злой – у генсека было в достатке и острой политической прозорливости, и воображения, и уникального дара маневрировать. Да и в теоретических баталиях он иногда демонстрировал четкость доказательств благодаря широкой компиляции из ленинских произведений, умело используя бухаринские разработки (выдавая их затем за свои). Умением расчетливо вести политическую борьбу, чутко реагируя на промахи оппонентов, он все больше завоевывал авторитет в рядовой массе, не говоря уже о функционерах, партаппаратчиках, которых просто тянуло к нему.

Чувствуя прочность своих позиций, в письме Молотову 23 сентября 1926 г. Сталин уже уверенно диктует свою волю: «Если Троцкий в "бешенстве" и он думает "открыто ставить ва-банк", тем хуже для него. Вполне возможно, что он вылетит из ПБ теперь же, – это зависит от его поведения. Вопрос стоит так: либо *они* должны подчиниться партии, либо *партия* должна подчиниться им»²⁷.

²⁶ Троцкий Л. Сталин. М., 1990. Т. 2. С. 167.

²⁷ Изв. ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 135.

Итак, генсек свою группировку стал беззастенчиво отождествлять с партией. И инструкции его как бы освящались ею в целом.

События не заставили ждать.

В октябре 1926 г. собирается Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), на котором по предложению С. Кирова принимается очередная зубодробительная резолюция, предупреждающая оппозиционеров о недопустимости фракционных действий. Зиновьев отзывается от работы в Коминтерне в качестве его председателя. Троцкий выводится из состава Политбюро ЦК, а Каменев освобождается от обязанностей кандидата в члены Политбюро. Полная реализация сталинского сценария!

Не забыты и бывшие лидеры "рабочей оппозиции" – А.Г. Шляпникова и С.П. Медведев подвергнуты оскорбительной проработке за "антипартийную деятельность" (конкретных обвинений по существу им так и не предъявили).

Выступая на Пленуме, Зиновьев обратился с просьбой не выносить вопрос об антипартийной деятельности "объединенного блока" на обсуждение XV партконференции, грозя в противном случае возобновить активные фракционные действия. Однако состоявшаяся вскоре (26 октября–3 ноября) конференция посвятила проблемам раскола значительную часть времени. Более того, был сделан специальный доклад об оппозиции и внутрипартийном положении, деловито прочитанный Сталиным (в прениях выступал и Молотов).

После развернувшихся прений, не отличавшихся стремлением найти оптимальное решение и понять мнение меньшинства, была принята развернутая резолюция, в которой взгляды блока троцкистов и "новой оппозиции" квалифицировались как социал-демократический уклон, беспринципное объединение разнообразных антипартийных элементов, сомкнувшихся в противоборстве против "ленинского ЦК". Особенно жутким выглядело обвинение в социал-демократическом уклоне – по тем меркам социал-демократы считались крайне недостойными людьми (их Сталин назовет вскоре "социал-фашистами", "либералами и прихвостнями империалистической буржуазии").

После конференции антисталинский блок обратился к своим сторонникам с призывом, в котором содержалось предупреждение о нахлынувшей на партию опасности – перерождении ЦК – и о реальной возможности термидорианского переворота в партии, в результате чего Сталин превратится в самодержавного деспота. В ходе новой фазы борьбы со сталинским ядром рамки сотрудничества Троцкого и Зиновьева заметно расширились: до этого они ограничивали совместное участие в сопротивлении наступлению Сталина и его сторонников заседаниями ЦК и ЦКК, а также ИККИ, выступлением с коллективными заявлениями и поправками к различным проектам резолюций по вопросам внутренней и внешней политики. Теперь же, начиная главным образом с 1927 г., совместные акции становятся самыми разнообразными – бывшие критики оказались в одном лагере. Даже Троцкий как-то заметил, что его сближение с Каменевым и Зиновьевым можно назвать парадок-

сом. Однако этот "парадокс" внес существенный порядок в деятельность оппозиционных сил.

Вместе с тем надо признать, что нередко нападки и обвинения оппозиционеров на сталинское крыло ЦК сводилось ими к отстаиванию тех или иных цитат и различных извлечений из произведений Маркса, Энгельса и особенно В.И. Ленина. Для того чтобы одержать верх, этого было недостаточно. Даже славившийся красноречием Л. Троцкий порой защищался от обвинений в стремлении к расколу вяло и путанно, тогда как Сталин всегда к выступлениям готовился предельно тщательно, заранее выискивая известные крупные и мелкие прегрешения оппозиционеров (в том числе в далеком прошлом), их действительные и мнимые ошибки, наносил удары задиристо, не стеснялся в хлестких выражениях, часто обрамляя аргументы грубыми эпитетами (благодаря его стараниям вскоре это войдет в норму партийных диспутов). Один только доклад генсека (вместе с заключительным словом) на Пленуме ИККИ "Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии" займет около пяти часов. Собрав в кучу все промахи своих противников, он в очередной раз заставил их оправдываться, и мало кто заметил, что Сталин вновь душил инакомыслие. Напористость, язвительные ярлыки, театральное жонглирование фактами и фактиками тоже создавали иллюзию, что истина – за Генеральным секретарем, который-де "всего себя отдает делу защиты ленинского наследия".

Одной из последних попыток нанести болезненный удар сталинскому руководству ЦК было Заявление 84-х деятелей партии, собравших более полутора тысяч подписей представителей старой ленинской гвардии. Подписи Н.К. Крупской под этим документом не было.

Блокировка Троцкого и Зиновьева дала в руки Сталина и Бухарина дополнительные доказательства того, чтобы их союз представить как беспринципный сговор людей, готовых на все ради достижения своих корыстных честолюбивых целей. Лидерами оппозиционных сил была в то время предпринята попытка вновь привлечь на свою сторону Надежду Константиновну.

Однако всесторонне взвесив все обстоятельства, Крупская осталась верна принятому решению – она с большинством. Скорее всего, это ее окончательное решение созрело после знакомства с выступлением Г.Е. Зиновьева в Колонном зале Дома Союзов 9 мая 1927 г., посвященным 15-летию газеты "Правда" Генсек среагировал мгновенно – 12 мая 1927 г. ЦК ВКП(б) дал уничижительную оценку речи бывшего председателя ИККИ, который обрушился с нападками на линию руководства ЦК по вопросам мирового революционного движения. Документ ЦК носил угрожающий характер уже в самом названии "О дезорганизаторском выступлении тов. Зиновьева" Оно квалифицировалось как "неслыханное в рядах ВКП(б)" нападение на ЦК и его решения, "совершенно недопустимое и нетерпимое, нарушающее все обязательства о соблюдении партийной дисциплины". Дело "о поведении тов. Зиновьева" передавалось в ЦКК.

15 мая Н.К. Крупская пишет письмо Г.Е. Зиновьеву: "Дорогой Гри-

горий, Вы переслали мне стенограмму Вашей речи. По-моему, Вы кругом неправы. Вы знали, что речи передаются по радио, и Ваша речь поэтому была обращена не к партии, а к стране. Беспартийная рабочая и крестьянская масса считает, что оппозиция идет против основной партийной и советской линии. Это показывает, что с критикой было переборщено. Одно дело самокритика, другое критика, обвиняющая, прокурорская критика со стороны. Надо изживать создавшееся положение, а не ухудшать его. Повторяю, Ваше выступление, по-моему, ошибка. На что другое могли Вы рассчитывать, как не на острый скандал? Чтобы влиять на политику партии – надо прежде всего изжить оппозиционный период. Вы знаете, как я смотрю с осени на это дело: устраивать перманентную бузу – ради бузы и истории – мне кажется вредным.

После Вашего выступления, о котором я могу теперь судить по стенограмме, у меня явилось желание заявить в печати о своей точке зрения. Желание это усилилось, когда мне рассказали о выступлении оппозиции в районах. Это не политика – буза.

Мне очень тяжело писать Вам все это. Вы знаете, что лично к Вам я относилась и продолжаю относиться как к старому товарищу, но тактику Вашу считаю ошибочной²⁸.

В своем ответе Г. Зиновьев прибегает, как ему казалось, к самому вескому аргументу. Зная отношение Надежды Константиновны к Сталину, он делает ряд предостережений (они оказались пророческими). Прежде всего Зиновьев высказал свое огорчение по поводу намерения Крупской выступить в печати об отходе от оппозиции. «Не правы Вы кругом, – со своей стороны отпарировал он. – Независимо от Ваших желаний, которые, конечно, хороши, на деле Вы поможете Сталину, который ведет дело (теперь уже в лихорадочном темпе) на раскол, на исключение из партии тех, кто защищает дело Ильича. В этом Вы, вероятно, убедитесь очень скоро – но дело будет уже сделано...

Что речь мою передавали по радио, я узнал лишь после. Но ничего "прокурорского" в ней не было. Никакой "критики со стороны" не было... Нет, кругом не правы Вы. Не сомневаюсь, что Вы в этом убедитесь довольно скоро. Но Сталин тем временем свое дело сделает.

Беспартийная рабочая и крестьянская масса, пишете Вы, "считает, что оппозиция идет против основной партийной и советской линии". Она считает это лишь постольку, поскольку вся официальная печать это так изображает, а ответить не дает...

Не пройдет и несколько недель, и Вы увидите до конца намерения Сталина. До боли жаль что Вы на деле облегчите ему выполнить то, чего так боялся В.И. и против чего он предупреждал.

Ну, что ж, чему быть, того не миновать»²⁹.

Скорее всего, по согласованию с Зиновьевым или его совету на следующий день письмо Надежде Константиновне написал и Троцкий. Ему Г. Зиновьев показал ее письмо, которое Лев Давидович хотя и расце-

²⁸ Там же. 1989. № 2. С. 200.

²⁹ Там же. С. 206–207.

нил как личное, но только формально, ибо затрагивает совсем не личные, а общеполитические вопросы. «Более всего меня поразило слово "буза", – писал он. – Это слово употребил на последнем Пленуме Косиор по поводу наших речей о разгроме китайских рабочих и о нашей капитуляции перед английским меньшевизмом. Кто в этих вопросах прав: мы или Сталин? Или есть какая-то третья позиция? Разве можно говорить о "бузе", не ответив по-ленински на этот коренной вопрос?! "Буза" – это значит склока по ничтожному поводу или совсем без повода. Что же разгром китайских рабочих нашим "союзником" Чан Кайши, которого мы питали, одевали, обували, рекламировали, приказывали китайским коммунистам подчиняться ему, – что же это – мелочь, пустяк, мимо которого можно пройти?..

Н.К., Вы ни слова не говорите о том, верна ли позиция Сталина или наша – в вопросе, от которого зависит весь ход китайской революции и весь курс Коминтерна. Вы только повторяете брошенное Косиором слово "буза"...

Вы говорите, что самокритика – одно, а критика со стороны – другое... Ведь мы же просили Политбюро и Президиум ЦКК собрать закрытое заседание Пленума без стенограмм, чтобы обсудить положение по существу. Конечно, мы собирались там драться до последней возможности. Но ведь нам в этом отказали. Почему же не выходит "самокритики"? Еще совсем недавно мы с Вами говорили, что самокритики не выходит потому, что у нас *нездоровый режим, грубый и нелояльный*. Что же, режим стал лучше за последнее полугодие?»

С негодованием автор «Письма Н.К. Крупской к вопросу о "самокритике"» обращает внимание на то, что "борьбу на истощение" против оппозиции, ведущуюся за последнее полугодие, Сталин решил теперь заменить "борьбой на истребление" Поэтому, суммируя все факторы, Л. Троцкий заявил в заключение, что противники сталинского курса будут плыть против течения, даже если Крупская вслух повторит за Косиором слово "буза", "ибо уверены в эти тяжелые дни в своей правоте"³⁰.

«Дорогой Лев Давыдович, – пишет Крупская ответ 19 мая, – получила Ваше письмо, прочла Ваши тезисы. Вчера толковали со мной Харитонов, Сафаров, Григорий (Зиновьев. – Авт.). Сегодня все же послала письмо в "Правду".

Вы знаете, что я с осени прошлого года ушла из оппозиции. Я писала тогда об этом Григорию, говорила тогда, что мы прямым путем катимся при таких методах работы в другую партию и что на это я не пойду. Против организации во фракцию я была с самого начала.

Насчет "бузы" Я не помню слов Косиора, но думаю, что вправе употреблять это слово вне зависимости от того, говорил это Косиор или нет. Я не могу назвать иначе, как бузой, вопроса о том, надо или не надо печатать протоколов, обвинение ЦК во всех смертных грехах

³⁰Communist Opposition in the USSR, 1923–1927. Vol. 3. P. 57–59. Это письмо Л. Троцкого в адрес Н. Крупской в архивах России не обнаружено.

вроде того, что по мановению жезла не произошло снижение цен, что по вине ЦК безработица, беспорядочность и т.д. В полемике нужна все же добросовестность...

Сейчас и внутреннее и международное положение таково, что должно быть вполне единство действий, а при такой фракционности, которая у нас развилась, такое единство действий подрывается в корне. Это совершенно немыслимо. Метод исправления партийных ошибок, взятый оппозицией, не верен. Это метод фракционный. Я против него теперь больше, чем когда-либо».

Коснувшись международных проблем, Надежда Константиновна и в этом случае даже не упомянула имени Сталина. Невольно напрашивается вопрос, не дала ли на сей счет она честного слова?

Такое не исключено. В письме нет даже намека на то, кому обязана партия и страна резкому ухудшению климата в обществе, значительному ограничению демократических начал, кампании преследования инакомыслящих, самодурным и самоуверенным акциям на международной арене...³¹

С публичной критикой оппозиции и заявлением об отречении от нее Надежда Константиновна выступила в "Правде" 20 мая 1927 г. Сталин встретил известие о поступлении этого материала с большим удовлетворением. Голос Крупской перед хирургическими операциями, задуманными им на очередном Пленуме и съезде, был чрезвычайно необходим, письмо пришло как нельзя кстати. Текст его гласил:

"Более близкие товарищи знают, что еще осенью прошлого года я отошла от оппозиции. Я пришла к заключению, что с критикой оппозиция – и я в том числе – переборщила, количество перешло в качество, товарищеская критика перешла во фракционную. Широкая крестьянская и рабочая масса поняла выступление оппозиции как выступление против основных принципов коммунистической партии и Советской власти. Конечно, такое представление в корне ошибочно. Однако данный факт красноречиво говорит о необходимости более сдержанных и товарищеских форм полемики. Я считаю чрезвычайно важной самокритику партии, но я думаю, что эта самокритика не должна переходить в обвинения друг друга во всех смертных грехах. Нужно деловое, трезвое обсуждение вопросов. Только такое обсуждение может дать гарантию наиболее правильного решения вопросов. Переживаемый момент ставит перед партией ряд очень сложных вопросов, требующих обсуждения, он требует быстрого их разрешения, это с одной стороны. С другой – переживаемый момент требует максимального единства действий, напряженной работы по сообщаемому плану. В этих условиях фракционный подход к решению вопросов может лишь навредить делу".

О каких массах шла речь, как это "мнение масс" учитывалось? Звучит данный тезис в письме несколько наивно. Разобраться же в суще-

³¹ Изв. ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 207–208.

стве разногласий было не так-то просто мало-мальски грамотному партийцу, а уж о беспартийных рабочих и крестьянах что и говорить! И чего здесь больше у Надежды Константиновны: добросовестного заблуждения или сознательной подгонки фактов, жертвой которых она стала? Как бы то ни было, но она, как следует из текста письма, еще раз обращается к враждующим сторонам с призывом по-деловому, трезво обсуждая текущие проблемы, находить взаимопонимание, исключить фракционный подход в поисках правильных решений. Объявляя о своем отказе от поддержки "оппозиционных сил", Н.К. Крупская отнюдь не во всем соглашалась с линией сталинского ЦК; она и здесь дистанцируется от официального курса. Недаром в партийных кругах за ней прочно закрепляется репутация "защитница бедноты" (вспомним фразу А.И. Рыкова на XIV партсъезде).

Долгое время факт участия Крупской в антисталинской оппозиции скрывался властями, ибо он не вписывался в мифы генсека³².

В обстановке доведенной до предела озлобленности, накала эмоций проходил июльско-августовский Объединенный Пленум ЦК и ЦКК партии большевиков. Наряду с серьезными политическими вопросами, такими, как хозяйственные директивы на 1927/28 г., о международном положении, о созыве XV партсъезда, на обсуждение был вынесен и вопрос "О нарушении партийной дисциплины тт. Зиновьевым и Троцким".

Об атмосфере, воцарившейся на Пленуме, дают представление следующие "диалоги".

В ответ на обвинение Ворошилова, что в годы гражданской войны председатель Реввоенсовета Л. Троцкий расстреливал военспецов (кстати, подобными актами весьма "прославились" и Сталин, и Ворошилов под Царицыном), тот кидает реплику в ответ: "Каналья!" Затем в ходе развернувшейся перепалки в бой вступает Молотов, бросивший в лицо Троцкому: "Опереточный Клемонсо – вот кто тов. Троцкий!" Оскорбленного тотчас же берет под защиту Г. Зиновьев: "А вы – тупоголовый бюрократ!"

Сталин в перебранке не участвовал. По сути он оказался единственным, чье появление на трибуне встретили бурными аплодисментами. Троцкий был жалок, пытался помешать ему говорить выкриками с места. Так, на одну из неучтивых фраз Сталина он презрительно заметил: "Никогда я вас не пугался и никогда не собираюсь вас пугаться – небольшого человека". На что последовал спокойный ответ: "Вы, товарищ Троцкий, не горячитесь. Я вас не прерывал. Я, товарищ Троцкий, не претендую на звание большого человека... Не кричите, почтенные. Сколько бы вы ни кричали, все равно ничего не добьетесь – я свое скажу".

Не правда ли многозначительная фраза?

Выступление генсека против объединенной оппозиции, конечно, нельзя все же назвать образцом красноречия, но образцом выдержки и

³² За "семью замками" находилась даже заполненная 25 июня 1936 г. анкета, где рукой Н.К. Крупской записано: "С октября 1925 г. по осень 1926 г. – в зиновьевской оппозиции" (РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 20. Л. 35).

**Н. Аллилуева, И. Сталин, К. Ворошилов, Е. Ворошилова
(20-е годы)**

точного попадания в цель – безусловно! Продумав все до мелочей, он и на этот раз скрупулезно изучил свою жертву, по крупицам собрал весь имеющийся компромат, фиксируя все теоретические и практические противоречия на протяжении зигзагообразной политической карьеры своего оппонента. А во время речи держался спокойно, не прибегал к ораторским приемам и заумным аналогиям, что само по себе импонировало среднепартийному уровню большинства наполнивших аудиторию. Жертва разделялась им в обычном стиле – генсек не скупился на ядовитые эпитеты.

А как должна была реагировать на этот бедлам Надежда Константиновна?

Апеллируя к Ленину, она пыталась как-то погасить эмоции, направить вспыхнувшие споры в русло полезного обмена мнениями, утихомирить враждующих. Приводит она слова, сказанные в 1913 г. Владимиром Ильичем: "Бывают споры, которые вырождаются в перебранку, в сплетни и дразги" Но это был глас вопиющего в пустыне. Поддержав в целом линию ЦК, Крупская еще раз объясняет свою причастность к оппозиции в 1925 г., расценивая свое поведение как попытку сигнализации об опасности некоторых явлений, имея в виду прокулацкий уклон. Сейчас же, отмечала она, раскол совершенно недопустим, напротив, требуется, как никогда, сплочение сил.

Пожалуй, единственным козырем для сторонников оппозиции было ленинское "Завещание" с содержащимися в нем требованием перемес-

тить Сталина с поста Генерального секретаря. Поэтому то и дело выступления представителей большинства прерывались выкриками: "А куда вы дели ленинское завещание?" Ответил на эти возгласы М. Калинин и довольно логично: "Зиновьев, Каменев, Троцкий спекулируют, почему ленинское завещание не было оглашено – ведь это же действительно нечестная спекуляция. Когда Пленум ЦК и ЦКК обсуждал вопрос оглашать или не оглашать, вы сами, товарищи Каменев и Зиновьев, были против оглашения. Наконец, это оглашение наиболее убийственное для вас. Поэтому спекулировать на том, чтобы напечатать завещание и т.д., у вас нет никаких оснований".

Троцкому со всеми сопутствующими украшениями припомнили "дело Истмена", Каменеву и Зиновьеву – щекотливый "октябрьский эпизод 1917 года".

Одним словом, стенка на стенку. А победа вновь осталась на стороне большинства, что означало – на стороне Сталина, который был его предводителем.

Интересную мысль высказал под неодобрительный шум на Пленуме Л. Троцкий: "Грубость и нелояльность, о которых писал Ленин, уже не просто личные качества; они стали качествами правящей фракции, ее политики, ее режима. Дело идет не о внешних приемах. Основная черта нынешнего курса в том, что он верит во всемогущество насилия – даже по отношению к собственной партии... Аппаратная диктатура застращивает партию".

Под напором сокрушительной критики "объединенная оппозиция" вынуждена была отказаться от некоторых положений своей платформы; она смягчила, например, оценки о "термидорианском перерождении" партии, отклонила тезис о намерении создать вторую партию. Генсек сделал вид, что восторжествовал компромисс – лидеры оппозиции взамен остались в Центральном Комитете, а вопрос об их исключении из ВКП(б) был снят. И в этом случае соперники генсека недооценили иезуитство и коварство их бывшего сподвижника: Сталин никого не собирался прощать и ничего не намеревался забыть³³. Правда, и Троцкий не собирался отказываться от своих взглядов. Так что линия на конфронтацию продолжалась...

Чтобы запутать ситуацию, сталинское окружение сочинило легенду, будто оппозиция угрожает переворотом "по примеру Клемансо"³⁴. "По существу же дела, все это, – писал в те дни Л. Троцкий, – направлено к тому, чтобы добить остатки внутрипартийной демократии, окончательно заменив ее всесилием аппарата". Под водительством генсека это бремя на себя прежде всего взяли такие, по выражению Троцкого, "наиболее яркие представители бюрократического перерождения партийного руко-

³³Исходя из тактических соображений, Сталин позволял себе и публичные либеральные послабления. Так, 11 октября 1926 г. он выступил с докладом "О мерах смягчения внутрипартийной борьбы", однако в последующие месяцы делал все наоборот.

³⁴Если быть точными, то во Франции группа Ж. Клемансо пришла к власти не путем переворота (и не в 1914 г.) – в 1917 г. французский парламент вручил власть этой группе.

водства", как Молотов, Каганович, Ворошилов, Ярославский; сталинской опорой, его доверенными лицами становились Калинин, Куйбышев, Андреев, Микоян, Рудзутак и др. "Сталин все циничнее, – замечает Троцкий в одном из писем Х. Раковскому 30 сентября 1927 г., – подменяет борьбу за интересы государства борьбой за самосохранение"³⁵.

А для этого осуществляется, методично и настойчиво, добивание "объединенной оппозиции" во главе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым, которые, несмотря на отчаянные попытки удержаться на поверхности политической жизни, теряли одну позицию за другой. Последней крупной конфронтацией между Троцким и Сталиным можно считать Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), собравшийся 23 октября, т.е. незадолго до очередного XV партсъезда.

На что надеялись Троцкий, Каменев, Зиновьев и их соратники? Самым неприятным для них было обвинение в стремлении создать вторую партию. Ведь с историей существовавшей ВКП(б) была связана вся их жизнь. Нет, они не хотели второй партии. Именно в рядах "ленинской партии" они стремились открыто исправить сталинский пагубный курс. Справедливости ради следует, однако, отметить, что если их предложения по демократизации политической сферы, по борьбе с авторитарными методами руководства и бюрократизмом заслуживают всяческого уважения, то конкретная реализация их теоретической концепции вряд ли была бы лучше, чем насаждавшаяся в *тот период* сталинским большинством. Курс на ускорение темпов индустриализации³⁶, принудительное обобществление сельскохозяйственного производства, причисление середняка к мелкобуржуазным (фактически полуэксплуататорским) слоям деревенского населения, различные ограничения экономической свободы – все это, как показало будущее, сильно дискредитировало социалистическую идею.

Надежды оппозиционеров сломить линию Сталина оказались эфемерными. К тому времени уже сформировался образ врага (благодаря умелой режиссуре), были определены методы беспощадной борьбы с сомневающимися, обростала плотью идеологическая концепция "обострения классовой борьбы по мере укрепления позиций социализма", ставшая впоследствии теоретической основой массового террора. Складывавшиеся аппаратные принципы формирования политики партии не терпели ни живого обмена мнениями, идеями, ни гибких решений, которые подсказывала меняющаяся обстановка.

23 октября 1927 г., выступив с речью в ходе обсуждения резолюции, требовавшей исключения его и Зиновьева из рядов ВКП(б), Л. Троцкий вновь обрушился на личность генсека, его отталкивающие качества, о которых говорил перед роковым недугом В.И. Ленин. И тревога действительно оказалась обоснованной. Секретариат ЦК, до тех пор пока Владимир Ильич активно занимался делами, игравший в политике лишь

³⁵ См.: Communist Opposition in the USSR. Vol. 4. P. 185, 188.

³⁶ Впоследствии, совершив разворот на 180°, Сталин взял эту установку (как и многие другие) оппозиционеров на вооружение и яростно стал проводить в жизнь.

подчиненную роль, сразу же после болезни вождя начал, по словам Троцкого, узурпировать власть. Именно по этой причине последний совет Ленина партии гласил: "Сместите Сталина, который может привести партию к расколу и гибели"³⁷.

Заранее подготовившись к отпору, в тот же день на Пленуме выступил генсек, речь которого через несколько дней опубликовала "Правда". Прежде всего Сталин стал оспаривать значение "личного момента" в завещании Ильича. Его нелегко провести, заявил Коба, и вообще все эти инсинуации – плод воображения оппозиции, он человек маленький, но, вы послушайте, какие вещи они говорили о вожде революции! И на свет божий Иосиф Виссарионович стал доставать заплесневелые цитаты – высказывания Троцкого о Ленине в 1913 г. (абзац из его письма Чхеидзе), его откровения в этом же плане в 1904 г. (из брошюры, посвященной Аксельроду), сопроводив все это едкими комментариями.

А в разделе "Некоторые мелкие вопросы" (!) Сталин вплотную занялся "Письмом к съезду" Ленина, отвергая заявление оппозиции, что оно было скрыто от партии. Ведь документ, напомнил он, был оглашен на съезде, который единогласно решил его не публиковать (?!), да и Ленин не требовал этого. И не Троцкий ли, критикуя книгу Истмена³⁸, пытался сам скрыть факт существования "Завещания"? Да, Ленин предлагал обдумать вопрос о замене Сталина на посту Генерального секретаря ввиду его грубости, продолжал оратор, и, сделав эффектную паузу, изрек:

"Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю. Возможно, что здесь требуется мягкость в отношении раскольников. Но этого у меня не получается. Я на первом же заседании пленума ЦК после XIII съезда просил Пленум ЦК освободить меня от обязанностей Генерального секретаря. Съезд сам обсуждал этот вопрос. Каждая делегация обсуждала этот вопрос, и все делегации единогласно, в том числе и Троцкий, Каменев, Зиновьев, **обязали** Сталина остаться на своем посту.

Что же я мог сделать? Сбежать с поста? Это не в моем характере, ни с каких постов я никогда не убегал и не имею права убегать, ибо это было бы дезертирством. Человек я, как уже раньше об этом говорил, подневольный, и, когда партия обязывает, я должен подчиниться.

Через год после этого я вновь подал заявление в пленум об освобождении, но меня вновь обязали остаться на посту. Что же я мог еще сделать?"³⁹

³⁷ *Trotsky L. The Real Situation in Russia. N.Y., 1928. P. 7–8.*

³⁸ Статью в "Большевик" о книге Истмена, между прочим, Троцкий тогда написал по настоянию Политбюро и лично Сталина. Об этом знали немногие, и теперь, на Пленуме, Лев Давидович выглядел мелким интриганом и двурушником.

³⁹ *Сталин И. Соч. Т. 10. С. 175–176.*

Сразу укажем на беззастенчивую ложь "подневольного человека" – нами уже отмечалось, что как раз съезд этот вопрос *сам не обсуждал*, а имела место манипуляция с чтением по делегациям. К тому же, говоря о грубости Сталина, Ленин имел в виду его отношение к *товарищам* по партии вообще, что крайне опасно на столь высокой должности. невыполнение предложения Ленина имело трагические последствия для миллионов...

Однако вернемся к выступлению генсека. Прочитывая фрагмент из "Письма к съезду", где отмечались его отрицательные черты, Сталин высмеял доводы оппозиции, подчеркнув, что, наоборот, "Завещание" Ленина убивает их вожаков, поскольку Троцкий в нем обвиняется в "небольшевизме", а ошибки Каменева и Зиновьева в "Письме" квалифицируются (в 1917 г.) как "неслучайные", т.е. могут и наверняка повторятся. А вот об ошибках Сталина, торжествуя убеждал генсек, в "Завещании" нет ни слова! "Говорится там только о грубости Сталина, – заключил оратор "тему". – Но грубость не есть и не может быть недостатком политической линии или позиции Сталина"⁴⁰.

Ничего не скажешь – лихо! Так будущий "хозяин Кремля" оттачивал свое оружие передергивания, достигнув в этом деле поразительного совершенства. (Хотя, конечно, когда всплывал вопрос о "Завещании", это было все равно что наступить на любимую мозоль или покачать больной зуб.)

Все заверения на предыдущем Пленуме относительно объективного рассмотрения спорных проблем и даже великодушия большинства, как и следовало ожидать, оказались очередным лицемерием генсека: на Объединенном октябрьском Пленуме произошло жестокое избиевание инакомыслящих и последовала расправа – Л.Д. Троцкий и Г.Е. Зиновьев были выведены из состава ЦК.

Пленум утвердил и повестку дня предстоящего XV съезда ВКП(б). А через 20 дней, 14 ноября 1927 г., решением ЦК и ЦКК оба главных врага Кобы были исключены из рядов партии. Генсек, таким образом, вновь оказался верен своему кредо – без пощады добивать поверженных противников.

Сталин и его единомышленники чувствовали себя уверенно, как никогда. Накануне съезда вновь возникает вопрос о ленинском "Завещании" На этот раз политический момент для публикации оказался удачным. В сознании масс и рядовых партийцев все рельефнее утверждался образ твердого и последовательного лидера, уверенно ведущего партию и страну к светлому будущему "несмотря на происки отступников и империалистическое окружение" Принимая решение о публикации ленинских взрывоопасных материалов к съезду, Сталин был уверен в нужном исходе дела. И не ошибся, ибо сценарий был разработан весьма тщательно. Да и позиции его окрепли.

Необходимо напомнить, что тогда еще не были опубликованы материалы, продиктованные Лениным по поводу "октябрьского эпизода

⁴⁰ Там же. С. 177.

Каменева и Зиновьева", ибо в свое время учли просьбу Крупской – уж если опубликовать этот ленинский фрагмент, то следует напечатать и "Завещание" в целом. И вот теперь наступил момент, когда оба документа становились тотчас же после выхода в свет достоянием партийных масс. Однако печатаются они не одновременно, а с существенной дистанцией.

Незадолго до открытия XV съезда была официально разрешена дискуссия, которая должна с согласия партверхов вестись "в рамках и в тоне, совместимых с партийностью и товарищескими отношениями", материалы публиковать в "Дискуссионном листке" (приложение к "Правде"). На первый взгляд – лучше не скажешь и не придумаешь.

Хорошо срежиссированная дискуссия началась с публикации письма Ленина в части, касающейся штрейкбрехерства в октябре 1917 г. Зиновьева и Каменева (разумеется, участники дискуссии от большинства не вспоминали, что в октябрьские дни их взял под защиту Иосиф Джугашвили). Таким образом, экзекуция по добыванию раскольников проводилась с помощью аргументов от Ленина⁴¹.

История же с ленинским "Завещанием" преподносилась делегатам съезда в аранжировке, еще более содействующей популярности Сталина и утверждению его в роли принципиального и стойкого партийного вождя. Вот как выглядит эта история в изложении Г.К. Орджоникидзе:

«Вы все знаете, как много было разговоров вокруг последних писем Ильича, касающихся внутрипартийных отношений. Оппозиция все время доказывала, что ЦК будто бы хочет скрыть от партии эти документы. Оппозиция это утверждала, несмотря на то, что она великолепно знала решение XIII съезда партии, который, ознакомившись с этими документами, решил тогда не опубликовывать их в печати, имея в виду прежде всего волю самого Владимира Ильича, который не предназначал этих документов для печатного опубликования. На июньском Пленуме ЦК и ЦКК т. Сталин внес предложение, чтобы обратиться с просьбой к XV съезду об отмене решения XIII съезда и эти письма Ильича опубликовать в "Ленинском сборнике"»⁴².

Итак, взвесив все за и против, Сталин пошел на публикацию "Завещания". На партсъезде, собравшемся в декабре 1927 г., оно было роздано 1669 делегатам в виде бюллетеня, хотя вначале предполагалось распространить его пошире, поскольку тираж был обозначен в 13 500 экземпляров. 9 декабря форум принимает предложение А.И. Рыкова (с дополнением Г.К. Орджоникидзе) о публикации "Письма к съезду" В.И. Ленина и других ранее не печатавшихся документов Ильича по внутрипартийным и государственным вопросам в "Ленинском сборнике". Забегая вперед, отметим, что все обернулось вновь фарсом: генсек не собирался выполнять волю XV партсъезда – широкое

⁴¹ См.: Правда. 1927. 1 нояб.

⁴² Пятнадцатый съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. Декабрь, 1927. М., 1961. Т. 1. С. 610.

печатание указанных материалов так и не было начато, а оставшиеся от тиража экземпляры съездовского бюллетеня организации на места так и не послали⁴³. Примечательно, что почти все делегаты, не уничтожившие вовремя розданные им на съезде названные бюллетени (или не вернувшие их тогда предусмотрительно в Секретариат), во время кровавых чисток 30-х годов заплатились за это: всех, кто тайком хранил у себя "контрреволюционный документ – так называемое завещание Ленина" (терминология времен Большого террора), бросали в казематы НКВД или расстреливали.

Н.К. Крупская присутствовала на съезде, ее избирают в состав комиссии по выработке резолюции о работе в деревне. Она дважды берет слово. Появление ее на трибуне на этот раз встречено бурными аплодисментами зала, все встали. Это был вынужден сделать и президиум. Высший почет. Задумаемся: почему ее теперь опять так восторженно встречают? Уж не было ли это платой за публичные отречения от оппозиций? Может, и так. Да плюс к тому – кто-то и прозрел, уважительнее стал относиться к позиции Надежды Константиновны, постоянно требующей товарищеского уважительного диалога, учета разнообразных мнений, деловой обстановки. Словом, вопрос – не риторический...

И хотя она выступает против отступников, реально видит, что в данный момент консенсус между оппозицией и партийной массой практически невозможен. Но все же и в данном случае призывает к терпимости по отношению к оппонентам. "Мне кажется, – обращалась она к аудитории, – партия должна облегчить возвращение в партию всем тем элементам, которые искренне понимают сделанную ошибку, которые чувствуют неправильности и которые захотят идти с партией в ногу"⁴⁴. Много говорила об отношении к крестьянству, о крайней необходимости его просвещения, распространения пунктов ликбеза, клубов, изб-читален, библиотек, строительства школ на селе. Касаясь проблемы кооперирования деревенского населения, она отметила, что к этому подошли вплотную, "но надо отдать себе отчет в том, что этот вопрос не осознан еще широкими массами крестьянства и тут предстоит огромная работа в деле пропаганды словом и показом, в деле популяризации идеи кооперирования"⁴⁵.

Есть основание утверждать, что XV партсъезд завершил разгром оппозиции. Об этом с нескрываемым удовольствием говорил своим глуховатым, но торжествующе-уверенным голосом и основной докладчик. Ораторская манера Сталина шлифуется весьма своеобразно: генсек все больше прибегает к приемам, которыми "славилась" многие императоры, – говорит о себе... в третьем лице! И при этом – предельная популярность, доходчивость, простота. Телеграфно короткие

⁴³ На этом Бюллетене (№ 30) стоял гриф "Только для членов ВКП(б)". Правда, по одному экземпляру получили некоторые губкомы, а также коммунистические фракции ЦИК и ВЦСПС.

⁴⁴ Пятнадцатый съезд ВКП(б). Т. 1. С. 157.

⁴⁵ Там же. М., 1961. Т. 2. С. 1248.

фразы, отсутствие мудреных терминов. И отсутствие глубины. Но это устраивало основную массу партийцев, как и в целом подавляющую часть населения – ее образованность оставалась невысокой, неграмотные все еще составляли значительную долю среди взрослых.

Оригинальных идей и на XV съезде ВКП(б) Сталин не выдвинул, но всем дал понять – все, что выходит из-под его пера, из его уст, есть "развитие марксистско-ленинской теории", каждое изречение – "конкретная программа действий".

В произнесенном Генеральным секретарем политическом докладе сообщалось, что в ходе предсъездовских обсуждений за тезисы оппозиции проголосовало лишь 4 тыс. из 728 тыс. членов партии. Сталин отверг предложение "объединенной оппозиции", в соответствии с которым за оппозиционными силами сохранялось бы право продолжать отстаивать свои позиции в рамках, определенных Уставом, хотя фракционная деятельность формально прекращалась и оппозиционеры обязывались подчиняться решениям большинства. "Мы не хотим иметь в партии дворян", – отрезал докладчик. Другими словами, никаких компромиссов!⁴⁶.

В резолюции, представленной специальной комиссией под председательством Г.К. Орджоникидзе, участие в троцкистской оппозиции объявлялось несовместимым с членством в ВКП(б). Из партии по предложению комиссии исключили 75 видных оппозиционеров, в том числе Л.Б. Каменева и Г.Л. Пятакова. Мужественный протест, заявленный по этому поводу Смилгой (он зачитал его), Раковским, Мураловым и Радеком, не дал результата – резолюция была принята почти на ура. Вне партии оказалась и так называемая группа Сапронова (23 человека).

Правда, в то время механизм отсеечения инакомыслящих еще не принял того уничтожающе-репрессивного характера, как это будет впоследствии, – оставалась лазейка для возврата в партийное лоно. Резолюция съезда поэтому содержала пункт: "Поручить ЦК и ЦКК принять все меры идейного воздействия на рядовых членов троцкистской оппозиции с целью их убеждения при одновременном очищении партии от всех явно неисправимых элементов троцкистской оппозиции"⁴⁷.

На первых порах действительно немало "отступников" вернулось в партию, изрядно публично отхлестав себя за "раскольническую деятельность" (искренне или нет – другой вопрос). Объявили о своем раскаянии Каменев и Зиновьев, им милостиво вернули партбилеты. Но для Троцкого политическая карьера закончилась. В результате четырехлетней ожесточенной кампании, поистине истребительной работы в сознании масс устойчиво сформировался стереотип "злейшего врага партии, рабочего класса, ленинского учения". Продемонстрировал

⁴⁶ В докладе И. Сталин перечислил 8 основных политических разногласий между большинством ("партией") и оппозицией.

⁴⁷ КПСС в резолюциях... М., 1954. Ч. II. С. 490.

наглядно это и XV партсъезд – атмосфера враждебности, элементарного неуважения воцарялась на форуме при одном упоминании имени Л.Д. Троцкого...

Что же касается принципиальных политических установок, то на съезде утверждается умеренный вариант пятилетнего плана развития народного хозяйства, принимаются решения о подъеме производительных сил деревни и росте благосостояния широких крестьянских масс, о постепенном переходе "от индивидуального собственнического хозяйства, которое еще значительное время будет базой всего сельского хозяйства, к его коллективным формам"⁴⁸.

Надо признать, что это был весьма продуманный вариант экономического развития, в котором просматривалась сбалансированность между накоплением и потреблением, между промышленностью и сельским хозяйством. Однако вскоре все показатели пятилетки будут существенно скорректированы в сторону их резкого повышения, а на программе постепенного кооперирования деревни поставлен жирный крест. Так "альтернатива Троцкого" постепенно превращается в "альтернативу Сталина", но без "демократического преобразования партии", что предлагали Троцкий и "новая оппозиция". Призыв Генерального секретаря ЦК к коллективизации сельского хозяйства стал частью официальной политики, а в учебниках XV съезд ВКП(б) стали именовать "съездом коллективизации".

* * *

Затем наступает политический штиль. Это состояние фиксирует, в частности, "Социалистический вестник". В февральском номере за 1928 г. в разделе "Вести из России" сообщалось: «Тишина и спокойствие. Прекратилась пулеметная трескотня, громовые речи, ядовитые дискуссии, партийные голосования и потоки резолюций. Беспросветно скучной сделалась "Правда"...»⁴⁹

Затишье наступило, может быть, но надолго ли? С уничтожением так называемой "новой оппозиции" произошла серьезная перегруппировка сил. Последовало значительное обновление команды Сталина – в высшем эшелоне власти ставка и опора делаются на послушных и безоглядно преданных функционеров. Они были, нетрудно догадаться, по духу своему куда ближе к новоявленному "вождю", на лету схватывали его указания, угодливо расчищая путь к безграничной единоличной диктатуре.

В конце 1927 г. в Москву приезжала Александра Коллонтай, в то время полпред СССР в Норвегии. В дневнике она запишет: "Встретилась с Крупской, она постарела. Оппозиции не касались. Обе избежали..." Да, Надежда Константиновна разногласия в партии, нарушения принципов демократизма, терпимости, лояльности переживала тяжело. Ведь многое из того, о чем с тревогой писали ей совсем недавно и

⁴⁸ Там же. С. 472.

⁴⁹ Соц. вестн. 1928. № 2/3. С. 4.

Зиновьев и Троцкий, действительно сбылось. Идеино-теоретические споры по принципиальным вопросам развития страны превратились в беспринципную борьбу за власть, в нечистую политическую схватку. С горечью наблюдала она, как после широкообвещательных резолюций с набором лицемерных заверений о пользе деловых дискуссий развернулось избиение старых партийных кадров, или (по ее словам) "всероссийский мордобой"...

Мало что меняло по существу принятие вновь в ВКП(б) представителей "старой ленинской гвардии", и среди них Зиновьева и Каменева, ибо они уже были оттеснены на вторые и третьи роли в партийной иерархии. В Политбюро ЦК еще оставались мыслящие личности, способные генерировать интересные идеи, придерживаться самостоятельных нестандартных мнений, умеющие возражать, отстаивать свою позицию, – Бухарин, Рыков, Томский...

В скором будущем горькую чашу предстояло испить и им, ибо главные сдерживающие Сталина факторы во многом перестали существовать.

"ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ"?

Относительный покой оказался кратким. Ненадолго замолкли политические страсти. Начало 1928 г. принесло серьезные экономические трудности, связанные со срывом плана хлебозаготовок. Под угрозой оказалось снабжение населения крупных городов, армии, новостроек. Не выполнялись и экспортные поставки.

Срыв плана хлебозаготовок, методы разрешения возникших экономических трудностей развели по разные стороны баррикад некогда тесных союзников – Сталина и Бухарина. Разумеется, были и другие причины, но на первом плане оказались отмеченные. В одной компании с Бухариным генсеку теперь противостояли Рыков, Томский, Угланов и ряд других крупных партийных авторитетов. Начиналось последнее действие трагедии, которая завершится полной ликвидацией внутрипартийной демократии, утверждением сталинского авторитарного режима. И свертыванием нэпа.

Внутрипартийная борьба того периода приобрела характер острой схватки между представителями большевистского реформизма нэповского образца, представленного так называемыми правыми, и сторонниками стремительного индустриального рывка на базе насильственных квазисоциалистических преобразований в деревне.

Срочно насытить рынок хлебом призваны были чрезвычайные меры. Первоначально они не рассматривались как сколько-нибудь длительный курс. Однако, как покажет будущее, политика "чрезвычайщины", меры нажима и репрессий станут неотъемлемой частью проводимой сталинским эшеленом политики.

Январь в Политбюро, возможно, стал самым горячим месяцем – партийный ареопаг собирался по нескольку раз в неделю. Проблема оставалась одна – что нужно сделать, чтобы хлеб пошел в город. Анализ ситуации выявил два разных подхода к решению хозяйственных трудностей. Бухарин, Рыков, Томский и их сторонники, скрупулезно изучая весь хозяйственный механизм, пытались там нащупать причины экономических коллизий, недостатки в управлении, приведшие к срывам (считая их временными, вызванными преходящими причинами).

Основную причину хлебного кризиса Сталин видел в распыленности мелких сельских хозяйств, в злой воле кулаков и их приспешников – "злейших классовых врагов, сознательно стремящихся к уничтожению Советской власти". Меры экономической стабилизации, предлагаемые Бухариным, были рассчитаны на длительный срок. Генсек предложил для немедленного разрешения хлебной проблемы чрезвычайные меры. На места для спасения положения были направлены члены ЦК, ЦКК, Совнаркома и другие руководящие деятели, наделенные особыми полномочиями. Сталин избрал местом своей поездки для этих целей Сибирь. (Это была одна из немногих его командировок по стране.)

И вот впервые после гражданской войны разворачивается массовая кампания по принудительному изъятию зерна. Показательно при этом, что к хлебозаготовительным органам активно подключается ОГПУ, получившее поистине неограниченные права: обыск, арест, конфискация хлебных запасов, угрозы, силовые действия.

Хлеб был получен, но какой ценой! Ценой подрыва уважения к Советской власти, веры в незыблемость законов и правопорядка, в ранее принятые государственные акты. Самое же существенное, по-видимому, состояло в том, что Сталин уверовал в высокую эффективность экстраординарных акций, в мощь "чрезвычайщины".

Первые признаки разногласий в Политбюро проявились весной 1928 г. На апрельском Пленуме против сталинской линии на чрезвычайные меры, на силовые решения экономических проблем выступил Н.И. Бухарин, которого поддержали несколько ораторов из числа партийного и хозяйственного актива, в том числе известный экономист М. Фрумкин¹. В их выступлениях содержалась концепция улучшения хозяйственного механизма, планирования, использования экономических рычагов. Они пытались привлечь внимание присутствующих к печальным политическим последствиям введения чрезвычайных мер, приводящих к оживлению нечистоплотных экстремистских элементов в деревне, к созданию нетерпимой обстановки по отношению к середняку – центральной фигуре на селе.

Присутствовавшая на Пленуме Н.К. Крупская точно подметила: "Как конь, услышав трубу, вытанцовывает известным шагом, так и призыв нажать оживляет старые приемы" В целом ее симпатии – на стороне более гибкой, продуманной экономической политики, осторожного отношения к сельскому труженику.

В дальнейшем, на протяжении года, борьба двух тенденций шла с переменным успехом – альтернатива Бухарина, ориентированная на гражданский мир, развитие принципов нэпа, и линия Сталина, нацеленная на разжигание классовой ненависти, чрезвычайные меры и темпы.

До середины 1928 г., казалось бы, перевес обозначился на стороне Бухарина – на июльском Пленуме принимается резолюция, основой которой стали предложения Рыкова и Бухарина об отмене "чрезвычайщины", что приведет к нормализации положения в стране. В изложении Микояна программа правых включала такие меры, как повышение закупочных цен на зерно, увеличение промтоварной массы, дифференцированный сельхозналог, восстановление революционной законности, отмена карточек и т.п. В таком виде программа страдала некоторой неопределенностью и давала повод для различных толкований, тем более что на Пленуме выявился разброс мнений, мешавший консолидировать усилия в одном направлении.

Наблюдая за вспыхнувшими дискуссиями, Надежда Константиновна Крупская определяет свою позицию – она против атмосферы страха, против принудительной политики по изъятию хлеба, за постепенное

¹ М.И. Фрумкин в то время был заместителем наркома финансов.

Академики С.Ф. Ольденбург и Н.И. Бухарин

преобразование деревни. Стараются убедить тех, кто следует сталинским постулатам по ужесточению политики, в ошибочности их позиции. При этом она напоминает, что в ходе обсуждения необходимо отстаивать и "право говорить о своих ошибках"².

Как признанная защитница бедноты, Н.К. Крупская находилась в плену доктрины о "неизбежности классовой борьбы". Однако для нее изживание классовых противоречий предполагало налоговую защиту бедноты, предоставление различных экономических и имущественных льгот, повышение уровня грамотности и политической культуры. Довольно точной выглядит ее оценка итогов "чрезвычайщины", принудительных мер по изъятию хлебных излишков: она обратила внимание на то, что при такой политике страдают не только кулаки, но и значительная часть середнячества. В деревне нет водораздела между кулаком и середняком, поясняет она, "разоряем хозяйство кулака, задевая и хозяйство середняка и бедняка, и тем самым только спутываем карты в классовой борьбе". (Замечание достаточно серьезное, ибо отсутствие объективных критериев в оценке хозяйств предоставляло обширное поле для всякого рода злоупотреблений ретивых администраторов из центра и местных чиновников.)

Следует подчеркнуть, что данное мнение Надежды Константиновны перекликалось с высказыванием крупнейшего ученого-аграрника Н.Д. Кондратьева, которого в то время очень интересовала проблема расслоения российской деревни. "Крайности наших мероприятий... – отмечал он в служебной записке, – сводятся также к тому, что вместо борьбы с эксплуатирующими кулацкими элементами в деревне мы на практике сплошь и рядом ведем борьбу с крепнущими слоями деревни"³. Таких откровений генсек не прощал: с начала 1930 г. начались

² РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 832. Л. 2.

³ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 48.

гонения на деятеля науки, он был объявлен лидером мифической Трудовой Крестьянской партии и в страшном 1937 г. был расстрелян в казематах НКВД.

В чрезвычайных мерах Н.К. Крупская справедливо усмотрела не просто очередные мероприятия, а длительный курс, предполагающий расширение репрессивных акций, подавление демократии, полное подчинение диктату генсека. "Твердо руководить партией, – предупреждает она, – не значит душить ее за горло". 8 июня 1929 г. в "Правде" появляется статья Н.К. Крупской "Классовая борьба в просветительских учреждениях", получившая живой отклик в широких кругах общественности, особенно среди учительства, работников библиотек и клубов. Надежда Константиновна отмечала, что "классовая борьба в области народного образования происходит у нас часто в таких формах, точно у нас нет никакого революционного опыта. Точно мы делаем еще самые первые шаги в этой области... Крепко еще держится мнение, что гнать ребят попов и лишенцев из школы – это и есть самая доподлинная классовая борьба".

Чтобы пресечь подобные извращения и содействовать проведению в жизнь разумной линии в воспитании молодежи, Наркомпрос по инициативе Н.К. Крупской и А.В. Луначарского направил в том же, 1929 г. всем местным органам народного образования специальное разъяснение "Об улучшении социального состава учащихся в школах соцвоста". Это письмо, как и цитированная выше статья Крупской, явно противоречили сталинским командно-репрессивным установкам, предупреждая против перегибов и превратных толкований ленинской программы в области воспитательной работы. В контексте с этими документами следует рассматривать и замечания Надежды Константиновны по проекту XV съезда Советов по докладу Наркомпроса РСФСР (она их сообщила А.С. Бубнову). Осуждая тенденцию к красноречию, она подчеркнула: «Первая часть – "барабанная", там только и речь, что о "неслыханных" достижениях. Приедут делегаты с мест, которые знают, как в действительности обстоит дело на местах, пусть они расскажут»⁴.

Далекий от науки, авантюристический по духу намечаемый Сталиным резкий поворот не мог не вызвать беспокойство Надежды Константиновны Крупской. Самостоятельность суждений, ее несговорчивость вызывали постоянное раздражение генсека и его окружения. А тут еще очередное "особое мнение". Потребовался вновь вызов Крупской в ЦК для "промыывания мозгов". От нее ждут объяснений в желаемом для Сталина направлении. Не получается...

С тревогой наблюдает Н.К. Крупская, как разворачивается отступление от ленинского плана кооперирования сельского хозяйства – нарушение принципа добровольности и постепенности, отбрасывание методов убеждения и обеспечения в итоге этой реформы зажиточности крестьян и т.п.

⁴ Крупская Н.К., Пед. соч. М., 1958. Т. 2. С. 402.

Трудное пришло время, архисложные приходилось решать проблемы, в которых были завязаны миллионы человеческих судеб. И не с кем было посоветоваться. Как все было просто для Надежды Константиновны, когда муж был рядом – надежная опора, мыслитель, друг. Ее душа протестует против дилетантских упражнений Иосифа Джугашвили в сфере теории, его претензий на место "великого продолжателя ленинского дела" Сталин для Крупской – не указ (и тот постоянно это ощущает), она верит только одному человеку и в его работах ищет ответы на мучающие ее вопросы. Сказанное – не фанатизм, а ее глубочайшее убеждение...

В процессе становления режима личной власти естественным явлением стало разбухание бюрократизма. "Он лезет, – по меткому выражению Крупской, – во все щели". Почему? Потому, отмечала она на встрече с выпускниками педучилищ, что повсюду видишь формальное отношение к людям, которое "создает у нас ту беспечность, умножает черствость, бездушие, от чего так сейчас приходится мучиться".

Эти слова с откровенной горечью вырвались тогда, когда уже поднялась волна красной байства, которая застилала у многих глаза на реальные трудности. Н.К. Крупская требует не упрощать проблему. Ведь бюрократизм не в отчетности, не в писании бумажек, не в "распределении функций в канцелярии. Бюрократизм – это халатное отношение к делу, неразбериха и бестолочь, неумение работать, проверять работу в интересах людей"⁵.

Слова, полные драматизма, тревоги. Крупская прекрасно знала обстановку в стране, нужды широких масс, тянувшихся к свету грамотности и культуры, ибо ежедневно получала несметное число писем с мест. Острое неприятие вызывала у нее политика свертывания очагов культуры в 1926–1928 гг., забвения социально-культурных нужд, на которых самым пагубным образом сказывался остаточный принцип финансирования из средств госбюджета. И повсюду чувствовалась властная рука генсека. "Нелегко было Надежде Константиновне и Марии Ильиничне без Владимира Ильича, – вспоминал о тех годах Г.И. Петровский. – Как-то Надежда Константиновна приезжала по делам в Харьков и долго разговаривала со мной о том, как трудно работать со Сталиным. Высказывала желание уехать из Москвы в другой центр"⁶. В целом же она не любила жаловаться, молча переносила невзгоды. И только в редких случаях могла откровенно говорить о своих переживаниях. Например, Алисе Ивановне Радченко. В письмах, адресованных ей, можно прочесть такие строки Крупской, написанные как раз в то время: "Мне хочется, мне нужно быть одной, иначе нервы не выдерживают"; "Я устроила так свою жизнь, что живу только работой. Иначе не могу и не хочу. В жизни очень много настоящего горя,

⁵ РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 781. Л. 12.

⁶ Там же. Ф. 482. Оп. 1. Д. 37. Л. 56–57.

много"; "Я не знаю, в каких отношениях буду после очередного Пленума" А когда в одном ответном письме А.И. Радченко намекает на необходимость посоветоваться с "руководством", "объясниться с Самим", Надежда Константиновна холодно замечает: "Сейчас сильных привлекающих личностей нет. В настоящем их нет"⁷.

Муж А.И. Радченко, Иван Иванович, был профессиональным революционером, руководителем строительства Шатурской электростанции, начальником Главторфа, членом и заместителем председателя ВСНХ РСФСР. В 1926 г. он организует Научно-исследовательский институт торфа, опытную при нем торфяную станцию, находившуюся в Редкино Тверской губернии. Здесь однажды в гостях у Радченко провела свой отпуск Н.К. Крупская. По мнению Алисы Ивановны (она это отметила в дневнике), на станции велась "организационная слежка за Иваном Ивановичем еще с 1926 года, когда у нас там гостила Н.К. Крупская, недоброжелателями тогда причисляемая к оппозиции"

А вот запись 1928 г.: «...я ненадолго по делу зашла в Наркомпрос к Надежде Константиновне. Спрашиваю, когда мы опять повидаемся, побеседуем у нее или у нас на дому. Она – крайне нервно: "Сейчас об этом и нечего думать... Вы знаете, бывают моменты, когда я никого из ближних людей не могу видеть... Вот мы с Маней долгие годы сидим, запершись друг от друга. Тяжело обеим. Ведь завтра начнется – неизвестно, что будет..."»⁸.

Летом того же года Н.К. Крупская отдыхала в Железноводске. Там же проводили отпуск Г.Я. Сокольников и Г.И. Серебрякова. И однажды у Надежды Константиновны вырвалось: "Как трудно иметь дело со Сталиным!"

Между тем сама Надежда Константиновна нуждалась в меньшем внимании – дела на работе складывались не лучшим образом, определенные затруднения имели место и в быту. 11 февраля 1928 г. она вынуждена была направить специальное письмо в Президиум Главполитпросвета, в котором отмечает, что в период ее пребывания в оппозиции у нее создалось "крайне тяжелое положение в Главполитпросвете" «Дело повелось так, – писала она, – что я очень вежливо, "по-товарищески", была отстранена от подбора людей, от всяких внешних сношений. На многие замечания получала ответ – это директива Агитпропа, это согласовано с РКИ и т.д.»

Поэтому Крупская решила сосредоточиться на работе в Академии коммунистического воспитания. "Однако в текущем году стало еще тяжелее", – констатировала она: часто вопросы, которыми обязана непосредственно заниматься, с ней не согласовывались и намеренно решались в ее отсутствие. При этом чувствовалась "рука сверху". А затем была учинена "архибюрократическая реорганизация аппарата Главполитпросвета" (без участия его председателя!) с намеком на необходи-

⁷ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 781. Л. 47, 68, 72, 81.

⁸ Ленинское знамя. 1988. 6 нояб.

Борьба с бюрократизмом (1930 г.)

мость ухода Надежды Константиновны из этой организации Наркомпроса⁹.

"Я не умею работать в такой нетоварищеской обстановке", – пришла к выводу Крупская и просила Коллегию Наркомпроса РСФСР освободить ее от заведования Главполитпросветом. Одновременно ею направляется письмо в Агитпроп, в котором Надежда Константиновна открыто отмечает, что "с Главполитпросветом в ЦК больше не считаются". Причину неприязненного к ней отношения руководитель Главполитпросвета (помимо невидимых подводных камней) расценивает как реакцию на ее ненависть к бюрократизму, администрированию, раздуванию чиновничьих штатов и т.п. Выход один, утверждала она, – всеобщая борьба с бюрократизмом!

Власти сделали так, отмечала далее Крупская, что всю зиму не работала, поскольку отстранили от живого дела. "Сейчас порою забываю, как меня зовут", – сокрушалась она. Крупская предлагала В.Н. Максимовскому занять пост председателя Главполитпросвета, а самой уйти консультантом программно-библиотечного отдела. Об этом уже у нее накануне состоялся разговор и с В.М. Молотовым¹⁰.

Положение в Наркомпросе РСФСР осложнялось. Все чаще и наглее проявляли здесь себя люди, стремившиеся заработать политический капитал посредством заведомо ложных, клеветнических нападок и не-

⁹ РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 828. Л. 1–3.

¹⁰ Там же. Л. 4 об.–7 об.

обоснованных обвинений в адрес честных работников. Разносной критике, как правило голословной, подвергались руководители НКП РСФСР А.В. Луначарский, М.Н. Покровский, Н.К. Крупская и др. В ответ на грубые выпады против нее во время дискуссии, проходившей на одном заседании Коллегии, Надежда Константиновна, взяв под защиту педагогов-новаторов П. Блонского и С. Шацкого, указала на характерный прием борьбы тех, кто насаждает "аракчеевский режим" в просвещенческой области: "Есть такая манера не бороться тогда, когда левый загиб зарождается, зато лягать тогда, когда человек уже сражен и лежит на земле. Я предпочитаю бороться тогда, когда это может изменить дело, предупредить ошибки"¹¹.

Тем временем в стране накалялась общая политическая обстановка. Фронтальное противостояние сталинскому курсу привело к корректированию линии генсека, к принятию выдвинутых Рыковым и Бухариным предложений по развитию народного хозяйства. Несмотря на временную победу, одержанную на июльском Пленуме ЦК в этой части, Бухарина и его сподвижников не оставляло чувство тревоги и неустойчивости своего положения. Ведь Бухарин, Рыков, Угланов слишком хорошо знали Кобу: с ними и Томским он все больше вступал в состояние открытой конфронтации. Знали они и его жестокость, мстительность, коварство и властолюбие. Все эти качества, например, Н. Бухарин имел возможность наблюдать воочию во время их совместных действий против троцкистско-зиновьевской оппозиции. Неоднократно Бухарин пытается договориться со Сталиным, обращается к нему с просьбами о встречах, пишет "доверительные записки" с аргументированными возражениями против жесткой линии генсека, "неизбежно ведущей к обнищанию сельского населения, к крестьянским возмущениям" Однако все его предложения игнорировались, на личные контакты Коба не шел.

11 июля 1928 г. Н. Бухарин совершает весьма опрометчивый шаг – встречается и откровенно беседует со своим недавним идейным противником, заклеянным высшим партийным форумом как "троцкист и двурушник", – Л.Б. Каменевым¹². Чего Бухарин ожидал от этой встречи? Создать против Сталина коалицию, объединив всех недовольных? Или просто посоветоваться с мудрым Каменевым?

Трудно ответить на данный вопрос со всей определенностью. Во встрече Каменева с Бухариным чувствовался некий трагический подтекст обреченности. "Любимец партии" начинал все отчетливее понимать последствия своих разногласий с Генеральным секретарем.

Из записей, которые сделал Л. Каменев¹³, нетрудно понять сложив-

¹¹ Сов. педагогика. 1989. № 1. С. 108.

¹² Опальный Каменев в то время жил в Калуге. Через Сокольников Бухарин встретился с ним на квартире Каменева в Москве. Разговор был продолжен и на следующее утро (Фельштинский Ю.Г. Разговоры с Бухариным. Приложение 1 (Разговор Бухарина с Каменевым). М., 1993. С. 30–37).

¹³ Копия записи Л. Каменева хранится в архиве Троцкого в Гарвардском университете (США). А.М. Ларина-Бухарина считает ее подделкой.

шийся драматизм положения в высших партийных кругах. Курс Сталина Н. Бухарин квалифицировал как губительный для дела революции. "Я со Сталиным несколько недель не разговариваю, – признавался он. – Это беспринципный интриган, который все подчиняет сохранению своей власти. Меняет теории ради того, кого в данный момент следует убрать" По существу генсек вновь зовет к военному коммунизму, что приведет к гражданской войне или массовым крестьянским волнениям. Тезис Сталина взимать непомерную "дань с крестьянства" – это не что иное, как возврат к теории Преображенского, против которого Сталин столько поломал копий. И вот неожиданный поворот на 180° этого Чингисхана.

Кроме того, продолжал Николай Иванович, Генеральный теперь упрямо обуреваем тезисом, что сопротивление противников Советской власти будет возрастать пропорционально росту социализма. Но ведь это, восклицал Бухарин, "идиотская безграмотность", ибо данная формула будет иметь катастрофические последствия, если начнут ее претворять в жизнь. "В результате получается полицейщина... при этой теории может погибнуть все". А затем взволнованный собеседник бросил: "Нас он будет резать" Этот человек довел страну до голода и гибели. «Сталин знает одно средство – месть, и в то же время всаживает нож в спину. Вспомним его теорию "сладкой мести" Окончательно вывел из себя Сталина Бухарин, как признавался последний, фразой: "Не думайте, что Политбюро является совещательным органом при генсеке..."»¹⁴

Когда Каменев обратился к собеседнику с вопросом: какими силами можно располагать, тот сообщил, что в ядро сопротивления, помимо него, входят также А.И. Рыков, М.П. Томский и Н.А. Угланов и что будет обеспечена поддержка среди ленинградских коммунистов, большинства членов Оргбюро и даже некоторых руководителей ОГПУ (М. Трилиссер, Г. Ягода и др.), которых, возможно, склонили на это сообщения о 150 случаях небольших восстаний в стране. Если Андреев обещал поддержать Бухарина, то Ворошилов и Калинин изменили ему в последний момент, как и С. Орджоникидзе, оказавшийся совсем, по словам Бухарина, не рыцарем, хотя и ругал Сталина при встречах с Николаем Ивановичем¹⁵.

В ЦК было, видимо, немало колеблющихся, но их требовалось убедить в решительном противодействии диктаторским и коварным приемам, чтобы добиться смещения Сталина. Когда Каменев уловил в речи Бухарина оптимистические нотки по данному поводу, он тут же парировал: "Пока он (Сталин. – *Авт.*) снимает Вас" Вообще во время беседы Лев Борисович все больше убеждался в том, что бухаринская задумка о смещении Сталина обречена на неудачу, а его самого ждет роковой исход. "Потрясен он чрезвычайно, – записал после беседы

¹⁴ Фельцитинский Ю.Г. Указ. соч. С. 30–36.

¹⁵ Беседа Бухарина и Каменева впервые была опубликована в "Социалистическом вестнике" в 1929 г. (№ 9). Содержание этой беседы изложено американским исследователем Р. Такером (с небольшими неточностями) в его книге "Сталин. Путь к власти"

Каменев (возможно, для Г. Зиновьева. – *Авт.*). – Порой губы прыгают от волнения. Порой производит впечатление человека, знающего, что он обречен"¹⁶. Да и в самих предложениях Бухарина отсутствовали уверенность, столь необходимая в подобных острых ситуациях, и владение достоверной полной информацией. Явно колеблясь в разговоре с Каменевым, он заметил: "Выступать в открытую или не выступать? Если выступать, нас срежут как отщепенцев. Если не выступать, нас срежут несколькими шахматными ходами и взвалят на нас вину, если в октябре не будет хлеба"¹⁷. Во всяком случае в той шахматной партии, которую разыгрывал Сталин, Бухарин встречей с Каменевым сыграл в поддавки. И, как покажет недалекое будущее, генсек в наилучшем виде воспользовался этим неудачным ходом своего противника.

А тем временем ситуация в экономике страны складывалась тревожная. Осенью ввели карточки на хлеб, не сокращалась безработица, низкой оставалась зарплата. Все это привело к резкому обострению противоречий между отдельными политическими группировками, предлагавшими свой анализ положения и свои рецепты выхода из экономического тупика. Разногласия и споры, протекавшие в скрытой форме, на узких заседаниях, выплеснулись на ноябрьском Пленуме ЦК и ЦКК при обсуждении контрольных цифр пятилетнего плана, в особенности на 1928/29 хозяйственный год.

Прошедшие перед Пленумом заседания высшего партийного и советского руководства выявили принципиальные расхождения в вопросе о темпах развития народного хозяйства и в решении хлебной проблемы. Свое видение перспектив на принципах нэпа изложил Н.И. Бухарин в статье "Заметки экономиста", опубликованной "Правдой" накануне Пленума. Написанная в спокойных тонах и направленная против троцкистской идеи сверхиндустриализации, статья Бухарина содержала скрытую полемику со Сталиным и его сторонниками, с их взглядами ускорения темпов промышленного развития. К тому же в основном за счет сельского хозяйства. "В своей наивности, – иносказательно предупреждал автор статьи, – идеологи троцкизма полагают, что максимум годовой перекачки из крестьянского хозяйства в индустрию обеспечивает максимальный темп развития индустрии вообще. Но это явно не верно. Наивысший длительно темп получится при таком сочетании, когда индустрия поднимается на быстрорастущем сельском хозяйстве"¹⁸.

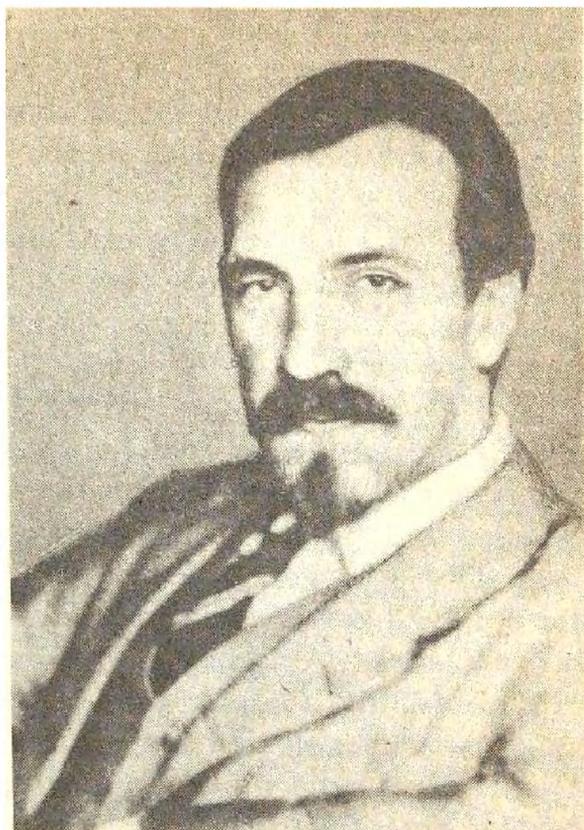
Сведения об имеющих место разногласиях в высшем эшелоне власти все активнее просачивались наружу. С неизменным лицемер-

¹⁶ См.: *Фельштинский Ю.Г. Указ. соч. С. 33, 34.*

¹⁷ Наше отечество. 1990. Т. 2. С. 241. В приложении к публикации Ю.Г. Фельштинского данная фраза изложена так: "Вместе с тем метания – выступать открыто или не выступать. Выступать – зарежут по статье о расколе. Не выступать – зарежут мелкой шахматной игрой, да еще свалят, взвалят ответственность, если хлеба в октябре не будет" (*Фельштинский Ю.Г. Указ. соч. Приложение I. С. 33*).

¹⁸ *Бухарин Н.И. Избр. произведения. М., 1988. С. 399.*

рием и фарисейством, выступая на Пленуме, генсек заверял, что «слухи, распространяемые всякими недоброжелателями, противниками и врагами нашей партии, о том, будто бы у нас в Политбюро имеется правый уклон, "левый" уклон, примиренчество и черт знает еще что, – лживы... Мы все в Политбюро едины до конца и будем едины»¹⁹.

А.И. Рыков

Ноябрьский Пленум, на котором разгорелись бурные споры о темпах индустриализации, принял в общем-то взвешенные решения, ориентированные на пропорциональное развитие промышленности и сельского хозяйства, недопущение чрезмерной перекачки денег. Однако разногласия остались, они перенеслись на заседания Политбюро и Секретариата. Бухарин, Рыков и их сторонники не уступали, в штыки встречая меры силового давления и подстегивания экономики. Выступая на активе Ленинградской парторганизации, председатель Совнаркома А.И. Рыков 30 ноября 1928 г. вынужден был еще раз объяснить вред единомыслия в связи с начавшейся исподволь по сталинской указке кампанией дискредитации противников завышенных темпов и давления на крестьянство. "В чем заключается работа Политбюро?" – спрашивал глава правительства. И отвечал: «В том, что мы обсуждали вопросы, спорили по ним и в результате обмена мнениями выносили решения. Было бы непонятно, дико, странно, если бы этих споров и этого обсуждения не было, если бы мы все как один думали "тютелька в тютельку" При Ильиче и при его участии мы тоже спорили друг с другом, но ничего от этого, кроме хорошего, не происходило... Вы нас выбирали в ЦК, мы были выбраны в Политбюро – для чего? Для того чтобы мы рассуждали, спорили и решали. Но если во всяких спорах видеть уклоны, то поставьте тогда куклы или манекены. Но кто бы стал тогда за этих манекенов думать?...»²⁰

Все эти выпады против воцарившихся в партии нравов, разумеется, не проходили мимо внимания генсека. Он их скрупулезно фиксировал и готовился нанести "правым" чувствительный удар.

¹⁹ РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2877. С. 39.

²⁰ Ленингр. правда. 1928. 1 дек.

Наступил 1929 год. К тому времени волюнтаристские схемы Иосифа Виссарионовича, находившие воплощение в крайне ускоренных темпах хозяйственного строительства, все чаще терпели одну неудачу за другой.

И это все выдавалось за "воплощение в жизнь ленинских предначертаний". Поэтому с конца 20-х годов Н.К. Крупская все более настойчиво обращается к изложению основных положений Владимира Ильича о коренном переустройстве сельского хозяйства, стремится привлечь внимание общественности к ленинскому кооперативному плану. Наилучшим методом очистить его наследие от наслоений и сталинских интерпретаций она считала обращение к первоисточникам, их широкую публикацию и всестороннее изучение. В январе 1929 г. в "Правде" появляется ее статья "Ильич о колхозном строительстве", в которой Надежда Константиновна показывает, как В.И. Лениным закладывалась концепция глубокого переустройства деревни, фиксирует внимание на необходимости учета реальных условий, сложившихся в сельской местности, внутренних экономических связей, важности заинтересовать крестьянина в обновлении быта и всего жизненного уклада. Она напоминает высказывание Ленина о том, что нельзя провести переворот в сельском хозяйстве сверху, указывает на недопустимость смещения кулаков и середняков, призывая к бережному отношению к последним. По ее мнению, нелепа "самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина"

Еще и еще раз напоминает Н.К. Крупская, что общую обработку земли нельзя поставить сверху и навязать. Думать так – сумасшествие. С сожалением в то время она отмечает, что "партия не умеет прислушиваться к голосу крестьянина"

Сразу подчеркнем – для такого заявления требовалось немало мужества и твердости. Подобные заявления брались на заметку в коридорах власти...

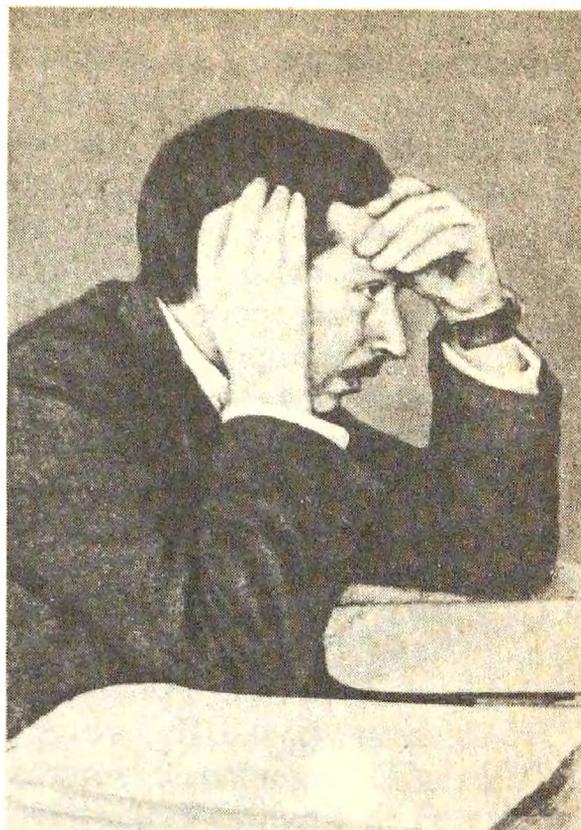
В апреле открылся Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б).

Обозначившиеся реальные срывы в сфере экономики, особенно в сельском хозяйстве, и других областях официальная пропаганда все настойчивее объясняла происками раскольников и притаившихся (получалось – в несметном числе!) враждебных элементов.

На Пленуме впервые партийная элита познакомилась открыто со взглядами тех, кого Сталин бесцеремонно зачислил в правый уклон. И если до этого борьба с правыми шла в основном анонимно, то на апрельском Пленуме носители "уклона" были персонифицированы и получили возможность открыто апеллировать к мнению большинства ЦК и ЦКК. Бухарин, Рыков, Томский, Угланов предстали, таким образом, в роли обвиняемых перед партийным судом.

Как всегда, подобное мероприятие было неплохо срежиссировано лично генсеком, тем более что в подобных делах им был накоплен уже солидный опыт. Вначале Коба выпустил на сцену (так уж повелось) одного из своих оруженосцев – Емельяна Ярославского, который стал

неистово бичевать "отщепенцев". Тенденциозно подобранные факты, хронологически изложенная последовательность событий должны были доказать фракционность поведения названных лидеров, грубое нарушение ими партийной дисциплины. "Мы обвиняем их, – заключил свою обширную прокурорскую речь Ярославский, – в том, что они дискредитируют партию своими закулисными переговорами с недавними деятелями фракционной организации троцкистов и прикрывают эти переговоры. Мы обвиняем их в том, что они выступают с платформенными заявлениями, свидетельствующими об их отходе от партийной линии и скатывании на линию правых оппортунистов"

М.П. Томский

Последний открытый бой сталинскому произволу дал Н.И. Бухарин. Его многочасовая речь (она десятки лет не публиковалась) – буквально крик души! Предупреждение против губительных последствий порочной линии генсека, страстное желание заставить присутствовавших прислушаться к его предложениям. Бухарин не возражал против ускоренной разумной индустриализации, но показывал, что план Кобы подобен самолету без мотора, обречен на провал, ибо основан на уничтожении нэпа и упадке деревни. Его тревожили призывы Сталина к новым чрезвычайным мерам, что означало дополнительную непосильную дань с крестьян, их военно-феодалную эксплуатацию, разорение страны. В проводимой политике он видел прямую переоценку возможности воздействовать на основные массы сельского населения без рыночных отношений, перспективу чудовищно односторонних отношений с крестьянством. С сарказмом обрушился он на сталинский тезис обострения классовой борьбы.

"Я называл идиотизмом, – подчеркивал Бухарин, – положение, что мы обострение классовой борьбы должны возвести в закон нашёго реконструктивного периода и что мы должны разжигать классовую борьбу"²¹. Он обратил внимание присутствовавших на то, что пропагандируемая большинством политика есть "полная идеологическая капитуляция перед троцкизмом".

В таком же ключе выступал и признанный авторитет в профсоюзах – председатель ВЦСПС М.П. Томский. На Пленуме он говорил не

²¹ Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 297.

только о политике по отношению к крестьянству, пытаюсь путем исторических аналогий и анализа проблемы доказать необходимость прочного союза с крестьянством. Коснулся оратор также и методов партийного руководства, показав, как "чрезвычайщина", практика нажима и силовых актов в народнохозяйственных вопросах смыкаются с подобными методами, которые насаждались в партии. Все это, по его мнению, неизбежно ведет к узурпации власти Генеральным секретарем ЦК. "У нас нет атмосферы товарищеской терпимости к чужим мнениям. В Политбюро, – заметил М. Томский, – нельзя говорить все, о чем думаешь, надо говорить с оглядкой, потому что твое предложение может быть отвергнуто и превращено в ошибки, а тебе пришьют уклон. Каждое возражение оценивается как оппортунизм". "Вы хотите, чтобы мы делали вид, что у нас коллективное руководство? – обратился он к присутствовавшим. – Не заставляйте нас лицемерить"

Председатель ВЦСПС прямо отметил факт поглощения Сталиным Политбюро ЦК, подчинения ему фактически всего Центрального Комитета партии. С горечью он констатировал, что прошло всего пять лет, а факт раскола ЦК, о котором предупреждал Ильич, совершился.

Со своим видением существа внутрипартийных разногласий выступила Н.К. Крупская. Взвесив все обстоятельства, она присоединилась к мнению большинства участников Пленума по поводу хозяйственных трудностей: "Я думаю, что хлебный кризис является не результатом неправильной линии ЦК, не результатом неправильной оценки нынешнего момента, а является результатом того, что на мелких и мельчайших хозяйствах выехать мы не сможем" Кто-то из сталинской свиты (а возможно, и сам генсек) за это наградил Надежду Константиновну возгласом "Правильно!"

Однако далее, перейдя к характеристике внутрипартийного положения, она вновь пошла вразрез со сталинскими установками. Так, касаясь злополучного эпизода встречи Бухарина с Каменевым, Крупская с негодованием отвергла недостойные приемы борьбы с оппонентами, основанные на подслушивании, записях частных разговоров, сборе слухов и домыслов. "Я думаю. – обратилась она к аудитории, – что опубликованные троцкистами разговоры тов. Бухарина с Каменевым имеют одну цель – вырыть партии ямку поглубже" (Обвиняя троцкистов в применении низких методов, она прекрасно знала, что команда генсека занимается этим же. Наверняка Сталин понял этот намек.)

И все же несколько наивной выглядит ее попытка взять под защиту Бухарина, Рыкова и Томского – она стала доказывать, что никакие они не фракционеры, что никакой общей платформы у них нет и что разногласия в партии вполне допустимы и должны быть естественными. "Часто бывает, – убеждала она участников Пленума, – очень важно в коллегии заслушать мнение, несколько отличающееся от общего... Я думаю, что партия должна выслушивать возможно полнее имеющиеся в ней настроения, это важно для принятия правильного решения"²².

²² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 417. Л. 225.

Вновь Надежда Константиновна подчеркивает мысль о том, что нельзя требовать от несогласных сиюминутного отречения от своих взглядов, нужно сохранить попавших под безжалостный огонь разноса известных революционеров в партии, в Политбюро и дать им возможность работать. К сказанному добавим, что, выступая вскоре по итогам Объединенного пленума на одном из собраний, Н.К. Крупская так ответила на поступившую записку: "Товарищи Бухарин и Рыков ни на какую фракционную борьбу не пойдут"²³.

Как же реагировал генсек на выступления лидеров "правого уклона" на Пленуме? Догадаться нетрудно – в свойственной ему грубо-запретительной манере. Достаточно сослаться на заключительные тирады его "разгромной речи"²⁴:

"...5) Надо принять меры к тому, чтобы в выступлениях отдельных членов и кандидатов Политбюро на собраниях не допускались какие бы то ни было отклонения от линии партии, от решений ЦК и его органов.

б) Надо принять меры к тому, чтобы в органах печати, как партийных, так и советских, как в газетах, так и в журналах полностью проводились линия партии и решения ее руководящих органов".

А далее прямая ликвидация остатков гласности:

"7) Надо установить специальные меры, вплоть до исключения из ЦК и из партии, против тех, которые попытаются нарушить секретность решений партии, ее ЦК, ее Политбюро..."²⁵

Так все закончилось окриком, грубым шельмованием и разносом в адрес инакомыслящих, категорическим приказом деятелям ВКП(б) под личиной "секретности" публично помалкивать и особых своих суждений в прессе и выступлениях не высказывать.

Примечательно, что еще до созыва Объединенного апрельского Пленума ряд партийных организаций по какому-то невидимому сигналу вдруг стали выносить решения с предложением о выводе из состава ЦК трех мятежных влиятельных членов Политбюро – Н. Бухарина, А. Рыкова и М. Томского. То же самое происходило в органах Коминтерна. Так, Президиум ИККИ по инициативе Д. Мануильского выразил политическое недоверие Н.И. Бухарину.

С тревогой воспринимала эти подозрительные акции М.И. Ульянова, явно прозревшая к тому времени. В адрес Пленума она направила заявление, которое просила огласить²⁶. Напомнив характеристику В.И. Ленина отдельным лидерам партии, она подчеркнула, что «не одна из личностей, а только коллегиальная работа может обеспечить

²³ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1033. Л. 2.

²⁴ Все назидательные фразы генсека вошли в резолюцию Пленума. См.: КПСС в резолюциях... Ч. II. С. 549–556.

²⁵ Сталин И. Соч. Т. 12. С. 107.

²⁶ Письмо М.И. Ульяновой не было оглашено на заседании Пленума под предлогом того, что в проекте резолюции нет предложения о выводе трех упомянутых руководителей из Политбюро, и возвращено ей председательствовавшим на Пленуме Я. Рудзутаком. См.: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 725. Л. 37–38.

правильное руководство и единство партии. Вывод из Политбюро трех крупнейших работников партии – Рыкова, Бухарина, Томского или дальнейшая "проработка" и дискредитация их, которая приведет к тому же несколько раньше или позднее, является угрозой этому коллективному руководству». Мария Ильинична выразила протест против попытки отсечения и шельмования трех членов Политбюро, отметив, что за последнее время наблюдаются зажим критики и огульные обвинения в "уклонах". Заслугой Рыкова, Бухарина и Томского она считала как раз постановку принципиальных вопросов, не замалчивание ими трудностей и опасностей в отличие от имеющих место чрезмерных восторгов перед достижениями, что можно считать типичным "проявлением ограниченного самодовольства и комчванства"²⁷.

Однако, как говорится, "поезд уже ушел" – перевес политических сил явно был на стороне Сталина. Взгляды правых объявлялись несовместимыми с генеральной линией партии, за что полагалось суровое наказание: Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) одобрил принятое накануне решение об освобождении Бухарина и Томского от занимаемых ими постов в Коминтерне, "Правде" и Центральном совете профсоюзов.

Дальнейшее же избиение осмелившихся идти против политики генсека было уже "делом техники" – решения апрельского Пленума имели далеко идущие последствия. Альтернатива Бухарина, рассчитанная на гражданский мир, экономические методы руководства народным хозяйством с развитием принципов нэпа, постепенное преобразование сельского хозяйства с опорой на крепкого хозяина, потерпела поражение. Были узаконены шаги по разорению крестьянства – линия на "чрезвычайщину" и силовые методы в решении экономических проблем (не говоря уже о решении политических вопросов).

После Пленума началась массированная кампания по разоблачению "правых оппортунистов". Ни одного дня не проходило без "выявления" новых фактов их "двурушнической раскольнической деятельности". Газеты были полны сообщениями о подрывных акциях правых. "Уклоны" выискивали и приписывали как отдельным лицам, так и целым коллективам. Словом, насаждалась атмосфера "охоты на ведьм", поиска врагов и их пособников, беспощадной расправы с ними.

Голоса разума, к числу которых принадлежал и голос Н.К. Крупской, звучали все реже и реже. Да их просто не хотели слышать. Действительно, сталинский аппарат не дремал. В июне 1929 г. Н.К. Крупская выслушивает в ЦК партии выговор за выступление перед активом Замоскворечья. Отвечая на проработку, Надежда Константиновна пытается доказать, что в ее речи не содержалось серьезных разногласий с официальной точкой зрения, и тут же замечает, что "темпы прошли мимо воли партии, несколько опережали намеченные вначале партией темпы, сделали невозможной подготовку этого дела". А кроме того, трудно было уследить за быстро меняющимися лозунгами –

²⁷ Изв. ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 126–127.

Единомышленники (конец 1929 г.)

только что говорили о коллективизации, а вот уже на очереди – сплошная, затем – ликвидация кулачества как класса.

Наступает унификация лозунгов. Сталинский штаб требует четкого применения терминологии партийных решений, а "единственно верная" их интерпретация содержалась в статьях и речах "рулевого" И никакой отсебятины!

Н.К. Крупская звала учиться у Ленина, "как вести за собой крестьянство по пути кооперирования к перестройке всех основ сельского хозяйства..." и, словно вопреки сталинским методам принуждения, она приводит слова Ильича: "Нет ничего глупее: как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина"²⁸.

На одном собрании происходит открытая стычка между Надеждой Константиновной и сталинским эмиссаром Л. Кагановичем. Крупская осудила нажимные приемы и обыкновение сваливать вину на низовых работников, с которыми не собирались советоваться при проведении коллективизации: их критического мнения не слушают. "Самокритика в нашей работе нам нужна, – отмечает Н.К. Крупская, – она нам помогает. А люди боятся что сказать, чтобы не обвинили в правом уклоне. Строится кирпичный завод на месте, где нет подходящей глины. Люди боятся сказать, что глина плоха: в правом уклоне обвинят, не понимаешь-де важности строительства... А потом строится завод и страна терпит большие убытки".

Мог ли слабый голос Надежды Константиновны хотя бы приоста-

²⁸ См.: *Крупская Н.К. О Ленине*. М., 1983. С. 247–248; *Ленин В.И. Полн. собр. соч.* Т. 38. С. 201.

новить раскрученный механизм расправы с перечащими Генеральному секретарю?

В конце 1929 г. Бухарин и его сторонники были добиты окончательно – в ноябре очередной Пленум, отвергнув как "фракционный маневр" подготовленный Рыковым, Бухариным и Томским самокритичный документ (похожий на капитуляцию), квалифицировал их поведение как действия политических банкротов, аналогичные "отступательным маневрам троцкистов" Бухарина вывели из состава Политбюро, оскорбительно-унизительной проработке подвергли его единомышленников. Алчность генсека, как показали дальнейшие события, не насытило и заявление троих "отступников", опубликованное в "Правде" 26 ноября, в котором они отрекались от своих взглядов, прибегнув к политическому самоистязанию.

В декабре 1929 г. на конференции аграрников-марксистов Сталин, обуреваемый серией удач на пути к единоличной диктатуре, выдвигает зловещую идею сплошной коллективизации, поставив тем самым окончательно крест на нэпе. Когда нэп "перестанет служить делу социализма, – самоуверенно провозгласил генсек, – мы его отбросим к черту. Ленин говорил, что нэп введен всерьез и надолго. Но он никогда не говорил, что он введен навсегда"²⁹.

Выше мы уже отмечали, что в отличие от прежних лет иначе стала относиться к опальным Бухарину, Рыкову и Каменеву М.И. Ульянова: сама жизнь заставила ее пересмотреть многие свои заблуждения относительно характера и взглядов генсека и его оппонентов. Сталин не мог не заметить эти перемены и жестоко мстил Марии Ильиничне. Н.К. Крупская однажды заметила, какой расстроенной пришла сестра Ленина с собрания партийной организации Института Маркса–Энгельса–Ленина, где состояла на партучете. На вопросы Надежда Константиновны она кратко ответила, что ее обвиняют в "слабом участии в борьбе с правыми" и протянула Крупской резолюцию собрания:

"Уклоняясь от прямого ответа на вопрос, являются ли правые кулацкой агентурой внутри партии, и отказываясь выступить в печати с признанием своих ошибок и с критикой позиции Бухарина, Рыкова и др., т. Ульянова тем самым остается на примиренческой позиции по отношению к правым взглядам, признанным съездом несовместимой (так в документе. – *Авт.*) с пребыванием в ВКП(б)"³⁰.

Материал о "недостойном поведении Марии Ильиничны Ульяновой" был отправлен в вездесущую Комиссию Партийного Контроля...

Н.К. Крупская прекрасно сознавала, что все эти действия генсека направлены и против нее, и она была готова к тому, что ей в один прекрасный момент вновь "пришьют" какой-нибудь очередной "уклон": ведь все выступления, статьи вдовы Ленина отныне рассматривались под увеличительным стеклом официальной сталинской идеологии.

²⁹ Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1946. С. 293–294.

³⁰ ЦХСД. Ф. 613. Оп. 3. Д. 192. Л. 4.

Злоупотребления, проявленные в ходе развернувшейся сплошной коллективизации, были столь вопиющими, что во второй половине февраля 1930 г. ЦК ВКП(б) вынужден был дать директивы о недопущении спешки при организации колхозов, прекращении раскулачивания там, где сплошная коллективизация еще не началась, о необходимости учета местных условий.

Резко выступала против перегибов Н.К. Крупская. В марте появляется ее брошюра "Что говорил Ленин о колхозах и о мелком крестьянском хозяйстве", а затем статья "Еще об одном перегибе", она обращается с письмами к тем, кто мог бы исправить положение. Больше всего ее беспокоили дети раскулаченных. «Бывает так, – писала она, – у малыша арестованы родители. Ходит он по улице, плачет, все жалеют его, – и женщины, и мужчины, – но усыновить, взять в дом не решаются: "Сын кулака все же, да еще активиста, – как бы чего не вышло..." А ребенок есть ребенок. И его надо усыновить, брать в колхоз, как своего. И его надо учить, как всех других детей, не попрекать происхождением, а растить из него сознательного человека...»

По инициативе Наркомпроса РСФСР вскоре принимается постановление правительства России, содержавшее пункт о недопустимости исключения из школ в порядке чистки детей по признаку социального положения или отсутствия у их родителей избирательных прав³¹.

Апофеозом торжества сталинской политики стал XVI партсъезд (лето 1930 г.)³². Это был первый съезд ВКП(б) без наличия оппозиции. На нем царило полное единомыслие. Последние из тех, кто мог возразить "великому продолжателю дела Ленина", были сломлены, унижены. В жестоких сражениях достигнутое единство партии превращалось в инструмент воспитания беспрекословного подчинения, бездумного выполнения любых директив номенклатуры, предписаний новоявленного "вождя и учителя" Вместо делового, обстоятельного разговора о серьезнейших проблемах политики форум превратился в апологетику сталинского большинства, прославление взятого курса на форсированную индустриализацию и насильственную по существу коллективизацию сельского хозяйства, на твердую политику уничтожения "врагов партии – оппозиционеров всех мастей и направлений"

Каждый выступавший в самых грубых тонах предавал анафеме Бухарина, Рыкова и их сподвижников, воспевая одновременно "рулевого страны Советов". Не жалели красок по части очернения своих бывших старых товарищей по партии (Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова, Сокольников) А. Бубнов, И. Варейкис, Б. Шеболдаев, М. Хатаевич, Р. Эйхе, С. Косиор – будущие жертвы сталинских репрессий.

Каялись, расточая славословия в честь "великого зодчего", и бывшие оппозиционеры...

На фоне разнузданного партийного шабаша отрезвляюще спокойно

³¹ См.: Народное образование в СССР: Сб. документов, 1917–1973. М., 1974. С. 108–109.

³² Газета "Правда", помещая отчет об открытии съезда 27 июля 1930 г., вышла под большим аншлагом "Когда говорит вождь!".

прозвучало выступление Н.К. Крупской, стремившейся привлечь внимание делегатов к проблемам воспитания деревенского населения, развития движения за преодоление массовой неграмотности, подъема культурно-просветительной работы. Она отметила большую волну борьбы с бюрократизмом, громадную тягу людей труда к культуре, к знаниям. "Бюрократизм, – сказала Крупская, – это отрыв от жизни, это формализм, это игнорирование живых, непосредственных задач, которые надо сейчас разрешить, укладывание живого дела в тесные рамки бюрократических форм"³³. Направить все силы на созидание, просвещение, на подъем благосостояния народа, на развитие народного образования – таков был смысл ее речи. Охватившая тогда всех нетерпимость, подозрительность, конфронтационный дух, всячески подогреваемые генсеком, не укладывались в рамки общества, которое надо построить, где должны господствовать социальная гармония, всеобщее просвещение и труд на благо страны. Поэтому, считала она, некогда тратить время на ненужные нетоварищеские споры, отвлекаться на мелочи.

Отдавая дань обстановке, царившей на съезде, Крупская коснулась и ошибок правого уклона, продолжая акцентировать внимание на назревших задачах строительства. Но не тут-то было! Ее разумная размеренная речь то и дело прерывалась бесцеремонными выкриками: "Скажите насчет Рыкова и Томского!"

– Насчет Рыкова и Томского я ведь уже сказала, – отвечает Крупская. Из зала слышится: "Мало, скажите точнее". Надежда Константиновна соглашается: "Скажу еще". Ее через несколько минут снова прерывают: "Скажите о Бухарине, о выступлении Рыкова и Томского"; "Скажите точнее, яснее"; "Не ясно"; "Крайне недостаточно". И вновь она, пытаясь игнорировать шум в зале, не теряя самообладания, уверенно продолжает излагать свои мысли и даже пытается шутить: "Имейте некоторое терпение, чтобы выслушать также и о том фронте (культурном. – *Авт.*), который сейчас имеет важнейшее значение и игнорирование которого можно считать только правым уклоном"³⁴. И правомерно в этом месте она единственный раз (да и то *вскользь*) упоминает генсека: "Тов. Сталин говорил, что мы вошли в полосу культурной революции". Однако тут же приземляет "радостное открытие" Иосифа Виссарионовича: "Но как революция на фронте хозяйственном сама собой не делалась, так не делается сама собой и культурная революция"³⁵.

Ей вскоре снова не дадут спокойно говорить. Выслуживаясь перед сталинской элитой, некоторые делегаты и специально подобранные "гости" не унимаются: "Скажите насчет Томского и Рыкова"; "И Угланова"; "И о Баумановской конференции". Надежда Константиновна дает достойный ответ: "...партии важны не лица, а направления; лица

³³ XVI съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1931. С. 212.

³⁴ Там же. С. 213.

³⁵ Там же. С. 213–214.

интересуют ее лишь постольку, поскольку они защищают то или иное направление"³⁶.

Успокоило распаленную аудиторию, видимо, то, что Крупская в заключение выступления сказала о неудовлетворенности речами А. Рыкова и М. Томского ("надо было сказать о той работе, которую сейчас надо повести", "не надо было так обще и длинно говорить об ошибках", "надо идти в ногу, идти сплоченными рядами" и т.п.). Ей даже заплодировали. Ни единым словом не упомянула Н.К. Крупская о Н.И. Бухарине. И явно в отличие от подавляющего списка ораторов она дистанционировалась от всеобщего психоза – начавшейся кампании по превращению Сталина в единственный и непререкаемый авторитет во всех вопросах политики, экономики, науки и культуры.

Вспоминала ли Надежда Константиновна свой не такой уж давний спор с Бухариным, ее упреки в "недооценке" им классовой борьбы в деревне? Думала ли она, что произойдет такая чудовищная подмена понятий, что тезис "об обострении классовой борьбы" станет идеологическим обоснованием истребительной политики по отношению к крестьянству? При всей ее недавней приверженности догме "обострения классового противостояния в деревне" она вкладывала тем не менее в нее совсем иное содержание, далекое от проводимой принудительной коллективизации и жестокой ликвидации кулачества как класса. Крупская выступала защитницей бедноты от эксплуататорских посягательств кулачества, однако преодолеть классовое противостояние в деревне мечтала мирными средствами, путем налогового обложения сельских богачей и экономической помощи бедноте, организации ее в кооперативы, товарищества. Возлагала при этом большие надежды на развитие просвещения, сельскохозяйственную пропаганду.

Гигантские планы индустриализации и преобразования деревни требовали все новых и новых средств, все подчинялось этому курсу – прожорливому молоху: и наука, и культура, и образование. "Дело не в том, – разъясняла Крупская, – чтобы предоставить деревенской бедноте особые льготы и привилегии, права над доходами богачей и середняков – это уж изжито, – дело не в том, чтобы Соввласть благодетельствовала бедняков"³⁷. Дело в том, чтобы этот слой организовать и поднять. Нужна энергичная защита наемного труда, профессиональная организация тех крестьян, которые живут продажей своей рабочей силы, самая энергичная работа по просвещению, по поднятию культурного уровня, сознательности бедняцкой части деревни, по сплочению ее, по вовлечению в кооперацию, по поднятию ее хозяйства через

³⁶ Речь идет о выступлении Крупской на Бауманской партконференции г. Москвы накануне съезда, где она подвергла критике методы коллективизации, обвинила ЦК в незнании настроения крестьянства. "Незачем валить на местные органы те ошибки, которые были допущены самим ЦК", – заявила она. Прибывший на конференцию Л. Каганович устроил разнос оратору. Резко осудил речь Крупской и А. Бубнов.

³⁷ Этой фразой она теперь давала понять, что к бедноте следует подходить дифференцированно: в ее среде немало было и лодырей, пропойц, не желавших честно трудиться.

кооперирование, коллективизацию". (Это строки неопубликованной ее полемики с Бухариным).

В 1931 г. в письме А.С. Бубнову, который сменил в 1929 г. на посту наркома просвещения РСФСР А.В. Луначарского, Надежда Константиновна вновь возвращается к вопросу о судьбе детей – жертв раскулачивания. Их часто, отмечает она, выбрасывают из школы, лишают возможности продолжать образование. "И воображают, что это есть классовая борьба, когда это – нарушение программы партии" О невыносимом положении детей раскулаченных она не раз разговаривала с Ягодой, обращалась в Политбюро.

Перед нами письмо Крупской председателю Совнаркома СССР В.М. Молотову (этот пост Сталин ему пожаловал в 1930 г. после смещения А.И. Рыкова) от 12 декабря 1931 г. С тревогой сообщает она о том, что из деревни потоком идут жалобы по поводу методов колхозного строительства. Кустарные промыслы запрещаются, свертывается политпросветработа, особенно на Нижней Волге, в Ивановской области, Нижегородском крае. С болью отмечает Крупская закрытие изб-читален, библиотек. Разъяснительная работа, замечает она, "проводится лишь административным путем". И предупреждает: "Год-то у нас будет тяжеловатый". Ведь из-за грубой политики хлебозаготовок "общественное питание ребят в колхозах резко ухудшилось – стало хуже, чем в 1930 году"³⁸.

Ответа Молотова в бумагах Крупской не найдено, да и едва ли он поступил...

Жалобы от крестьян на произвол местных властей возрастали буквально с каждым днем, увеличивалось и число ходоков к Крупской с единственной просьбой – помочь, защитить от злоупотреблений, облегчить судьбу попавших в беду. То, что происходило при осуществлении так называемой сплошной коллективизации, не укладывалось ни в какие рамки. Это были форменный геноцид, истребление крестьянства, разорение деревни. И как следствие – страшный голод, охвативший многие области России, Украины, Белоруссии, других республик.

Всеми силами Надежда Константиновна пытается помочь колхозному крестьянству, рабочим, действуя в сфере наиболее ей близкой – культурно-просветительной. Она – непременный участник съездов, совещаний, семинаров. Ее заботит и ликбез, и клубное дело, и народное образование, и развитие библиотечного дела. Но при этом она не могла не чувствовать, как исподволь мешают ей в налаживании столь нужной народу работы, вносят нервозность; нетоварищескую обстановку, чиновничьи нравы. Когда 12 августа 1930 г. она открыла Всероссийский политехнический съезд, уже на следующий день в "Правде" появилась заметка "Политехнизм или оппортунизм?", а через день – новая: "Против узкого делячества" Некий Э. Вихман прокурорским тоном вещал: "Предсъездовской подготовкой и докладами съезду по политехнизации дано неверное направление. На съезде не

³⁸ РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 50. Л. 41–41 об.

чувствуется, что мы воспитываем людей (?!). Съезд прорабатывает *не все* (!) вопросы, по которым он должен дать ясные директивы работникам..." Такие булабочные исподтишка уколы, разумеется, не поднимали настроения, но напоминали зато, в чьих руках оказались судьбы миллионов.

Развернувшаяся в конце 20-х годов дискуссия об основных направлениях народного образования проходила в нервной обстановке: с наклеиванием ярлыков, выявлением "уклонов", ниспровержением талантливых теоретиков в педагогике и новаторов-практиков. О многом говорило хотя бы то, что председателем Государственного Ученого совета (ГУС) Наркомпроса РСФСР и членом Коллегии стал будущий инквизитор Вышинский. С его приходом сразу же последовало возрождение наихудших вариантов в школьном деле, отброшенных самой жизнью, активно утрачиваются демократические традиции, насаждаются канцелярские методы в обучении, закрываются опытные станции.

Когда Наркомпрос РСФСР возглавил А.С. Бубнов, к удивлению многих, начал пышным цветом распускаться догматизм, получают дальнейшее развитие формализм, страсть к бумаготворчеству. Надежде Константиновне работать стало еще труднее. Ее выступления как заместителя наркома бесцеремонно контролируются, тексты предстоящих речей требуют "наверх" для предварительного просмотра. Вспыхивает скандал из-за ее статьи "Счет подрастающих поколений", опубликованной в "Литературной газете" в мае 1933 г. В ответ на упреки, что она опубликовала ее без согласования Коллегии Наркомпроса РСФСР, Крупская вынуждена была доказывать, что это ее "личное дело"...

* * *

"Великий перелом", о котором широковещательно говорил Сталин, объявив таковым 1929 г. как "решающий год в коренной переделке деревни", стал прежде всего и главным образом годом утверждения в СССР единоличной его диктатуры. Затем пришел XVI партсъезд, после которого был положен конец всякому инакомыслию.

Напомним имена шестерых вождей, о которых говорил Ленин в своем "Политическом завещании": Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев, Бухарин и Пятаков. Спустя всего четыре года Троцкий окажется уже в ссылке, Зиновьев, Каменев и Пятаков будут исключены из партии; спустя еще два года Троцкого вышлют из страны, Бухарин лишится сколько-нибудь заметной власти. Таким образом, из старых партийных лидеров никто больше не мешал Кобе в утверждении им авторитарного режима.

И в 1929 г. началось его деспотическое правление...

"СМОТРЕТЬ ПРАВДЕ В ГЛАЗА..."

Чрезвычайно разнообразно по тематике, характеру и содержанию исследований историко-мемуарное наследие Н.К. Крупской. Надежда Константиновна относилась к истории как важнейшему фактору формирования сознания, средству познания закономерностей социального развития, осмысления опыта прошлого и извлечения уроков для настоящего и будущего. "История нам нужна, – как-то заметила она, – не как что-то самодовлеющее, а именно как средство для более глубокого понимания действительности"¹.

Общеизвестно, что писала Крупская очень много: письма, заметки, статьи. Публичные выступления предварительно готовились ею в виде развернутого плана, а затем тщательно редактировались и дополнялись автором. Весь этот материал аккуратно собирался, систематизировался, а часть его публиковалась. Начавшее выходить в свет с конца 50-х годов Собрание сочинений Н.К. Крупской составило ни мало ни много 10 томов. Однако огромная доля из написанного ею, особенно по политическим вопросам, осталась в архивохранилищах, не увидела света.

Отрешившись от чувства абсолютной апологетики всего, что касалось и касается установленных положений "классиков марксизма-ленинизма" (и их основных последователей), и стремясь удержаться на позициях исторической объективности, зададимся вопросом: все ли из написанного Надеждой Константиновной имеет непреходящую значимость, является серьезным вкладом в научно-теоретический фонд, в развитие общественной мысли? Не будем считать открытием, если скажем, что далеко не все. Есть оригинальные наблюдения и глубокие рассуждения по проблемам педагогики, культуры, женскому и молодежному движениям, библиотечному делу, по вопросам ликвидации безграмотности, воспитания подрастающего поколения². Но немало и политических однодневок, продиктованных "внутрипартийной конъюнктурой", потребностями быстротечной жизни. Эти работы прежде всего интересны и любопытны как приметы времени и оставляют в сознании историка некий агитационно-пропагандистский фон, дающий возможность явственнее представить сложные и едва ли повторимые реалии той эпохи.

В контексте темы книги, разумеется, нас привлекают больше всего произведения историко-мемуарного содержания, а также работы пар-

¹ Крупская Н.К. Пед. соч. М., 1959. Т. 10. С. 463–464.

² Н.К. Крупская по праву являлась многолетним председателем научно-педагогической секции Главного Ученого Совета (ГУС).

**На отдыхе в Крыму (слева направо):
М. Орахелашвили, Н. Крупская, Г. Петровский, Л. Покровская, М. Покровский,
В. Дридзо, М. Ульянова, С. Гусев (1931 г.)**

тийно-политического характера. В воспоминаниях Н.К. Крупская, пожалуй, больше всего оставалась сама собой, писала как думала и как хотела. О том, что ей было ближе всего. Писала о людях, с которыми ее свела судьба профессионального революционера, жены и близкого друга создателя и лидера партии российских социал-демократов (большевиков), о событиях на крутом повороте истории, свидетелем которых и активным действующим лицом она была.

В сущности нет ни одного сколько-нибудь значительного факта в истории революционного движения в России, к которому не была бы причастна Крупская: нелегальная деятельность в рабочих кружках, работа в "Искре", просветительский труд среди пролетариев в воскресных школах, созыв II съезда РСДРП, три российские революции XX в.; к этому необходимо добавить серию биографических зарисовок о видных революционерах, сподвижниках по освободительной борьбе, деятелях науки и культуры. Ей с конца XIX в. было присуще конкретное, живое изложение истории, умение из громадного числа событий и фактов отобрать наиболее значимые, характерные, дающие возможность для широких обобщений и выводов. Нельзя не признать, что многие ее работы по истории революционного движения, формирования и деятельности РСДРП были лишены конъюнктурных наслоений. Одна из главных причин – в своих исследованиях Надежда Константиновна стремилась прежде всего опираться на документальные источники, проверяя достоверность по собственному опыту, свидетельствам очевидцев.

Без преувеличения можно сказать, что Н.К. Крупская к литературной, научно-исследовательской работе относилась исключительно серьезно. И главное – привыкла все делать сама, с присущей ей добро-

совестностью и пунктуальностью, не допуская постороннего вторжения в свой текст. Она "всегда работала самозабвенно, увлеченно, – вспоминала ее секретарь В.С. Дридзо. – Во всем у нее был идеальный порядок. Надежда Константиновна вела, например, дневник. Но это был дневник не чувств и переживаний, а скупой, по-рабочему деловой. В нем было четыре графы, в которые Крупская регулярно записывала, сколько состоялось за неделю выступлений, сколько прошло заседаний, написано ею статей, а также в дневнике четко фиксировалась вся работа с письмами. Затем подводились итоги за месяц, за год. По словам Надежды Константиновны, такой учет помогал ей как следует координировать очень насыщенный рабочий день, обнаруживать то, что не сделано" Впрочем, о требовательности к себе, о стиле работы лучше всего свидетельствовала сама Крупская. Однажды, узнав из "Вечерней Москвы", что без ее ведома готовится Собрание сочинений для публикации, приуроченной к ее 60-летию, Надежда Константиновна немедленно пишет составителям: "Все это настолько противоречит всем принятым обычаям, настолько грубо нарушает элементарные человеческие права автора, что я просто растерялась, узнав об этом. Я считаю себя ответственной за каждую строчку слов, никто не исправлял никогда моих статей без моего ведома; я никому не перепоручала работу на подборку статей. От подбора, от примечаний зависит очень многое, а я не хочу отвечать за подбор, не зная, кто же в конце концов его делает".

Все больше замыкалась Надежда Константиновна на деятельности просветительской, педагогической. Ее труды принадлежат истории, и еще предстоит сказать свое слово исследователям. Современники ее вклад оценивали исключительно высоко в этой области. Особым авторитетом пользовались произведения Н.К. Крупской по проблемам народного образования. Характеризуя деятельность Крупской на посту руководителя Главполитпросвета и теоретика педагогики, нарком просвещения РСФСР А.В. Луначарский говорил: "Это были дни колоссального по своей широте творческого размаха, возможного только благодаря подготовленности и твердости педагогической мысли вдохновительницы Наркомпроса Н.К. Крупской..." Свои идеи без всякого преувеличения Крупская черпала в народной гуще. «Никто в Наркомпросе, – признавался нарком, – не имеет такой живой связи с массами, ни к кому так охотно не обращаются для личного свидания или с письмами" И эта прочная связь с народом обеспечивает то, что она видит дальше других работников комиссариата просвещения и "больше замечает в еще туманной дали". Революционер, человек долга и сознания она "умеет бороться"..."»

Учитывая научные заслуги Крупской, в феврале 1931 г. Общее собрание Академии наук СССР единодушно избирает ее своим Почетным членом. Заметим, что в соответствии с действовавшим тогда Уставом Академии наук ее Почетными членами могли быть избраны ученые, "обогадившие науку трудами мирового значения". Важно отметить и другую существенную деталь – инициатива выдвижения

Н.К. Крупской в Почетные члены АН СССР принадлежала самим ученым (без подсказки и императивных пожеланий "сверху") – видным деятелем науки: вице-президенту АН СССР академику В.Л. Комарову, Непременному секретарю Академии академику В.П. Волгину, академиком Н.Д. Зелинскому, А.В. Луначарскому, Н.И. Бухарину и А.Н. Самойловичу. Данное предложение ученых нашло одобрение со стороны общественности страны, но вызвало недовольство самого "хозяина Кремля" и его приспешников (Молотова и Кагановича)³.

В представлении по кандидатуре Н.К. Крупской академики охарактеризовали ее разностороннюю творческую деятельность, приложив перечень опубликованных научных работ – около 100 наименований по вопросам педагогики, общегражданской истории, строительства культуры. 31 января 1931 г. Общее собрание Академии наук СССР обсудило предложение группы ученых об избрании Н.К. Крупской Почетным членом. С большой теплотой говорил о Надежде Константиновне на сессии президент Академии академик А.П. Карпинский, подчеркнувший ведущую роль ее в научной разработке проблем в области образования и воспитания, а также по истории освободительного движения. Известный историк академик В.П. Волгин отметил высокий научный авторитет Надежды Константиновны в педагогическом мире, ее глубокую осведомленность о зарубежных достижениях в этой области, широкую популярность ее произведений среди научных работников, учительской массы, простых читателей⁴.

В заключение обсуждения академик А.В. Луначарский сказал: "Педагогические работы Н.К. Крупской переведены на все языки мира, и они пользуются в педагогических кругах очень большим авторитетом, даже в кругах, которые отнюдь не могут быть заподозрены в особой симпатии к нашей школе. Это, бесспорно, одно из наиболее громких педагогических имен в мировом масштабе"⁵.

Решением от 1 февраля 1931 г. Общее собрание Академии наук СССР высказалось за избрание Н.К. Крупской Почетным своим членом. По поручению собрания академик В.П. Волгин в письме Надежде Константиновне писал: "Академия наук СССР, желая выразить глубокое уважение к ученым заслугам Вашим, избрала Вас на Общем собрании АН 1-го сего февраля в свои Почетные члены". В письме также отмечалось, что имя Н.К. Крупской "давно пользуется всеобщим уважением в академических кругах"⁶.

Уже в качестве Почетного члена АН СССР Крупская приняла участие в работе I Всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательских работ в апреле 1931 г. В речи на конференции она остановилась на необходимости единения теории и практики, четкости

³ В отличие от описываемого события позднее, в декабре 1939 г., почетный научный титул был преподнесен "великому вождю и учителю" с *высочайшего согласия самого юбиляра* – к 60-летию Сталина, по инициативе его верноподданных.

⁴ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1931. Д. 25. Л. 212–213.

⁵ Там же. Л. 213–214.

⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1–1931. Д. 257. Л. 5.

планирования и координации исследований "на основе принципов творческого коллективизма, которые надо противопоставить догматизму и начетничеству"⁷. Вообще к своим обязанностям Почетного члена АН СССР Крупская всегда относилась подчеркнуто неформально. Она приняла деятельное участие в состоявшейся в том же году (июнь 1931 г.) Чрезвычайной сессии Академии наук в Москве (Президиум АН СССР находился в то время в Ленинграде). Сессия была посвящена теме «Что может дать наука для осуществления лозунга "Догнать и перегнать..."». В том же месяце состоялось по инициативе Надежды Константиновны объединенное заседание Коллегии Наркомпроса РСФСР и Президиума АН СССР, на котором были выработаны конкретные мероприятия по укреплению творческого сотрудничества учреждений Академии наук и наркомата⁸.

Невозможно перечислить все мероприятия, проводившиеся в 30-е годы по линии Академии наук СССР по пропаганде научных знаний, организации работы, связанной с популяризацией передовых достижений техники, в которых Н.К. Крупская принимала самое энергичное участие. С призывом активно продвигать научные знания в глубины народа она выступила в начале 1936 г., направив письма в союзные республики и персонально виднейшим деятелям отечественной науки – академикам И.П. Павлову, А.Н. Баху, Б.М. Завадовскому, В.Л. Комарову, Э.В. Брицке, А.Д. Архангельскому и др. В конце 80-х годов в архиве было обнаружено об этом письмо, которое 8 января 1936 г. Крупская послала в УССР П.П. Постышеву⁹.

Откликаясь на предложение Надежды Константиновны, академик И.П. Павлов заявил о готовности лично помочь в подготовке популярной литературы и консультациях¹⁰. "Я необычайно захвачен Вашим письмом, – писал Крупской академик А.Е. Ферсман, – так как сам очень высоко ставлю популяризацию нашей науки"¹¹. По докладной Надежды Константиновны Президиум АН СССР в марте 1936 г. учреждает Отдел научной пропаганды. Спустя некоторое время Крупской, учитывая ее научные заслуги, присваивается ученая степень доктора педагогических наук.

К Крупской периодически обращаются за консультациями ученые-обществоведы. При непосредственном ее участии в 1935 г. выходит в свет подготовленный в Академии наук СССР сборник статей "Памяти Ленина".

В сгущающихся сумерках политической и интеллектуальной жизни Академия наук оставалась одним из немногих островков, где, несмотря на все трудности, господствовал здоровый дух творческой соревновательности и поиска, теплилась, пробивая себе дорогу, передовая

⁷ I Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы, 6–11 апреля 1931 г.: Стеногр. отчет. М.; Л., 1931. С. 318.

⁸ Известия. 1931. 30 июня.

⁹ РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 780. Л. 122.

¹⁰ Павлов И.П. Полн. собр. соч. М.; Л., 1951. Т. 1. С. 21.

¹¹ Вести. Академии наук СССР. 1936. № 2. С. 94.

**Почетный академик Н.К. Крупская и академик А.Н. Бах
(1931 г.)**

научная мысль. В стенах Академии трудились всемирно известные ученые, сломить которых в целом тоталитарной системе до конца так и не удалось.

Для Надежды Константиновны Крупской ее творческая деятельность в ранге Почетного члена АН СССР была продолжением гуманной, воспитательной миссии. Она искренне верила в возможность формирования личности нового грядущего общества. Свободной, высокообразованной, творчески думающей...

* * *

Особое место в творчестве Надежды Константиновны Крупской занимали ее произведения, связанные с В.И. Лениным, с пропагандой ленинского теоретического наследия, с созданием его жизнеописания. По сути она выступила первым его биографом. Еще 26 мая 1917 г. в "Солдатской правде" публикуется ее очерк "Страничка по истории Российской социал-демократической рабочей партии", в которой немалое место уделено деятельности Владимира Ильича как революционера.

В общей сложности Н.К. Крупской написано свыше 100 работ, посвященных жизненному пути В.И. Ленина, среди которых главными остаются "Воспоминания о Ленине". Первое упоминание о подготовке этой книги относится к весне 1921 г. и связано с функционированием так называемого Истпарта, развернувшего широкую кампанию по соби-

ранию воспоминаний и других материалов по истории Октябрьской революции. Рассматривая деятельность Истпарта и работу по созданию истории переворота и хроники революционно-исторических событий, Секретариат ЦК РКП(б) поручил Н.К. Крупской приступить к написанию воспоминаний о Ленине, "освободив ее для этого в соответствующей степени от других занятий"¹². (Последнее, как обычно, не было выполнено – государственно-общественная нагрузка Крупской всегда оставалась чрезмерной.)

В то время это поручение выполнить Надежде Константиновне не удалось: много времени отнимала работа в Главполитпросвете, а тут еще и здоровье В.И. Ленина стало давать заметные сбои... Вплотную к воспоминаниям она приступает сразу же после кончины Ильича, когда особенно острым и свежим было чувство утраты, невыносимо горьким обрушившееся несчастье. Не только личные переживания заставили ее взяться за перо – человек долга, она считала, что выполняет этим гражданский долг в развернувшемся всенародном движении по увековечиванию памяти основателя Советского государства, участвует в реализации задачи в этом деле, выдвинутой II Всероссийским съездом Советов и XIII съездом РКП(б).

Процесс создания "Воспоминаний о Ленине" был длителен и сложен. Надежда Константиновна отдала работе над ними без малого 15 лет жизни, совмещая этот труд с напряженной государственной деятельностью, а также, как правило, посвящая ему выходные дни, время отпусков и вечерние часы после служебного времени.

Знакомясь с подготовительными материалами – черновыми набросками, заметками, проектами планов к воспоминаниям, поражаешься объему предварительной работы, количеству систематизированной, переработанной информации. Не надеясь только на свою память, она изучает протоколы партийных съездов, конференций, совещаний, делает многочисленные выписки из документов, составляет хронологические таблицы, собирает воспоминания сподвижников по борьбе, свидетельства очевидцев.

Перед нами каталог библиотеки Крупской. Видно, что она бережно хранила все, что писалось о В.И. Ленине, а ведь после его смерти и на протяжении 20-х годов публикации об усопшем вожде шли буквально потоком. К тому же она хранила и огромную килу документов в личном архиве, который собирала много лет. При малейших сомнениях в достоверности того или иного факта и даже небольшой детали Крупская обращалась с письмами к тем, кого судьба в минувшие дни связывала с Владимиром Ильичем, а затем тщательно сверяла, сопоставляла, анализировала. Скрупулезность и педантичность ее работы заставляют вспомнить о стиле ее деятельности в качестве секретаря "Искры", партийной организации в годы эмиграции, когда Крупская осуществляла переписку с местными ячейками, революционными группами, последовательно расширяя связи заграничного центра с российс-

¹² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 1. Прот. № 14 заседания Секретариата 11 апреля 1921 г.

К. Цеткин и Н.К. Крупская (1932 г.)

кими социал-демократами. Обращение автора "Воспоминаний о Ленине" к старым партийцам встретило их полное понимание. Среди ее корреспондентов были Кржижановский, Радченко, Лепешинские, Раскольников, Менжинские, Энгберг, Цеткин, Мещеряков, Эссен, Рахья, Паялин и многие другие. Всего за 1924–1938 гг. Надежда Константиновна собрала воспоминания более 110 авторов, которые помогли реконструировать события, уточнить не вполне ясные детали, донести до современников живые черты эпохи. "Живой совестью Ленина" называла ее Клара Цеткин.

В предисловии к "Воспоминаниям" Крупская писала, что они имеют целью "дать картину той обстановки, в которой приходилось жить и работать Владимиру Ильичу". Эту задачу в целом Надежда Константиновна выполнила: Ленин показан в гуще политической борьбы, в окружении сподвижников и идейных противников, друзей и недругов. Перед читателем предстает личность незаурядная, фанатически преданная марксистской теории и последовательно проводящая политику создания социал-демократической партии на базе этого учения – централизованной, строго дисциплинированной, тесно связанной с массами, владеющей методами конспирации.

Биография Ленина написана на широком фоне исторических событий в России и за границей. Много новых фактов из воспоминаний Крупской в дальнейшем часто использовались в исторических публикациях ученых. Живя вместе с Лениным более четверти века, Надежда Константиновна, как никто, знала его характер, привычки, стиль работы, особенности, обычно не заметные для окружающих. Думается, ей удалось преодолеть опасность увлечься обыденными мелочами, бытовым фо-

ном, личными, субъективными оценками. И хотя в воспоминаниях много интересных житейских деталей, чувство меры, нам представляется, соблюдено. Владимир Ильич предстает человеком сильной воли и мысли, тактичным и требовательным, суровым и непримиримым, огромных, поистине энциклопедических знаний, беспредельно любящим людей труда. Судьба мемуаров сложилась весьма драматично и в полной мере отражает все противоречия и сложности 20–30-х годов, этапы формирования сталинской диктатуры, деформации общественного сознания.

Первые главы книги, посвященные периоду с 1893 по 1907 г., автор завершает в конце 1924 г. Открытая товарищеской критике, требовательная к себе, Надежда Константиновна обращается к товарищам по партии, в том числе Зиновьеву и Сталину, за советом, просит прочесть написанное, высказать суждения. Зиновьев вернул ей рукопись с подробными замечаниями, уточнениями, пожеланиями. Чувствовалось, что он с удовольствием окунулся в атмосферу прошлого, революционной молодости, жизни, полной опасностей, интересных встреч, бурных дискуссий и лишений. Посылку рукописи воспоминаний Сталину Крупская предварила такой запиской:

"Тов. Сталин. Посылаю начало своих воспоминаний. Мне трудно решить самой, годятся ли они на что-нибудь, можно ли их печатать. Конечно, близкие люди прочтут с интересом, но это другое дело. Это я написала с маху и, признаться, не могла перечесть... Напишите, пожалуйста, что думаете... Простите, что обращаюсь к Вам с этой личной просьбой, но что-то не могу сама решить. Но писать воспоминания я могу только так"

Сталин вернул прочитанное с короткой припиской: "Надежда Константиновна! Прочитал Ваши воспоминания залпом и с удовольствием. Нужно обязательно напечатать, по возможности без изменений"

Первые разделы воспоминаний вышли в свет отдельной книжкой в 1925 г. Газета "Правда" откликнулась на публикацию рецензий, в которой отмечалась значимость мемуаров "подруги и соратницы Ильича", которые по праву можно назвать "незаменимым источником"¹³. В последующие годы воспоминания публиковались частями и были доведены до Брестского мира, а последняя, третья часть увидела свет в 1934 г.

В процессе работы Н.К. Крупской над книгой политическая ситуация в стране существенно менялась. Как уже отмечалось, в конце 20-х годов победа Сталина над своими соперниками стала жестокой реальностью, и в СССР воцарилась единоличная диктатура. Спустя некоторое время процесс узурпации власти можно считать законченным: все средства идеологического воздействия и карательные структуры были направлены на упрочение его власти. Мощный аппарат агитации и пропаганды с каждым годом набирал обороты для "объяснения" законо-

¹³ Правда. 1925, 13 сент.

мерности и исторической предопределенности утверждения нового "вождя и учителя трудящихся". В угоду этому грубо фальсифицировалась история новейшего времени и прежде всего события революционной поры. Избиению были подвергнуты кадры обществоведов, а на общественные науки была наброшена сталинская смиренная рубашка – отныне все должно было втискиваться в прокрустово ложе одобренных свыше схем и определенных догматов, долженствующих показывать Иосифа Виссарионовича как "вождя мирового пролетариата", "великого продолжателя ленинского дела", "мудрого зодчего коммунизма".

В данном контексте крайне лицемерной выглядела фраза Сталина в упомянутом выше письме к Крупской, что он прочитал воспоминания "залпом и с удовольствием": как раз мемуары Крупской не давали никакого повода к лживому утверждению о "двух вождях в Октябрьской революции". Бесцеремонное вмешательство сталинских идеологов и лично "хозяина Кремля" в дела общественнознания было вполне естественным: они прекрасно сознавали роль социальных наук в оболванивании масс, в манипулировании общественным сознанием. Как секретари ЦК Сталин, Каганович, Жданов, а также ряд других партократов рангом ниже непосредственно занимались вопросами историко-партийной науки, и ни один документ Маркса, Энгельса, Ленина, ни одно издание Института Маркса–Энгельса–Ленина не выходило без визы генсека или без его одобрения. Особую ретивость в насаждении культа личности в сфере общественнознания проявляли Мехлис, Стецкий, Товстуха, Юдин, Митин, Вышинский, Трайнин, Константинов и другие придворные идеологи. Низкопоклонством стали заниматься и некоторые переродившиеся старые большевики.

Нельзя не обратить внимания на одно примечательное обстоятельство – цензорское давление, особенно после пресловутого письма Сталина в редакцию журнала "Пролетарская революция" в октябре 1931 г. "О некоторых вопросах истории большевизма", проявлялось буквально повсеместно. И десять лет, прошедшие с момента написания Надеждой Константиновной первых глав воспоминаний о Ленине до опубликования последних, заметно все же отразились на тексте, хотя в целом нельзя не согласиться с мнением Л.Д. Троцкого¹⁴, который в своем (незаконченном) двухтомнике "Сталин" заметил: "Такое же давление неоднократно производилось и продолжает производиться на Крупскую. Она далеко пошла по пути уступок. Но Крупская оказалась все же несколько стойче, да и память Ленина не так легко обокрасть"¹⁵.

В результате перед нами произведение Надежды Константиновны, объединенное единством замысла и главным героем, но как бы состоящее из двух неравнозначных кусков. То, что написано в "золотые 20-е годы", резко отличается от последних глав и по стилистике, и по

¹⁴ В 1930 г. в книге "Моя жизнь" Л. Троцкий приводит произнесенные в 1927 г. слова Н. Крупской о том, что генсек репрессировал бы и самого Ильича (Указ. соч. Ч. II. Берлин, 1930. С. 219). Об этом высказывании Коба был тотчас же проинформирован.

¹⁵ Троцкий Л. Сталин: В 2-х т. М., 1990. Т. 2. С. 154.

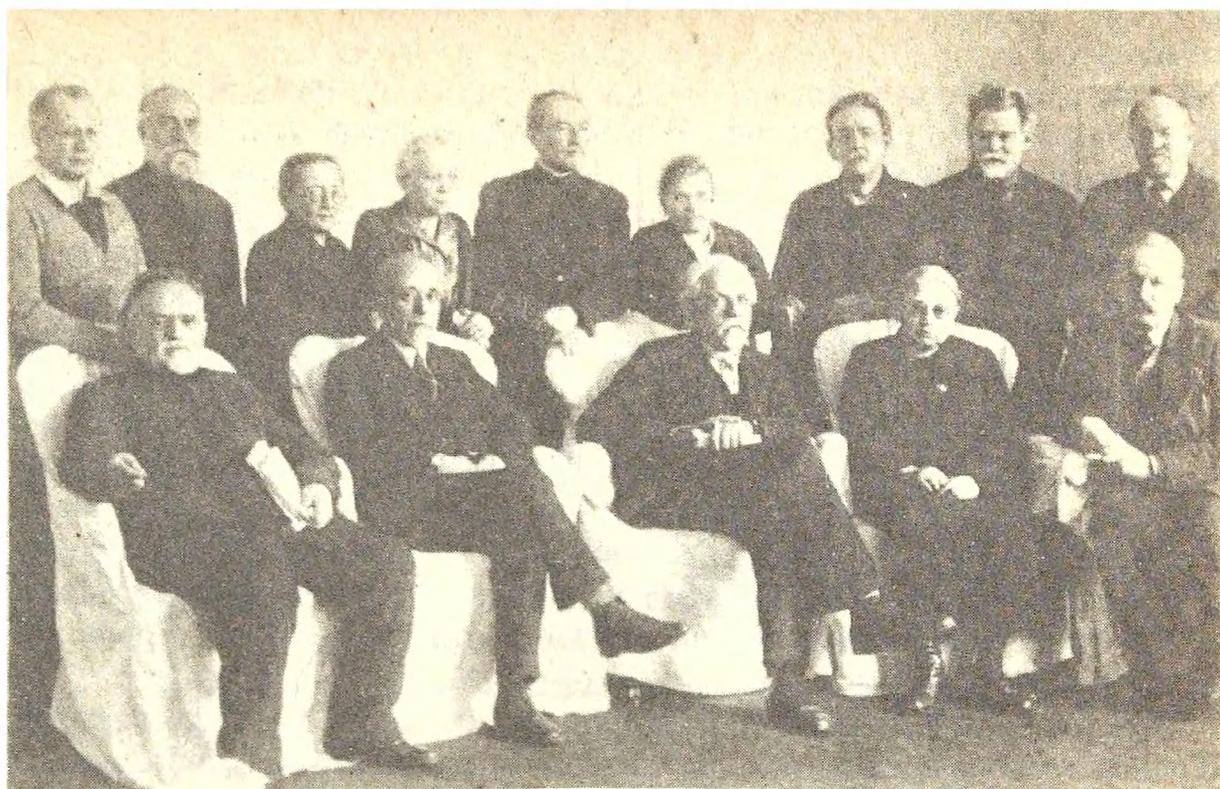
форме подачи материала, и по отбору действующих лиц и сюжетов. Легко и с явным удовольствием пишет она о революционной молодости, о первой и второй эмиграциях, о возвращении в Россию. Однако доведенная до 1919 г. третья часть воспоминаний несколько суше, официальнее, авторский текст перемежается обильными цитатами из работ Ленина, партийных документов. (Словно автор защищается ими от цензорского ока.) Время диктовало теперь свои законы...

Рассказы о первой и второй эмиграциях насыщены фактами, событиями, людьми. Мюнхен, Лондон, Женева, Париж, Краков, Цюрих – сюда стекались русские эмигранты-революционеры. Среди, по сегодняшней терминологии, диссидентов были (кроме Ленина) Плеханов, Мартов, Дан, Аксельрод, Троцкий, Бухарин, Эссен, Каменев, Засулич, Коллонтай и многие другие социал-демократы. Личности яркие, талантливые, одержимые идеей революционного преобразования России, воцарения там выстраданного веками общества равенства, свободы и всеобщего братства. Политическая борьба за создание партии социалистической революционной ориентации, организатора рабочего класса стала их основной профессией.

Теоретические дискуссии, страстные споры, ожесточенные столкновения сопровождали процесс объединения марксистов, создания РСДРП. Страницы воспоминаний Крупской доносят динамику и остроту идейных схваток, политической полемики российских социал-демократов. Тепло и явно с симпатией вспоминает она не только ортодоксальных марксистов, но и противников ленинцев (их идейных оппонентов), среди которых выделялся Л. Мартов. Революционные судьбы Мартова и Ленина во многом были удивительно схожими, но они являли собой совершенно разные типы политических лидеров. Мартова отличали искрометность интеллекта, живость ума, мягкость характера, но ему недоставало, по мнению Крупской, политической устремленности, энергии и воли, столь присущих Ленину. Надежда Константиновна много пишет об отношениях этих двух вечных оппонентов – большевика Ленина и меньшевика Мартова. Будет справедливым подчеркнуть, что Владимир Ильич с неизменным вниманием и даже нежностью относился к Юлию Осиповичу. (Кстати, этот факт тщательно скрывался и замалчивался в сталинский период). Об этом можно прочесть немало строк в мемуарах Крупской. Ленину часто, отмечала она, не хватало Мартова, особенно когда их споры достигали самого высокого накала. Однако, повторяем, серьезные разногласия не стерли дружеских чувств. В мемуарах приводится широко известная горькая реплика больного Ленина, узнавшего, что Юлий Осипович поражен смертельным недугом: "Вот и Мартов тоже, говорят, умирает..."¹⁶

Мелькает на страницах воспоминаний и Троцкий. Вопреки официальным установкам и толкованиям в печати с приходом на партийный трон

¹⁶ Мартов Л. (Цедербаум Ю.О.) скончался в эмиграции в 1923 г. Эту весть, как вспоминала Крупская, от Ленина скрывали – боялись, что с Ильичем может случиться удар.

С соратниками по революционной борьбе (1934 г.)

Иосифа Сталина Крупская пишет о Л.Д. Троцком спокойно, не скрывая уважения и подчеркивая добрые отношения между Лениным и этим популярным деятелем революции. (Это тоже стало крамолой.)

Память Крупской хранила массу бытовых деталей, подробностей эмигрантской жизни, перепитий партийных дебатов и непримиримых разногласий. Не без удовольствия она вспоминает конспиративную атрибутику тех предреволюционных лет – явочные квартиры, тайнопись, подпольные клочки: Барон (Эссен), Серго (Орджоникидзе), Юзеф (Дзержинский), Марат (Шанцер), Дяденька (Книпович), Иннокентий (Дубровинский), Онегина (Крупская) и др.

Это были люди особого склада, манера поведения, внутреннее состояние, настроение и мировоззрение которых формировались под влиянием непростых условий жизни за границей, а также нелегальных посещений многострадального Отечества с миллионами обездоленных и униженных его жителей. Многие из эмигрантов пытались как-то ассимилироваться за пределами России – изучали язык, культуру приютивших их стран, включались в общественно-политическую жизнь, часто примыкая к международному социал-демократическому движению (участвовали во всемирных конгрессах и совещаниях, выступали на страницах международной печати и пр.). И по возвращении на Родину после революции их всех объединило и нечто общее – широта кругозора, хорошее владение иностранными языками, соответствующий уровень культуры, достигнутый преимущественно в годы эмиграции, международные революционные связи. Европейская, хотя часто обретенная путем самообразования, образованность. Эта незримая

грань, отличавшая эмигрантов от всех остальных, сохранилась фактически навсегда.

А что же Сталин? Как раз его-то в мемуарах совсем мало. Нет и среди ближайшего окружения В.И. Ленина – среди тех, кто стоял у истоков создания партии большевиков, кто делил с Владимиром Ульяновым трудный хлеб эмигрантской судьбы, с кем он спорил и сообщался над каждой строкой партийных резолюций и программ, отстаивая свое видение путей революционного преобразования Российской империи¹⁷.

Впервые на страницах мемуаров Крупской Иосиф Джугашвили появляется лишь во второй части, когда речь зашла о так называемом Краковском совещании большевиков в 1913 г. Надежда Константиновна отмечает, что Сталин приехал в Краков из Вены, где провел два месяца, изучая проблемы национальных отношений, в чем ему активно помогал Николай Бухарин, не только хорошо разбиравшийся в данной проблематике, но и превосходно в отличие от Кобы знавший ряд европейских языков.

Хотелось бы добавить, что именно в тот период между газетой "Правда", которую тогда захватил в свои руки Сталин, и Лениным возникли серьезные трения. На ряд вопросов Ленина из редакции "Правды" было получено, как выразился Владимир Ильич, "глупое и нахальное письмо"¹⁸. Вызвав Сталина в Краков, Ленин, по-видимому, намеревался в его отсутствие безболезненно уладить возникшие недоразумения. В скупом рассказе о пребывании Кобы в Кракове Крупская как бы вскользь замечает: «Ильич нервничал тогда по поводу "Правды", нервничал и Сталин». Лев Троцкий впоследствии в книге "Сталин" резонно писал: «Эти многозначительные, при всей своей преднамеренной туманности, строки остались, очевидно, от более откровенного текста, устраненного по требованию цензуры (сталинской. – *Авт.*). В связи с уже известными нам обстоятельствами вряд ли можно сомневаться, что Ленин и Сталин "нервничали" по-разному, пытаясь каждый отстоять свою политику. Однако борьба была слишком неравной: Сталину пришлось отступить»¹⁹.

На совещании (с 28 декабря 1912 по 1 января 1913 г.) в Поронине (Польша) Сталин отмалчивался, хотя, как замечала в одном из писем в Россию Н.К. Крупская, "доклады с мест на совещании были очень интересны. Все говорили, что масса теперь подросла..." По данным Департамента полиции, на совещании присутствовали Ленин, Зиновьев, Крупская, Малиновский, Петровский, Бадаев, Лобова, Медведев, Троя-

¹⁷ Впервые Н. Крупская могла непосредственно услышать о Кобе в 1904 г., когда Ленин и она получили два письма от И. Джугашвили (их переслал из Лейпцига М. Давиташвили). Письма опубликованы в Сочинениях И. Сталина (Т. 1. С. 55–57). Их подлинность, по замечанию Р. Такера, "подтверждают стиль и грубая простота языка, которым пользовался Коба" (Такер Р. Сталин: Путь к власти, 1879–1929. М., 1991. С. 112).

¹⁸ Автором его, видимо, был В. Молотов (см.: Троцкий Л. Сталин. Т. 1. С. 206). Однако некоторые считают, что его перед отъездом написал Коба.

¹⁹ Троцкий Л. Указ. соч. Т. 1. С. 208.

новский, жена Трояновского и Коба. В этом порядке имен, как заметил Троцкий, Сталин оказался на последнем месте²⁰. Зато в дальнейшем при упоминании Поронинского совещания и в историко-партийных документах, и в исторической литературе в списках промах Департамента исправили – Коба следует за Лениным. "Приехали наши депутаты, – пишет Крупская, – приехал Сталин. Ильич знал Сталина по Таммерфорсской конференции, по Стокгольмскому и Лондонскому съездам. На этот раз Ильич много разговаривал со Сталиным по национальному вопросу, рад был, что встретил человека, интересующегося всерьез этим вопросом, разбирающегося в нем".

Нетрудно уловить тон этих мемуарных записок – спокойный, сдержанный, без обычного захлебывающегося восторга, который стал господствовать в основном с декабря 1929 г., когда партийная номенклатура пышно отметила 50-летие "верного ученика и соратника Ленина" (слова самого генсека). Интересная деталь – именно в этом месте Крупская вспоминает об отношении Ильича... "к малоопытным авторам": "Смотрел на суть, на основное, обдумывал, как помочь, исправить. Но делал это он как-то очень бережно, так что и не заметит другой автор, что его поправляют". Читатель невольно отнесет к этим "малоопытным авторам" Кобу, хотя Надежда Константиновна прямо его не называла. Включение в этот раздел "Воспоминаний" работы молодого грузинского большевика над национальным вопросом и характеристика Ленина как наставника малообразованных, взявшихся за перо социал-демократов не оставляли сомнений, о ком идет речь. Впрочем, старые кадры революционеров хорошо знали, что Ленин просил Бухарина и Трояновского помочь "чудесному грузину" и с переводами (прежде всего с немецкого), и с литературой, и с необходимыми документами. "Прилежный ученик" без особого стеснения вставил немало ленинских фраз, мыслей в рукопись готовившейся им статьи. Однако, по выражению Троцкого, ленинские поправки к его тексту часто выглядели "как яркие заплатки на ветхом рубище" – слишком ограничен и упрям был молодой автор, чтобы "усваивать литературные приемы учителя"

И тем не менее написанное Сталиным в Польше и Австрии осталось одним из лучших его материалов. Стремясь подбодрить автора, Ленин со своей стороны внушал ему, что готовившаяся статья – плод самостоятельных раздумий кавказского революционера. В феврале 1913 г. он пишет Максиму Горькому, крайне обеспокоенному ростом шовинистического одичания: «Насчет национализма вполне с Вами согласен, что надо этим заняться посерьезнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для "Просвещения" большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы»²¹. И это высказывание Ленина Крупская привела в

²⁰ Там же. С. 209.

²¹ Ленин В.И. Полн собр. соч. Т. 48. С. 162. "Просвещение" – партийный теоретический журнал того периода. Между прочим, профессор Р. Такер особо обратил внимание на факт компиляции Сталиным (содержание и форма дефиниций) признаков нации у Каутского (Такер Р. Указ. соч. С. 147–148).

воспоминаниях как факт близости лидера партии с его "ближайшим соратником" уже в те годы! Однако это была скорее вежливая дань атрибутике, пышным цветом распускаясь с конца 20-х годов в стране. Ссылка Надежды Константиновны на письмо Ленина Горькому слабо играла на легенду о "двух вождях в революции" – ведь спустя лишь два года (!) в письме Г. Зиновьеву Ленин спрашивал: "Не помните ли фамилии *К о б ы*?" – а намного позднее, в том же году, пишет В. Карпинскому: «Большая просьба: узнайте (от Степко или Михи и т.п.) фамилию "*К о б ы*" (Иосиф Дж. ?? мы забыли)»²². Фамилию "ближайшего соратника"?! Стоит заметить, что эти оба запроса Ленина в "великую сталинскую эпоху" было весьма опасно цитировать...²³

Ясно тут одно – в мемуарах отсутствовало славословие в честь "гениального продолжателя ленинского дела" Что стояло за сдержанностью автора "Воспоминаний"? Только ли нехватка материала и слепое следование истине? Думается, имели место и субъективные причины – Крупской трудно было забыть грубость и хамство Сталина в наиболее тяжелый момент ее жизни, суровую оценку этой личности Лениным в "Завещании" Как бы то ни было, но сдержанность в изображении того, кто становился "величайшим вождем всех народов", дорого обошлась мемуаристке.

Реакция общественности на "Воспоминания" Крупской весьма симптоматична и как в зеркале отражает пути формирования официальной концепции социальных наук. Разрабатывалась и обростала деталями и историческими аналогиями версия о мессианской роли ВКП(б) как единственной выразительницы воли рабочих и крестьян, единой и негибаемой, беспощадной к идейным врагам и бесхребетному оппортунизму. Последовательное оформление этой идеи требовало очищение большевистской партии и ее вождей от сомнений и колебаний, создания незыблемого каркаса идеологических догм и поведенческих стереотипов. Всеми средствами идеологического воздействия пестовалась сталинская доктрина, и не последнюю роль в этом играли философская и историческая науки, ставшие служанками и одновременно жертвами тоталитаризма. Властно утверждалась монополия партократии и ее вожака на истину. Живая ткань истории, как и философии, обесцвечивалась; сужалась многомерность исторического пространства, прошлое обезличивалось и обеднялось. Под мощным прессом разветвленной пропаганды и цензуры разрастался миф о Сталине – "руководителе Октябрьского восстания", "вдохновителе и организаторе всех побед и свершений трудящихся", "верном друге и единственно достойном преемнике Ленина".

Этому губительному по сути процессу способствовала укоренявшаяся вера в незыблемость и правоту партийной политики, обеспечившей "крушение старого мира"; жесткое наступление сталинщины на

²² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 101, 161.

²³ Первое письмо впервые опубликовано Р. Такером в 1973 г.

инакомыслие, а в дальнейшем – удушение всякой оппозиции создавали благоприятную почву для единоличной диктатуры. Нельзя, разумеется, упрощать обстановку тех драматических лет. Ведь постепенно под воздействием различных факторов (необходимость строгой партийной дисциплины и сплоченности "перед лицом империалистической агрессии", давление целенаправленных, в одном ключе, материалов печати, радио, искусное нагнетание классового противостояния, использование откровенного обмана со стороны номенклатуры и пр.) под сталинский гипноз стали попадать и весьма искушенные в политической борьбе деятели. Часть из них так и не смогли разобраться в хитросплетениях генсека, а другие попали под молох перерождения, стали вносить свою посильную лепту в формирование сталинской идеологии, в схематизацию и фальсификацию общественознания. Это явственно видно на примере обсуждения и рецензирования "Воспоминаний о Ленине" (первой части), в котором приняли участие и старые большевики.

С критическими замечаниями, изложенными в письме, написанном в Институт В.И. Ленина 12 февраля 1931 г., выступил М.С. Ольминский²⁴. "Крупской публика должна верить, – писал он. – А между тем у нее много ошибок и искажений. Память у нее плохая". Рецензент потребовал "коренной переделки" всей книги, ибо "рассуждения Крупской неудовлетворительны, неверны"²⁵.

Следует заметить, что весьма категорическое заключение Ольминского не подкреплялось сколь-нибудь серьезными замечаниями – они носили в основном характер уточнений, отмечали хронологические погрешности (наряду с некоторыми концептуальными пожеланиями). Достаточно даже вкратце остановиться на них, чтобы убедиться, что упреки и выводы Ольминского были явно преувеличенными. Они касались выяснения, скажем, таких частных вопросов: был ли Лещенко секретарем "Новой жизни" и "Волны", когда Ленин закончил формирование аграрной программы, как он формулировал свое отношение к сознательности и стихийности в рабочем движении (хотя это было предельно ясно при знакомстве с трудом "Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения", который вышел еще в 1902 г.) и пр. Ольминский полагал, что Крупская... "реабилитирует Гапона" (!), посчитав, что она неправильно изобразила встречу Ленина с попом. Этот эпизод из будущей революции 1905–1907 гг. уже не вписывался в начавшуюся канонизацию В.И. Ленина, а идеологическая стерилизация требовала освобождения его от неугодных знакомств и порочащих связей. К числу таких неугодных персон относился и поп Гапон: знакомство с попом-провокатором, да еще членом "мелкобуржуазной партии" эсеров компрометировало-де вождя. Рецензент был крайне недоволен, в частности, тем, что Надежда Константиновна не упомянула о провокации служителя церкви. "Крупская компрометирует Ленина, – писал

²⁴ Первоначально М. Ольминский опубликовал критические свои заметки "По поводу воспоминаний о Ленине Н.К. Крупской и А.В. Луначарского" в 1930 г. в журнале "Пролетарская революция" (№ 2/3. С. 194–196).

²⁵ РЦХИДНИ. Ф. 91. Оп. 1. Д. 281. Л. 7–8.

М.С. Ольминский В.В. Адоратскому, – уверяя, будто он мог поддаться влиянию Гапона»²⁶.

25 сентября 1931 г. Ольминский сочиняет и Открытое письмо Н.К. Крупской, разослав его Сталину, некоторым членам Политбюро и редакциям ряда журналов. «...Ваши воспоминания показывают, – утверждал Михаил Степанович, – что Вы и теперь находитесь под влиянием светлой памяти о "хитром попе", агенте полиции, кулацком сыне»²⁷.

Н.К. Крупская, проявив хладнокровие, твердость и настойчивость, не поддавалась явно инспирированным наскокам почтенного рецензента.

Итак, что же она писала? Перед нами отрывок из текста "Воспоминаний", где говорится о встрече Ленина с Гапоном: «Через некоторое время после приезда Гапона в Женеву к нам пришла под вечер какая-то эсеровская дама и передала Владимиру Ильичу, что его хочет видеть Гапон. Условились о месте свидания на нейтральной почве, в кафе. Наступил вечер. Ильич не зажигал у себя в комнате огня и шагал из угла в угол. Гапон был живым куском нараставшей в России революции, человеком, тесно связанным с рабочими массами, беззаветно верившими ему, и Ильич волновался перед этой встречей...

Владимир Ильич, придя со свидания с Гапоном, рассказывал о своих впечатлениях. Тогда Гапон был еще обвеян дыханием революции. Говоря о питерских рабочих, он весь загорался, он кипел негодованием, возмущением против царя и его приспешников. В этом возмущении было немало наивного, но тем непосредственнее оно было. Это возмущение было созвучно с возмущением рабочих масс. "Только учиться ему надо, – говорил Владимир Ильич. – Я ему сказал: "Вы, батенька, лести не слушайте, учитесь, а то вон где очутитесь, – показал ему под стол"»²⁸.

С благодарностью приняв многие уточнения и замечания частного характера, Надежда Константиновна в своем ответе М.С. Ольминскому (сентябрь 1931 г.) писала: "Дорогой Михаил Степанович!.. Память у меня не такая уж безнадежно плохая, как Вы изображаете". Написанные воспоминания – "это не история партии, резолюции не обязательно освещать и естественно, что многое не написано". Не усмотрев ничего компрометировавшего Ленина во встрече с Гапоном, Крупская оставила этот текст без изменения: "Ведь Гапон был из крестьян и умел их обвораживать"²⁹. А сила Ленина "была именно в том, что он умел слышать голос жизни в ничего не значащих словах людей с мест, умел, как бы это выразиться, прикладывать ухо к земле"³⁰. В итоге автор мемуаров заключала, что она "не может согласиться с общей оценкой воспоминаний", справедливо отметив также, что противопоставление Ольминским ее книги работе А.И. Ульяновой несостоя-

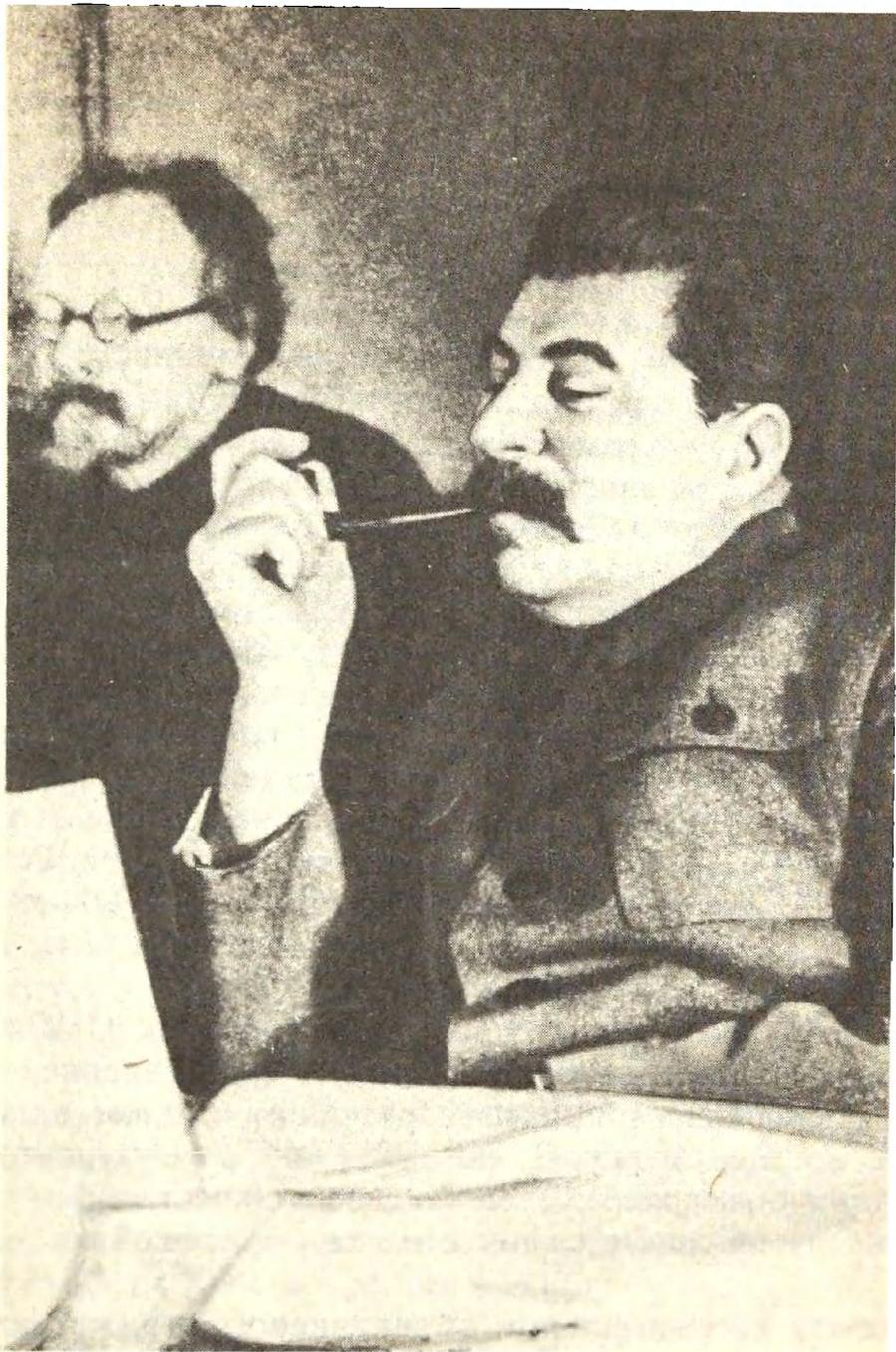
²⁶ Там же. Л. 14.

²⁷ Там же. Л. 23.

²⁸ Воспоминания о Ленине. М., 1972. Т. 1. С. 73–74.

²⁹ РЦХИДНИ. Ф. 91. Оп. 1. Д. 281. Л. 26.

³⁰ Там же. Л. 29, 31.

"Хозяин Кремля" (слева – Г.Л. Пятаков)

тельно: воспоминания Анны Ильиничны относятся к другому периоду...

Когда к весне 1934 г. вышли в свет очередные части воспоминаний Крупской о Ленине, 9 мая того же года по заданию сталинского идеологического глашатая Льва Мехлиса молодой тогда историк и сотрудник "Правды" Петр Пospelов публикует весьма обширную рецензию на страницах центрального партийного органа по поводу мемуаров Надежды Константиновны. С момента появления первой рецензии прошло, таким образом, четыре года. Но что это были за годы!

Только что прошел XVII съезд партии, названный "съездом победителей" (тогда как в действительности он оказался "съездом победителя"). Никогда еще до этого положение Сталина, его политический

вес и личный авторитет не были столь высоки. Съезд превратился в помпезный триумф проводимого Иосифом Виссарионовичем "генерального курса", в адрес "мудрого учителя и вождя" неслись восторженные песнопения и елейные здравицы. Преуспели в этом и его недавние политические соперники и идейные противники – Каменев, Бухарин, Зиновьев, Рыков, Радек³¹.

По существу съезд закрепил победу сталинизма как определенного режима личной власти, основанного на жестоком насилии, беспощадном подавлении инакомыслия, подчинении суровой административной дисциплине. Отныне все политические противники Сталина приравнивались к контрреволюционерам и объявлялись врагами народа.

А Надежда Константиновна тем временем закончила вторую и третью части своих воспоминаний, охвативших период второй эмиграции и начало революции и гражданской войны.

В этих частях стал мелькать и Сталин. Сама же Крупская находилась в зоне повышенного внимания: все, что она писала, все, что она говорила, тщательно изучалось в партийных инстанциях и выносился официальный вердикт – соответствует или не соответствует сие "генеральной линии" и новейшим указаниям "великого вождя". Вполне понятно, особо пристального внимания были удостоены ее мемуары, получившие широкого читателя за самый короткий срок. Результаты проведенного анализа опубликованных воспоминаний были доложены, нетрудно понять, самому "рулевому", который распорядился дать публичную оценку этой книге весьма строптивного автора.

Так появилась в "Правде" упомянутая рецензия П. Поспелова, занявшая почти целую полосу. Эта статья, подготовленная по высочайшему заданию, была типичным образчиком того, как шла корректировка идеологического курса, как в угоду прихоти узурпатора корежилась история и внедрялось единомыслие в обществе. Зловещая фигура Сталина просматривается почти за каждой строкой поспеловского отзыва³².

Прикрываясь легким флером объективности и даже иезуитским состраданием автору, которой "при всей ценности воспоминаний не удалось избежать недостатков", Поспелов объясняет их прежде всего тем, что они присущи-де "в той или иной мере многим произведениям мемуарной литературы, написанным по памяти (уже слышали от Ольминского. – *Авт.*), без тщательной сверки с историческими документами". В атмосфере упрочения единоличной диктатуры, пожалуй, наибо-

³¹ Имя Сталина в восторженном плане прозвучало на съезде 1580 раз! Побил рекорд Л. Каганович, похваливший вождя 64 раза, Микоян – 41 раз, Косиор – 34, Орджоникидзе – 33, Каменев – 26, Зиновьев – 25, Постышев – 24 раза. Наиболее сдержанно выступили Крупская, Сулимов и Чубарь.

³² Через некоторое время по предложению Сталина Политбюро ЦК ВКП(б) утвердит состав авторов "Краткого курса" (Ярославский, Кнорин и Поспелов). Правда, после выхода книги в свет вождь припишет авторство данного фолианта-катехизиса сталинщины себе. Сей опус целиком должен был войти в подготовленный к печати 14-й том Сочинений Сталина. Смерть "вождя" помешала этому...

лее суровым приговором выглядели слова рецензента об ошибочности показа Крупской идейной жизни партии и политических оценок. При этом Пospelов вслед за Ольминским противопоставил мемуары Крупской краткому очерку жизни и деятельности Ленина, подготовленному А.И. Ульяновой. Например, обвинив Надежду Константиновну в том, что при освещении обстановки на II съезде РСДРП она сглаживает разногласия, в частности и по § 1 Устава, с Г. Плехановым. И вообще преуменьшила характер расхождений между "революционными марксистами и оппортунистами", преувеличивая роль личных симпатий и антипатий.

Совершенно четко просматривалась мысль автора отзыва – мемуаристка недостаточно отразила руководящую роль Сталина в создании партии и ее развитии, укреплении, в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. Стремясь сохранить видимость беспристрастности, Пospelов всюду вместе со Сталиным упоминает также Свердлова. К числу существенных пробелов, например, он относит недостаточное освещение Пражской конференции. "Никак нельзя согласиться, – сокрушается рецензент, – с той оценкой, которую дает Н.К. Крупская Пражской конференции". Понять заботу Пospelова о необходимости привлечь внимание к конференции в Праге (1912 г.) нетрудно: тогда впервые в число членов ЦК был кооптирован Иосиф Джугашвили (Коба–Сталин). Что ни говори, а событие больше чем историческое – этапное. Недаром сам "вождь мирового пролетариата" вскоре дает установку считать началом образования РСДРП(б) именно 1912 г., Пражскую конференцию³³.

Крупская же вместо того, чтобы всячески подчеркивать близость Сталина к Ленину, их дружбу и единство, увлекалась совсем другими героями, среди которых фигура Иосифа Виссарионовича явно терялась и никакой дружбы не проглядывалось. Вполне резонно П. Пospelов посетовал: "Коротко перечисляются встречи Ленина со Сталиным" (в период пребывания Кобы в Кракове в 1913 г.).

А вот как комментировал возбужденный рецензент еще одно место, связанное со Сталиным. Относилось это к главе, посвященной подготовке и проведению Октябрьского восстания. Данный раздел Крупская, опять-таки в интересах истины, описывает эпически спокойно: «Новые условия борьбы требовали от человека большой решительности, большой напористости, "рукастости", как любил выражаться Владимир Ильич, большого организационного размаха. "Гвоздь строительства социализма в организации", – не раз повторял Ильич, и не случайно, что ходом дела на первое место стали выдвигаться люди, не боявшиеся брать на себя ответственности, люди, которым условия старого подполья не давали развернуться. Быстро стал выдвигаться тов. Сталин». "Выдвигаться"? И всего-то?

³³ "Эпохальное значение" Пражской конференции впервые было отмечено генсеком еще на XV съезде партии (декабрь 1927 г.). А 16 апреля 1937 г. Сталин ставит точку в записке в Политбюро, начертая: "Партия нового типа была создана окончательно только в 1912 г." (РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3164. Л. 1 об.).

Неудивительно, что автор отзыва в "Правде" по этому поводу заметил: "...можно было бы добавить, что и в период подполья ведущая роль таких авторитетнейших организаторов, вождей партии, как Сталин и Свердлов, была совершенно очевидна основным большевистским кадрам, работавшим не за границей, а непосредственно в России, которые знали их и по работе в подполье и по тюрьмам и ссылкам". Касаясь VI съезда РСДРП, Пospelов заявил, что у Крупской об этом всего несколько строк в отличие от книги Анны Ильиничны. Непростительно. Ибо это был съезд, "проходивший под непосредственным руководством Сталина и вдохновлявшийся Лениным из подполья".

Как видим, в первом случае рецензент рядом со Сталиным поставил фамилию Свердлова, чтобы не так бросалось в глаза его, Пospelова, подобострастие, плохо скрывааемый подтекст. А во втором Сталин уже в одиночестве "непосредственно руководит" съездом; а Ленин только "вдохновляет" из подполья. Однако, заручившись поддержкой самого кремлевского правителя, автор статьи бросил обвинение, что все эти "авторские несуразицы" оттого, что одни боролись в России, а другие отсиживались в эмиграции. Потому и "плохо представляли значение таких работников, как Сталин". И чтобы сама мемуаристка не очень-то впредь зарывалась и знала свое место, Пospelов изрек: "Период с Февральской по Октябрьскую революцию показан довольно бедно. Отчасти это, видимо, объясняется известной оторванностью автора от партийной работы в России, тем, что приходилось больше присматриваться, чем вести активную работу"³⁴.

Об одной главной причине (почему не столь подробно в книге говорится о VI съезде партии) Крупская уже писала ("это не история партии"). Да к тому же В.И. Ленин на съезде не был, находился в подполье. Однако имелась и другая причина довольно лаконичного изложения в "Воспоминаниях" тех дней. (Только после XX съезда КПСС историкам представилась возможность узнать достоверно о позиции и действиях Сталина летом 1917 г.)

Когда Временное правительство после разгона и расстрела июльской демонстрации распорядилось об аресте Ленина и Зиновьева (по обвинению в заговорщической деятельности), вначале Ленин скрывался на квартире Аллилуевых. Кстати, в комнате, которую они выделили Сталину и которой Коба еще не пользовался³⁵. И вот 7 июля, как свидетельствовала А.С. Аллилуева, на этой квартире в присутствии Ленина Крупская, Сталин, Ногин, Орджоникидзе и другие обсуждали вопрос о явке Ленина на суд. Надо отметить, что в те тревожные дни некоторые крупные большевики полагали, что Ленину и Зиновьеву следует явиться в судебные органы и опровергнуть выдвинутые против них правительством обвинения, другие были категорически против, опасаясь, что обвиняемых немедленно убьют.

Сам Ленин считал, что никакого гласного суда не будет, а Сталин

³⁴ Правда. 1934. 9 мая.

³⁵ Аллилуева А.С. Воспоминания. М., 1946. С. 70, 176–177.

бросил: "Юнкера до тюрьмы не доведут, убьют по дороге". (Мнение Кобы передается в воспоминаниях Анны Сергеевны Аллилуевой, которые были опубликованы в 1946 г., т.е. когда общеизвестным стал официально пущенный миф, как Сталин спасал Ленина³⁶.)

Однако, когда данный вопрос был вновь поднят во время работы VI съезда РСДРП, Сталин в заключительном слове к прениям по Отчетному докладу пустился в рассуждения о том, что пока не совсем ясно, в чьих руках власть и есть ли гарантии, что явившихся на суд не убьют.

И тут же, противореча только что сказанному, заявил, что при правительстве, которое гарантировало бы жизнь товарищей от насилия, следует явиться на суд. Он-де прогремит на всю Россию.

Против этого сталинского тезиса выступили Н. Скрыпник, Н. Бухарин, С. Орджоникидзе, Ф. Дзержинский и другие делегаты. Совершенно неприемлемой нашел идею Сталина о "честном буржуазном суде" только что перешедший в ряды большевиков межрайонец В. Володарский, а выступивший вслед за ним Бухарин просто высмеял мысль о "явке на суд при определенных условиях". "Разве честный буржуазный суд не будет стремиться прежде всего отсечь нам головы?" – саркастически спрашивал оратор.

В резолюции, принятой абсолютным большинством (по предложению Бухарина), исключалась всякая возможность явки Ленина и Зиновьева в распоряжение судебных властей³⁷.

Отметим, что с приходом сталинского единоличного правления в пресловутом "Кратком курсе истории ВКП(б)" и публикациях придворных историков все было поставлено с ног на голову: Сталину, в частности, приписывалась "историческая заслуга" в спасении Ленина, ибо он-де "решительно высказался против явки Ленина на суд, считая, что это будет не суд, а расправа"³⁸. И воспротивился требованиям Каменева, Троцкого, Рыкова, Бухарина и др., якобы выступавших за явку³⁹.

Быть может, сознательно Надеждой Константиновной был опущен еще один факт в воспоминаниях, связанный с Лениным и Сталиным. Это касается работы в конце июля Петроградской конференции большевиков и VI съезда РСДРП(б). Поскольку Владимир Ильич находился на нелегальном положении, докладчиком по политическому вопросу на них выступить поручили Сталину. Чтобы облегчить бремя, которое сваливалось на весьма неречистого Кобу (он всегда тяготел больше к организационной работе и слабее остальных лидеров был

³⁶ Там же. С. 181. В беседе с аспирантами Института истории АН СССР в 1957 г. участник VI съезда И. Флеровский отрицал факт заявления Сталина, приводимый А.С. Аллилуевой. Напротив, по его словам, именно Сталин назойливо выдвигал идею превращения суда в случае явки Ленина и Зиновьева в "открытый пролетарский суд над Временным правительством".

³⁷ Шестой съезд РСДРП(б), август 1917 г.: Протоколы. М., 1958.

³⁸ История ВКП(б): Краткий курс. М., 1954. С. 190.

³⁹ Данное утверждение не соответствует действительности. См.: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1964. С. 43, 117; Вопр. истории КПСС. 1962. № 4. С. 30–36, 47; История КПСС. М., 1967. Т. 3. С. 178.

подготовлен теоретически), Лениным были специально подготовлены тезисы к докладам на этих форумах. Он их передал докладчику через Н.К. Крупскую. "Группа конферентов, – говорится в сохранившейся протокольной записи, – просит огласить тезисы Ленина. Сталин сообщает, что у него нет с собой этих тезисов..."⁴⁰

Эти тезисы так и не нашлись – Сталин сделал вид, что их отсутствия не столь уж существенно: ведь есть же его политический доклад! Словом, они были скрыты от делегатов конференции и съезда и навсегда исчезли ("сталинский экземпляр", полученный им от Крупской, оказался единственным). Чем вызвана сия потеря?

Да тем, что, как выяснилось позднее, Коба явно перестарался по части заимствования (текстуального) из ленинских тезисов, повторив их во многих местах своего доклада почти дословно. Болезненно самолюбивому докладчику очень важно было видеть в отсутствие Ленина этот реферат о политическом положении как плод исключительно его, Сталина, творчества. И вдруг требование-запрос делегатов огласить тезисы В.И. Ленина! Сложилась крайне щекотливая ситуация. Великодушие, высокая культура автора тезисов не дали ход довольно неприятной огласке.

О сталинской компиляции было забыто, хотя, работая над "Воспоминаниями", Крупская вряд ли вычеркнула из своей памяти загадочное исчезновение тезисов мужа к VI съезду.

"Личные пристрастия" автора "Воспоминаний о Ленине" (упрек П. Пospelова), очевидно, сказались и в том, что она совсем не так, как отныне требовалось, показала разного рода "отступников" – оппортунистов, меньшевиков и пр. Крупская с сочувствием и уважением вспоминает родоначальника российского социал-демократического движения Г.В. Плеханова, что серьезно нарушало формировавшийся стереотип врага – раз меньшевик, значит, нечего писать о нем с почтением – врагов надо разоблачать и уничтожать!

И совершенно недопустимым было в новых реалиях отношение Надежды Константиновны к Троцкому. Ненависть Сталина к этому деятелю революции ни для кого не являлась секретом. К тому же эта ненависть была просто патологической. В то время как в недрах сталинского окружения по заданию генсека разрабатывались способы уничтожения вечного соперника Иосифа Виссарионовича, вдова Ленина в этически спокойных тонах рассказывает о встречах Ильича с Львом Троцким, об их беседах и совместных делах. Словно не было всеобщего гневного изобличения "заклятого врага ленинской партии"; словно не замечала она шумную истерию в печати, по радио в его адрес. Пospelов прямо пишет, что Крупская своими воспоминаниями создает ложное представление о действительном отношении к меньшевизму, к меньшевику Троцкому, упрекает, что ею "совершенно не отражена та беспощадная политическая борьба, которую Ленин вел против раскольника Троцкого" Не приведена ни одна, возмущался Пospelов, резкая

⁴⁰ См.: *Троцкий Л.* Сталин. Т. 1. С. 294.

характеристика "Иудушки", как Ленин называл Троцкого, обвиняя его в прямом обмане рабочих и помощи врагам партии.

Разносный отзыв на мемуары Крупской в "Правде" стал отражающей дух времени установкой правящей олигархии – посыпались едкие письма в адрес упрямой мемуаристки, колючие реплики во время ее публичных выступлений, запросы и напоминания о ее колебаниях и отступлениях. В одном из писем лета 1937 г. Надежда Константиновна, отвечая на вопрос слушателя Института заочного обучения по поводу "Воспоминаний", писала: «Уважаемый товарищ! Вы сообщаете, что Сталинградский ИМЗО полагает, что рассказы о встречах Вл. Ил. с Гапоном, помещенные в моих "Воспоминаниях о Ленине", позорят имя Ленина, умаляют его авторитет. Мне кажется, они ошибаются. В своих "Воспоминаниях о Ленине" я описываю то, что мне приходится наблюдать, ничего не выдумываю. То, что написано о Гапоне, созвучно с тем, что писал Ленин о религии. Ничего позорящего имя Ленина в его отношениях к Гапону не было». Указывая работы Владимира Ильича по вопросам религии, она добавляет: "Работники ИМЗО должны изучать произведения Ленина"⁴¹.

Это справедливое замечание не отвечало требованиям наступившего времени, когда ленинские взгляды изучали не по его работам, тиражи которых резко упали, а по комментариям, выдержанным в духе сталинизма.

Как и в случае с Гапоном, рецензия Поспелова подсказала многим ретивым оппонентам, какие претензии следует предъявлять автору "Воспоминаний", подчеркнуто противопоставляя труд Крупской биографии В.И. Ленина, подготовленной А.И. Ульяновой. В то время Анна Ильинична работала в Институте Маркса–Энгельса–Ленина, и написанная ею биография в целом соответствовала официальным канонам истории партии. Недаром, как уже отмечалось, рецензенты Ольминский и Поспелов, благосклонно отметив это обстоятельство, не применили поставить его в упрек Н.К. Крупской. За этими приемами не составляет большого труда увидеть и желание верхов поссорить Надежду Константиновну с сестрами Владимира Ильича.

Задавшись вопросом, какова была реакция Крупской на разносную рецензию в "Правде", можно точно сказать одно – она не прекратила работать над этим важнейшим трудом своей жизни, хотя отлично осознавала, почему ей назойливо рекомендуют этим больше не заниматься.

В письме Надежды Константиновны Сталину от 28 мая 1936 г. (в связи с обсуждением проекта Конституции СССР) она фактически объясняет причину:

"Вы были как-то очень не довольны, когда я на Пленуме пустилась в воспоминания. Этого, конечно, делать не следует: мало ли кто что навспоминает"⁴².

⁴¹ РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 40. Л. 32–33 об.

⁴² Там же. Д. 996. Л. 1. По-видимому, речь идет о февральском Пленуме ЦК 1936 г. Разговор со Сталиным, скорее всего, состоялся в кулуарах.

Попутно отметим, что Крупская затронула в письме и "святую святых" тирана – систему выборов. "Депутаты с выборщиками часто очень мало связаны, – заметила она. – Статья 142 проекта Конституции говорит об обязанностях депутата. Но, по-моему, надо развить ее гораздо шире, а то получается неясность"⁴³.

"Развивать шире" диктатор вовсе не собирался (Сталин лишь нервно отчеркнул на полях это замечание). Так что не одно десятилетие оставалась в Основном Законе государства "неясность"...

С 1936 по 1938 г. понемногу, во все убывающей пропорции, публикует Крупская воспоминания в журнале "Большевик" (в номерах, приуроченных к ленинским дням). Читая их, приходишь к выводу, что замечания рецензентов она учла, но только некоторые и весьма своеобразно. Так, она нашла возможность расширить круг соратников Ленина и сказать теплые слова о Бухарине, Свердлове и других. А вот Сталин – "ближайший соратник и великий продолжатель дела Ленина" по-прежнему не просматривается. Разумеется, в ту пору совсем не упоминать его было нельзя. Надежда Константиновна это понимает, но "решает проблему" довольно своеобразно. Вот как она, к примеру, вспоминает о событиях, связанных с ранением Ленина в 1918 г. Первые день и ночь все были в страшном беспокойстве. "Раза три ночью, – пишет она, – ходила в кабинет Ильича на другом конце коридора, где, примостившись на стульях, всю ночь провели Свердлов, Каменев, Рыков и другие".

Писалось это в 1936 г., когда оставались считанные дни до процесса над "троцкистско-зиновьевским блоком", до известной директивы Политбюро ЦК, лично сочиненной "мудрым учителем", "Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам". (Согласно директиве, их надлежало "рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей", в отношении которых "необходима расправа"⁴⁴.) И снова в наборе фамилий, приводимых Крупской, нет Сталина. А набор – прямо криминальный. Словно спохватившись, что нет одной исключительно важной фамилии, Надежда Константиновна вдруг добавляет (а быть может, ей ее вписали?): "Сталин в это время был на фронте"⁴⁵.

Все чаще появляются в последних публикациях Крупской цитаты из выступлений "отца народов", причем совершенно не к месту, без внутренней связи с авторским текстом. И, как бы объясняя читателю такие нарушения этой логической связи не по ее вине (или только отчасти по ее вине), в одном публичном выступлении она подчеркивает: "Конечно, было бы ошибкой думать, что вот прочел, что сказал Ленин... и делу конец. Надо посмотреть, в какой связи это было сказано, какая целевая установка была. Нельзя вырывать из всего учения Ленина его

⁴³ Там же. Л. 2.

⁴⁴ К составлению этого гнусного циркуляра руку приложил и сталинский сатрап Л. Каганович (*Шелестов Д.* Время Алексея Рыкова. М., 1990. С. 294).

⁴⁵ Большевик. 1936. № 2. С. 66.

высказывания..."⁴⁶ Словом, она решительно против бездумного цитирования, будь то слова Ленина или Сталина. Самая жесткая критика не колеблет ее позиции, она остается верной своему видению прошлого и настоящего. Эта несокрушимость ее воззрений базировалась на превосходном знании ленинского наследия, на собственном богатейшем опыте, глубоком знании истории.

Последовательность своих позиций продемонстрировала Надежда Константиновна и в ряде работ, вышедших после рецензии Поспелова. Так, в статье «К 25-летию выхода в свет книги Ленина "Материализм и эмпириокритицизм"»⁴⁷ Крупская еще раз возвращается к оценке меньшевизма, показывает неоднозначный подход Владимира Ильича к Плеханову, сдержанность и уважительность в полемике с ним, приводит весьма лестный отзыв Ленина о Георгии Валентиновиче в "Материализме и эмпириокритицизме" (имя Плеханова между тем в наступившее время "великой сталинской эпохи" подвергалось шельмованию и вычеркиванию из истории российского освободительного движения).

По словам сподвижницы Н.К. Крупской, ее заместителя по Главполитпросвету Анны Григорьевны Кравченко, откровенную неприязнь кремлевских властителей и самого Сталина вызвала также вышедшая в начале 1934 г. другая книга Надежда Константиновны, связанная с освещением деятельности В.И. Ленина, – "Ленинские установки в области культуры". Это был сборник статей и выступлений Крупской, в которых разъяснялись основные ленинские положения по коренным проблемам духовного развития страны, излагались и ее собственные мысли. В сборнике мы встречаем имена Плеханова, Бухарина, Скворцова-Степанова, Маркса, Стасовой, Луначарского, Горького... *И ни разу не упомянут Сталин!*

Стоит ли удивляться реакции властей на выход книги: изданная тиражом свыше 50 тыс. экземпляров, работа Крупской была отмечена холодным молчанием в печати и других средствах пропаганды.

Сохранилось немало фактов и свидетельств о попытках Надежды Константиновны, отстаивая правду истории, отвести незаслуженные оскорбления и обвинения в адрес известных деятелей революции, ее первых летописцев.

Вот ее позиция в год Большого террора: при чтении в апреле 1937 г. подготовленных к печати протоколов, III съезда РСДРП (1905 г.) Крупская обратила внимание на примечание, связанное с Алексеем Ивановичем Рыковым. В нем "гневно отмечалось", что, выступая на этом съезде об организации рабочих дружин, он проявил "правооппортунистические шатания по вопросу о задачах партии по отношению к практически-организационной стороне вооруженного восстания" (каков стиль!). Это был, как видим, обычный для тех страшных дней прием клеветников и фальсификаторов, заключавшийся в экстраполировании политических оценок на события прошлого.

⁴⁶ РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 170. Л. 3.

⁴⁷ Под знаменем марксизма. 1934. № 4.

Со свойственной ей спокойной, но твердой манерой Крупская констатировала, что примечание "неудачное, очень надуманное", так как вопрос о рабочих дружинах не столь уж принципиальный к тому же и "выступление Рыкова, на которое ссылаются, не может служить основанием для приписываемых ему ошибок". Кто бы еще решился так писать в страшном 1937 году?

Постепенно под фактическим запретом оказалась и широко популярная книга американского журналиста Джона Рида "10 дней, которые потрясли мир", а имя ее автора было предано забвению. Причина столь неуважительного отношения к публицисту-революционеру, написавшему правдивый очерк о первых днях революции в октябре 1917 г., коренилась в том, что Джон Рид не показал в ней "второго вождя" – Иосиф Сталин лишь мельком упомянут. Сегодня мы знаем, что честный американский журналист по-другому и не мог написать, ибо "руководящая роль товарища Сталина" в дни Октябрьского вооруженного восстания никак не просматривалась. Более того, в те решающие часы его следы вообще теряются самым загадочным образом, и немало современных историков, в том числе на Западе, пытаются ответить внешне на простой вопрос: где же он был⁴⁸?

Н.К. Крупская оказалась в числе немногих, кто стал на защиту имени и чести Джона Рида (тогда писателя уже не было в живых, он скончался в 1920 г.). "Джон Рид, – писала она, – не был равнодушным наблюдателем, он был страстным революционером, коммунистом, понимающим смысл событий, смысл великой борьбы. Это понимание дало ему ту остроту зрения, без которой нельзя было бы написать такой книги. Книжка Рида – своего рода эпос"⁴⁹.

Как могла, противодействовала Надежда Константиновна вульгаризации и извращению истории революционного движения, приукрашиванию событий в угоду вкусам "сильных мира сего", а тем более прямой подтасовке фактов. Нередко она отказывалась выполнить предложение издательств, редакций газет и журналов о подготовке статей, прославляющих "гениального продолжателя дела Ленина". Отказывалась, ссылаясь на состояние здоровья, загруженность, а иногда и без объяснений. Так, в 1933 г. Партиздат обратился к ней с просьбой просмотреть и прорецензировать готовившийся к публикации сборник "О раскрепощении женщин по Ленину и Сталину", а затем "дать к нему предисловие". Просмотрев материалы, она была поражена приторностью раздела, посвященного высказываниям Сталина. В дневниковой записи появилось короткое заключение на просьбу издательства: "Не буду"⁵⁰.

⁴⁸ См.: *Murphy J.T.* Stalin, 1879–1944. L., 1945; *Lyons Ev.* Stalin: Czar of all the Russians. L., 1941; *Stalin / Ed. T.H. Rigby.* Prentice-Hall, 1966; *Britovšek M.* Carizem. Revolucija: Stalinizem. Ljubljana, 1980. Kn. 1; *Mikeln M.* Stalin živothi pot Samodršava. Beograd, 1985; *Шлассер Р.* Сталин в 1917 г.: Человек, оказавшийся вне революции. М., 1988 (кстати, известный американский историк Октябрьской революции А. Рабинович + того же мнения); и др.

⁴⁹ РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 49. Л. 13–13 об.

⁵⁰ Там же. Д. 21/2. Л. 59.

В другом случае, в 1935 г., после настойчивых просьб редакции и звонков из "Большого дома" Крупская пишет статью по предложенной теме "Произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, которые должен знать каждый учитель". Однако о Сталине там – меньше всего. Только в конце статьи ею было упомянуто "в связи с речью Ленина на III съезде РКСМ – выступление Сталина на VIII Всесоюзном съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 г." Перед сдачей рукописи в печать появились вставки: "Об основах ленинизма" и доклады Сталина на XVI и XVII съездах⁵¹. Довольно любопытно "освещение" ею высказываний Сталина в другой публикации (заголовок тоже заранее был сформулирован издательством) – "Ленин и Сталин о борьбе с бюрократизмом". Подробно остановившись и проанализировав ленинские положения об опасности бюрократических тенденций в государственной и партийной работе, а также в повседневной жизни, в конце рукописи Крупская объясняет: "Я не буду приводить высказываний т. Сталина на XVI и XVII партсъездах по вопросам борьбы с бюрократизмом, они особенно яркие и значительны"⁵². Оригинально!

Часто приходилось председателю Главполитпросвета просматривать и лично составлять рекомендательные списки литературы по историко-политическим вопросам для учителей, библиотекарей, работников клубов. И здесь наблюдается та же картина – Крупская не позволяет каких-либо перекосов в угоду верноподданническим вкусам. Нередко "труды" Сталина вообще опущены. Однако это относится лишь к 20-м годам. Так, в составленном Надеждой Константиновной списке книг по проблемам истории революций, рабочего движения для избитален в 1926 г. значатся книги и статьи Ленина, Троцкого, Маркса, Энгельса, Зиновьева, Бухарина, Мартова, Осинского, Преображенского, Лукина, Керженцева, В. Либкнехта, Каменева и Карпинского⁵³.

Такая независимость Н.К. Крупской не могла остаться незамеченной редакциями и издательствами, чутко улавливавшими конъюнктуру. В июне 1937 г. по просьбе журнала "Крестьянка" Надежда Константиновна пишет статью, посвященную 20-летию юбилею II съезда РСДРП. В редакции сочли возможным внести в статью конъюнктурную правку. Без ведома автора в работу вписывается абзац о... Пражской конференции с назойливым подчеркиванием выдающейся роли Сталина в создании партии большевиков, обеспечившей под его водительством "победную поступь Страны Советов". В духе официальной концепции также весьма упрощенно трактовался эпизод об исключении из РСДРП меньшевиков-ликвидаторов.

Возмутившись, Крупская тотчас же пишет письмо в редакцию. Она протестует против бесцеремонного вмешательства в авторский текст. "Пишется все же о II съезде, – резонно замечает она, – а о Пражской

⁵¹ Там же. Д. 321. Л. 27 об.

⁵² Там же. Д. 49. Л. 38.

⁵³ Там же. Д. 826. Л. 1.

конференции надо писать в особой статье"⁵⁴. Не согласилась она также с потоком вставленных работниками редакции ругательских шаблонных слов в адрес Троцкого.

К замечаниям Надежды Константиновны в редакции "Крестьянки" после надлежащих консультаций с цензором и в Агитпропе ЦК, прямо скажем, отнеслись без должного понимания и уважения: какие-то мелочи учли, а в общем все оставили так, как откорректировали.

Со второй половины 30-х годов собственных публикаций Крупской появляется все меньше и меньше. С некоторой даже опаской встречаются ее новые страницы "Воспоминаний". К ним интерес явно иссякает. Как вспоминал позднее в беседе с авторами настоящей книги академик И.И. Минц (неоднократно встречавшийся с Н.К. Крупской в Подмосковье, где она отдыхала, и в Наркомпросе), на его вопрос, будет ли продолжение "Воспоминаний" и каким периодом она думает закончить труд, Надежда Константиновна сообщила, что не прекращает над ним работу, несмотря на частые недомогания. "Буду трудиться пока есть силы, хотя хорошо понимаю, что часть работы – не для печати, а в письменный стол". Минца, который был тогда секретарем редакции труда "История гражданской войны в СССР", прежде всего интересовали отдельные "тонкие подробности" из минувшего, и он заговорил о некоторых вопиющих противоречиях, байках, хлынувших в литературу. Скупно улыбнувшись и посмотрев по сторонам, Надежда Константиновна мягко, с иронией заметила: "Ну, об этом сейчас нельзя..."⁵⁵

О чем думала Крупская в тот момент? Надеялась ли, что когда-нибудь наступит время и обо всех исторических проблемах и конкретных деталях можно будет говорить открыто, честно, подробно дискутировать? Возможно, и надеялась...

Наверное, мы впали бы в преувеличение, если бы стали утверждать, что Н.К. Крупская всегда решительно и бескомпромиссно вела борьбу с утверждавшейся тоталитарной системой и никогда не позволяла себе никаких послаблений в этом. Разве мы вправе игнорировать ее статьи и выступления, в разной степени поддерживавшие "генеральный курс ЦК" (т.е. Сталина) на "социалистическую индустриализацию", за переустройство деревни на базе сплошной коллективизации, поддерживавшие "сталинские пятилетки", борьбу с многочисленными стаями "врагов народа", "Сталинскую Конституцию", многие установки "великого продолжателя дела Ленина". Возможно, в ряде речей и публикаций она делала попытку как-то смягчить жесткие неконструктивные формулировки, которые бросали в массы Сталин и его соратники, а иногда, казалось, хотела убедить и себя в их обоснованности – ведь народ с энтузиазмом подхватывал их, часто бездумно.

Такова была действительность. Сложная и чрезвычайно неоднознач-

⁵⁴ Там же. Д. 61. Л. 14 об.

⁵⁵ И.И. Минц отчетливо помнил, что эти слова были ему сказаны Н.К. Крупской во время их беседы летом 1937 г. в доме отдыха "Архангельское".

ная обстановка 30-х годов не могла, конечно, не отразиться на мироощущении и практической деятельности Надежды Константиновны, как и многих "упрямых оппонентов". Ведь в итоге к общему хору восхвалений "мудрого учителя и вождя" и проводимой им политики присоединились даже те, кто лучше других распознал его суть. То и дело в газетах, журналах, по радио стоявшие к генсеку в оппозиции деятели партии Каменев, Зиновьев, Бухарин, Радек, Рыков и другие каялись в несуществовавших собственных грехах, признавая полную правоту "зодчего коммунизма" (одни в интересах партийной дисциплины, другие перед лицом сплоченности в условиях "угрозы империалистического нападения на СССР", третьи – из боязни потерять близких, родных, уважение народа).

Все это так. Однако было и другое, что тщательно обходилось исследователями, вымаривалось цензорами и замалчивалось на протяжении многих лет – это постоянное противодействие Крупской деформациям социализма, ее неприятие уродливых и унижительных форм идеологического прессинга. Внешне подчинившись приказу о пропаганде сталинского катехизиса – "Краткого курса истории ВКП(б)", Н.К. Крупская так и не выполнила специальной директивы – дать развернутый отзыв⁵⁶ в печати на это "выдающееся произведение всех времен и народов". А когда все же ей доводилось говорить о "Кратком курсе", она неизменно делала акцент на необходимости "творческого изучения марксизма-ленинизма", на "борьбу с догматизмом, цитатничеством и схоластикой". Часто ей приходилось прибегать к эзоповскому языку, о чем-то умалчивать, где-то говорить намеками, намеренно допуская двусмысленность.

Надо отдать Крупской должное особой значимости – на протяжении всех лет после смерти Ленина она неизменно стремилась уберечь его образ от всевозможных слащавых искажений, канонизации и обожествления. Сохранилась ее переписка с писателями, художниками, артистами театра и кино, которых она предостерегала против поверхностного, облегченного, иллюстративного подхода к раскрытию образа Владимира Ильича. Кстати, она пресекала попытки идеализировать и ее собственную фигуру (даже с самыми благими намерениями, которые исходили от ее товарищей по партии). В архивном фонде Надежды Константиновны, собранном в Российском Центре хранения и изучения документов новейшей истории, находится ее письмо, направленное Л.Н. Сталь в начале 1931 г.: «Дорогая, милая Людмила, – говорится в нем, – не сердись на меня: не надо писать биографии живых людей.

Со времени смерти Ильича я попала в очень тяжелое положение – хоть и плохенькой, но все же "иконки". И у Вас нашла "иконка"⁵⁷ – добродетельная ужасно, без "пятнышка", скромная, трудолюбивая пчела». А в сноске письма Надежда Константиновна приписала: «Сейчас,

⁵⁶ С указанием срочно подготовить отзыв (положительный!) еще пахнувший типографской краской экземпляр "Краткого курса" был доставлен в кабинет заместителя наркома просвещения РСФСР (РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 772. Л. 1).

⁵⁷ Речь идет о написанной Л.Н. Сталь биографии Н.К. Крупской.

после последнего съезда, усердные руки, которые раньше наводили на "иконку" лубочные краски, теперь столь же усердно стараются их стереть»⁵⁸. В другом письме Надежда Константиновна убеждает Л. Сталя не помещать "про живого человека такую биографию", а если ее мольбы не дойдут до сознания автора, она просит только об одном – "отложите лучше до того времени, когда придется писать обо мне некролог"⁵⁹.

Писать о Ленине как о человеке, личности, вожде, революционере – миссия чрезвычайно трудная, не раз подчеркивала Крупская, хорошо сознавая, что с каждым годом, по мере ужесточения авторитарного режима, эта работа становилась почти невозможной и даже опасной. Глубокие искажения общественно-политической жизни после "великого перелома" 1929 года, растущий догматизм, оказывавший гнетущее влияние на состояние науки, литературы, искусства, просвещения, умножал препятствия на ниве творчества. То, против чего предупреждала Крупская в траурные дни 1924 г., – не делайте из Ильича икону, не уходите во внешнее почитание его личности, – стало, увы, реальностью. Личность Ленина, его взгляды канонизировались, выхолащивалось творческое содержание его учения, а сам он обожествлялся, страна усеивалась бесчисленным числом монументов, памятников, портретных изображений и других сооружений в его честь (многие из них не имели художественной ценности). Делалось это по воле его "верного и ближайшего соратника". Правда, много лет спустя об этом почему-то забудут и перенесут неудовольствия по этому поводу... на самого Владимира Ильича.

Процесс чрезмерного возвеличивания Ленина, его крайняя идеализация объясняются отчасти и тем, что после его кончины среди оставшихся деятелей не было ему равных. К тому же между ними не наблюдалось прочного единства. Постоянно апеллируя к его имени, его идеям, наследию, они как бы подчеркивали (каждый со своей стороны) ничтожество своих соперников, претендентов на лидерство в партии и государстве. Отсюда тезис – Ленин велик, и замены ему быть не может. На это не годились ни Троцкий, ни Сталин, а тем более ни Бухарин, ни Зиновьев, ни Каменев, ни Рыков. Преклоняясь перед памятью Ильича, они невольно создавали идола, которому не может быть равных среди живых.

Хитрее и дальновиднее оказался Сталин, во многом уступавший своим коллегам по Политбюро и в образованности, в ораторском мастерстве и других качествах. Однако эта "талантливая посредственность", неистово именовавшая себя учеником усопшего вождя, сумела выиграть турнир, умело и ловко присвоив себе право единственного интерпретатора ленинизма, постепенно завоевав в глазах миллионов ореол верного и самого стойкого защитника учения Владимира Ильича. Раздувая культ Ленина, Сталин одновременно исподволь поощрял

⁵⁸ РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 831. Л. 1.

⁵⁹ Там же. Д. 782. Л. 17.

возвеличивание роли "выдающегося продолжателя бессмертного дела Ленина".

Надежда Константиновна с болью наблюдала этот постыдный фарс, пытаясь поддержать все работы и выступления о Ленине, лишённые слащавости, ходульности, схематизма. Она призывала скрупулезно исследовать исторические условия, в которых он рос, формировался как революционер. Понимая могучую силу художественного слова, она внимательно следила и за произведениями литературы и искусства.

Однако не оставляли в покое и ее... Даже старые друзья по подполью. Так, в одной записке в ЦК, смахивающей на донос, нарком А. Бубнов сетует, что в работе Н. Крупской чувствуются отголоски "отвергнутой партией линии". Постепенно ее отодвигают от активной деятельности в наркомате, но полностью устранить ее от ключевых направлений в сфере культуры, педагогики и образования так и не удалось. Особой ее страстью была организация борьбы с массовой безграмотностью. Этим она занималась вплоть до последних дней жизни. На дело просвещения как детей, так и взрослых деньги приходилось добывать с превеликим трудом. В одной из записок известной деятельнице женского и профсоюзного движения А.В. Артюхиной (февраль 1935 г.) Н.К. Крупская писала:

"Тов. Артюхина, пишу по вопросу, очень меня волнующему. Во время перевыборной кампании бывала на заводах по линии текстильщиц. Мешает продвижению работниц их малограмотность. Нужно на это приналечь... На школу взрослых – гонение, сокращают смену, мало дают денег. Налягте на это дело покрепче, дорогая"⁶⁰.

Беспокоило Крупскую особо то, что в школах не воспитывали личности, самостоятельно, независимо мыслящих ребят, не растили творцов. Выступая на Всероссийском совещании по внешкольной работе, Надежда Константиновна призналась: "Не скажу, что я очень довольна школой. В школе слишком много времени обращается на усвоение: как птенчики разевают ребята рты, а учитель им все разжевывает и готовое в рот кладет"⁶¹. Догматизация обучения, натаскивание школьников всегда вызывали у нее острое неприятие. "Продумывать, самостоятельно, по-настоящему работать – этому мы ребят в школе не учим" – это строки из ее письма одной учительнице. "Ребята в школах ведь не кролики, над которыми опыты делаются" – говорила она в беседе с выпускниками педагогических училищ⁶². Как вспоминала А.М. Коллонтай, Крупская не раз возмущалась тем, что "молодежь обрабатывают, т.е. ей говорят, что, если она думает не по указке, она содействует расколу"

Легко себе представить, какую реакцию в верхах вызывали подобные откровения замнаркома просвещения! Вполне понятно, от методики и содержания преподавания не в последнюю очередь зависело,

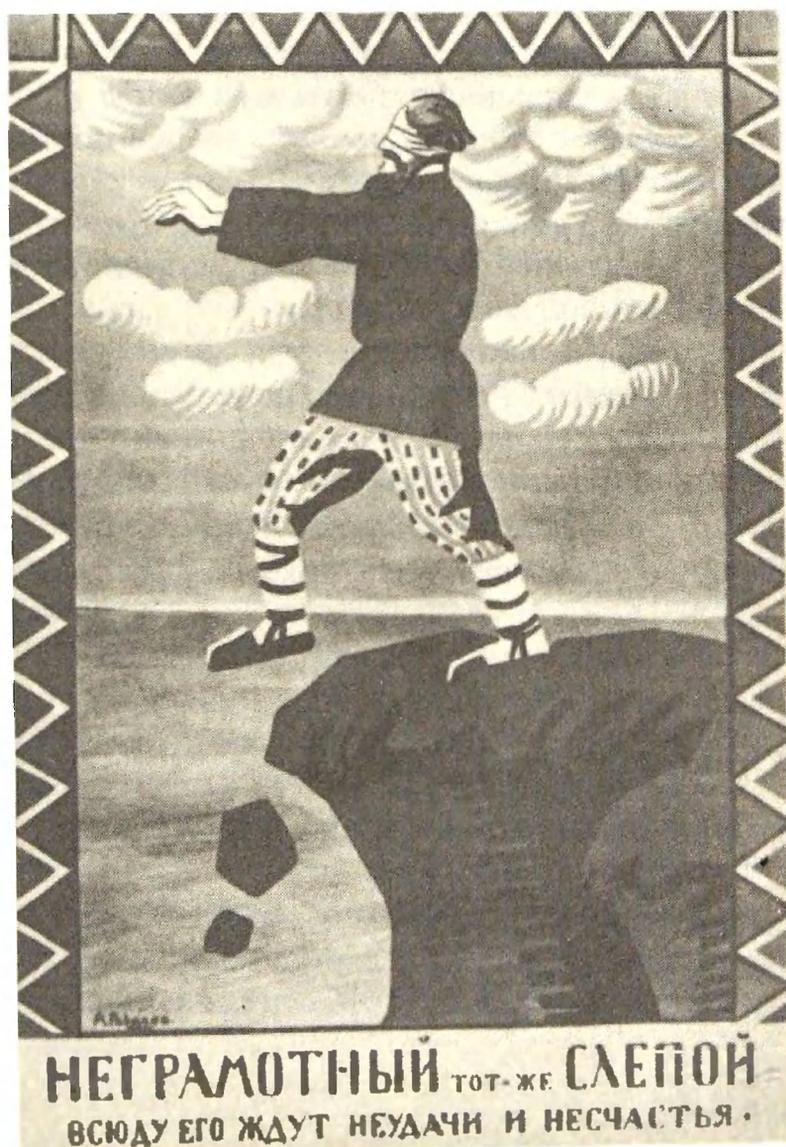
⁶⁰ Там же. Д. 269. Л. 4.

⁶¹ Там же. Д. 170. Л. 4.

⁶² Там же.

За всенародную грамотность!

будет ли подрастающая смена думающей, сомневающейся, дерзающей, или это будут бездумные исполнители приказов и циркуляров свыше. Те самые "винтики", о которых любил распространяться Иосиф Вассарионович, ибо они виделись ему основой формировавшейся тоталитарной системы.

В противовес сталинскому произволу в сфере образования (разгромлена педология – наука о ребенке, ликвидированы ГУС, Общество педагогов-марксистов, закрыт журнал "На путях к новой школе", фактически сходит на нет преподавание труда в общеобразовательной школе и т.д.). Крупская твердо выступает за трудовое воспитание подрастающего поколения, политехническое обучение, широкую популяризацию научных знаний в массах. Об этом свидетельствуют ее обращения в ЦК ВКП(б), в Коллегию Наркомпроса РСФСР, к секретарю ЦК А. Жданову, академику-секретарю Отделения общественных наук АН СССР академику А. Деборину, в наркомпросы союзных республик, к генеральному секретарю ЦК ВЛКСМ А. Косареву. И лично к Сталину.

Письма, полные озабоченности, тревоги, а местами даже отчаяния. "Поменьше барабанного боя... Тактика замалчивания темных сторон жизни неправильна" Эти ее слова – по поводу вышедшего тогда журнала московских пионеров "Барабан". Сохранилось письмо, посланное Н.К. Крупской сталинскому идеологу А.А. Жданову 9 февраля 1937 г. относительно нависшей над школьным делом угрозы – ликвидации преподавания труда. «Как ни плоха была еще постанова труда в школе, – доказывает Надежда Константиновна, – она давала ребятам определенную зарядку, дисциплинировала их. Спросите молодежь, которая училась в тогдашней трудовой школе, она это время вспоминает с теплым чувством.

...За последние годы преподавание труда в школе сведено на нет. Учат ремесленным каким-то "трудовым процессам", труд оторван больше, чем когда-либо, от учебы. На днях вопрос об управлении труда в школе, о закрытии школьных мастерских будет голосоваться в ЦК. *Не реорганизация труда, а его ликвидация.* Вопрос этот не обсуждается с привлечением инженеров, агрономов, рабочих, колхозников, молодежи».

Явное осуждение действий партийной верхушки слышится в ее словах: "Я знаю, время сейчас напряженное, не до этих вопросов теперь членам Оргбюро, Политбюро" (читайте, – идет Большой террор!)⁶³. Становится отсюда понятной ее фраза, брошенная вскоре: "Той культурной революции, о которой писал Ленин перед смертью, в быту еще нет"⁶⁴.

Жданов не отреагировал должным образом на письмо заместителя наркома просвещения РСФСР, ибо хорошо знал высокое мнение "хозяина" – труд в школах был обречен. Крупская не унимается: "...десять

⁶³ Там же. Д. 133. Л. 7–8.

⁶⁴ Крупская Н.К. Пед. соч. М., 1962. Т. 9. С. 720.

раз вдуматься в то, что мы делаем", – предупреждает она ретивых партийных и советских чиновников⁶⁵. Вообще без критики со стороны Крупской, пожалуй, не обходилось практически ни одно заметное событие в стране, противоречащее здравому смыслу и принципам справедливости.

Особенно волнует Крупскую положение в молодежной среде. Однако не оставалась она безучастной и к судьбам взрослых, в первую очередь неграмотных и малограмотных. Число "болевых точек" не уменьшалось несмотря на общую тенденцию в стране по приукрашиванию ситуации. На XVII съезде ВКП(б) ее речь, которая была опубликована в газете "Правда" 29 января 1934 г., вновь посвящается отстаиванию принципов коллективного решения стратегических вопросов развития общества. Она говорила о силе знаний, если ими овладевают миллионы людей труда. И одновременно подчеркивала необходимость организации широкого движения для достижения этой цели. Современнно звучал ее призыв о внедрении хозрасчетных методов в народном хозяйстве, о губительности чиновничьего подхода в любом деле. В речи, согласно установившемуся ритуалу, имелись и ссылки на соответствующие положения из сталинского доклада и некоторые приятные "мудрому учителю и вождю" слова. Однако Крупская в отличие от всех ораторов закончила речь не приторной здравицей в его честь, а вновь подчеркнула решающую роль самих трудящихся и партии в обновлении страны.

Встреч с "зодчим коммунизма" становилось все меньше и меньше. Под разными предлогами Сталин уклонялся от бесед с нею. Лишь на некоторых торжественных собраниях и приемах, да в кулуарах во время работы пленумов они могли перекинуться словами. Чаще всего "великий вождь" демонстрировал ей безразличие. Крупская все это видела, не удивлялась. Но не прекращала попыток решения наиболее проблем через диктатора – ведь от него зависело *все*. Отгородившемуся от неугодных ему лиц высоким барьером она пишет письма. «Иосиф Виссарионович, я как-то просила Вас поговорить со мной по ряду текущих вопросов на культурном фронте, – пишет она 15 августа 1935 г. – Вы сказали: "Дня через четыре созвонимся" Но нахлынули на Вас всякие дела, так и невышло разговора... Сейчас мне поручена работа среди взрослых. В последние годы это был заброшенный фронт. Политпросветработа превратилась в нечто аполитичное, сникла, завяла.

Сначала сдали в мое ведение библиотеки. С невероятным трудом, вникая в каждую мелочь, начали мы их вытаскивать. Сейчас налегли на село, на научную работу, на воспитание кадров. С год тому назад отдали под мой надзор и школы взрослых. Часто от органов ОНО (отделы народного образования. – *Авт.*) слышишь: важна детская школа, школы взрослых подождут. А снизу напирают... Как иссохшая земля жаждет дождя, так жаждут колхозные массы общеобразовательных знаний.

⁶⁵ РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 170. Л. 9.

Растет техника, внедряется в быт. Чтобы овладеть техникой, массам нужны общеобразовательные знания, их требует современный уровень трудовой культуры. Рабочие напирают: даешь общеобразовательную школу без отрыва от производства!»⁶⁶

Далее Надежда Константиновна рисует сложившуюся ситуацию, которая никак не укладывалась в радужные картины провозглашенного "вождем" на XVI партсъезде "начала культурной революции": "Целый год топчемся на месте, не можем добиться самого элементарного сдвига. То, оказывается, система школ взрослых не ясна, то не все согласны, что взрослым надо помочь овладеть не только простой грамотностью, но и знаниями в объеме начальной школы, надо помогать овладевать знаниями в объеме неполной средней школы. Заседаем без конца. А школы взрослых тем временем выбрасываются из помещений, у них отнимают и те гроши, которые они получали от профсоюзов, не дается бумаги на учебники. Еще хуже с методами работы"⁶⁷.

В культурно-образовательную работу, по мнению Крупской, надлежит широко вовлечь депутатские группы и весь советский актив. Об этом, сообщала она, написала статью в "Правду", поскольку "вопрос этот тесно связан с вопросом советского демократизма", но "Правда" отказалась публиковать. Разговор по этому поводу с Молотовым не получился: он направил автора статьи к Акулову, который нашел ее правильной, но дальше одобрения дело не сдвинулось...

В дополнение к указанному письму Надежда Константиновна в конце года направила Сталину записку, в которой вряд ли обрадовала "вождя" известием о том, что хочет написать ему еще о школе, но "это уже после Пленума"⁶⁸.

Свое обещание Крупская выполнила – 22 февраля 1936 г. она направляет Сталину новое письмо: "Иосиф Виссарионович, мне не хотелось бы загружать Вас нашими наркомпросовскими делами, но приходится". Письмо целиком посвящалось проблеме политехнического трудового воспитания. Любопытная деталь: в черновике послания Надежда Константиновна предусмотрительно все же вычеркнула весьма рискованную свою фразу: "Пущена вздорная легенда, что Вы против трудовой политехнической школы". Тем более после нее она приводит мысли Маркса, Энгельса и Ленина о значении политехнического обучения. Между тем было предельно ясно, что разгром, учиненный А. Ждановым (по части ликвидации политехнизации) в школьном деле, без благословения "отца народов" вряд ли состоялся. «...Труд в школе свертывается быстро, говорилось в письме, даже слово "политехнизм" никто не произносит». Характеризуя обстановку в этом важном деле, Н.К. Крупская отметила, что вместо политехнизации больше стара-

⁶⁶ Там же. Д. 996. Л. 8.

⁶⁷ Там же. Л. 9–10.

⁶⁸ Там же. Л. 13. Крупская имела в виду Пленум 21–25 декабря 1935 г. С основным докладом на нем "Итоги проверки партдокументов" выступил Н. Ежов. См.: Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 561.

лись насаждать ложно понимаемое "трудолюбие", а фактически – ремесленничество, «через школу старались протащить старые формы эксплуатации детского труда (закрывали, например, школу и посылали детей с пением революционных песен рыть картошку) и т.д. и т.п. Последнее время правильное преподавание труда в целом ряде школ превращено было в "трудовые процессы". Так, в 25-й школе Октябрьского района, где учится Ваша дочь, года три тому назад, когда я там была, преподавание труда в начальных классах было сведено к кормлению кроликов, скакавших в мастерской, и всяким игрушкам, а в старших классах – к работе на наборных кассах.

**Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ
Александр Косарев**

Когда я спросила, что же ребята набирают? Мне ответили: "разные тексты", а потом они тексты рассыпают и набирают новые. Это, конечно, верный путь воспитания у ребят ненависти к труду... Всех, кто смеет сейчас говорить о политехнизации, ругают "леваками", не понимая, что "левачество" заключается совсем в другом, непонимании систематики, которая должна быть в преподавании политехнического труда, недооценке достижений техники"...

..."Почему же мы топчем в грязь программу нашей партии?" – задает резонный вопрос Крупская предводителю большевиков, а в конце письма без общепринятых тогда учтивостей заключает: "Надо бы со всей серьезностью подойти к этому вопросу, подойти под углом зрения ликвидации перегородок между трудом физическим и умственным. Помогите"..."⁶⁹

К голосу Крупской, как мы уже отмечали, не прислушались: в приказном порядке труд в процессе обучения был ликвидирован. Попутно из обращения изъяли и ее книгу "Воспитание молодежи в ленинском духе" (слишком там многовато о пользе политехнического труда), о которой очень тепло отзывался А. Косарев.

Надежда Константиновна не сдавалась. Полностью учитывая, за кем решающее слово, она продолжает беспокоить "вождя мирового пролетариата" по вопросам, которые ее особенно волновали. Например, о введении обязательного обучения русскому языку на всей терри-

⁶⁹ Там же. Л. 13–14 об.

тории СССР (оно вводилось во второй половине 30-х годов по решению правительства в интересах... "углубления дружбы народов"). "Но меня очень беспокоит, – подчеркивает Н.К. Крупская, – как мы это обучение будем проводить. Мне сдается иногда, что начинает показывать немного рожки великодержавный шовинизм. Например, я считаю вредным введение преподавания письма и чтения на первом году обучения не только на материнском, но и на русском языке, считают вредным введение единого букваря для всех народностей, букваря, переведенного с русского. Считаю очень важной правильную постановку подготовки преподавания русского языка".

Автор письма, сознавая, откуда тянутся нити ущемления национального достоинства, особенно малочисленных народов, обращается с деловым предложением к "великому отцу народов": "Если у Вас выбежится свободная минута и будет охота (!), посмотрите: 1) мой отзыв на букварь для испанских ребят; 2) мою записку о преподавании русского языка и копию статьи одной моей приятельницы – учительницы вечерне-воскресной школы Володарского района"⁷⁰.

Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) "Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей" было принято 13 марта 1938 г. Рекомендации Надежды Константиновны были вновь проигнорированы. "К ней относились не так, как нужно было относиться. Я не буду говорить, как она страдала, это слишком тяжело говорить" – слова заведующей Мосгороно того времени А. Сергеевой.

* * *

Культурная жизнь рассматриваемых лет характеризовалась в целом большой противоречивостью. Смог сталинщины проникал повсюду. Советские культура, наука, просвещение строились на постулате, что они "лучшие в мире". Тоталитарная политика в духовной сфере сопровождалась проникновением в эту область "культурных" полуфабрикатов, казенно-парадных поделок, серии приторно-слащавых произведений, от которых веяло фальшью и угодливостью. И все это на фоне всеобщей трескотни, что в стране утверждаются свободные принципы, "реалистическая правдивость в литературе и искусстве".

Особенно бурно обогащалась "художественная сталиниана". На данном поприще преуспели художники и скульпторы А. Герасимов, В. Ефанов, Г. Шегаль, П. Васильев, А. Кутателадзе, У. Джапаридзе, М. Авилов, С. Меркуров, С. Какабадзе, И. Тоидзе и другие мастера изобразительного искусства.

Неоднократно встречавшийся с Крупской график П.В. Васильев в рисунке "Встреча В.И. Ленина на Финляндском вокзале в Петрограде. 1917 г." умудрился Сталина поставить впереди, т.е. так, что становилось не ясно, кого же встречали – Ленина или Сталина (такую "консультацию", естественно, Надежда Константиновна не могла дать). Пропаганда с умилением встретила появление картины плодovitого

⁷⁰ Изв. ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 179.

придворного художника В. Ефанова "Незабываемая встреча" (автор ее закончил в 1937 г.), где изображенные на ней жены "командиров тяжелой промышленности" и партийные руководители источают безграничную радость по случаю встречи со Сталиным. На полотне этот восторг излучает и Н.К. Крупская (сидящая рядом с Калининим), как бы освещающая сей фарс. Нетрудно догадаться, что Надежда Константиновна, которую даже не оповестили о готовящейся картине с ее "присутствием", крайне отрицательно отнеслась к этому "шедевр". Ее возмутило, по свидетельству Дмитрия Ильича Ульянова, не только воспетое в картине идолопоклонство, но и цинизм – ведь она лучше других знала, каков *на самом деле* Иосиф Виссарионович...

Не оставляли ее равнодушными и другие события культурной жизни, особенно это касалось личности Ленина, фактов из революционной истории. Крупская посетила Театр революции, когда шел спектакль "Правда". После постановки Надежда Константиновна встретила с М. Штраухом, исполнявшим роль Ильича, беседовала с актером и другими участниками понравившегося ей спектакля. Говорила о присутствующих Ленину скромности, простоте. И ни слова о Сталине, хотя о нем кто-то почтительно задал вопрос...

Известно, что Крупская имела нелюбезное объяснение с самим Сталиным относительно фильма "Ленин в Октябре", считая многие кадры в фильме не соответствующими действительности. Хотя она и консультировала режиссера М. Ромма и актера Б. Шукина, в целом картина ее далеко не удовлетворила. Одна только деталь – Надежда Константиновна прекрасно знала, что во время восстания 25 октября Сталина в Смольном вообще не оказалось: в решающие минуты "второй вождь" таинственно исчез!

10 декабря 1937 г. Крупская обращается с письмом к "лучшему другу искусства", в котором сообщает, что «после разговора о фильме "Ленин в Октябре" ходила смотреть пьесу Корнейчука "Правда" и пьесу Погодина "Человек с ружьем", говорила после спектакля с режиссерами и коллективом артистов, эти пьесы игравших. Хочу еще поговорить со Шукиным и Штраухом».

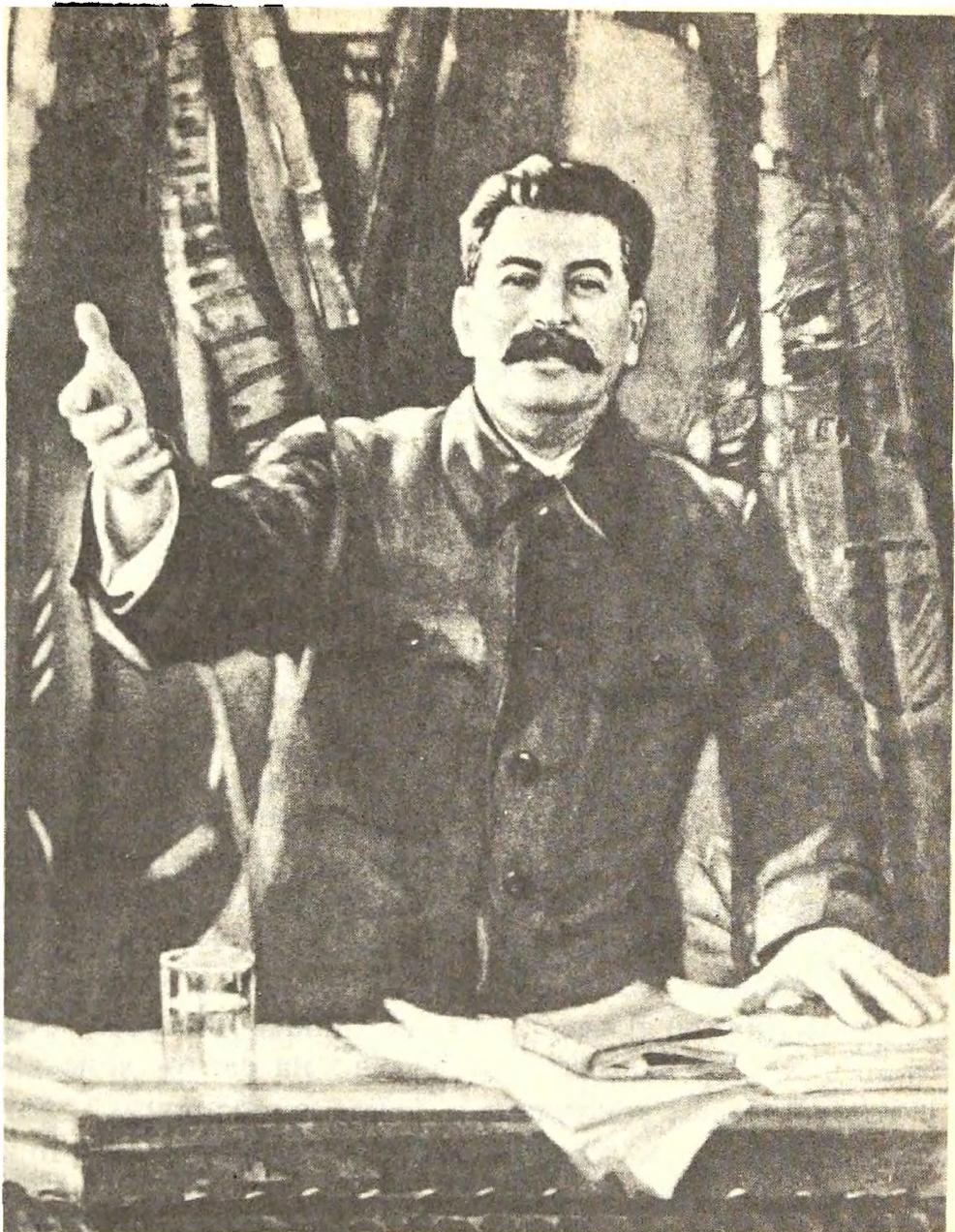
И никаких положительных при этом эмоций! Только сухо заметила: "Свои впечатления записала в прилагаемой статье. Мне очень хотелось бы, чтобы Вы ее при случае посмотрели" В конце письма сделала приписку: «Смотрела еще "На берегу Невы" И пьеса чужая, и постановка плохая»⁷¹.

Справедливости ради отметим, что в последние годы жизни статьи и выступления Надежды Константиновны иногда заканчивались здравницей Сталину, ибо она понимала, что для масс – к кому обычно она обращалась – Сталин стал символом добра, залогом их достижений; с

⁷¹ РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 996. Л. 12. О критическом отношении Крупской к фильму "Ленин в Октябре" знали и ее близкие. Об этом не раз говорила она Д.И. Ульянову (он был согласен с нею) и лишь отмечала игру актеров Штрауха и Шукина, особенно первого в "Человеке с ружьем". См.: Ульянов Д.И. Очерки разных лет. М., 1984 (составитель и автор предисловия О.Д. Ульянова).

"Из художественной сталиннаны"

его именем граждане наивно связывали все свершения и будущие успехи. Да и редакции без принятой всеми атрибутики, внедренного ритуала не станут публиковать ее статьи, а организаторы радиопередач не подпустят ее к микрофонам.

Удачной попыткой правдивого освещения некоторых аспектов жизненного пути Ильича была работа Мариэтты Шагинян "Билет по истории". В своих последующих воспоминаниях писательница рассказывает о неоценимой помощи и моральной поддержке, оказанной ей Надеждой Константиновной, а также Дмитрием Ильичем и Марией Ильичной уже на первых этапах работы. Как-то в очередной раз Шагинян обратилась к Крупской с просьбой проконсультировать ее по другим частям романа, ибо, по мнению писательницы, Надежда Константиновна есть главный и первый критик "в этом очень трудном деле" "Нас так часто бьют и так шалют у нас нервы, – говорилось в письме Мариэтты Шагинян Н.К. Крупской 25 февраля 1938 г., – что каждое доброе слово, хотя бы суровое и сдержанное, но сказанное с желанием подбод-

ритель и помочь, зачастую просто спасает человека и его трудоспособность"⁷².

18 марта того же года Крупская написала ответное письмо, в котором сообщила много биографических уточнений, подбодрила писательницу⁷³.

Однако изыскания М. Шагинян, весь тон ее повествования противоречили сложившейся официальной схеме, нарушая монополию ЦК, а значит, и самого Сталина на создание "жития св. Ленина". Опасения Шагинян относительно *частого бития* художников вскоре подтвердились сполна. Да и Крупской, узнав о ее советах, участии в совершенствовании рукописи, видимо, делается суровое внушение. Более того, наверняка не обошлось и без соответствующей проработки со стороны "мудрого учителя" Иначе мало понятны внезапные перемены, вызвавшие ужасное волнение писательницы, – две записки от Надежды Константиновны 28 марта сразу в два журнала: "Огонек" и "Молодая гвардия" В "Молодую гвардию" о повести "Володя Ульянов" она написала: "Мне рассказ очень не понравился, слабо показано влияние эпохи, в которой рос и складывался Владимир Ильич... Я против этой беллетристики, искажающей действительность". Она "решительным образом" (сталинский почерк) отказывалась от дальнейшего участия в судьбе литературных поисков Мариэтты Шагинян.

Можно только догадываться, почему так действовала Крупская, но несомненно было то, что сделано это было по "высочайшему требованию" Тем не менее такой оборот дела полностью не устраивал властей предрержащих. Сталин и его послушные соратники использовали и раньше любой предлог, чтобы "поставить на место" строптивную вдову Ленина, чтобы указать ей, *кто* на самом деле является истинным толкователем ленинизма и "душеприказчиком" биографии основателя Советского государства. Не стал исключением и приведенный выше случай...

В августе 1938 г. принимается решение Политбюро ЦК ВКП(б) о романе М. Шагинян "Билет по истории". В этом документе сталинщины есть строки, адресованные Надежде Константиновне. В бумагах Крупской сохранилась выписка, сделанная ее рукой, из постановления. Приводим выписку полностью:

"Осудить поведение Крупской, которая, получив рукопись романа Шагинян, не только не воспрепятствовала появлению романа в свет, но, наоборот, всячески поощряла Шагинян, давала о рукописи положительные отзывы и консультировала Шагинян по различным сторонам жизни Ульяновых и тем самым несла полную ответственность за эту книжку. Считать поведение Крупской тем более недопустимым и бестактным, что т. Крупская сделала все это без ведома и согласия ЦК ВКП(б), за спиной ЦК ВКП(б), превращая тем самым общепартийное дело

⁷² РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 784. Л. 7.

⁷³ Там же. Л. 12.

составления произведений о Ленине в частное и семейное дело и выступая в роли монополиста и истолкователя общественной и личной жизни и работы Ленина и его семьи, на что ЦК никому и никогда прав не давал..."⁷⁴

Все эти несуразные обвинения в адрес жены и ближайшего сподвижника Ленина вряд ли требуют комментариев. Как раз поведение кремлевского узурпатора и его приспешников, выступивших в роли монополистов и истолкователей работы и личной жизни Владимира Ильича, выглядит "недопустимым и бестактным" Такого права Иосифу Сталину и угодливому Политбюро никто и никогда не давал..."⁷⁵

Впрочем, это мало кого из членов того партийного ареопага интересовало. Более того, некоторые из них взяли за правило следить за ее действиями и при случае доносить "великому вождю" Так, Лазарь Каганович, по словам его племянника, "следил за каждым ее шагом и доносил Сталину все, что она делает и что говорит. Он фактически по своей доброй воле стал глазами и ушами Сталина. И смотрел он не только за Крупской..."⁷⁶

⁷⁴ Правда. 1990. 5 янв.

⁷⁵ 11 октября 1956 г. это решение было отменено (с вежливой формулировкой: "как явно ошибочное"). За произведение, вошедшее в тетралогия "Семья Ульяновых", в 1972 г. писательнице Мариэтте Шагинян была присуждена Ленинская премия.

⁷⁶ *Каган С.* Кремлевский волк. М., 1991. С. 137–138.

"В ЖИЗНИ МНОГО НАСТОЯЩЕГО ГОРЯ..."

Надежда Константиновна Крупская занимала особое место в когорте старой ленинской гвардии, которая видела в ней продолжателя и хранителя революционных традиций, морально-этических норм, выкованных годами совместной борьбы в условиях царской России. Независимость суждений, тесная товарищеская спайка, приверженность демократическим нормам, сохранившаяся у старых партийцев еще с дореволюционных времен, таили угрозу для рвущегося к безграничной власти Сталина. Естественно, что опорой последнего стали безликие, ортодоксальные деятели более поздней формации, исполнители-партаппаратчики. Поэтому понятно, почему его не покидало острое желание избавиться от опытных революционеров, испытавших тюрьмы и ссылки старого режима.

Слова и дела у прошедших горнила революционной борьбы не расходились на крутых поворотах. Пример тому – Н.К. Крупская, которая в повседневной жизни и деятельности осуществляла именно те принципы, которые исповедовала. Она была убеждена в том, что член партии имеет право на собственное мнение; споры и дискуссии закономерны и не могут служить поводом для отсечения от политической работы. Товарищеский диалог, сотрудничество, взаимопомощь, уважительное отношение к точке зрения оппонента, умение его слушать и понять – вот принципы, которые последовательно исповедовались Крупской. А методы репрессий, как отмечалось в предыдущих разделах, обрушившиеся на оппозиционеров с приходом к руководству ВПК(б) Сталина, постоянно вызывали у нее чувство активного протеста и полного неприятия. Невозможно было смириться с массовыми исключениями из партии, бесцеремонными перемещениями и понижениями по службе, административным произволом и становившимися массовыми арестами и ссылками.

В начале 1929 г. принимается беспрецедентное решение – за пределы Союза, в Турцию, высылается главный личный враг Сталина Троцкий. Как впоследствии признавался генсек, в данном случае были совершены две ошибки – не надо было Л. Троцкого вообще высылать за границу: там он стал еще опаснее и много попортил крови "чуждому грузину", а также не надо было разрешать ему вывести с собой архив. Ну что ж, объясним это малым опытом Иосифа Виссарионовича. В 30-е годы он такой оплошности уже не допускал.

Разумеется, насильственная депортация одного из лидеров Октябрьской революции готовилась в глубокой тайне. Также естественно, что с такими членами ЦК, как, например, Крупская, никто не обсуждал план действий. Однако слухи дошли и до нее.

Как свидетельствовали сторонники Троцкого, узнав о готовящейся расправе, к Крупской пошел Г. Зиновьев. Между ними произошел темпераментный разговор. Зиновьев сказал, что слышал от Калинина о решении выслать Троцкого. Надежда Константиновна ответила, что подобная информация доходила и до нее.

– Что же вы собираетесь с ним делать? – спросил Зиновьев.

– Во-первых, не *вы*, а *они*, – поправила Крупская, а во-вторых, если бы мы даже решили протестовать, кто нас слушает?¹

Когда генсек обратился в Политбюро с предложением санкционировать высылку Троцкого, Бухарин, Рыков и Томский решительно возражали, однако большинство прогласовало так, как того желал Сталин, и на рассвете 22 января охранники ГПУ вывезли арестованного с семьей из Алма-Аты, где Троцкий в течение года находился в ссылке. В пути пришло известие, что ссыльный будет депортирован в Константинополь (Стамбул). Несмотря на протесты арестованного, Троцкий с семьей был доставлен поездом в Одессу, где через несколько дней (в ночь на 10 февраля 1929 г.) с женой и старшим сыном бывший председатель Реввоенсовета и бывший член Политбюро ЦК были посажены на пароход "Ильич" (!), который немедленно отплыл в Турцию.

И только после этого Сталин поставил Политбюро перед совершившимся фактом, т.е. окончательное решение не объявлялось до его выполнения²! Тем более об этом не знали многие члены ЦК, включая и Н.К. Крупскую. Позднее Троцкий, размышляя, почему Сталин не прибегнул к тому, чтобы физически сразу устранить жертву, приводит по поводу своей высылки рассуждения бывшего помощника Сталина Бажанова: "Это лишь полумера. Я не узнаю моего Сталина... Мы совершили некоторый прогресс со времени Цезаря Борджиа. Тогда всыпали быстро действующий порошок в кубок фалернского вина; либо же враг погибал, откусив яблока. Теперешние способы действия вдохновляются последними завоеваниями науки. Культура коховских бактерий, систематически и понемножку подмешиваемая в пищу, вызывает скоротечную чахотку и быструю смерть. Не ясно в общем, почему Сталин не следовал этому методу, до такой степени свойственному его привычкам и его характеру"³.

Способен ли был уже тогда Сталин на такую комбинацию? – спрашивал Троцкий. И отвечал: "Все данные его биографии заставляют ответить утвердительно. Со времен тифлисской семинарии он влачит за собой хвост зловещих подозрений и обвинений. Во время гражданской войны он лизнул крови" Революционер-изгнанник полагал, что Сталина остановила мысль: молодежь в случае убийства возложит ответственность на него и может со своей стороны прибегнуть к

¹ Бюл. оппозиции. 1929. № 1/2. С. 16; *Фельштинский Ю.Г.* Разговоры с Бухариным. М., 1993. С. 41.

² См.: *Дойчер И.* Троцкий в изгнании. М., 1991. С. 76–79.

³ См.: *Троцкий Л.* Сталин: В 2-х т. М., 1990. Т. 2. С. 256–260.

террористическим актам. Поэтому Коба вначале должен был разгромить кадры оппозиционной молодежи и тех, кто сочувствовал Троцкому⁴.

Несмотря на безнадежность, Н.К. Крупская берет под защиту опального Л.Б. Каменева, участие в оппозиции которого привело не только к устранению из кандидатов в члены Политбюро, но и автоматически вело к освобождению от должности руководителя Института В.И. Ленина, выведению из ряда редколлегий научных изданий (в том числе ленинского творческого наследия). Еще в ноябре 1926 г. Крупская, протестуя против отсечения Каменева от участия в издании сочинений Владимира Ильича, в записке С. Орджоникидзе писала, что сам Ленин поручил ему это дело "и был доволен тем, как эта работа выполняется. До сих пор, насколько знаю, не было никаких нареканий на произведенную работу. Считаю, что надо дать Льву Борисовичу довести это дело до конца". В своем "особом мнении" она отмечает: никакими деловыми соображениями устранение Каменева не вызывается. Однако ее призыв остался не услышанным. Сознвая исключительную значимость монопольного толкования ленинского теоретического наследия, Сталин и его окружение установили в этой области жесткий контроль.

М.С. Ольминский в те дни записал в дневнике, что вскоре после освобождения Л.Б. Каменева от руководства Институтами Ленина он встретил Надежду Константиновну, которая пожаловалась Ольминскому: "Теперь и в Институт-то ходить не хочется"

Да, старую гвардию шельмовали и выбивали последовательно и планомерно. В той или иной форме такие перемены коснулись и самых близких Надежде Константиновне людей. Так, после разгрома группы Бухарина понизили в должности Марию Ильиничну – сподвижницу Николая Ивановича и постоянного члена редколлегии газеты "Правда". Дамоклов меч занесен и над самим Бухариным. В апреле 1931 г. "Социалистический вестник", выходящий за рубежом, в статье, посвященной так называемым правым, пророчески напишет: "Диктатор добирается и скоро доберется до них"⁵. И в этой обстановке поражает тон отношений Крупской к Бухарину – теплый, доверительный, дружеский.

Летом 1931 г. в Горки приехал знаменитый английский писатель Бернард Шоу вместе с леди Астор. По свидетельству секретаря Крупской В.С. Дридзо, высокий гость спросил: "Надежда Константиновна, а как вас обеспечил муж?" Немало удивленная Крупская с достоинством ответила, что муж ее никак не обеспечил, что она сама работает. Писатель, думая, что его неправильно поняли, вновь повторяет свой вопрос, и в ответ слышит то же самое. "Но ведь произведения вашего мужа издаются в Советском Союзе в миллионах экземпляров, наверное, они завещаны вам?" Слова Крупской ошеломляют Шоу: "Произ-

⁴ Там же.

⁵ См.: Соц. вестн: 1931. № 8. С. 12.

Агитация за колхоз (начало 30-х годов)

ведения моего мужа принадлежат только народу" Наблюдательная леди Астор, еще с первых минут заметившая скромное ситцевое платье Надежды Константиновны, в свою очередь, задает вопрос, касающийся пенсии Крупской.

Но выясняется, что пенсии у вдовы Ленина тоже нет, ей хватает заработной платы. "Нет, я об этом никогда не смогу рассказать у себя дома, в Англии. Мне никто не поверит, что жена Ленина должна сама зарабатывать себе на хлеб!"⁶

А работала Н.К. Крупская не щадя ни времени, ни сил, ни здоровья. "За эти полтора месяца, – писала она 29 сентября 1929 г. А.Г. Кравченко, – проворочена по Главполитпросвету уйма работы (сейчас подсчитала: 38 заседаний, 20 выступлений, 14 статей, просмотрены 160 писем, ряд брошюр, статей, уйма было разговоров с разными людьми, разные делегации приходилось принимать)"⁷.

Поднимавшаяся волна репрессий в стране, особенно в связи с принудительной массовой коллективизацией и борьбой с оппозиционерами, сметала тысячи честных, преданных высоким идеалам людей – многие становились жертвами произвола и откровенного террора по прихоти диктатора. А были и те, кто уходил из жизни добровольно, не выдержав удушливой атмосферы, охватившей все общество⁸. Так поступила

⁶ Ленинское знамя. 1989. 26 февр.

⁷ Крупская Н.К. Пед. соч. М., 1958. Т. II. С. 351.

⁸ В обстановке арестов и гонений в 30-е годы покончат жизнь самоубийством Н. Скрыпник, М. Томский, Б. Стомоняков, С. Орджоникидзе, М. Каганович, Г. Каминский, Я. Гамарник, С. Меженинов, И. Гарькавый, А. Лапин, П. Любченко и другие политические и военные деятели.

Надежда Аллилуева, супруга Сталина. Она покончила с собой в ночь на 9 ноября 1932 г. Существует несколько версий об этом самоубийстве. Ее дочь Светлана в книге "Двадцать писем к другу" приводит рассказы няни Светланы, а также Полины Жемчужиной-Молотовой. Из-за многолетнего страха перед Сталиным они решили поведать дочери об обстоятельствах смерти ее матери только в 1955 г.

Экономка К. Тиль первой увидела Надежду Сергеевну в луже крови возле кровати. Позвала няню, и обе женщины уложили Аллилуеву (в ее руке был зажат небольшой пистолет). Вскоре прибыли вызванные ими А. Енукидзе, комендант Кремля К. Паукер, П. Жемчужина-Молотова, а затем К. Ворошилов, В. Молотов. Лишь после этого разбудили Сталина, который был потрясен случившимся. Он прочел письмо ушедшей из жизни (оно лежало на столике) не сразу. "Отчаяние и горе, — пишет историк Р. Медведев, — сменились у него приступами гнева и злобы, причиной которых, несомненно, являлись содержащиеся в письме жены обвинения. Никто, однако, не читал этого письма, и Сталин никому не говорил о его содержании"⁹.

Поводом к самоубийству, судя по всему, стала ссора Сталина и его жены на банкете в честь 15-летия Октябрьской революции в Кремле. Если в середине 20-х годов основной причиной конфликтов в семье Сталина были его грубость, резкость, капризность, то после 1929 г. все отчетливее начали проявляться конфликты на политической почве — «среди друзей Надежды Аллилуевой было немало молодых партийных работников, обвиненных в "правом уклоне", были и те, кто вскоре вошел в так называемую антисталинскую "группу Рютина"¹⁰ или в "Союз марксистов-ленинцев". Н.С. Аллилуева все больше разочаровывалась в муже, который носил на людях маску честного и бескорыстного руководителя страны. Тайно она разделяла взгляды Н.И. Бухарина, а, возможно, и М.Н. Рютина, осуждала деспотическую коллективизацию и преследования инакомыслящих.

В целом же тайну своей смерти Н.С. Аллилуева унесла, видимо, с собой. Одно теперь ясно — гибель ее не была случайной. Это был протест, вызов системе, мужу, который олицетворял режим. Так по крайней мере это воспринял сам Иосиф Виссарионович. Поступок Надежды Сергеевны он расценил как предательство по отношению к своей личности (но ни в коем случае как свою вину)¹¹.

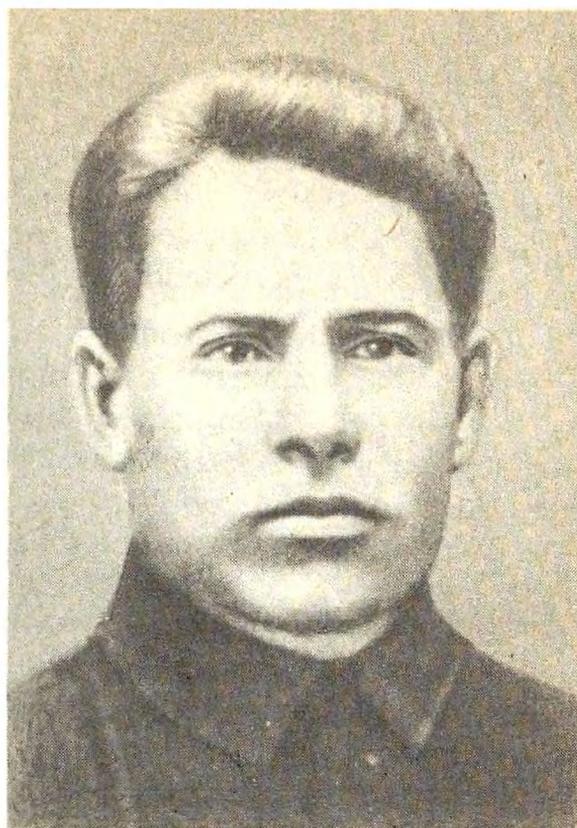
С тех далеких времен и до наших дней бытует молва о том, что Сталин застрелил, потеряв над собой контроль, жену, которая слишком

⁹ Медведев Р. Смерть Надежды Аллилуевой // Ленинское знамя. 1991. 28 июня.

¹⁰ М.Н. Рютин был главным автором получившего заметный резонанс антисталинского манифеста "Ко всем членам ВКП(б)". Генсек в 1932 г. на Политбюро ЦК потребовал его расстрела, но этому воспротивился С.М. Киров, хорошо знавший Рютина по работе на Северном Кавказе. За арестованного заступилась и Н.К. Крупская. Рютина казнили в 1937 или 1938 г.

¹¹ Сталин пришел к началу гражданской панихиды в Большой зал ЦИК. Подойдя к гробу, поцеловал покойную в лоб. Затем сделал неожиданный отталкивающий жест и произнес: "Она ушла как враг". После этого он покинул зал и больше не появился на похоронах.

много знала и осуждала деспотизм супруга. Однако каких-либо серьезных доказательств для такого утверждения пока нет¹². В то же время с этим событием связано немало странного и трудно объяснимого. И подозрительного. К осмотру тела Аллилуевой были допущены главный врач Кремлевской больницы А. Канел, врачи Л. Левин и Д. Плетнев. Их поначалу убеждали подписать бюллетень о смерти Н.С. Аллилуевой якобы вследствие аппендицита. Все трое отказались, а через несколько лет были репрессированы.

М.Н. Рютин

Постепенно убрали всех, кто мог оказаться даже нечаянным свидетелем или "в курсе случившегося". Были удалены или сосланы почти все работники "обслуживания", арестованы и погибли почти все родственники как Сванидзе – первой жены Сталина, так и Н. Аллилуевой (при странных обстоятельствах умерли Павел, ее брат, а также муж сестры С. Реденс; а сестру после войны отправят в ссылку); в заточении оказалась и Полина Жемчужина. Правда, все описываемое произошло отнюдь не сразу. Однако известно, что диктатор имел "длинную память".

Ни разу за всю последующую жизнь Сталин так и не посетил могилы жены. Памятник на месте ее захоронения был изготовлен и установлен по заказу семьи Аллилуевых. Сталин сохранил жизнь отцу Аллилуевой – старому большевику С.Я. Аллилуеву, но больше с ним уже не встречался.

Однако вернемся к той трагической истории. Сообщение о смерти Надежды Сергеевны появилось в "Правде" и других центральных газетах 10 ноября (часть – 11 ноября). "ЦК ВКП(б) с прискорбием доводит до сведения товарищей, – говорилось в извещении, – что в ночь на 9 ноября скончалась активный и преданный член партии тов. Надежда Сергеевна Аллилуева". Помещены были также многочисленные некрологи, соболезнования от друзей и близких – вплоть до 18 ноября. Под ними подписи Е. Ворошиловой, П. Жемчужиной-Моло-

Однако вернемся к той трагической истории. Сообщение о смерти Надежды Сергеевны появилось в "Правде" и других центральных газетах 10 ноября (часть – 11 ноября). "ЦК ВКП(б) с прискорбием доводит до сведения товарищей, – говорилось в извещении, – что в ночь на 9 ноября скончалась активный и преданный член партии тов. Надежда Сергеевна Аллилуева". Помещены были также многочисленные некрологи, соболезнования от друзей и близких – вплоть до 18 ноября. Под ними подписи Е. Ворошиловой, П. Жемчужиной-Моло-

¹² Версии об убийстве Аллилуевой придерживаются, например, французский публицист и политический деятель Б. Суварин, издавший еще в 1935 г. биографию Сталина – "Жизнь Сталина", и эмигрировавшая из СССР в 70-е годы по освобождению из заключения Л. Шатуновская, которая воспитывалась в семье старого большевика, члена ЦИК П. Красикова (ее книга, изданная в Нью-Йорке в 1982 г., называется "Жизнь в Кремле").

товой, З. Орджоникидзе, Т. Постышевой, Д. Хазан-Андреевой, М. Каганович, А. Микоян, а далее – членов Политбюро и А. Енукидзе, который возглавил комиссию по организации похорон.

И ни в одном некрологе или официальном сообщении ничего не сказано о причине смерти Н.С. Аллилуевой, кроме фраз о "внезапной кончине", "преждевременной смерти", "неожиданной смерти". Только 16 ноября в "Правде" появилось письмо Н.К. Крупской:

"Дорогой Иосиф Виссарионович, эти дни как-то все думается о вас и хочется пожать вам руку. Тяжело терять близкого человека. Мне вспоминается пара разговоров с вами в кабинете Ильича во время его болезни. Они тогда мне придали мужества. Еще раз жму руку".

Все – на публику: ниточка от Ленина к Сталину, воспоминания о разговорах у постели больного Ильича. Что это были за разговоры – хорошо известно, и вряд ли они могли придать мужества Надежде Константиновне. Так что все в этом письме похоже на загадку и трудно догадаться, чего здесь больше – напоминания, прощения или простой протокольной учтивости. И почему ее соболезнование опубликовано так поздно – ведь печатались до этого несколько дней соболезнования членов правительства и их жен, старых большевиков. И лишь под занавес – Н.К. Крупская (да еще в кампании с Н.И. Бухариным и менее знатными особами). Через день короткую телеграмму прислал из Италии Максим Горький.

18 ноября 1932 г. в газетах Сталиным была выражена "сердечная благодарность" всем организациям и отдельным лицам, выразившим ему "свое соболезнование по поводу кончины моего близкого друга и товарища Надежды Сергеевны Аллилуевой-Сталиной" (сочетание этих фамилий в печати появилось впервые).

Наступили мрачные дни.

Кольцо репрессий, принявших особенно разнузданный, тотальный характер после убийства С.М. Кирова (1 декабря 1934 г.)¹³, все теснее сжималось вокруг старых, преданных друзей, с которыми Надежда Константиновна и Владимир Ильич делили не один год горький хлеб эмиграции, вместе мечтали о создании общества социальной справедливости, вместе начали осуществлять задуманное. "Близких становится у меня все меньше и меньше", – признается в одном из писем Н.К. Крупская¹⁴.

Не желая оставаться безучастной к судьбе попавших в беду людей, еще в 20-е годы Крупская активно бросалась в защиту безвинно арестованных и сосланных. Ей удалось спасти от преследований талантливого химика инженера М.С. Соколова (благодаря настойчивым

¹³ Поразительную по своей точности догадку высказал тогда в дневнике выдворенный за кордон Л.Д. Троцкий: "Подготавливается какой-то новый этап, по отношению к которому убийство Кирова было лишь зловещим предзнаменованием" (*Троцкий Л. Дневники и письма. "Эрмитаж"*, 1986. С. 89).

¹⁴ РЦХИДНИ. Ф: 12. Оп. Д. 778. Л. 3 об.

На встрече с интеллигенцией столицы. В центре писатель Л.М. Леонов (1936 г.)

письмам, которые она направляла Уншлихту¹⁵. Ввиду ее заступничества из цепких объятий ГПУ были вырваны крупный писатель-натуралист В. Бианки¹⁶, дочь видного революционера Л.С. Радченко (о чем настойчиво просила Надежда Константиновна главу ОГПУ В.Р. Менжинского). Крупская стремилась облегчить участь старшего брата М.Н. Рютина Василия¹⁷, ленинградского краеведа Н.П. Анциферова (в связи с необоснованным арестом и высылкой в Сибирь) и т.д.

В январе 1935 г. были арестованы и репрессированы Г. Зиновьев и Л. Каменев, а также еще ряд политических деятелей, попавших в разряд "врагов народа" (часть по ложному обвинению – в организации убийства Кирова). Летом следующего года прошел шумный процесс по делу так называемого троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока. Обвиняемым Л.Б. Каменеву, Г.Е. Зиновьеву, И.Н. Смирнову, С.В. Мрачковскому и еще 16 представителям старой партийной гвардии предъявлялось обвинение в том, что они по указке Троцкого готовили "злодейское покушение на руководителей партии и правитель-

¹⁵ Там же. Д. 821. Л. 3.

¹⁶ Там же. Д. 928. Л. 3. Вместе с Лилиной и Калмыковой Н.К. Крупская обращалась с ходатайством к Г. Ягоде.

¹⁷ Там же. Л. 1. Василий Рютин работал авиаконструктором у Туполева. Был расстрелян в 1939 г., уже после кончины Крупской, хотя его невиновность была доказана. Сталин заявил, что слышать не желает об этой фамилии. Двумя годами раньше казнили и младшего брата – Виссариона Рютина, арестованного в 1935 г. (Возвращенные имена. М., 1989. Кн. II. С. 202).

ства". Им вменялись в вину убийство С.М. Кирова, подготовка покушения на Сталина и других "пролетарских вождей", они объявлялись шпионами, вредителями и диверсантами. "От фракционности – к контрреволюции" – этот тезис секретаря ЦК ВКП(б) Н. Ежова, который сменил в сентябре Г. Ягоду на посту главы НКВД, как нельзя лучше "теоретически" обосновал данное судилище.

Обвиняемые приговаривались к высшей мере наказания. С просьбой о помиловании лично к Сталину обратилась Н.К. Крупская. В ответ величайший актер политического театра, иезуитски изрек: члены Политбюро его, генсека, не поддержат, потому-де и обращаться с подобной просьбой он не может (!)¹⁸.

Обвиняемые были расстреляны.

Пытки, санкционированные Сталиным (а затем узаконенные правительственными циркулярами), чудовищные методы допроса, моральный террор приводили к тому, что обвиняемые давали совершенно дикое показание, оговаривали себя и друг друга, "сознавались" в никогда не совершавшихся преступлениях. Л. Каменев, например, заявил: "Мы служили фашизму, мы организовали контрреволюцию против социализма". "Я вернулся из Токио, имея в кармане мандат японского шпиона", – такого рода "самооговор" предприимет немного позднее подсудимый нового судебного спектакля Х.Г. Раковский, бывший председатель Совнаркома УССР, член Президиума ЦИК СССР. И надо было обладать семинаристским догматическим уровнем мышления сценариста процессов Сталина и маниакальностью прокурора-садиста Вышинского, чтобы не уловить очевидной насмешки Раковского над своими мучителями: он также "признал", что с 1924 г. был завербован английской разведкой, а затем не без иронии сообщил, что служил еще германской, румынской, французской секретным службам и вообще всем (!) капиталистическим разведкам¹⁹.

Заранее готовясь к новым кровавым оргиям, "хозяин Кремля" сделал так, что в деле о "троцкистско-зиновьевском центре" замелькали фамилии Бухарина, Рыкова, Томского и других инакомыслящих. А потом пришла и их очередь. Поскольку Бухарин и Рыков оставались кандидатами в члены ЦК, их судьба решалась на февральско-мартовском Пленуме 1937 г., сыгравшем решающую роль в подстегивании массовых репрессий. Одобрив сталинский курс на ужесточение борьбы с "троцкистскими шпионами и террористами", Пленум принимает резолюцию "по делу Бухарина и Рыкова". Страстная речь Бухарина, пытавшегося отвести несуразные обвинения в предательстве, шпионской деятельности, доказать, что показания против него группы арестованных "врагов народа" инспирированы, не могла ничего изменить в уже предрешенном деле. Разногласия возникли лишь в формулировке решения.

¹⁸ Наше Отечество. М., 1988. Т. 2. С. 315.

¹⁹ Судебный отчет по делу антисоветского "правотроцкистского блока" М., 1938. С. 150–155.

"Сталинский железный нарком" Н. Ежов предложил "исключить Бухарина и Рыкова из состава кандидатов в члены ЦК и членов партии, с преданием их суду военного трибунала, с применением высшей меры наказания – расстрела" Однако не все были столь категоричны: Постышев высказался "за исключение и предание суду, но без расстрела"; Буденный, Мануильский, Шверник, Косарев – "за исключение, суд и расстрел"; Антипов, Хрущев, Шкирятов, Николаева – "за исключение, суд без расстрела"

Сталин, видя, что обсуждение заходит в тупик, предложил свою формулировку – исключить Бухарина и Рыкова из партии, суду не предавать, а направить дело для расследования в НКВД. Придуманно было иезуитски превосходно! Ведь за видимой более мягкой формулировкой крылся тот же смертный приговор – из цепких лап НКВД в то время никто живым не выходил. За резолюцию Сталина проголосовало большинство присутствовавших, в том числе Крупская и М. Ульянова. А.М. Ларина-Бухарина вспоминает, что, придя с этого заседания домой, Николай Иванович рассказывал, как Мария Ильинична, голосуя за это решение, плакала²⁰...

Сохраняя остатки веры в справедливость НКВД, о чем свидетельствовали ее многочисленные записи с просьбами, Надежда Константиновна надеялась таким образом спасти Бухарина и Рыкова от немедленной расправы.

Июнь 1937 года. На очередном Пленуме ЦК Сталин уже настаивает на физическом уничтожении Бухарина, Рыкова и других "врагов народа" из правой оппозиции. Требуется предоставить Ежову чрезвычайные меры "для борьбы с контрреволюцией". Против этого решительно выступает известный деятель Коминтерна Осип Пятницкий. Он же, являясь заведующим политико-административного отдела ЦК, курировал в числе прочих вопросов и выполнение партийных положений в аппарате госбезопасности и внутренних дел, постоянно сталкивался с методами допросов, культивируемых Ежовым. Поэтому Пятницкий решительно возразил против наделения наркома такой полнотой власти и, наоборот, предложил усилить контроль за деятельностью НКВД и самого Ежова.

После этого выступления разгневанный Сталин прервал вечернее заседание (оно проходило 24 июня), объявив перерыв, во время которого к Пятницкому подходили некоторые члены ЦК и советовали отказаться от своих слов (большинство предпочитало вообще к нему не подходить). К "бунтовщику" затем подошли Молотов, Каганович и Ворошилов и, отозвав в сторону, сказали, что "хозяин" поручил им переговорить с запальчивым оратором и убедить Пятницкого взять на заседании свое заявление обратно. Особенно усердствовал Л. Каганович, который уверял, что этот инцидент будет сразу забыт, если просьба Сталина будет выполнена. Пятницкий наотрез отказался. Тогда Молотов жестко напомнил, что у "возмутителя спокойствия" есть семья –

²⁰ Бухарин: Человек, политик, ученый. М., 1990. С. 407.

дети, жена, посоветовал ему "подумать о них, об их судьбе" Но и этот цинизм и угрозы не остановили О. Пятницкого, который заявил, что сказанное им – вполне осмысленное действие, а отказаться от него ему не позволяет совесть, и он готов во имя справедливости пожертвовать всем.

Выслушав это, Молотов, Каганович и Ворошилов молча повернулись и ушли. Заседание так и не возобновилось.

А на следующий день, 25 июня, заседание Пленума началось речью "железного наркома" Ежова, который объявил, что компетентные органы располагают "неопровержимыми доказательствами, согласно которым Осип Пятницкий в годы реакции был осведомителем царского отделения" Поэтому он, Ежов, предъявляет этому "старому провокатору" обвинение и предлагает всем выразить ему политическое недоверие!

Выступившая Н.К. Крупская напоминает, что в годы подполья именно Пятницкий отвечал за технику связи с Россией из-за границы и по его линии в партии не было ни одного провала²¹. Но этот ее аргумент пропускается мимо ушей. Против политического недоверия О. Пятницкому голосовали Крупская, Каминский и Воропаев. Кстати, именно Григорий Каминский под влиянием гнетущей информации о массовых арестах заявил: "Так мы перестреляем всю партию" (вскоре он был арестован).

Бывший политзаключенный сталинских лагерей, член партии с 1930 г. М. Менделеев в письме сыну О. Пятницкого Игорю 23 декабря 1987 г. рассказал о том, что в мае 1938 г. его привезли этапом из Воркуты в Москву во внутреннюю тюрьму, где он некоторое время находился в камере с приговоренным к смерти бывшим генконсулом СССР в Харбине Б.Н. Мельниковым. Консул ему поведал: увы, от него требуют подтверждения, что Пятницкий является японским шпионом и резидентом других стран. Зная О.А. Пятницкого как члена партии с 1898 г., честного и прямого человека, Мельников стал всячески доказывать, что тот оклеветан негодяями. "И однажды, – рассказывал Мельников, – после длительных избиений и истязаний я не выдержал и согласился дать показания на Пятницкого..."

Через несколько дней охранники привели Мельникова в порядок, а следователь предупредил: "Держите себя согласно нашей инструкции". Затем его привезли в Кремль и ввели в обширную комнату. "За большим столом сидел Сталин, недалеко от стола – человек 10–12. Узнал я Молотова, Ворошилова, Кагановича и поодаль Н.К. Крупскую.

«Я услышал голос Сталина, – продолжал Мельников: "Товарищ Крупская утверждает, что она не верит и не допускает, чтобы Пятницкий был шпионом. Товарищ Ежов вам доложит и фактами убедит вас". Ежов встал, вынул лист бумаги из портфеля и, оглядел сидящих в комнате, обратился ко мне: "Гражданин Мельников!.." Он начал зада-

²¹ "...Ему 50 лет. Много пережито и много достигнуто", – приветствовала Крупская Осипа Пятницкого, когда отмечался его полувековой юбилей (Правда. 1932. 31 янв.).

А.С. Бубнов и М.И. Ульянова среди рабселькоров

вать известные мне вопросы. Я отвечал согласно инструкции. И вдруг услышал резкий, возмущенный голос Н.К. Крупской:

"Он лжет! Он фашист, он негодяй!" – и бросила в комнату: "Вячеслав Михайлович! Климент Ефремович! Лазарь Моисеевич! Вы ведь хорошо знаете Пятницкого. Он ведь честнейший человек. Его очень любил и уважал Ленин".

Крупская заметалась, искала глазами сочувствующих. Ответом было гнетущее молчание... Молчание прервал голос Сталина:

– Товарищ Крупская не доверяет показаниям Мельникова. Что ж, проверим еще".

Меня увели из комнаты заседаний и привезли на Лубянку»²².

Теперь хорошо известно, чем заканчивались "дополнительные проверки" – ужесточение следствия, нагромождение измышлений²³, высылка в концлагерь или немедленный расстрел...

Надежда Константиновна лично обращается к Сталину относительно судьбы Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, О.А. Пятницкого. Ее просьбы остались без ответа. Письма Крупской Сталину – серьезные социально-психологические документы. Что ею двигало? Почему она взывала к человеку, которого знала как непорядочного, коварного, жестокого? Что подпитывало ее надежду? Одно из объяснений кроется в том, что она находилась, как и миллионы граждан, во власти феномена "вождя",

²² Жаворонков Г. И единожды не солгавший // Моск. новости. 1988. 10 апр. (приведенная запись хранится в архиве И.И. и В.И. Пятницких).

²³ Ежовскими опричниками была, в частности, сфабрикована фальшивка, будто Муралов и Пятницкий готовили теракт против Р. Эйхе (в 1940 г. сам Р.И. Эйхе, арестованный по злостному навету, будет расстрелян).

за которым оставалось последнее справедливое слово. И какие могли быть сомнения в правильности истребительной политики, если все средства идеологического, морального воздействия кричали о несметных стаях врагов, шпионов, диверсантов, покушавшихся на "единственное в мире государство рабочих и крестьян", находившееся "во враждебном окружении"? Да плюс еще Троцкий, который, как, захлебываясь, кричала пресса, надрывалось радио, плел свои коварные планы свержения социалистического строя. А публичные признания арестованных в своей вредительской деятельности! Враг пробрался даже в ближайшее окружение Сталина – в кругах, близких к правительству, стало известно, что арестованы почти все родственники его покойной жены!

Под прессом таких обстоятельств невольно в душу закрадывались сомнения: а вдруг все правда?

Были и другие попытки вступиться, тщетные и порой весьма унижительные. По воспоминаниям бывшего редактора газеты "Известия" И.М. Гронского (он был репрессирован, но дожил до реабилитации), Надежде Константиновне удалось добиться приема у "вождя" относительно судьбы безвинно арестованного бывшего председателя Совнаркома РСФСР Д. Сулимова. "Ведь это же преданнейший народу человек, Сулимчик, как ласково называл его Ильич", – доказывала она нервозно выслушивающему ее Сталину. "Разберемся", – холодно отрезал он, а когда Крупская вышла, прокричал (чтобы слышала): "Больше ко мне *эту* не пускать!"

Спасти Бухарина, Рыкова, Рютина, Пятницкого и Сулимова не удалось...

"Меня никто не слушает!" – как-то вырвалось у Крупской в разговоре с А.Д. Сергеевой. Конечно, Надежде Константиновне было очень горько сознавать свое бессилие, невозможность что-то реально изменить, отвести сталинский топор от несчастных, попавших в страшную беду. Однако попыток не прекращала. Как депутату и заместителю наркома ей было запрещено принимать родственников арестованных и репрессированных граждан. Тем не менее немало из них попадало к ней на прием. Длинные очереди заполняли тогда Телеграфный переулок, примыкавший к Наркомпросу, ибо Надежда Константиновна в ту ужасную пору оставалась для них примером человеческой порядочности; вместе с ними терзалась из-за произвола, бессердечия и несправедливости. «Большая часть посетителей с мест, – отмечалось в справке секретариата Наркомпроса, – считают, что Надежда Константиновна – "всеобщая мать", которая все может и все делает». Она действительно помогла всем, кому могла, хотя ее возможности были крайне ограничены. "Немало приходит граждан, – читаем далее в справке, – которые решили обратиться к Надежде Константиновне Крупской, находясь действительно в крайне тяжелом, безвыходном положении" Только за декабрь 1937 и январь 1938 г. ею и ее секретариатом было принято 1776 человек (в день 46–47 посетителей)²⁴.

²⁴ РЦХИДНИ. Ф: 12. Оп. 1. Д. 24. Л. 5, 8.

"Преимущественно это личные дела судебного и бытового порядка. Превалируют просьбы, связанные с судебным разбирательством, помилованием, досрочным освобождением, пересмотром дела. Среди просьб о материальной помощи доминируют от семей заключенных" – таковы были выводы справки Наркомпроса РСФСР.

Попавших под безжалостный кровавый конвейер НКВД становилось все больше и больше.

А тут еще 12 июня 1937 г. умирает Мария Ильинична Ульянова. В начале 30-х годов она периодически болела, и в письмах к друзьям Надежда Константиновна с беспокойством отмечает, что она угасает на глазах. "У нас сейчас сильно хворает Мария Ильинична, – пишет Крупская Е.Д. Стасовой 7 февраля 1931 г. – У нее ползучее крупозное воспаление легких, больна второй месяц и сильно слабеет с каждым днем"²⁵.

И вот внезапная кончина от инсульта²⁶. В "Правде" на другой день появляется траурная заметка Н.К. Крупской. Внимание привлекает фраза (по убеждению А. Курской и Н. Парфеновой, ее вписала редакция): "Мария Ильинична с особой любовью всегда относилась к товарищу Сталину, понимая всю его роль в деле осуществления заветов Ильича" Возможно, что постаралась редакция. Однако можно предположить, что это сделано самой Крупской, ибо она прекрасно понимала, что подобная дань установленному тогда ритуалу несколько застрахует ушедших из жизни от последующего полного забвения. Ведь подобных случаев было предостаточно: быстро забыли о В. Ногине, И. Скворцове-Степанове, С. Камо, П. Стучке, Н. Нариманове, П. Смидовиче, Л. Красине, Д. Курском. "Фигуру умолчания" Коба расточал налево и направо...

Никто не был в условиях Большого террора застрахован от сталинской секиры. Понимала ли это Крупская? Скорее всего, ДА. А к тому же опричники "батыра Ежова" (наркома так величал известный акын Джамбул в сочиненной им песне) буквально неистовствовали. Например, ретивый сталинский "мастер заплечных дел" Яков Агранов, тот самый, который поднаторел еще на первых лжесудилицах начала 30-х годов (лично истязал А. Чайнова и другие безвинные жертвы), а также "блестяще оправдал доверие "вождя", выбив из убийцы Кирова Николаева и других арестованных "нужные показания" Агранов становится "правой рукой" Генриха Ягоды и вскоре поселяется в Зубалове по соседству с "великим вождем", что говорило о многом... И вдруг – явная опала или, точнее, неполное доверие; падение Г. Ягоды

²⁵ Там же. Д. 782. Л. 20.

²⁶ В следующем году во время процесса над Н.И. Бухариным Крупская скажет своему секретарю В. Дридзо: "Как хорошо, что Манечка этого не видит". Ведь не эдадолго до кончины Марии Ильиничны Крупская и Ульянова добились приема у Сталина и просили сохранить жизнь Бухарину. Аудиенция была недолгой и безрезультатной. "Безобразие! За злейшего врага народа ратуют!" – прокричал им вслед генсек. (Случайным свидетелем этой сцены оказался Михаил Кольцов, находившийся в приемной. В тот же день об этом он рассказал своему брату Борису Ефимову.)

бумерангом отозвалось на Агранове – 1 июня 1937 г. его, первого заместителя шефа НКВД, отправляют в Саратов начальником местного управления внутренних дел с особым спецзаданием по раскрытию "гнезд германской разведки" в Автономной республике немцев Поволжья.

Столь подозрительное понижение, как понял опытный жандарм, не предвещало ему ничего хорошего. И, чтобы спасти свою шкуру, он начал с диким рвением вылавливать "банды притаившихся вредителей и диверсантов, шпионов и заговорщиков". Даже закаленные в чекистских провокациях его провинциальные коллеги, как отмечает видный публицист Арк. Ваксберг, "и те ошалели от буйств нового начальника", неукротимая фантазия которого создала на подведомственной ему территории за несколько дней сотни и тысячи "заговорщических групп", которые быстро "признавались в преступлениях"...

Среди "германских шпионов", согласно доносу Я. Агранова, оказалась... Надежда Константиновна Крупская (сталинский оберпалач отлично знал, что "хозяин" люто ее ненавидел, но подобное самовольство вызвало бешенство "вождя"). К тому же рядом с Крупской в списке изобретательный палач поставил и Георгия Маленкова, к которому Сталин уже благоволил.

Агранов сочинил и отправил своему новому шефу Н. Ежову иезуитское послание с предложением немедленно арестовать Крупскую и Маленкова. Его вскоре вызывают в Москву, и Ежов, познакомивший "отца народов" с безумным письмом ретивого интригана и садиста, устроил автору беспощадный разнос. А вскоре предводителя чекистов Республики немцев Поволжья арестовали, и через год – 1 августа 1938 г. – он был расстрелян как "агент германской и польской разведок" ...²⁷

Старые революционеры, стиснув зубы, в массе шли на бессовестные условия навязанной им игры ради того, чтобы не оказаться вне партии, без которой не мыслили своего существования, а также ради возможности отдать силы и знания делу возрождения и прогресса страны. Однако даже такие, морально униженные, вынужденные пойти на сделку с совестью, они оставались опасными для узурпатора. В той сложнейшей обстановке чрезвычайно трудно было разобраться в сути – понять коварный и преступный смысл сталинского курса на искусственное нагнетание подозрительности и страха. Ведь каждодневно газетные полосы заполнялись материалами о необходимости в интересах социализма повышать бдительность, выявлять и выкорчевывать "вредителей", мешающих движению вперед. Вещало об этом и радио, шпионская тема выдвинулась на первый план в документальном и

²⁷ Досье ЛГ (Приложение к "Литературной газете". 1993. № 5. С. 21). Как выяснил исследователь Арк. Ваксберг, хлопоты дочери Агранова по поводу реабилитации отца (она писала Ворошилову, Кагановичу и другим бывшим патронам Я.С. Агранова) не дали положительного результата. Он и сегодня числится "агентом германской и польской разведок, по заданиям которых собирался убить товарища Сталина" (Там же).

художественном кино ("Партийный билет", "Великий гражданин", "Комсомольск", "Член правительства" и др.).

Всюду славились чекисты НКВД, герои бдительности, вылавливающие несметное число диверсантов и "врагов народа". "Идут с заявлениями о фактах вредительства, называют фамилии, имена людей, требуют скорейшего разбора", – сообщал из Ленинграда корреспондент "Правды". Поступает грозное известие: ЦК СССР увеличивает срок лишения свободы "вредителю" от 10 до 25 лет. По случаю 20-летия ОГПУ-НКВД (юбилей приходится на роковой 1937 г.) в Большом театре состоялось торжественное собрание. Бурно рукоплещут в честь кандидата в члены Политбюро ЦК "сталинского железного наркома" Н. Ежова. Докладчик – А.И. Микоян. "У нас каждый трудящийся – наркомвнуделец!" – заявил он. Тех, кто недостаточно оперативно и в нужном направлении реагировал на установки сталинского режима, ждали большие неприятности. Пропаганда ловко использовала трагическую гибель пионера Павлика Морозова для разжигания доношительства (хотя донощиком он не был, а лишь честно сказал на суде правду об отце – пьянице и мздоимце, постоянно избивавшем мать, а затем бросившем семью)²⁸.

Противостоять репрессиям, когда каждый должен был становиться "наркомвнудельцем", было крайне сложно. Результаты погромов наркоматов и республиканских парторганизаций были поистине опустошительными²⁹.

Из страшного 1937 г. дошли до нашего времени горькие строки, написанные в те дни Крупской: "Я процветаю плохо". Иное трудно себе представить, ибо только к 1 марта в аппарате Наркомпроса РСФСР было осуждено 228 человек³⁰. О серьезных переменах в стиле деятельности секретариата наркомата свидетельствовала заключение-справка, направленная на самый верх, в которой провозглашалось: "Основным материалом нашей работы является бдительность, основанная на глубоком контроле"³¹. Оставим в стороне "изящную словесность" данного документа: существеннее другое – его политический смысл. Обстановку, сложившуюся в Наркомпросе, довольно точно характеризует письмо Надежды Константиновны Сталину 5 июля 1937 г. Прежде всего она отметила, что "власть наркома в наркомате безгранична (эти слова она подчеркнула. – Авт.). И не всякий нарком пользуется

²⁸ 10 января 1934 г. Н.К. Крупская принимала в Наркомпросе мать погибшего – Татьяну Семеновну и тепло беседовала с ней (РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 21/2. Л. 112 об). В конце 80-х годов в печати появились продиктованные политическими соображениями клеветнические наветы с целью представить павшего от рук убийц мальчика донощиком. См. подробнее: Кононенко В. Павлик Морозов: Правда и вымысел // Комс. правда. 1989. 5 апр.

²⁹ Возможно, наибольший урон понесла компартия Грузии. После XX ее съезда (май 1937 г.) было арестовано, сослано и расстреляно 66% делегатов (Очерки истории компартии Грузии. Тбилиси, 1963. С. 160). Из 28 наркомов в 1938 г. 20 были репрессированы (Юность. 1989. № 3. С. 70).

³⁰ РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 612. Л. 8–16.

³¹ Там же. Д. 24. Л. 12.

этой властью так, как надо... Но вот чего *нельзя допускать* – это превращения парткома в простое орудие выполнения воли наркома. Нельзя, чтобы нарком грозил не только уволить с работы, но и исключить из партий. Это безмерно усиливает бюрократизм, подхалимство, и без того процветающие в наркомате. Нельзя, чтобы секретарь парткома был просто исполнителем воли наркома.

Получается атмосфера подсиживания друг друга, сплетен, чтения в сердцах, получается безысходная склока...". Люди пишут под псевдонимами в газеты, безответственно клеветают на работников. "Все это пагубно отражается на деле"³², – включает характеристику положения в Наркомпросе РСФСР Крупская. В тот момент, возможно, она не смогла до конца осознать, что все эти процессы, разъедавшие до того здоровый организм Наркомпроса, отражали не столько "злую волю" наркома А.С. Бубнова, сколько трагические и зловещие перемены в самом государстве: нормой становились не просто зажим демократии, а издевательства над человеческим достоинством, всеобщее недоверие и подозрительность, истерические поиски врага.

Значение школы Сталин отлично понимал и делал все, чтобы пресечь попытки развивать педагогику как науку. Правда, внешне он "проявлял заботу" о расширении педагогических исследований. Однако на деле он строил педагогику усмирения, соответствующую его политическим целям. Проводить же в жизнь ее должен был преобразованный Наркомпрос. А для этого принимаются меры к тому, чтобы выхолостить подлинное содержание идей Крупской, Макаренко, Шацкого, Блонского, Луначарского.

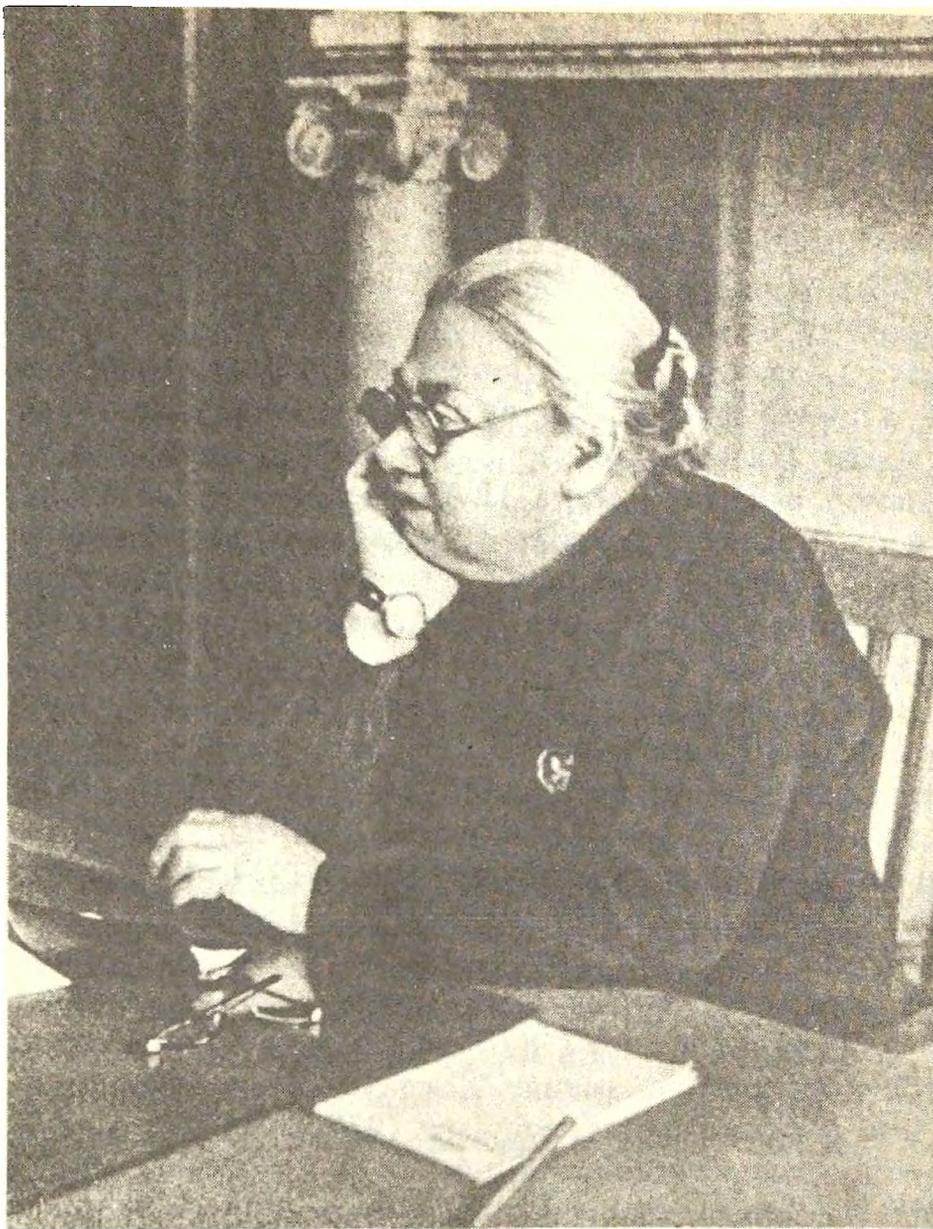
Помимо постыдной кампании по дискредитации педагогов-новаторов напрямую, делаются шаги по их шельмованию и окольными путями. Так, чтобы травмировать Павла Петровича Блонского, арестовали его сына (тоже Павла), который блестяще знал несколько иностранных языков, выписывал в библиотеке иностранную литературу и... был обвинен в шпионаже. Заведующая Мосгороно А. Сергеева, узнав о случившемся, сразу сказала: "Я пойду к Крупской, может, она поможет". Однако интеллигентнейший П.П. Блонский категорически возразил: "Ни в коем случае. Вы не уйдете от меня до тех пор, пока не дадите слово этого не делать. Надежда Константиновна одна, а таких, как мой сын, много"³³.

Узнав о трагедии в семье известного педагога, Н.К. Крупская немедленно включается в спасение его сына. Пишет письма в НКВД (Б. Берману), разговаривает об этом и с шефом карательных органов Ежовым, добиваясь пересмотра дела.

3 мая 1937 г. Крупская пишет письмо Н.С. Хрущеву о простом грузчике В.Н. Журавлеве, которого обвинили во вредительстве и шпионаже. "Поручите кому-нибудь обследовать это сомнительное дело", –

³² Изв. ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 177–178.

³³ Цирюльников А. На Чистых прудах: Штрихи к портрету Н.К. Крупской // Известия. 1989. 24 февр.

В год Большого террора

призывает Надежда Константиновна³⁴. Арестован шофер Ленина С. Гиль (он последнее время был водителем у Крупской). "Степан Казимирович Гиль, – пишет она Н. Ежову, – честный, добросовестный, опытный, преданный работник и хороший товарищ"³⁵. Благодаря заступничеству Н.К. Крупской все же *тогда* удалось спасти от гибели И.Д. Чугурина (3 апреля 1917 г. он вручил Ленину, вернувшемуся из эмиграции, партийный билет). Обращается она с ходатайством и в Комиссию Партийного Контроля, в том числе к М. Шкирятову (например, по тоже "сомнительному делу" учительницы Лейпунской, ручаясь, что она "хороший работник"). В фонде Крупской сохранилась копия ее письма "в Наркомпрос УССР тов. Игнатенко" от 27 января

³⁴ РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 783. Л. 11.

³⁵ Там же. Д. 903. Л. 1.

1938 г. следующего содержания: "Просила бы Вас обратить внимание на письмо одного парнишки и выяснить, верно ли, что его за письмо к Сталину с жалобой на тяжелое положение в интернате выбросили из интерната, и, кстати, посмотреть, что это за интернат"³⁶.

Не могла Крупская оставаться безучастной (несмотря на безрезультативность многих ее усилий по спасению людей), когда беда нагрянула в семью старых революционеров Емельяновых. Ведь именно Николаю Александровичу Емельянову, члену партии с 1904 г., в июле 1917 г. ЦК РСДРП(б) поручил укрыть Ленина и Зиновьева от преследования Временного правительства, и он выполнил это задание. Однажды (это было в разгар Большого террора), как вспоминала В. Дридзо, к Н.К. Крупской приехала жена Н.А. Емельянова – Надежда Кондратьевна и просила помочь в горе. Крупская тут же позвонила в НКВД "по вертушке" В ответ услышала: "Да, конечно, мы разберемся. Да, да..." И "разобрались" – Особое совещание присудило Н.А. Емельянову 10 лет тюрьмы, а в 1937 г. он был сослан в Сарапул.

Неоднократно пишет Ежову и разговаривает с ним Крупская по телефону о судьбе Емельяновых³⁷. "Вы обещали это дело устроить, – напоминает она в записке, посланной 12 апреля 1937 г. – Но боюсь, что Вы про телефонный звонок забудете". И вновь добавляет, что Н.А. Емельянов – преданный народу человек. "Глубоко преданный", – подчеркивает Надежда Константиновна³⁸.

Не помогло...

Впрочем, ничего нет удивительного: к тому времени на все протесты Крупской и Сталин и органы НКВД, как заметил Рой Медведев, перестали вообще обращать внимание. Когда на торжественном заседании, посвященном памяти Ленина, в январе 1938 г., Крупская обратилась к Ежову с вопросом по поводу судьбы ряда известных ей товарищей, Ежов ничего не ответил, а просто повернулся и молча отошел³⁹.

И вновь оставалась одна надежда, хотя и она часто оказывалась призрачной, – написать И. Сталину. 14 июня 1938 г. Надежда Константиновна берет за перо и пишет "дорогому Иосифу Виссарионовичу" (эпитет "дорогой" в отношении Сталина она употребила в письмах всего несколько раз):

"Вы знаете, конечно, Николая Александровича Емельянова, у которого Ильич скрывался в 1917 г. Ильич очень любил его и его жену Надежду Кондратьевну, мне велел заботиться о них. Я их хорошо знаю, оба честнейшие, преданные партии люди. В связи с арестом старших сыновей был выслан и старик Емелья-

³⁶ Там же. Д. 761. Л. 63.

³⁷ Сталинские каратели посчитали достаточным поводом то, что в 1927 г. Н.А. Емельянов и два его сына – Александр и Кондратий высказали поддержку оппозиции. С 1934 по 1939 г. Александр провел в заключении. Арестованный тоже в 1934 г. Кондратий был расстрелян в 1937 г. В 1935 г. взяли под стражу третьего сына – Николая. Убит "при попытке к бегству".

³⁸ РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 840. Л. 1 об.

³⁹ Медведев Р.А. К суду истории... Нью-Йорк, 1974. С. 389.

нов. Живет с женой в Сарапуле. Он все время получал пенсию 400 рублей, старик больной, зарабатывать не может.

Вдруг в этом году пенсию от него отняли да еще заявили, что будут взыскивать с них за прежние годы. Отняли пенсионную книжку, и старики мучаются.

Я говорила с Николаем Ивановичем Ежовым, он сказал мне, что он не возражает, пусть получают пенсию, сказал сразу, без всяких колебаний. Но пенсию не выдают".

Крупская настаивает: "Большая просьба дать указание. Что же старикам нищенствовать-то, не заслуживают они этого. Я не хотела беспокоить Вас, да Ильич очень их любил, да партийцы они хорошие"⁴⁰.

Жизнь Н.А. Емельянова была спасена...

Будучи руководителем Библиотечного управления Наркомпроса, Надежда Константиновна всеми силами пытается противодействовать расширявшемуся процессу ликвидации литературы неудобных властям авторов, т.е. кампании мракобесия по уничтожению духовных ценностей, смахивающей на гитлеровские костры по сожжению "враждебных рейху книг". Таким образом из сознания масс стремились вымыть целые пласты отечественной и зарубежной культуры.

В ноябре 1937 г. в письме Н. Ежову Надежда Константиновна высказывает несогласие с постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) по поводу книжки Денисьева о комплектовании библиотечных фондов, написанной якобы в целях шпионажа. Книга, в защиту которой бесстрашно выступила Н.К. Крупская, являлась как раз примером научного изучения и подхода к спросу читателей, планирования библиотечного дела. "Я прочитала книжку Денисьева... и скажу по правде, что вредительства в ней не нашла... Боюсь, что постановление Оргбюро от 10.XI будет истолковываться в направлении, вредном для развития библиотечного дела, – отмечала Надежда Константиновна. – Я написала было письмо Иосифу Виссарионовичу⁴¹, но потом подумала, что лучше его направить Вам, хотя вопрос, по-моему, большой принципиальной важности, но загружать Иосифа Виссарионовича не хочется. Прилагаю копию написанного было мною письма Иосифу Виссарионовичу, оно покажет, что меня волнует..."⁴²

Разумеется, решение Оргбюро ЦК оставили в силе...

Понимала ли Крупская масштабы истребительной политики Сталина и его приспешников? Секретарь ее В.С. Дридзо отвечала на это отрицательно. "Конечно, – по ее словам, – Надежда Константиновна не представляла всей меры изуверства Сталина. Попытки, избияния держались в строжайшем секрете". К тому же Крупская очень скоро поняла, что людям после ее вмешательства становилось нередко даже хуже.

⁴⁰ Изв. ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 179–180.

⁴¹ Упомянутое письмо Сталину в черновиках Н.К. Крупской не обнаружено.

⁴² РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 829. Л. 1–1 об.

Можно представить меру отчаяния Надежды Константиновны от сознания своего бессилия, особенно когда речь шла о людях, которых она хорошо знала по революционной борьбе и работе и которых карательные органы вдруг объявляют предателями и шпионами. Поэтому она не скрывает гнева по поводу незаконного ареста И.И. Радченко в письме прокурору СССР А. Вышинскому и в письме Н. Ежову в связи с заключением под стражу П.В. Руднева, заявив: "Это преданнейший член партии, никогда ни в каких оппозициях не бывавший..."

В.С. Дридзо была убеждена, что в целом Надежда Константиновна мало верила известиям о массовых расстрелах. Она никогда не говорила о своих сомнениях. "Душевные переживания у нее были очень глубоко. Думаю, что силы ей давало отношение к ней народа. И еще, она буквально глушила себя работой"⁴³. А правда о чудовищных злодеяниях просачивалась несмотря на завесу лжи и бодряческой эйфории. "Последний раз я видел Надежду Константиновну и разговаривал с ней за два года до ее смерти, когда меня перевели с Украины на работу в Москву, – вспоминал Г.И. Петровский. – Мы встретились в Кремле у порога здания Совнаркома. Печально смотрели на меня грустные глаза Надежды Константиновны. Но говорила она о деле, о работе"⁴⁴. Ведь в течение только одного 1938 г. Крупская выступала перед различными аудиториями 172 раза, написала 112 статей и 2500 писем. "Часов в 7 прихожу домой и сейчас же хватаюсь за работу опять, – признавалась Надежда Константиновна в письме А.И. Радченко. – Самое главное – удастся много продвинуть – ну вот и боюсь на минутку оторваться от дела. Ради работы живу, в успехах работы – моя радость"⁴⁵.

Даже в последний месяц своей жизни – в январе 1939 г. – Крупская написала 20 статей, 16 раз выступала перед учителями, рабочими и служащими, написала 240 писем колхозникам, красноармейцам, школьникам, испанским детям, женщинам-активисткам, рабочим⁴⁶.

Почет и уважение к ней внешне соблюдались. До самой смерти она оставалась в той же квартире в Кремле, где они жили с Владимиром Ильичем и Марией Ильиничной. Те же шоферы возили ее. Заместитель наркома просвещения РСФСР, а с 1927 г. член ЦК ВКП(б). Избиралась во ВЦИК, ЦИК СССР, ее избрали депутатом Верховного Совета СССР (первого созыва), членом Президиума высшего государственного органа страны, наградили орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

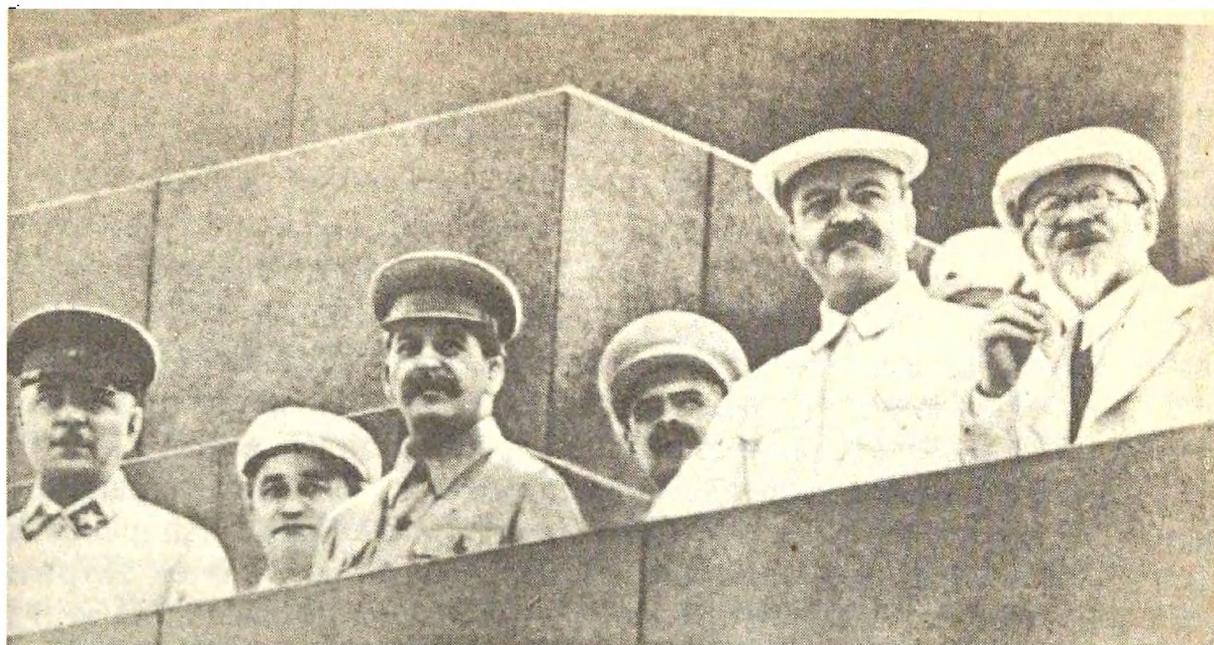
«И одновременно, – свидетельствовала В. Дридзо, – очень холодное и пренебрежительно-неприятное отношение сверху. Однажды один из партфункционеров ЦК, ведавший вопросами народного образования, позволил себе стучать кулаком по столу и кричать в лицо Надежде

⁴³ См.: Комс. правда. 1989. 26 февр.

⁴⁴ РЦХИДНИ. Ф. 482. Оп. 1. Д. 37. Л. 57.

⁴⁵ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 781. Л. 102.

⁴⁶ См.: Сов. педагогика. 1989. № 1. С. 106.

Сталинский штаб на трибуне Мавзолея (1938 г.)

Константиновне: "Я вам покажу связь школы с жизнью!" Ей помогали жить и работать глубокое уважение и любовь масс»⁴⁷. И Н.К. Крупская отвечала им, как всегда, тем же.

В ее дневниковой записи от 10 и 11 января 1939 г. читаем:

"Послать письмо Берия". И тут же: "1) Позвонить Поскребышеву; 2) Переслать письмо Сталину".

О чем шла речь, что ее беспокоило? Смысл пометок становится ясным заключительной фразой: "Выяснить скорей о Чудове"⁴⁸. Надежда Константиновна тревожилась о судьбе одного из сподвижников и друзей С.М. Кирова – Михаила Семеновиче Чудове, члене ЦК, Президиума ЦИК СССР, бывшем втором секретаре Ленинградского обкома партии, который томился, по ее данным, в застенках НКВД.

Однако Н.К. Крупская не знала, что в 1937 г. М.С. Чудов уже разделил трагическую судьбу многих лучших сынов Отечества – был казнен сталинскими палачами...

А самой Надежде Константиновне осталось жить немногим больше месяца. Из той тревожной поры до наших дней дошли ее горькие слова: "Жизнь, конечно, не Невский проспект, и на многое берет досада"⁴⁹.

⁴⁷ Дридзо В. О Крупской // Коммунист. 1989. № 5. С. 106.

⁴⁸ РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1020. Л. 39, 45.

⁴⁹ Там же. Д. 781. Л. 95.

СМЕРТЬ НАЙДЕТ ПРИЧИНУ...

...Ушла из жизни Надежда Константиновна как-то внезапно.

В день отъезда на отдых в "Архангельское" 23 февраля 1939 г. она успела многое сделать – просмотрела 25 писем, подготовила на большинство из них ответы, приняла граждан и дала необходимые распоряжения по неотложным делам. Связалась по телефону с Андреевым, Пospelовым, Поповым, позвонила в "Правду". В ее рабочей тетради помечено также: "Заседание Совнаркома"¹. Она побывала на нем и выступила о третьем пятилетнем плане в области политпросветработы в РСФСР.

Таким же напряженным, деловым был день накануне. В дневнике Н.К. Крупской ее рукой помечено: "Просмотреть работу Никифорова по улучшению деятельности библиотек". Значатся 11 человек, которым она обязательно должна была позвонить, а часть из них и принять. Одновременно работала над статьей, посвященной Дню 8 марта. Ей поступило приглашение на заседание редакции "Правды". Подготовила ответное письмо в Грязовецкую школу слепых Вологодской области, написала записку в Верховный Совет Белорусской ССР. С участием членов Коллегии Наркомпроса РСФСР заслушала отчет Челябинского областного отдела народного образования о состоянии работы по ликвидации безграмотности среди взрослых².

Одним словом, обычные трудовые будни. Но последние в ее жизни. 27 февраля 1939 г. Н.К. Крупской не стало...

Прошло много лет, и факт неожиданной кончины Крупской начал обрастать (помимо естественных вопросов) таинственными подробностями, легендами и вымыслом. Большое число публикаций об этом появилось в связи со 120-летием со дня рождения Надежды Константиновны. Наряду с серьезными, объективными работами вышел в свет и ряд сомнительных, поверхностных, а то и просто явно недостоверных по содержанию, где неумная фантазия, тяга к сенсациям заслонили факты, грубо искажая историческую реальность. Не утруждая себя точным знанием необходимых деталей для выяснения истины, сознательно игнорируя события и обстановку того времени, некоторые авторы статей и выступлений поддались соблазну пустить в ход весьма остросюжетные версии – прямо в духе средневековых трагедий. На

¹ Речь идет о заседании правительства РСФСР.

² РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1020. Л. 122 об.

сей счет немало ходит различных историй детективного свойства и за рубежом³.

Пожалуй, самая большая загадка, которую унесла с собой Надежда Константиновна, – это, о чем она собиралась выступить на XVIII партсъезде в марте 1939 г. и насколько нежелательным, рискованным или даже страшным ее выступление могло быть для Сталина, тоталитарного режима вообще.

О своем решении выступить на съезде не раз говорила Н.К. Крупская своим ближайшим друзьям и сподвижникам – А. Курской, А. Кравченко, Л. Фрид, В. Дридзо. Подтверждали это Д. Элькина, М. Смушкова, Е. Зомбе (с которыми нам также приходилось беседовать). Факт намерения Надежды Константиновны выступить на предстоявшем форуме отмечается и Ольгой Дмитриевной Ульяновой.

Отнюдь не исключено, что Крупская хотела не просто выступить, но сказать о грубом попрании демократических норм партийной жизни, о произволе и репрессиях. Так по крайней мере утверждали Фрид, Руднева и ряд других ее соратниц. "При твердом характере и смелости Надежды Константиновны, – считала Д.Ю. Элькина, – такое должно было произойти".

Однако нельзя не допустить и другого: взвесив всесторонне ситуацию, Крупская могла заколебаться и даже прийти к иному выводу. Во всяком случае, подтверждая ее первоначальное решение выступить на XVIII съезде с резким осуждением сталинского режима, А.Г. Кравченко (беседа с ней состоялась в 1971 г.) вспомнила и другую встречу с Надеждой Константиновной незадолго до ее кончины. "Вполне вероятно, – сказала тогда Анна Григорьевна, – она не могла не задуматься о том, что будет с ее близкими и сподвижниками – скажи она всю правду о беззакониях с трибуны на весь мир..."

И вот о последней, наверное, встрече Кравченко с Крупской. Надежда Константиновна была грустна. Сидела на кровати и смотрела вниз. Сразу чувствовалось, что она о многом передумала и пришла к каким-то важным в ее жизни решениям. Никакой при этом растерянности. "Я спросила о ее самочувствии. Ответила не сразу, печально улыбнулась. Мы обе молчали... Затем я спросила, обняв ее, как она готовится к съезду, – рассказывала Анна Григорьевна. – На мой второй вопрос она печально заметила, что задуманная ею речь делу не поможет, что, наверное, она вообще выступать не будет".

– Почему, Надежда Константиновна? – спрашиваю.

³ Так, в книге Леонарда Гендлина "За Кремлевской стеной", опубликованной в Лондоне в 1983 г. утверждается: Иосиф Сталин приказал Ежову и Вышинскому убрать Крупскую (т.е. физически уничтожить) «после одного из бурных объяснений с ней по поводу фильма "Ленин в Октябре" и романа Алексея Толстого "Хлеб"» (она считала их навсиль сфальсифицированными). Обстоятельства ее кончины автор называет "загадочными", а затем следует фраза: "Хрущев как-то проговорился, что ее отравили" (Гендлин Л. Указ. соч. С. 350–360). Разумеется, подобные суждения нельзя безоговорочно принимать на веру.

– Аня, милая, с трибуны снимут, если я даже мельком скажу о безобразиях в стране. Ведь так однажды уже было⁴.

В то же время у нас нет оснований не верить утверждениям других соратниц Крупской о первоначально задуманном содержании выступления. И если диктатору стало об этом известно каким-то путем, участь Крупской решена была бесповоротно. По свидетельству В.С. Дридзо, Надежда Константиновна «действительно собиралась выступать на XVIII съезде ВКП(б), действительно готовилась. Но по своим "рабочим" вопросам. Не против Сталина, не против репрессий». Так было сказано секретарем Крупской в интервью "Комсомольской правде" 26 февраля 1989 г. Думается, данное мнение не бесспорное. Корреспондент газеты Т. Яковлева тоже усомнилась, тотчас же задав вопрос: "Но могло быть, что она Вас не посвятила в свои планы?" Ответ не рассеял сомнения: "Нет. Она не стала бы выступать, потому что прекрасно понимала: это уже ничего не изменит".

Итак, две фразы рядом: "готовилась выступать, но по своим рабочим вопросам" и "не стала бы выступать". Где истина?

Мы же убеждены, что сам характер Крупской не позволял ей идти на некое половинчатое решение. К тому же речь "по рабочим вопросам" неминуемо означала бы поддержку (в общем хоре) сталинской линии. Короче, или выступить и сказать все, или вообще не выступать! Только так могла поступить Крупская.

Размышлять по данному поводу в наши дни, разумеется, легче, чем в точности реконструировать картину того прошлого, проникнуть в сознание и психологию нашей героини. Опасна ли была тогда, в самом конце 30-х, Крупская для Сталина? Скорее всего, *нет*, однако вряд ли в этом суть: "вождь" нередко безжалостно убирал людей, которые давно уже не представляли для его самодержавия никакой опасности. А вот такому своему кредо, как мстительность (в сочетании с непредсказуемой жестокостью), он следовал всегда. И часто без видимых причин, лишь по простой прихоти и капризу "вождя" на граждан обрушивались дикие гонения: одних арестовывали без видимых причин, других ссылали в лагеря ГУЛАГа, а третьи вообще внезапно исчезали.

Так что искать логику в коварных действиях деспота – занятие абсолютно бесперспективное. А то, что он пренебрежительно относился к Крупской, сохраняя лишь чисто формальное почитание в отдельных случаях, об этом уже выше говорилось достаточно. Сталин никогда не щадил своих оппонентов и тех, кто осмеливался каким-либо образом задеть его самолюбие. Не подобрел он к вдове Ленина и к концу 30-х годов. Вспомним хотя бы тон зубодробительного решения (в части, касающейся Н.К. Крупской) Политбюро ЦК в августе 1938 г. по роману М. Шагинян "Билет по истории".

Мотивы поведения многих политических и государственных деяте-

⁴ Н.К. Крупская, видимо, имела в виду отношение к ней на XIV партсъезде в декабре 1925 г.

лей в тех условиях, причины конформизма честных революционеров – предмет специального исследования. Не все было так просто.

Да, Надежда Константиновна не в пример многим выступала против развернувшегося в СССР массового террора. Ей претят атмосфера всеобщего украшательства, разбухание чиновничье-бюрократических нравов, она не может не видеть свертывание ряда революционных завоеваний, резкое ограничение демократии, тотальное преследование инакомыслящих. Но вместе с тем не раз в ее выступлениях и статьях встречаются призывы к сплоченности "перед лицом происков классовых врагов". Нигде публично она не заявляла протеста против чудовищных московских политических процессов, которыми дирижировал "отец народов", а во время обсуждения судьбы Н.И. Бухарина на Пленуме ЦК ВКП(б) поддержала предложение Сталина о передаче дела на рассмотрение НКВД. Вскоре выяснилось, что это фактически означало гибель Николая Ивановича, подписание ему смертного приговора – "великий вождь" и здесь всех обманул.

Знакомство с архивом Н.К. Крупской, с ее перепиской свидетельствует, что она продолжала оставаться человеком искренним, честным, не приемлющим насилие и беззаконие ради "революционной целесообразности". Безусловно, Надежда Константиновна часто задумывалась над своим бессилием что-либо всерьез изменить. Да и не все она знала. Ведь и народ действительного Сталина так и не распознал, был жестоко им обманут, заставив безгранично полюбить себя. Деформация психологии, целенаправленно сформированное общественное сознание были столь внушительны, что ее просто бы не поняли.

Так что Крупской оставалось поддерживать все то хорошее, что еще оставалось в то жестокое, трагическое время, – она выступает в печати, по радио, в аудиториях по вопросам развития массового просвещения, ликвидации безграмотности, пионерского движения, теоретическим проблемам педагогики, популяризации науки, борется за улучшение материального положения учительства, за расширение сети школ, клубов, библиотек, всячески отстаивает идеи гуманизма, права на отдых, труд, социальную обеспеченность простых граждан.

Не ошибемся, если отметим, что со второй половины 30-х годов политическая деятельность Крупской идет на убыль, хотя она и оставалась членом ЦК ВКП(б) после XVII партсъезда. В то же время она все больше становится неугодной "гениальному продолжателю ленинского дела", ее действия, нередко не согласованные с властями, вызывают ответные шаги – постепенно она отодвигается с авансцены политической жизни, с ней почти не считаются по партийным вопросам.

Правда, повторяем, внешне ей по-прежнему оказывается определенный почет – ее приглашают в президиумы торжественных собраний, выбирают депутатом Верховного Совета. На официальных церемониях своим присутствием она как бы прилюдно одобряла режим "Ленина сегодня". Но, несмотря на безграничный и бесконтрольный авторитет партии в обществе, Сталин нередко открыто раздражался по поводу независимых суждений Крупской, он терпеть не мог на фоне всеобщего

восторга и покорности малейших проявлений инакомыслия, а тем более нелицеприятных "упрямых действий". Вера в то, что у "вождя" проснется если не жалость, то хотя бы холодный расчет в интересах страны ослабить режим насилия, что справедливость в конце концов восторжествует – этим надеждам не суждено было сбыться. Хотя к концу драматического десятилетия, казалось бы, забрезжил рассвет – выходит постановление ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР от 17 ноября 1937 г. "Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия", а вслед за этим Пленум ЦК, состоявшийся в январе 1938 г., по докладу Г.М. Маленкова обсуждает вопрос о злоупотреблениях "в отношении честных коммунистов".

Ожидания оказались напрасными – это было всего лишь маневрирование в духе приемов диктатора; дикий произвол и беззакония остались примерно на том же уровне, средства массовой информации по-прежнему нагнетали страх и неуверенность в завтрашнем дне, были полны рассказней о подрывных махинациях вредителей, о происках шпионов, диверсантов и разоблаченных бдительными стражами исполнителей террористических актов в отношении вождей и "знатных героев".

Предпринимались ли покушения на жизнь Н.К. Крупской? Пока мы такими материалами не располагаем, если не считать эпизод, изложенный В.С. Дридзо в 1989 г. в ее письме в редакцию журнала "Коммунист". Приводим его полностью:

"Это было после смерти Марии Ильиничны, в конце 1937 или в начале 1938 года. Мы с Надеждой Константиновной были в ее квартире в Кремле. Звонок из комендатуры Кремля, просят разрешения пропустить на квартиру к Надежде Константиновне человека, который якобы привез молоко из Горок. Начинаю выяснять, в чем дело, звоню в Горки – никто молока не посылал. Звоню в комендатуру, говорю, что Надежда Константиновна не разрешает. Однако комендатура настаивает, звонят еще два-три раза. Такой настойчивости мы никогда не наблюдали. Я испугалась. Испугалась за жизнь Надежды Константиновны. Не говоря ничего ей, я позвонила Власику (начальнику охраны членов правительства), сказала, что необходимо дать Надежде Константиновне охрану. Ей я сказала, что Власик сам позвонил по этому поводу. Надежда Константиновна как-то очень спокойно отнеслась к этому, сказав, что раз полагается, пусть так и будет. На следующий день такой человек появился".

Нам, естественно, сегодня трудно судить, что скрывалось за этим фактом, хотя назойливость "посетителя с молоком", которая не вызвала настороженности и противодействия бдительных охранников, представляется по меньшей мере странной. Так просто, к тому же в разгар массовых репрессий, двери Кремля не распахивались. Случайные люди, включая и психически больных, туда не проникали. Да и комендатура не могла навязывать посетителей (тем, к кому они шли). Без высочайшей на то рекомендации...

На Всесоюзном совещании молодых активисток

Конец 1938 – начало 1939 г. были отмечены некоторыми событиями, которые вновь породили надежду у народа на ослабление и даже исчезновение террора: смещается кровавый палач Ежов, вместо него приходит Лаврентий Берия, которого народ знал чуть больше по его нашумевшей книге "Из истории большевистских организаций Закавказья"⁵, где он прославил молодого бунтаря Джугашвили–Кобу–Сталина. И только узкий круг людей (и то в основном на Кавказе) знали, что Берия – мерзавец, гнусный тип⁶. Сталину верили, и возвышение Берия было встречено в обществе в целом с одобрением. Однако это был всего лишь ловкий маневр диктатора: после некоторых ослаблений репрессий они вскоре вспыхнут почти с прежней силой.

Рассуждая о том, мог ли "хозяин Кремля" убрать или пощадить Крупскую, надо помнить, что для Иосифа Сталина ничего святого не существовало – дружеские и родственные чувства он считал химерой, так же как, впрочем, и преданность идеалам народной революции, верность трудовым массам, Родине. (Правда, и поныне среди некоторых слоев населения он слывет неподкупным "государственником"). Он мог безжалостно уничтожить и врага и друга. С одинаковым садизмом и тех, кого, по его же словам, совсем недавно любил. Доказывая при этом, что он выше личных пристрастий, когда дело идет о "служении

⁵ С согласия Сталина Л. Берия совершил подлог, устранив настоящих авторов – М. Торошелидзе и Э. Бедия (Берия: конец карьеры. М., 1991. С. 51–52).

⁶ Крайне отрицательно о Берия отзывались С. Орджоникидзе, Г. Каминский, М. Кедров, Л. Картвелишвили, С. Киров, А. Ханджян, М. Орахелашвили, Н. Лакоба и др. Сталина это не остановило, скорее наоборот, такие безнравственные люди, как Берия, ему были очень кстати в карательной политике.

пролетарской революции, народу" Так что этот аргумент из области человеческих эмоций, чуждых тирану и палачу, не следует брать в расчет, пускаясь в дискуссию: мог ли уничтожить Сталин, скажем, Крупскую или не мог?..

Таковы вкратце политические и психологические предпосылки к проблеме внезапной смерти Крупской, породившей немало недоумений, а вместе с тем и расхожих домыслов. Касаясь (хотя и бегло) взаимоотношений Сталина и Крупской, не удержался от соблазна поддержать банальную легенду об отравлении Надежды Константиновны и такой плодовитый советолог, как А. Авторханов. В опубликованной в 1990 г. книге "Ленин в судьбах России. Размышления историка", отмечая смелость и независимый характер Крупской, он ссылается на факт выступления вдовы Ленина в страшном 1937 г. в печати с заявлением, что «Ленин был против того, чтобы после смерти большевистских революционеров превращали в "безобидные иконы", т.е. она еще раз повторила сказанное ею в траурные дни января 1924 г.». К тому же, как отмечает А. Авторханов, "посмотрев какой-то фильм о Ленине⁷, Крупская сказала, что недопустимо сочинять то, чего не было в жизни Ленина, так же как недопустимо приписывать Ленину слова, которые он никогда не произносил". Все это, по мнению историка, переполнило чашу терпения узурпатора – «Крупская умерла вскоре после обнаружения такой "крамольной философии", в 1939 году – в последнем году кровавого террора, причем умерла не боля, "внезапно", после "чаепития с друзьями"».

А затем следует не подкрепленный, к сожалению, конкретными доказательствами (если, разумеется, они имеются у автора) недвусмысленный вывод: «"Внезапная" смерть тоже один из методов расправы Сталина с неудобными лицами»⁸.

Приведенные рассуждения Авторханова, увы, ничего не проясняют в восстановлении вырванных страниц из биографии Надежды Константиновны, касающихся заключительного периода ее жизни. Несведущий читатель после знакомства с утверждениями историка решит, что ее смерть наступила в день "чаепития с друзьями", т.е. 24 февраля 1939 г., тогда как после тяжелой, непродолжительной болезни Крупская скончалась в Кремлевской больнице утром 27 февраля, через почти трое суток после начала заболевания. (Подробнее об этом ниже).

Теперь широко известно, что в арсенале сталинской карательной машины имелись самые изощренные способы уничтожения оппонентов. Службы Ягоды–Ежова–Берия не брезговали и умерщвлением с помощью яда. Однако это не довод для подобных суждений относительно кончины Крупской, а лишь повод для малоубедительных предположений. Косвенные основания, туманные догадки...

В то же время надо признать, что о многих деталях мы никогда не

⁷ Имеется в виду кинокартина М. Ромма "Ленин в Октябре".

⁸ Авторханов А. Ленин в судьбах России: Размышления историка // Искусство кино. 1991. № 3. С. 65.

узнаем – часть документов уничтожена, некоторые тайны унесли с собой и палачи и жертвы в могилу. Так что зафиксированные свидетельства поэтому должны особенно скрупулезно сверяться, анализироваться для устранения неясностей, противоречий, вкусовщины и налета фантазмагии. Отмахиваться с ходу от показаний – и уважаемых очевидцев и неуважаемых свидетелей – почти в одинаковой степени было бы опрометчивым. Особенно когда документальных нужных источников чрезвычайно мало. Всегда важно при этом, конечно, установить и степень их надежности.

Например, резонный вопрос: можно ли верить такому человеку, как А.Н. Поскребышев? С одной стороны, фигура одиозная – долголетний оруженосец Сталина, его преданный денщик, сам приложивший руки к беззакониям, с другой – выдворенный незадолго до кончины "хозяина" из его окружения и арестованный, причем с согласия генералиссимуса, который нанес ему не одну обиду и унижение. Их неизменно покорно сносил преданный адъютант. А если это только внешне, т.е. в душе – *не сносил*? Ведь Сталин, испытывая рабскую верность Поскребышева, разрешил расстрелять первую жену своего помощника! Несмотря на мольбу Поскребышева пощадить ее, сохранить ей жизнь...

Итак, можно ли верить свидетельствам А.Н. Поскребышева? Или сразу решительное НЕТ? Будем все же предельно осмотрительными, не поддаваясь пристрастиям и не впадая во власть упрямого недоверия или, наоборот, легкомысленной доверчивости. Само признание ведь может иногда стать самым неожиданным под влиянием глубоко запятанных чувств и переживаний. Да и сделано оно было в данном случае спустя много лет после кончины Сталина, когда на дворе в разгаре была хрущевская "оттепель".

А признание следующее. В начале 60-х годов писательница Галина Серебрякова находилась на лечении в загородной Кунцевской больнице 4-го управления. Здесь же лечился тогда и А. Поскребышев. Как показалось писательнице, он искал встречи с ней. Однажды Поскребышев поравнялся с ней на прогулке и начал разговор. Профессиональное любопытство художника слова взяло верх, и, поборов неприязнь к сталинскому денщику, она неожиданно оказалась втянутой в беседу, сама стала задавать ему вопросы. Прежде всего интересно было выяснить некоторые очень важные детали – собеседник знал очень много! Какую-то долю ведь скажет и правды.

Как-то под вечер она спросила Поскребышева: "Вы не знаете, Александр Николаевич, почему все-таки так скоропостижно скончалась Надежда Константиновна Крупская?"

Поскребышев усмехнулся и, немного поколебавшись, произнес: «Вы даже не представляете, как часто "хозяин" прибегал к яду как к испытанному средству устранения неугодных ему людей».

Это замечание бывшего помощника грозного и всесильного правителя, видимо, было несколько иносказательным, но оно потрясло писательницу, которая сразу же рассказала обо всем своей дочери Зоре Леонидовне, навестившей ее на следующий день, а через некоторое

время сообщила об этом известному американскому публицисту-политологу Гарисону Солсбери (скончался в 1993 г.)⁹.

У нас нет оснований не верить Галине Иосифовне Серебряковой. Другое дело – насколько достоверна информация А.Н. Поскребышева...

Особо отметим, что многие современники выделяли его сдержанность, немногословность, четкую исполнительность и безоглядную преданность Сталину. Жена академика А.Н. Бакулева, учившегося вместе с Поскребышевым и сохранившего с ним приятельские отношения, приводит распространенное прозвище многолетнего доверенного лица "мудрого вождя" – "Великий Молчальник"¹⁰. Рассказывают также, что после XX партсъезда Поскребышева вызвали в ЦК и попросили сообщить о некоторых темных сторонах, связанных с организацией массовых репрессий и преступлениями Сталина лично. Рассказать все, что знал его приспешник. Поскребышев на это ответил: "Все, что я знаю, уйдет со мной в могилу".

И вдруг такая поразительная откровенность. Чем она вызвана? Желанием откреститься от кровавых дел "вождя", которому он без устали помогал? Оправдаться перед историей или просто перед знакомыми людьми, симпатичной собеседницей? Ответ дать трудно. А можно ли вообще ручаться в этом контексте за правдивость сказанного им, пусть с определенным намеком, Г. Серебряковой в тот вечер? Свидетельства деятелей, подобных А. Поскребышеву, наделенных ранее огромной властью и влиянием, часто обрастают затем домыслами и дополненными молвой новыми сомнительными подробностями¹¹.

Гипотеза об отравлении Н.К. Крупской муссируется уже несколько лет, дополняясь рядом непроверенных и большей частью надуманных деталей. За факты порой выдаются откровенные байки криминального свойства, которые наверняка заинтересовали бы скорее Агату Кристи.

Получила, к примеру, хождение версия о присланном Надежде Константиновне к ее юбилейному скромному праздничному столу по распоряжению Сталина торте, который-де был отравлен ядом. Сочинители другой легенды уверяют, что причиной смерти Н.К. Крупской была клубника, которую якобы специально начинили ядовитым веществом в токсикологической лаборатории, действовавшей в ведомстве НКВД еще с времен Генриха Ягоды.

Незнание или весьма поверхностно-отдаленное знание подлинных

⁹ Наша беседа с доктором исторических наук, старшим научным сотрудником Института Российской истории РАН З.Л. Серебряковой состоялась 28 апреля 1989 г. Свою встречу с Г. Серебряковой (в 1962 г.) Г. Солсбери подтвердил в книге "Сквозь бури нашего времени". Он приводит также признание Поскребышева Серебряковой: "Мы начали прибегать к яду только с 1940 года или около того" (выделено нами. – Авт.) (Сов. секретно. 1992. № 12. С. 24).

¹⁰ Наука и жизнь. 1990. № 11. С. 50.

¹¹ В № 2 за 1989 г. "Литературного Казахстана" приводилось еще одно, правда, более туманное высказывание А. Поскребышева: "Сколько мне известно, старух не расстреливали. Был слух, пукали в дело яд".

фактов рассматриваемой истории не может освобождать авторов детективных слухов от ответственности хотя бы перед доверчивым читателем. И слушателем: однажды по телевидению в специальной передаче бойко доказывалось, что вдову Ленина постепенно травил небольшими дозами стрихнина (!), который кремлевские повара подсыпали ей в пищу, и в итоге добились цели. Для пущей убедительности изумленным зрителям продемонстрировали и злополучную стеклянную банку, в которой-де хранился стрихнин.

Рассмотрению различных несостоятельных версий о гибели Крупской была посвящена, в частности, статья в газете "Гласность" от 6 декабря 1990 г. под хлестким названием "Пять смертей Надежды Крупской". Авторы С. Девятков и С. Сапсай привели немало убедительных аргументов, опровергающих ряд эффектных досужих домыслов. (Правда, и в саму статью вкрались небольшие неточности). Справедливо они критикуют нелепое утверждение одного священника, выступившего в 1989 г. по программе ленинградского телевидения "Пятое колесо", который, не моргнув глазом, заверял застывших у экранов телезрителей, что Крупскую "залечили по заданию Кремля врачи... Боткинской больницы. Между тем в этой больнице заболевшая Крупская вообще не находилась, ее привезли совсем в другую – на улице Грановского. В том же, 1989 г. в одном из педагогических изданий со "знанием дела" утверждалось, что больную поместили в особый госпиталь НКВД, где деловые эскулапы, не мешкая, быстро отправили ее на "тот свет". «Возможно, причиной этой вольной интерпретации, – пишут С. Девятков и С. Сапсай, – стало то, что автор статьи элементарно спутал дом отдыха старых большевиков "Архангельское" с аналогичным по названию военным санаторием, в котором в те годы отдыхали также сотрудники НКВД».

Авторами статьи в "Гласности" был дан критический обзор еще одной версии уничтожения вдовы Ленина, изложенной 22 апреля 1990 г. на страницах Ленинградской (ныне С.-Петербургской) "Смены"¹². Автор – кандидат экономических наук М. Штейн – утверждает: "Крупскую зарезали" в результате хирургической операции, которая была санкционирована на самом высоком уровне. Эта легенда покоится на воспоминаниях бывшей медсестры Кремлевской больницы Лидии Лысак (Закржевской), написанных еще в 1962 г. Однако никакого хирургического вмешательства тогда не было – этих сведений не содержит ни история ее болезни, ни свидетельства родных, близких и врачей. Кстати, в истории болезни Крупской нет упоминания о медсестре по фамилии Л.В. Лысак.

Жизнь Надежды Константиновны оборвалась, когда ей исполнилось 70 лет – по нашим меркам это не такой уж преклонный возраст. Могла бы еще жить и жить. Впрочем, особых долгожителей в роду Крупских не было: мать, Елизавета Васильевна, умерла в 74 года, а отец Константин Игнатьевич, – когда ему еще не исполнилось 50. Не распо-

¹² Публикация был предпослан детективный заголовок – «Тайна смерти "первой леди"».

лагала к долгожитию и судьба профессиональной революционерки, а затем и политэмигрантки. Образ жизни эти люди, как правило, вели скромный, питание частенько было неважное. Описывая свой быт за границей, Надежда Константиновна с чувством признательности вспоминала хозяйку-немку, у которой они жили некоторое время: она научила ее, как готовить дешевый и сытный ужин.

Известно, что в молодости Крупская серьезно заболела. "Еще в Швейцарии, – вспоминала она, – у меня была очень тяжелая форма базедовой болезни. Путем операции, жития в горах она кое-как ликвидировалась"¹³. Однако не совсем – рецидивы то и дело давали о себе знать. Серьезная вспышка, вызванная беспокойством за здоровье Ленина (в результате террористического акта эсерки Ф. Каплан), произошла в 1918 г. В тяжелом состоянии ее поместили в санаторий в Сокольниках. А через год последовало заболевание сердца...

История болезни Надежды Константиновны, воспоминания врачей и близких свидетельствуют, что в последние годы жизни она была очень больным человеком. Подтверждали это и медицинские обследования: записи лечащих докторов редко заканчивались на мажорной ноте...

Одним словом, не будем заблуждаться насчет общего состояния здоровья Надежды Константиновны. Крепким оно не было. Да к тому же к здоровью своему Крупская относилась попросту небрежно, лечиться не любила, врачебные советы подчас пропускала мимо ушей, особенно неоднократные предложения лечащего врача сократить рабочий день, больше отдыхать, уменьшить общественные нагрузки. Нередко под разными предлогами она отвергала просьбу провести медицинское обследование.

Все это нашло отражение в записях врачей в ее истории болезни, которая десятилетия находилась за " семью печатями" и только совсем недавно нам предоставили возможность с ней познакомиться.

Все Ульяновы находились под особым контролем Лечсанупра Кремля, чьи сведения о состоянии здоровья пациентов периодически направлялись председателю Совнаркома СССР В.М. Молотову.

Рабочий день Надежды Константиновны начинался в 5 часов 30 минут утра, до 10 часов она работала дома, затем ехала в Наркомпрос. В работе она видела смысл жизни, источник служения обществу. Работа связывала ее с миром, с людьми. Как вспоминает О.Д. Ульянова, она "старалась и вечером, после работы, присесть хоть ненадолго за письменный стол"¹⁴. Этой одержимостью делами, активной общественной деятельностью Надежда Константиновна была очень похожа на сестру Ленина Марию Ильиничну. Чувствуя себя очень одинокой после смерти подруги, Н.К. Крупская наряду с прочими делами готовила воспоминания о М.И. Ульяновой. В письме Дмитрию Ильичу Ульянову в день кончины Марии Ильиничны 12 июня 1937 г., прося принять участие в

¹³ Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М., 1972. 1989. Т. 2. С. 324.

¹⁴ Ульянова О. Светлое имя – Надежда // Правда. 1989. 24 февр.

этой работе, она писала: "Дорогой родной Дмитрий Ильич! Умерла наша Маняша. Не звонила Вам потому, что было очень уж тяжело, да врачи, по обыкновению, говорили по-разному..."

Теперь надо составить ее биографию, собрать все воспоминания, составить сборник. Без Вас этого нельзя сделать. Вы лучше всех, ближе всех ее знаете. Глубокая партийка, она отдавала себя всю работе, всю без остатка. Надо сохранить для истории ее образ, ее облик.

Надо все собрать; на Вас ложится сейчас большая задача"¹⁵.

Последнее время Надежда Константиновна и Мария Ильинична жили вместе. М.И. Ульянова благотворно влияла на Крупскую, заставляя ее проходить медицинские осмотры, убеждая хоть понемногу отдыхать. Изредка они вдвоем ездили в Крым, Железноводск¹⁶, а чаще – в дом отдыха "Архангельское" и Горки. "При жизни Марии Ильиничны, – читаем в истории болезни, – удавалось через нее несколько воздействовать на Надежду Константиновну, сейчас же это совсем не удается" (запись 13 января 1938 г.)¹⁷. "Предложения о сокращении работы категорически отвергает", – таково заключение одного из лечащих врачей¹⁸.

Отказы от стационарного и санаторного лечения и медицинского обследования иногда вынуждали докторов делать записи в истории болезни Крупской на основе... телефонных разговоров с ней¹⁹. Врачами неоднократно направлялась просьба в Лечсанупр Кремля о необходимости предоставления Крупской места отдыха поближе к Москве, чем Архангельское (в Барвихе, Волынском и др.). Однако в этом было отказано...

На предложение же добиться от властей возможности отдохнуть все же в Барвихе Крупская ответила: "Ну уж дудки... Я старый человек, от старости вы меня не вылечите, а я всю жизнь работала и хочу умереть на работе..."

Кто знает, возможно, не последнюю роль в нежелании Надежды Константиновны лечиться сыграло и то, что общение с врачами во время болезни В.И. Ленина весьма поколебало ее доверие к медицине. Написала же она трагически безысходную фразу Инне Арманд, что доктора "ни черта не знают, не могут знать".

Последние до рокового заболевания записи в истории болезни:

"3.I 1939. После прогулки на воздухе в Архангельском наблюдалось помутнение в глазах. Головной боли нет. Сократить рабочие часы до 3 часов в день и запретить всякие выступления".

11.I 1939. Разговор с дежурным санитаром лечащего врача: "Работает по 4–5 часов в день. Выступает, проводит небольшие совещания.

¹⁵ Там же.

¹⁶ У Д.Т. Шепилова хранится фотоснимок отдыхающих в санатории "Горный воздух" (Железноводск 19 июля 1929 г.) вместе с Н.К. Крупской и М.И. Ульяновой.

¹⁷ РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 914. Л. 72.

¹⁸ Там же. Л. 12–13.

¹⁹ Там же. Л. 16, 17, 22.

На ослабление рабочего режима не согласна, от осмотра отказывается"

16. II 1939. "Личный разговор врача с Дридзо. Общее состояние удовлетворительное. Особых изменений нет. Медосмотр Н.К. считает ненужным"²⁰.

В.С. Дридзо свидетельствовала, что все дни накануне отъезда на отдых "Надежда Константиновна еще совсем не чувствовала себя больной, и, когда в тот же день вечером (23 февраля 1939 г. – *Авт.*), это было под выходной день, мы с ней поехали за город, она в дороге шутила и смеялась"²¹.

В воскресенье, 24 февраля утром, Н.К. Крупская правила стенограмму своего доклада от 8 февраля в Высшей школе пропагандистов имени Я.М. Свердлова (просмотрев и откорректировав только половину). Это была ее последняя работа.

Днем решила отметить свой наступающий юбилей – 26 февраля Крупской исполнялось 70 лет. Собрались жившие в доме отдыха "Архангельское" старые товарищи Г.М. и З.П. Кржижановские, Ф.Я. Кон, В.Р. Менжинская, П.А. Красиков, Н.А. Милютин, из Москвы приехали Д.И. Ульянов²², Н.Л. и А.И. Мещеряковы, С.П. Шестернина. Из молодежи присутствовали В. Дридзо, В. Арманд, сестра В. Дридзо Милена и др.

Стол был скромный – московские пельмени были основным угощением. (Ни торта, ни клубники!) Надежда Константиновна попробовала пельмени, кисель, выпила несколько глотков шампанского. "Старики", как называли себя ее давние друзья, вспоминали свою молодость, подполье, шифровальные письма Надежды Константиновны. Г.М. Кржижановский и П.А. Красиков сделали несколько фотоснимков. На одном из них – улыбающаяся виновница скромного торжества. Этот снимок, последний в ее жизни, поместила газета "Правда" 2 марта 1939 г.

Надежда Константиновна оживленно беседовала с друзьями, шутила. Все были веселы, говорили о минувшем, о предстоящем ее юбилее...

Внезапно около 7 часов вечера Надежда Константиновна почувствовала себя очень плохо. Ее секретарь Дридзо ушла в это время в свою комнату. За ней прибежали: Надежда Константиновна без сознания! "Я тут же вызвала врача из Кремлевской больницы", – говорила, вспоминая об этом Вера Соломоновна²³. Врач прибыл к больной через три с половиной часа (?!) – в 10 час. 30 мин., хотя, как он отметил в истории болезни, "вызван был экстренно". Конечно, чтобы добраться в февральские сумерки до "Архангельского", требовалось время. Но не три часа же на "скорой" (если вычесть и максимум полчаса на сборы)!

²⁰ Там же. Л. 21–22.

²¹ Дридзо В. Надежда Константиновна. Новосибирск, 1969. С. 169.

²² О.Д. Ульянова (в отличие от В.С. Дридзо) называет среди гостей Крупской в тот день и своего отца (Правда. 1989. 24 февр.). Это подтверждают и другие свидетели.

²³ Комс. правда. 1989. 26 февр.

Считаем уместным и попутным вопрос: почему не был вызван дежурный врач (врачи)²⁴ из самого дома отдыха? Острые боли, потеря сознания диктовали такие действия...

Однако посмотрим, что предпринял кремлевский доктор М.Б. Коган. Осмотрев больную, он констатировал: "...острые боли, тошнота, рвоты, лицо несколько краснее обычного, язык сухой, не обложен... Тоны сердца несколько возбужденные. Кровяное давление – 190 на 100". Далее врач сделал стимулирующий сердечную деятельность укол под кожу и положил *грелку на живот* (?!). В 11 часов следует новая его запись: "Сохнет во рту. Повторные позывы на рвоту, резкие боли в животе. Тепло не помогает. Пульс 110–120".

И заключение доцента М.Б. Когана: "Ввиду подозрения на острый воспалительный процесс вызваны на консультацию проф. М.П. Кончаловский и А.Д. Очкин. Доложено по телефону Замнач. Лечсанупра Левинсону"²⁵.

Болезнь прогрессировала, биение пульса достигло отметки 130. К предпринятому лечению врач Коган добавил "5 капель валидола внутрь".

В 0 часов 35 минут состоялась консультация профессоров Кончаловского и Очкина, а также доцента Когана. Следовательно, новые два доктора добирались в Архангельское *на 2 часа меньше*, чем врач Коган. Отчего первая поездка сопровождалась такой невразумительной потерей времени? Не беремся давать ответ, хотя подобная медлительность выглядит по меньшей мере странной, особенно если учесть остроту заболевания, требующую срочного вмешательства медицины. И личность заболевшей...

К какому же заключению пришел первый консилиум? Читаем: "Т. Крупская Н.К. страдает острым воспалительным процессом в области слепой кишки – необходима срочная госпитализация" Это же было подтверждено впоследствии в официальном заключении, которое вписано в историю болезни: при осмотре больной в ночь на 25 февраля в "Архангельском" было найдено "весьма плохое общее состояние с резко учащенным неправильным пульсом, с посинением губ, носа и конечностей... При исследовании отмечены сильные боли в животе, особенно в нижней половине справа.

Считаясь с наличием острых воспалительных явлений брюшной полости (заподозрен аппендицит)... и общего тяжелого состояния б-ной, решено б-ную срочно госпитализировать в Кремлевскую б-цу"²⁶. "Положение оказалось серьезным, – вспоминала В. Дридзо, – и ее немедленно увезли в больницу"²⁷. Насчет "немедленно" позволим себе усомниться: в Кремлевскую больницу Надежду Константиновну доста-

²⁴ В одной из личных бесед (24 февраля 1970 г.) с В. Куманевым В. Дридзо сказала, что, помнится, местные доктора пришли, "но лечением больной не занимались" (?). "Я действовала как полагается и свое место знала", – добавила она уклончиво.

²⁵ РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 914. Л. 23.

²⁶ Там же. Л. 26.

²⁷ Дридзо В. Указ. соч. С. 170.

вили *лишь в 4 часа утра 25 февраля!* Впрочем, и в официальном заключении кремлевских медиков (оно до последнего времени оставалось строго засекреченным) говорилось: "Тов. Крупская Надежда Константиновна, 70 лет, поступила в 4 часа 25. II 1939 г. в Хирургическое отделение Кремлевской больницы – *через 9 часов (!)* от начала заболевания"²⁸.

Итак, через 9 часов... При поступлении больной в "Кремлевку" диагноз был зафиксирован в истории болезни все тот же: "Острый аппендицит. Заключительный перитонит. Тромбоз". "Переезд прошел спокойно", – гласит запись. Больная в сопровождении врача, сестры и близкого б-ной человека (Дридзо. – *Авт.*) благополучно перевезена из Архангельского"²⁹.

Резкие боли с благополучным переводом в больницу не утихали. Тошнота, пульс 110–120. Принимаются "срочные меры". Какие? "Покрой, лед на живот". Стоп! А как же грелка, прописанная и примененная доцентом М. Коганом? Ведь это нечто противоположное льду и, как общеизвестно, крайне противопоказано при аппендиците, а тем более при начавшемся перитоните! Весьма примечательно: в истории болезни, заполненной в "Кремлевке", о грелке, применявшейся в "Архангельском", – ни слова! О ней стыдливо или в силу "профессиональной солидарности" нет и намека в официальном заключении кремлевских эскулапов. Сказано только, что "прибывший через полтора часа от начала заболевания к больной доцент М.Б. Коган, проведя ряд лечебных мероприятий и не получив от них облегчения самочувствия больной, пригласил на совет профессоров М.П. Кончаловского и А.Д. Очкина".

Во-первых, как мы уже установили, врач М.Б. Коган прибыл в "Архангельское" не *через полтора*, а *через три с половиной часа*. Во-вторых, лечение с применением грелки, которое в заключении обтекаемо именуется "рядом лечебных мероприятий", другого результата и не могло дать.

Итак, Н.К. Крупская была доставлена в Кремлевскую больницу и помещена в хирургическое отделение. Определив столь опасный для ее жизни диагноз, кремлевские медики так и не пошли на операцию, мотивировав сразу отказ от нее "затруднением сердечной деятельности". "Всякое оперативное вмешательство, – объясняли они свое решение в "Заключении", подготовленном после кончины Надежды Константиновны, – в связи с чрезвычайно тяжелым состоянием больной признано невозможным, так же, как это и было тотчас же после доставления б-ной в Хирургическое отделение"³⁰.

Невольно возникает вопрос: для чего же в таком случае потребовалось переправлять больную из "Архангельского" в Москву, помещать в хирургическое отделение? Чтобы наблюдать за ее мучениями?

²⁸ РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 914. Л. 25.

²⁹ Там же. Л. 26.

³⁰ Там же.

А в сущности так и получилось. Что касается ее больного сердца, то это врачам было хорошо известно и без "доставления" больной в Москву. Без срочного оперативного вмешательства Крупская была обречена³¹.

На что в таком случае рассчитывали врачи? На чудо? Они деловито измеряли пульс, давление, делали кровопускание, промывания, проводили консилиумы (все выводы которых были неутешительны). С 11 часов 25 февраля установили постоянное дежурство врачей.

К вечеру, придя в себя, Н.К. Крупская "говорила о том, что как там врачи хотят, а на съезд она все равно пойдет. Речь шла о XVIII партийном съезде, который должен был открыться 10 марта 1939 г."³². В тот вечер у Надежды Константиновны был Дмитрий Ильич Ульянов. После посещения больной он сказал своей супруге и дочери Ольге, чтобы они пришли проститься с Крупской. К утру 26 февраля – это был день рождения Надежды Константиновны – сознание стало возвращаться к ней. "Больная, – отмечено в истории болезни, – жалуется на резкие боли в животе. Сознание ясное". А когда Ульяновы пришли, некоторое время они ждали у ее палаты. «Наконец оттуда вышел врач, – вспоминает О.Д. Ульянова, – и сказал: "Зайдите к ней. Надежда Константиновна хочет вас видеть". Но присутствовавшая здесь же секретарь Крупской В.С. Дридзо не допустила нас с мамой проститься с Надеждой Константиновной»³³. (Хочется заметить, что неизвестно откуда возникшие властные полномочия у В.С. Дридзо и эти ее действия в данном эпизоде плохо поддаются объяснению³⁴.)

А между тем в те часы уже вся страна отмечала день рождения Н.К. Крупской, газеты публикуют поздравления в честь юбиляра. Как обычно, газета "Правда" на первой полосе помещает приветствие от ЦК ВКП(б) и правительства:

"Товарищу Надежде Константиновне Крупской.

Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР в день Вашего семидесятилетия шлют Вам – старому большевику и другу Ленина свой горячий привет. Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР желают Вам здоровья и многих лет дальнейшей плодотворной работы для великого дела коммунизма, на пользу нашей партии и трудящихся Советского Союза".

И в ЦК, и в Совнаркоме, уже знали, что жизнь Крупской угасает и

³¹ Острый аппендицит, перитонит или тромб в кишечнике без хирургического вмешательства означал тогда неизбежную смерть. Поэтому идти на риск ради спасения больной следовало, несмотря на "заболевание сердца". Даже если был ничтожный шанс. Но этого не было сделано.

³² Дридзо В. Указ. соч. С. 170.

³³ Правда. 1989. 24 февр.

³⁴ По этому поводу в беседе с нами В.С. Дридзо ушла от прямого ответа, заявив: "Все это не так, я сама их вызвала по телефону". Разговор на данную тему не получился и в следующий раз...

конец близок. Лучше всех об этом знали Сталин и Молотов, которым из Кремлевской больницы регулярно поступала информация о состоянии тяжелобольной. Поэтому пожелания в приветствии "многих лет дальнейшей плодотворной работы" звучат, мягко говоря, фальшиво и формально.

В 17 часов 30 минут 26 февраля врачами была сделана запись (текст ее был отправлен "хозяину Кремля" и его "ближайшему соратнику"): "Больная по-прежнему находится в состоянии, близком к бессознательному. Значительная синюха. Похолодание конечностей. Липкий пот. Пульс аритмичный... Общее состояние остается крайне тяжелым, не исключающим возможность близкого печального исхода"³⁵.

Пришли минуты последнего консилиума. Из скупых записей можно понять, что полного единодушия в диагнозе нет, но это только в деталях – *перитонит признается почти всеми*; есть и обычный в сложных ситуациях, подобных данному случаю, некий разброс суждений "светил медицины":

«Спасокукоцкий: "У больной тромбоз в брюшной полости, бурный аппендицит".

Виноградов: "У больной перитонит (тромбоз или аппендицит)".

Очкин: "Аппендицит".

Щуров: "Согласен с предыдущим".

Коган: "Присоединяюсь к мнению Спасокукоцкого, но боюсь думать о наличии тромбоза".

Бусалов и Блиох: "За предположение Спасокукоцкого".

Соколов: "Тромбоз брюшины"»³⁶.

В это время стрелки на часах показывали полночь. Примерно до 4 часов дня 26 февраля Крупская находилась в сознании. Последние ее слова, обращенные к своему секретарю: "Что на свете делается?" – В.С. Дридзо сообщила ей о приветствии ЦК и СНК, о других поздравлениях. "Она устало закрыла глаза. Вскоре состояние ее резко ухудшилось"³⁷. В 5 часов 55 минут 27 февраля наступила агония, и в 6 часов 15 минут "при явлениях паралича сердечной деятельности" Н.К. Крупская скончалась.

В направленной без промедления записке Сталину и Молотову 27 февраля профессора С. Спасокукоцкий, А. Очкин³⁸, В. Виноградов и

³⁵ РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 914. Л. 94.

³⁶ Там же.

³⁷ Дридзо В. Указ. соч. С. 170.

³⁸ Сравнительно недавно в печати промелькнуло замечание относительно А.Д. Очкина и других известных деятелей медицины сталинских времен. Они, говорилось в заметке, вместе с обслуживающим медперсоналом в течение двух суток наблюдали мучения вдовы Ленина, умиравшей от перитонита, но по сути не пришли ей на помощь, мотивируя отказ от операции "тяжестью состояния больной"... Уже 8 марта 1939 г. А. Очкину был пожалован орден Ленина. В числе первых его поздравили супруги Вышинские (!) (За здоровье трудящихся. 1939. 17 марта). Высокие награды получили также С.И. Спасокукоцкий, В.Н. Соколов, А.А. Бусалов и другие врачи, занимавшиеся лечением Н.К. Крупской (Наука и жизнь. 1991. № 1. С. 9).

начальник Лечсанупра А. Бусалов поспешили заявить, что хирургическое вмешательство "при глубоком поражении всех внутренних органов и в 70 лет было абсолютно недопустимо"³⁹.

В то же время трудно себе представить, чтобы кремлевские медики стали бы докладывать на "самый верх" относительно, скажем, допущенной промашки в столь сложнейшем и чрезвычайно тонком деле. Сразу оговоримся и просим понять нас правильно – ошибки и трагические упущения в медицине встречаются, они нередко вполне объяснимы из-за запутанных ситуаций, затрудняющих точный диагноз. И порою минуты решают все в борьбе за жизнь. Ошиблись ли врачи, доставив больную именно в хирургическое отделение? Нет. Диагноз в целом соответствовал заболеванию: острый аппендицит–перитонит–тромбоз. Что же касается "глубокого поражения всех внутренних органов", то степень этого поражения усиливалась по мере бурного прогрессирования болезни в течение трех суток – с 24 по 27 февраля. Конечно, здоровье Н.К. Крупской и до роковой болезни нельзя считать хорошим, но "глубокое поражение всех внутренних органов", смеем утверждать, произошло в результате запущенности "бурного аппендицита, общего перитонита, тромбоза".

Является ли возраст причиной отказа от срочного хирургического вмешательства при указанном заболевании? Сомнительно. Ведь иначе – смерть. Основной акцент лечащих врачей в официальном сообщении о кончине Надежды Константиновны на болезни сердца, нарушении обмена веществ и артеросклерозе малоубедителен⁴⁰. Главная причина смерти была ведь не в этом, хотя недооценивать не вполне здоровое сердце в ускорении смерти тоже нельзя.

Представляется, что не вполне безупречным выглядит и довод кремлевских докторов, будто подобные операции исключительно редко успешно проходят "у здоровых людей". Получается, что люди пожилого возраста со слабым общим здоровьем (при сердечной недостаточности и пр.) в случае заболевания аппендицитом, переходящим к тому же в перитонит, сопровождающийся тромбозом и воспалительными процессами внутренних органов, заранее обречены и попытки спасти их безотлагательным хирургическим путем не должны предприниматься вообще?

Перелистываем материалы вскрытия, которые производила группа анатомов во главе с академиком А. Абрикосовым. Значатся три "родственных" диагноза а) при поступлении в Кремлевскую больницу – острый аппендицит; б) заключительный – перитонит; а) анатомический – "смерть наступила от упадка деятельности сердца на почве интоксикации, вызванной омертвением части тонкой кишки и последующим воспалением брюшины". В марте 1939 г. были проведены также исследования внутренних органов скончавшейся, чтобы установить, не было ли отравления. "На основании данных химического анализа, – говори-

³⁹ РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 914. Л. 98.

⁴⁰ Правда. 1939. 28 февр.

лось в заключении местной Контрольной лаборатории Лечсанупра Кремля, – солей тяжелых металлов, алкалоидов и летучих ядов не содержится"⁴¹.

Все это в известной степени опровергает версию об отравлении Крупской, хотя мы знаем, в каком ключе готовились подобные документы в "великую сталинскую эпоху", если требовалось скрыть истину. Сам факт данного поручения экспертам-криминалистам лишь отчасти может настораживать – такие поручения были частыми. Существование в грозном ведомстве Лаврентия Берия целой лаборатории ядов и их широкое применение в отношении так называемых "врагов народа" и вообще нежелательных, неугодных сталинскому режиму лиц сегодня не секрет. С ними не церемонились. И недаром весьма посвященный в тайны кровавой мясорубки Л.М. Каганович на вопрос профессора Г.А. Куманева (беседа состоялась 6 мая 1991 г. на квартире Кагановича): правда ли, что Берия причастен к смерти Крупской – в попытке отравления, – без раздумий ответил: "Я не могу отвергать это. Все возможно, все возможно. Возможно, это и было"⁴⁵.

Вместе с тем приведенные рассуждения Поскребышева и Кагановича, упоминавшиеся нами газетные публикации и телепередачи (например, сообщение по телеканалу "Россия" 10 февраля 1992 г. в передаче "Пятое колесо") не могут служить основанием для того, чтобы считать доказанным факт отравления Крупской по приказу Сталина. Пока неопровержимых доказательств на этот счет нет. Скажут: "А несколько глотков шампанского?" Однако и это может быть только поводом для предположения, а никак не аргументом...

Выше мы рассмотрели факторы, совокупность которых сделала кончину Н.К. Крупской неизбежной. Среди них, увы, присутствуют и причины субъективного порядка. И не в последнюю очередь – некоторые действия врачей.

О смерти Надежды Константиновны Крупской все центральные газеты сообщили 28 февраля. В газете "Правда", помимо некролога и траурных соболезнований и извещений, были опубликованы две заметки памяти скончавшейся. Автор одной из них – старый большевик А.Е. Бадаев, бывший депутат Государственной Думы, а в 1938–1943 гг. председатель Президиума Верховного Совета РСФСР. Никто другой, стоявший выше в партийно-государственной иерархии, на смерть Крупской в печати не отозвался.

Официальное извещение от ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР, как

⁴¹ Такое заключение вынесла Городская судебно-медицинская экспертиза в лице А. Костяковой (РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 914. Л. 100).

⁴⁵ Из магнитофонной записи. Любопытно, что Л. Каганович сослался при этом на версию о возможном отравлении Ленина Сталиным. Во всяком случае он был уверен в том, что Ленин обращался к генсеку с такой просьбой, заметив: "Вот Ленин просил Сталина принести яд. Это было, это было. Сталин поставил вопрос на Политбюро. А что он мог сделать? Ведь Политбюро поручило Сталину охранять Ленина". И добавил: "Сталин выдвинул Берия, потому что он уже не доверял Ежову" (Там же).

свидетельствовал в 1972 г. академик П.Н. Поспелов⁴⁶, продиктовал для публикации сам И.В. Сталин. Оно достаточно сдержанное:

"27 февраля в 6 часов 15 минут утра скончалась старейший член партии, ближайший помощник Ленина, член ЦК ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР тов. Н.К. Крупская.

Смерть тов. Крупской, отдавшей всю свою жизнь делу коммунизма, является большой потерей для партии и трудящихся Союза ССР".

Нахлынувшие понятные чувства сдерживались опытной рукой. Когда зам. председателя Совнаркома СССР Н.А. Булганин утвердил текст на ленте венка: "Пламенному борцу за дело коммунизма, ближайшему другу великого Ленина...", Сталин и в этом случае внес (красным карандашом) коррективу – заменил слово "другу" на "помощницу"⁴⁷. "Ближайшим другом" был только Он. Один...

Похороны Н.К. Крупской состоялись на высоком государственном уровне. У Сталина, как отмечали некоторые современники, был "удрученный вид" (правда, они при этом не учитывали его непревзойденные актерские данные). Диктатор вместе с соратниками стоял в почетном карауле, скорбно шел в похоронной процессии, нес с ними к Кремлевской стене 2 марта урну с прахом Надежды Константиновны. О чем думал он в те минуты под звуки траурной музыки? Ушла ведь из жизни та, которая доставила ему немало неприятностей и волнений, а главное – фактически поссорила его с Лениным, который именно ей доверил свое "Завещание". Она твердо выполняла поручения мужа в столь тревожные для Генерального секретаря месяцы, когда честолюбивым замыслом Иосифа Виссарионовича грозила подлинная катастрофа – лишь выздорови В.И. Ленин.

Конечно, Сталин не забыл и частое фрондирование строптивой вдовы вождя, ее постоянные "особые мнения". А затем и претензии Крупской на толкование ленинского теоретического наследия, поддержку тех, кто сопротивлялся утверждению единовластия, ее заступничество за неблагонадежных и "врагов народа". Она вообще слишком много знала! Теперь, когда он, Коба, стал "Лениным сегодня", она просто мешала, периодически портила настроение и вызывала его гнев... Рады были уходу из жизни Надежды Константиновны и ближайшие сталинские приспешники, которых она тоже постоянно держала в напряжении на политических выражах⁴⁸.

Срочно была создана Комиссия по отбору документов и рукописей скончавшейся. В нее вошли А.А. Андреев, Г.М. Маленков и А.Н. По-

⁴⁶ П.Н. Поспелов в рассматриваемое нами время был одним из редакторов "Правды". Нетрудно догадаться, почему никто из партфункционеров не взял на себя миссию подготовить проект извещения – боялись переборщить.

⁴⁷ ГАРФ (б. ЦГАОР). Ф. Управление делами СНК СССР. Отдел секретариата. Д. 4. Л. 12.

⁴⁸ Настроения Л. Кагановича передал его племянник: "Лазарь задавал себе вопрос: куда это заведет? Все друг друга подозревают, везде диверсии, повсюду смерть... Все же во всем, что происходило, было и кое-что хорошее. Это было очевидно. И кроме того, в тот год умерла Крупская" (Каган С. Указ. соч. С. 170).

скребышев. Вспоминая о посещении Комиссией ЦК квартиры Н.К. Крупской, В.С. Дридзо писала: "Я передала им материалы (рукописи) Надежды Константиновны, которые она держала в потайном ящике и поручила мне, когда ее не будет, передать в ЦК"⁴⁹. Через два дня прибыла группа по отбору архивного наследия Крупской; при участии Дридзо около месяца она разбирала и систематизировала материалы Надежды Константиновны. Значительная часть их попала в Центральный партийный архив при Институте Маркса–Энгельса–Ленина, менее важные документы были переданы в Архив Наркомпроса РСФСР, но немало рукописей, корреспонденции и заметок на десятилетия осели в спецхране, были преданы забвению и не издавались. А Издательство Наркомпроса вскоре после кончины Н.К. Крупской получило директиву: "Ни одного слова больше не печатать о Крупской"⁵⁰. Под разными предлогами многие произведения, вышедшие из-под пера Надежды Константиновны, стали убирать с библиотечных полок.

В год смерти Н.К. Крупской вышли два сборника статей – один был посвящен оценке ее творческой деятельности, а в другой вошли ее работы по вопросам самообразования. Оба готовились к ее юбилею и стали одними из последних книг той поры, связанных с ее именем.

Сочинения Надежды Константиновны Крупской, в том числе педагогические, стали вновь широко публиковаться лишь после смерти Сталина...

⁴⁹ См.: Ист. арх. 1960. № 2; Коммунист. 1989. № 5. С. 106.

⁵⁰ Полонский М. Ее гневное молчание // Моск. правда. 1989. 26 февр.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда создатели остроумных изречений литературного героя Козьмы Пруtkова в середине XIX в. сочиняли трактат "О введении единомыслия в России", это представлялось забавной курьезной шуткой. Тоталитарный сталинский режим сделал подобную фантасмагорию действительностью. Захватив, по сути обманным способом, власть в стране, Сталин постарался не только развязать невиданный террор, но и путем умело налаженной разветвленной пропаганды, подкупа некоторых социальных групп и опираясь на карательные органы ОГПУ–НКВД–Прокураторы заставить (и увлечь) широкие массы поверить в его демагогическую программу, которая представляла собой эклектическую смесь наукообразной теории и примитивных откровений. Программу построения сталинской модели социализма.

Оценивая общую духовную атмосферу 20–30-х годов, антиисторично сбиваться на крайности: замазывать то время сплошным черным цветом или же, напротив, преподносить его как годы радостной эйфории, энтузиазма, свободного созидания.

Да, было и то и другое. Были поразительные прозрения профессиональных партийных кадров, представителей творческой интеллигенции, но были и всеобщее ослепление, идолопоклонство, краснбайство. Противоречивость и многомерность тех драматических лет бесспорны, какую бы область интеллектуальной сферы общества мы не взяли. Естественно, не следует перебарщивать и весь процесс в политической жизни рассматриваемого времени сводить к описанию злодеяний и коварства Сталина – была выпестованная им система, были окружение разных рангов, соответствующие исторические условия, психологическая обстановка. Данная эпоха, особенно 30-е годы, извратила умы многих. Ведь немало людей, даже интеллигентных, и в наши дни упрямо твердят, что Сталин был с народом, другие предпочитают доказывать, что достаточно, не надо вообще больше писать о нем: теперь, мол, все понятно и известно (хотя это далеко не так). "Даже трагедия собственной жизни, – заметил английский историк Р. Конквист, – ни в чем их не убеждает. Фанатики, впрочем, есть в любой стране"¹.

Анализ фактов тем не менее показывает, что судьбы почти всех без исключения крупных деятелей партии, науки, культуры в той или иной мере зависели от настроения и прихоти "вождя и учителя мирового пролетариата". В этом никто не мог его превзойти из числа властителей всех времен и народов...

¹ См.: Известия. 1990. 18 мая.

Поэтому лишь в совокупности изучения всех факторов можно избежать перекосов. Тоталитарное мышление, которое всеми средствами насаждалось в те годы Сталиным и его системой в интеллектуально-политической среде, подпитывалось мифами о смертельной опасности со стороны враждебных сил, оппозиционных течений, всякого инакомыслия. Как губительная ересь преподносилось народу любое отклонение от официально провозглашенной диктатором доктрины. Систематические заверения Сталина в верности идеалам свободы и демократии служили постоянным и надежным прикрытием деспоту. Он даже предпочитал временами говорить о себе в третьем лице. Так, в год "великой чистки" Иосиф Виссарионович с упоением говорил: "Со своей стороны я хотел бы заверить вас, товарищи, что вы можете смело положиться на товарища Сталина. Можете рассчитывать на то, что товарищ Сталин сумеет выполнить свой долг перед народом, перед рабочим классом, перед крестьянством, перед интеллигенцией"².

Так что общественное сознание тех сложных лет впитало и отражало все перипетии эпохи, оно в значительной мере было predeterminedо известными теперь деформациями, сотрясавшими общество.

Видение суровой правды, острых конфликтов, противоречий и драматического будущего, которое было присуще ряду дальновидных политических деятелей страны, поражает сегодня с особой силой. Среди них – Надежда Константиновна Крупская. Ее с полным правом следует назвать (в числе немногих крупнейших политических деятелей той поры) выразителем критического восприятия жизни, тех перемен в СССР, свидетелем и участником которых она была. Невзирая на опасность физического уничтожения, на оголтелое публичное шельмование и другие унижения, она по существу разделила вместе с народом нелегкую участь, осталась человеком совести.

Почти 20 лет длилось противостояние двух заметных фигур на политической арене: Крупской и Сталина. Как видим, силы были неравными. Однако ушла из жизни Надежда Константиновна несломленной...

² Правда. 1937. 12 дек.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов А. 49
Абрикосов А.И. 241
Аванесов В. 48
Авдеев И. 111
Авилов М. 196
Авторханов А. 230
Агранов Я.С. 215, 216
Адоратский В.В. 174
Аксельрод П.Б. 128, 168
Акулов И.А. 194
Александров (Михельсон) А.С. 90
Аллилуев П.С. 207
Аллилуев С.Я. 207
Аллилуева А.С. 178, 179
Аллилуева Н.С. 21, 22, 125, 206–208
Аллилуева С.И. 6, 206
Андреев А.А. 34, 127, 143, 224, 243
Андреева (Хазан) Д.А. 208
Антипов Н.К. 211
Анциферов Н.П. 209
Арманд Инна 43, 50, 235
Арманд И.Ф. 42, 43, 80
Арсеньев А.М. 6
Артюхина А.В. 189
Архангельский А.Д. 162
Астор, леди 204, 205
Ахматова А.А. 8
- Бабанова М.И. 8
Бадаев А.Е. 170, 242
Бажанов Б. 5, 59, 60, 96, 203
Бакаев М. 100, 111
Бакулев А.Н. 232
Бах А.Н. 162, 163
Бедия Э. 229
Бек А.А. 28
Белади Л. 6
Беленький А.Я. 48
Берия Л.П. 223, 229, 230, 242
Берман Б. 218
Бианки В.В. 209
Блиох 240
Блонский П.П. 142, 218
Бонч-Бруевич В.Д. 47–49
Борджиа Ц. 110, 203
Бритовчек М. 6, 184
Брицке Э.В. 162
Бубнов А.С. 86, 138, 153, 155–157, 189, 213, 218
Буденный С.М. 211
- Булгаков М.А. 8
Булганин Н.А. 243
Буллок А. 6
Буранов Ю. 58
Бусалов А.А. 240, 241
Бухарин Н.И. 4, 8, 9, 12, 13, 19, 21, 22, 26, 34, 39, 40, 49, 53, 54, 56, 58, 70, 76, 78, 82–90, 92, 93, 95–100, 106–108, 110, 115, 116, 120, 134–137, 142–157, 161, 168, 170, 171, 176, 179, 182, 183, 185, 187, 188, 203, 204, 208, 210, 211, 213–215, 227
- Ваксберг Арк. 6, 216
Валентинов Н.В. 5, 15, 18, 44, 45, 80
Васильев П.В. 8, 196
Варейкис И.М. 153
Вернадский В.И. 8
Вихман Э. 156
Власик Н.С. 228
Волгин В.П. 161
Волков Г. 21, 22, 29, 30
Волкогонов Д.А. 6, 34
Володарский В. 179
Володичева М.А. 21–23, 27–30
Вольтер (Мари-Франсуа Аруэ) 8
Воровская Н.В. 57
Ворошилов К.Е. 38, 41, 48, 49, 59, 93, 97, 106, 124, 125, 127, 206, 211–213, 216
Ворошилова Е.Д. 125, 207
Вышинский А.Я. 167, 210, 222, 225, 240
- Гамарник Я.Б. 205
Гапон Г.А. 173, 174, 181
Гарькавый И. 205
Гендлин Л. 225
Герасимов А. 196
Гетье Ф. 52
Гиль С.К. 219
Гляссер М.И. 45, 46
Гойхбарг А.Г. 19
Горбунов Н.П. 45
Горелов И.Е. 106
Горький А.М. 171, 172, 183, 208
Грановский Т.Н. 3, 233
Гронский И.М. 214
Гумберт-Дроз Ж. 6, 59
Гусев С.И. 100, 159
- Давиташвили М. 170
Дан Ф.И. 168

- Деборин А.М. 192
 Девятов С. 233
 Денисьев 221
 Джамбул Джабаев 215
 Джапаридзе У. 196
 Дзержинский Ф.Э. 24, 25, 30, 43, 48, 59, 90, 109, 179
 Дмитриевский С. 5, 15, 16
 Дойчер И. 5, 59, 117, 203
 Дридзо В.С. 6, 32, 33, 159, 160, 204, 215, 220–223, 225, 226, 228, 236–240
 Дридзо М.С. 236
 Дубровинский И.Ф. 169
- Евдокимов Г. 111
 Ежов Н.И. 194, 210–212, 215–222, 225, 229, 230, 242, 244
 Емельянов А.Н. 220
 Емельянов К.Н. 220
 Емельянов Н.А. 220, 221
 Емельянов Н.Н. 220
 Емельянова Н.К. 220, 221
 Енукидзе А.С. 39, 48, 206
 Ефанов В.П. 196, 197
 Ефимов Б.Е. 215
- Жаворонков Г. 213
 Жданов А.А. 4, 167, 192, 194
 Жемчужина-Молотова П.С. 206, 207
 Журавлев В.Н. 218
- Завадовский Б.М. 162
 Засулич В.И. 168
 Збарский Б.И. 50
 Зелинский Н.Д. 161
 Зиновьев Г.Е. 4, 9, 12, 13, 17, 19, 26, 30, 39, 40, 49, 52, 56, 59, 60–62, 66, 67, 73, 75, 76, 78, 82, 83, 86–93, 96–99, 106–109, 111–122, 124, 126–130, 132, 134, 144, 157, 166, 170, 176, 178, 179, 185, 187, 188, 203, 209, 220
 Зомбе Е.Б. 6, 225
- Игнатенко 219
 Инкман 76
 Истмен М. 74–80, 126, 128
- Каган С. 105, 201, 243
 Каганович Л.М. 96, 105, 127, 151, 155, 161, 167, 176, 182, 201, 211–213, 216, 242, 243
 Каганович Мар.М. 208
 Каганович Мих.М. 205
 Какабадзе С. 196
 Калинин М.И. 4, 13, 49, 59, 97, 100, 106, 126, 127, 143
 Калмыкова А.М. 32, 209
- Каменев Л.Б. 4, 5, 9, 10–13, 15–19, 23, 26, 30, 35–39, 49, 52, 56, 58–62, 67, 68, 70, 75, 76, 78, 82, 83, 86, 89–93, 96–99, 104, 106, 107, 111, 112, 114, 119, 120, 127–130, 132, 134, 142–144, 148, 157, 168, 176, 179, 185, 187, 188, 204, 209, 210, 218
 Каминский Г.Н. 8, 205, 212, 229
 Камо (Тер-Петросян) С.А. 10, 215
 Каплан Ф. 10, 234
 Карпинский А.П. 161
 Карпинский В.А. 172, 185
 Карр Е. 6
 Картвелишвили Л. 229
 Каутский К. 171
 Квириг Э.И. 73
 Кедров М.С. 229
 Кеннан Дж. 5
 Керенский А.Ф. 56
 Керженцев П.М. 185
 Киров С.М. 59, 105, 119, 206, 208, 209, 210, 215, 223, 229
 Клемансо Ж. 124, 126
 Книпович Л.М. 169
 Кнорин В.Г. 176
 Коган М.Б. 237, 238, 240
 Кожевников А.М. 54, 55
 Коллонтай А.М. 133, 168, 189
 Кольцов М.Е. 215
 Комаров В.Л. 161, 162
 Кон Ф.Я. 236
 Кондратьев Н.Д. 137, 138
 Конквист 6, 245
 Кононенко В. 217
 Константинов Ф.В. 167
 Кончаловский М.П. 237, 238
 Корнейчук А.Е. 197
 Косарев А.В. 192, 195, 211
 Косиор В.В. 38
 Косиор С.В. 122, 153, 176
 Костякова А. 242
 Коэн С. 6, 86
 Кравченко А.Г. 6, 32, 95, 183, 205, 225, 226
 Красиков П.А. 207, 236
 Красин Л.Б. 10, 38, 43, 48, 62, 215
 Краус Т. 6
 Кржижановская З.П. 32, 236
 Кржижановский Г.М. 4, 32, 165, 236
 Кривицкий В. 6
 Кристи А. 232
 Крупская Е.В. 233
 Крупская Н.К. 2, 3–10, 12–20, 22–24, 26–46, 49, 50, 53–60, 62–76, 78–81, 83, 86–98, 100–102, 104–106, 109–111, 113–117, 120–125, 131–133, 136–141, 146, 148–189, 192–197, 199–206, 208–228, 230–244, 246, 247

- Крупский К.И. 233
 Крыленко Н.В. 74
 Куйбышев В.В. 4, 34, 59, 76, 94, 101, 106, 111, 127
 Куликова И.С. 2, 6
 Куманёв В.А. 2, 6, 19, 237
 Куманёв Г.А. 242
 Курская А.С. 6, 32, 215, 225
 Курский Д.И. 215
 Курунов 100
 Кутателадзе А.К. 196
 Куусинен О.В. 70
- Лайонс Е. 184
 Лакоба Н.А. 229
 Лапин А. 205
 Ларина-Бухарина А.М. 142, 211
 Лафарг Л. 55, 56
 Лафарг П. 55, 56
 Лашевич М.М. 48, 99, 107–109, 111–113
 Левин Л. 207
 Левис Дж. 6
 Левицкий В.А. 44
 Лейпунская 219
 Ленин В.И. 2, 4, 6, 9–30, 32–62, 64–68, 70–75, 77, 79–81, 84, 87, 90, 91, 94–96, 99–101, 103–106, 110, 112–116, 120, 125–130, 139, 145, 146, 148, 149, 151, 153, 157, 162–168, 170–174, 177–189, 192, 194, 196, 197, 199–201, 204, 205, 208, 213–215, 219, 220, 222, 225, 230, 233–235, 239, 240, 242–244, 247
 Леонов Л.М. 209
 Лепешинская О.Б. 165
 Лепешинский П.Н. 165
 Лещенко 173
 Либкнехт В. 185
 Лидзин Г. 111
 Лилина З.И. 209
 Лобова 170
 Лукин Н.М. 185
 Луначарский А.В. 41, 92, 138, 142, 156, 160, 161, 173, 183, 218
 Лысак (Закржевская) Л.В. 233
 Любченко П.П. 205
- Майкелн М. 184
 Макаренко А.С. 218
 МакНил Р. 6, 27, 59
 Максимовский В.Н. 72, 141
 Маленков Г.М. 216, 228, 243
 Малиновский Р.В. 12, 170
 Мандельштам О.Э. 8
 Мануильский Д.З. 77, 78, 149, 211
 Маркс К. 48, 58, 74, 167, 181, 183, 185, 194, 244
 Мартов (Цедербаум) Ю.О. 168, 185
- Махарадзе Ф.И. 38
 Мдивани П. 11, 25, 38
 Медведев Р.А. 6, 90, 206, 220
 Медведев С.П. 119, 170
 Меженинов С.А. 205
 Мейерхольд В.Э. 8
 Мельников Б.Н. 212, 213
 Менделеев М. 212
 Менжинская В.Р. 165, 236
 Менжинский Вяч.Р. 165, 209
 Меркуров С.Д. 196
 Мехлис Л.З. 3, 4, 167, 175
 Мещеряков Н.Л. 32, 165, 236
 Минц И.И. 186
 Микоян А.И. 59, 127, 136, 176, 217
 Микоян Ашхен 208
 Милютин Н.А. 236
 Митин М.Б. 167
 Молотов В.М. 13, 34, 38, 48, 59, 70, 77, 78, 95–97, 106, 108, 115, 116, 118, 119, 124, 127, 141, 156, 161, 170, 194, 206, 211–213, 234, 240
 Морозов П. 217
 Морозова Т.С. 217
 Мрачковский С.В. 209
 Муралов Н.А. 48, 111, 132, 213
 Мэрфи Дж. 184
- Нариманов Н. 48, 215
 Наумов В.П. 23
 Николаев Л. 215
 Николаева К.И. 60, 91, 100, 211
 Николаевский Б.И. 5, 12, 44, 45
 Ногин В.П. 178, 215
 Нуов А. 6
- Ольденбург С.Ф. 49, 137
 Ольминский М.С. 4, 173, 174, 177, 181, 204
 Орахелашвили М.Д. 4, 229
 Орахелашвили Мария 159
 Орджоникидзе Г.К. (Серго) 10, 21, 25, 30, 31, 39–41, 59, 61, 90, 100, 113, 130, 132, 143, 169, 176, 178, 179, 204, 205, 229
 Орджоникидзе З.Г. 208
 Орлов А. 6
 Осинский (Оболенский) В.В. 62, 185
 Очкин А.Д. 237, 238, 240
- Павлов И.П. 8, 162
 Парфенова Н.М. 6, 215
 Паукер К. 206
 Паялин Н.П. 165
 Петерсон Р. 48, 111
 Петровский Г.И. 4, 59, 90, 96, 139, 159, 170, 222

- Пильняк Б.А. 8
 Платонов А.П. 8
 Плетнев Д.Д. 207
 Плеханов Г.В. 168, 177, 180, 183
 Погодин Н.Ф. 197
 Покровская Л. 159
 Покровский М.Н. 142, 159
 Полонский М. 244
 Попов Г.М. 224
 Поскребышев А.Н. 223, 231, 242
 Поспелов П.Н. 175–177, 180, 181, 224, 243
 Постышев П.П. 162, 176, 211
 Постышева Т. 208
 Преображенский Е.А. 43, 69, 185
 Пятаков Г.Л. 62, 111, 114, 116, 132, 157, 175
 Пятницкий В.И. 213
 Пятницкий И.И. 212, 213
 Пятницкий О.А. (И.А.) 4, 8, 211–214

Рабинович А. 184
 Радек К.Б. 9, 92, 132, 176, 187
 Радченко А.И. 32, 41, 57, 101, 139, 140, 222
 Радченко И.И. 140, 165, 222
 Радченко Л.С. 209
 Раковский Х.Г. 38, 62, 127, 132, 210
 Раскольников Ф.Ф. 165
 Рахья Э.А. 165
 Реденс С.Ф. 207
 Рид Дж. 71, 184
 Ромм М.И. 197, 230
 Рудзутак Я.Э. 38, 59, 109, 113, 117, 127, 149
 Руднев П.В. 222
 Руднева Е. 225
 Рыков А.И. 4, 13, 34, 45, 49, 59, 76, 78, 86, 90, 91, 97, 99, 117, 124, 130, 134–136, 142, 143, 145, 146, 148–150, 152–156, 176, 179, 182–184, 187, 188, 203, 210, 211, 213, 214
 Рютин Василий Никитич 209
 Рютин Виссарион Никитич 209
 Рютин М.Н. 4, 8, 206, 207, 214
 Рязанов Д.Б. 43

Самойлович А.Н. 161
 Сапронов Т.В. 132
 Сапсай С. 233
 Сафаров Г.И. 122
 Сванидзе Е. 207
 Свердлов Я.М. 177, 178, 182, 236
 Седова-Троцкая Н.И. 80, 116
 Семашко Н.А. 19
 Сергеев (Артем) Ф.А. 48
 Сергеева А.Д. 196, 214, 218
 Серебряков Л.П. 8
 Серебрякова Г.И. 61, 91, 140, 231
 Серебрякова З.Л. 231, 232
 Скворцов-Степанов И.И. 86, 183, 215
 Скрыпник Н.А. 62, 179, 205
 Смидович П.Г. 215
 Смилга И.Т. 132
 Смирнов А.П. 88
 Смирнов И.Н. 148, 209
 Смородин П.И. 49
 Смушкова М.А. 6, 225
 Соколов В.Н. 240
 Соколов М.С. 208
 Соловьев С. 111
 Сокольников Г.Я. 11, 60–62, 89, 91, 92, 96, 99, 104, 108, 140, 142, 153
 Солсбери Г. 232
 Спасокукоцкий С.И. 240
 Сталин (Джугашвили) И.В. (Коба) 2–7, 9–41, 43–49, 51–55, 58–81, 83, 85–136, 138–140, 142–144, 146–150, 152, 154–157, 161, 166, 167, 169–172, 175–186, 188, 192–194, 196, 197, 200–206, 208, 210–218, 220, 221, 225–227, 229–231, 240, 242, 243, 245–247
 Сталь Л.Н. 187, 188
 Стасова Е.Д. 183, 215
 Стецкий А.И. 167
 Стомоняков Б.М. 205
 Стучка П.И. 215
 Суварин Б. 207
 Сулимов Д.Е. 176, 214
 Суханов Н.Н. 58
 Сырцов С.И. 59

Такер Р. 6, 24, 34, 52, 53, 59, 90, 105, 118, 143, 170
 Тиль К. 206
 Терехов Р. 60
 Товстуха И.П. 167
 Тоидзе И.М. 196
 Толстой А.Н. 225
 Томский М.П. 13, 34, 48, 73, 76, 97, 100, 134, 135, 143, 146–150, 152, 154, 155, 203, 205, 210
 Трайнин И.П. 167
 Троцкий Л.Д. 4, 5, 9, 12–20, 32, 34–36, 38–40, 42–46, 49–53, 56, 59, 61–83, 89, 90, 92, 94, 104, 107–112, 114, 116–122, 124, 126–129, 133, 134, 142, 157, 167–171, 179–181, 185, 186, 188, 202, 203, 208, 209, 214, 247
 Туполев А.Н. 209

Уайтхед Ф. 6
 Угланов Н.А. 72, 135, 142, 143, 146, 153
 Улам А. 6
 Ульянов Д.И. 32, 50, 197, 199, 234–236, 239

Ульянова А.И. 50, 174, 175, 177, 178, 181
Ульянова М.И. 4, 10, 12, 17–19, 23, 27,
28, 30, 32, 35–37, 39, 44, 45, 47, 50,
53–56, 58, 97, 98, 110, 139, 140, 149,
150, 152, 154, 159, 199, 204, 211, 213,
215, 222, 228, 234, 235
Ульянова О.Д. 6, 50, 197, 225, 234, 236,
239
Ульяновская В.А. 6
Уншлихт И.С. 209

Фельштинский Ю.Г. 5, 12, 142–144, 203
Ферсман А.Е. 162
Ферстер О. 14, 16, 40
Филиппов Н.В. 77
Фишер Л. 5, 24, 53, 59
Флеровский И. 179
Фотиева Л.А. 20–23, 35–38, 45, 55
Фрид Л.С. 225
Фрумкин М.И. 136

Ханджян А.Г. 229
Хатаевич М.М. 153
Хинглей Р. 6
Хрущев Н.С. 211, 218, 225

Цеткин К. 49, 165
Цинцивадзе К. 48
Цирюльников А. 218
Цхакая М.Г. (Миха) 172

Чагин П. 105
Чан Кайши 122
Чаплин Ч. 74
Чаянов А.В. 85, 215
Чингисхан 143
Чубарь В.Я. 176
Чугурин И.Д. 219

Чудов М.С. 223
Чхеидзе Н.С. 128

Шабдурасулов 49
Шагинян М. 199–201, 226
Шанцер (Марат) В.Л. 169
Шатуновская Л.Я. 12, 207
Шатуновский Я. 12
Шаумян С.Г. (Степко) 172
Шацкий С.С. 142, 218
Шверник Н.М. 211
Шеболдаев Б. 153
Шегаль Г. 196
Шелестов Д.К. 182
Шепилов Д.Т. 235
Шестернина С.П. 236
Шкирятов М.Ф. 100, 236
Шлассер Р. 184
Шляпников А.Г. 119
Шолохов М.А. 8
Шоу Б. 204
Штейн Б. 233
Штраух М.М. 197

Щукин Б.В. 197
Щуров 240

Эйхе Р.И. 153, 213
Элькина Д.Ю. 6, 225
Энгельс Ф. 20, 167, 181, 185, 194, 244
Эрдэ Д.И. 6
Эссен М.М. 165, 168

Юдин П.Ф. 167

Ягода Г.Г. 51, 143, 156, 209, 210, 215,
230, 232
Яковлев Е. 38
Яковлева Т. 226
Ярославский Е.М. 4, 97, 113, 127, 146,
147, 176

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая. Конфликт Ленина со Сталиным и Крупская	9
Глава вторая. Политический треугольник (Крупская – Троцкий – Сталин)	63
Глава третья. 1925 год: утраченные позиции – завоеванные рубежи	82
Глава четвертая. "Всероссийский мордобой..."	103
Глава пятая. "Великий перелом"?	135
Глава шестая. "Смотреть правде в глаза..."	158
Глава седьмая. "В жизни много настоящего горя..."	202
Глава восьмая. Смерть найдет причину...	224
Послесловие	245
Указатель имен	247

Научное издание

**Кумавёв Виктор Александрович,
Куликова Ирина Селивестровна**

**ПРОТИВОСТОЯНИЕ:
КРУПСКАЯ – СТАЛИН**

Утверждено к печати
Отделением истории РАН

Заведующая редакцией "Наука–История"
Н.Л. Петрова
Редактор издательства Н.Ф. Лейн
Художник В.Ю. Яковлев
Художественный редактор Н.Н. Михайлова
Технический редактор И.Н. Жмуркина
Корректоры Н.П. Круглова, Т.И. Шеповалова

ИБ № 1359
ЛР № 020297 от 27 ноября 1991 г.

Сдано в набор 19.08.94
Подписано к печати 08.11.94
Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 16,0. Усл.кр.-отт. 16,3. Уч.-изд.л. 18,0.
Тираж 3800 экз. Тип. зак 3222.

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9-я линия, 12